

Том 14, Номер 5, 2021  
Vol 14, No 5, 2021

ISSN 2542-0240 (Print)  
ISSN 2584-9324 (Online)  
ogt-journal.com

# КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

---

## OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

*К 30-летию распада СССР*

*The fall of the Soviet Union:  
three decades after*



ТОМ 14 • НОМЕР 5 • 2021

# Контурь глобальных трансформаций:

---

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

---

VOLUME 14 • NUMBER 5 • 2021

# Outlines of Global Transformations:

---

POLITICS • ECONOMICS • LAW

---

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5

# Контуры глобальных трансформаций

## ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

### Редакционная коллегия

---

**Кузнецов А.В.**, главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ  
**Исаков В.Б.**, заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ  
**Лексин В.Н.**, заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ  
**Соловьев А.И.**, заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ  
**Багдасарян В.Э.**, МГУ, Москва, РФ  
**Булатов А.С.**, МГИМО (Университет), Москва, РФ  
**Вершинин А.А.**, МГУ, Москва, РФ  
**Вилисов М.В.**, Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ  
**Володенков С.В.**, МГУ, Москва, РФ  
**Володин А.Г.**, ИМЭМО РАН, Москва, РФ  
**Ефременко Д.В.**, ИНИОН РАН, Москва, РФ  
**Жебит А.**, Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия  
**Звягельская И.Д.**, ИМЭМО РАН, Москва, РФ  
**Качинс Э.**, Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США  
**Конюхова (Умнова) И.А.**, ИНИОН РАН, Москва, РФ  
**Кривопапов А.А.**, ИМЭМО РАН, Москва, РФ  
**Либман А.М.**, Берлинский Свободный университет, Берлин, Германия  
**Лившин А.Я.**, МГУ, Москва, РФ  
**Лиухто К.**, Университет Турку, Турку, Финляндия  
**Лукин А.В.**, МГИМО (Университет), Москва, РФ  
**Мигранян А.А.**, Институт экономики РАН, Москва, РФ  
**Миронюк М.Г.**, НИУ ВШЭ, Москва, РФ  
**Орлов И.Б.**, НИУ ВШЭ, Москва, РФ  
**Пабст А.**, Кентский университет, Кентербери, Великобритания  
**Сибал К.**, бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия  
**Сильвестров С.Н.**, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ  
**Схолте Я.А.**, Гётеборгский университет, Гётеборг, Швеция  
**Телин К.О.**, МГУ, Москва, РФ

### Редакционный совет

---

**Якунин В.И.**, председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ  
**Абрамова И.О.**, Институт Африки РАН, Москва, РФ  
**Гаман-Голутвина О.В.**, МГИМО (Университет), Москва, РФ  
**Гринберг Р.С.**, Институт экономики РАН, Москва, РФ  
**Громыко А.А.**, Институт Европы РАН, Москва, РФ  
**Лисицын-Светланов А.Г.**, юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ  
**Макаров В.Л.**, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ  
**Никонов В.А.**, МГУ, Москва, РФ  
**Порфирьев Б.Н.**, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ  
**Садовничий В.А.**, МГУ, Москва, РФ  
**Торкунов А.В.**, МГИМО (Университет), Москва, РФ

**Учредители:** Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ  
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), Москва, РФ

**Сайт:** <http://www.ogt-journal.com>

© Контуры глобальных трансформаций, 2021

**Периодичность:** 6 раз в год  
Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5

# Содержание

## Особенности современного экономического развития

**ГОЛОВНИН М.Ю., ГРИНБЕРГ Р.С.** Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени ..... 6–29

**КАЛОТАЙ К., СУЛСТАНОВА А.** Прямые иностранные инвестиции на постсоветском пространстве спустя три десятилетия после распада СССР .. 30–60

## Политические процессы в меняющемся мире

**СОЛОВЬЕВ А.И.** «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ ..... 61–80

**АВДОНИН В.С.** Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти ..... 81–99

## Российский опыт

**СМИРНОВ С.Н.** Экономические реформы: субъективное восприятие vs статистические данные ..... 100–118

**МИРКИН Я.М.** Финансовый сектор России: 30 лет высокой волатильности внутри глобальных финансов ..... 119–142

## Постсоветское пространство

**ВАВИЛОВ А.Н.** О политических аспектах развития системы государственного и муниципального управления на Украине ..... 143–161

**АВАТКОВ В.А.** Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет ..... 162–176

**МАМЕДОВ И.Б.** Каспийский вектор транспортно-логистической политики ЕАЭС ..... 177–192

## Сфера науки и высшего образования

**КРИВОПАЛОВ А.А.** RAND смотрит на Москву: военно-стратегические возможности России на постсоветском пространстве в оценках американских экспертов ..... 193–211

## В рамках дискуссии

**ВИЛИСОВ М.В., БАТОВРИНА Е.В., МИХАЙЛОВА О.В.** Образ России в сознании молодежи постсоветских стран: опыт социологической оценки . 212–230

**ЯДОВА М.А.** «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР ..... 231–246

## Точка зрения

**ДЕ ГУРДОН К.К.** Тридцать лет без СССР ..... 247–257

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5

# Outlines of Global Transformations

## POLITICS • ECONOMICS • LAW

**Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo**

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

### Editorial Board

**Alexey V. Kuznetsov** – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Vladimir B. Isakov** – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation  
**Vladimir N. Leksin** – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Alexander I. Solovyev** – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Vardan E. Bagdasaryan**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Alexander S. Bulatov**, MGIMO University, Moscow, Russian Federation  
**Dmitry V. Efremenko**, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Aleksey A. Krivopalov**, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Andrew C. Kuchins**, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA  
**Alexander M. Libman**, The Free University of Berlin, Berlin, Germany  
**Alexander Ya. Livshin**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Kari Liuhto**, University of Turku, Turku, Finland  
**Alexander V. Lukin**, MGIMO University, Moscow, Russian Federation  
**Aza A. Migranyan**, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Michail G. Mironyuk**, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation  
**Igor B. Orlov**, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation  
**Adrian Pabst**, University of Kent, Canterbury, Great Britain  
**Jan A. Scholte**, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden  
**Kanwal Sibal**, Former Foreign Secretary of India, New Delhi, India  
**Sergey N. Silvestrov**, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation  
**Kirill O. Telin**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Irina A. Umnova-Konyukhova**, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Alexander A. Vershinin**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Maksim V. Vilisov**, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation  
**Sergey V. Volodenkov**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Andrey G. Volodin**, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Alexander Zhebit**, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil  
**Irina D. Zvyagel'skaya**, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

### Editorial Council

**Vladimir I. Yakunin** – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Irina O. Abramova**, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Oksana V. Gaman-Golutvina**, MGIMO University, Moscow, Russian Federation  
**Ruslan S. Grinberg**, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Alexey A. Gromyko**, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov**, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation  
**Valeriy L. Makarov**, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Viacheslav A. Nikonov**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Boris N. Porfiryev**, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation  
**Viktor A. Sadovnichiy**, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation  
**Anatoly V. Turkunov**, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

**Founders:** Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation  
 Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

**Web-site:** <http://www.ogt-journal.com>  
**Frequency:** 6 per year

**Circulation:** 1000 copies  
 Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5

# Contents

## Specifics of Modern Economic Development

- GOLOVNNIN M.Yu., GRINBERG R.S.** Outcomes of 30 Years of Economic Transformation in the Post-Soviet Space: Light and Shadows ..... 6–29
- KALOTAY K., SULSTAROVA A.** FDI in the Post-Soviet Space Three Decades after the Disintegration of the Soviet Union ..... 30–60

## Political Processes in the Changing World

- SOLOVIEV A.I.** “Evidence-based Policy” and “Policy of Evidence”: The Dilemma of Post-Soviet Societies ..... 61–80
- AVDONIN V.S.** Transformation of the “Soviet Ideology” in the Discursive Practices of the Russian Government ..... 81–99

## Russian Experience

- SMIRNOV S.N.** Social Consequences of Economic Reforms: Subjective Perception vs Statistical Data ..... 100–118
- MIRKIN Ya.M.** Financial Sector of Russia: 30 Years of High Volatility Inside Global Finance ..... 119–142

## The Post-Soviet Space

- VAVILOV A.N.** On the Political Aspects of Development of the System of State and Municipal Management in Ukraine ..... 143–161
- AVATKOV V.A.** The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years ... 162–176
- MAMEDOV I.B.** Caspian Vector of the EAEU Transport and Logistics Policy . 177–192

## Science and Higher Education

- KRIVOPALOV A.A.** RAND Looks at Moscow: Russia’s Strategic Capabilities and the Post-Soviet Space in the Assessments of American Experts ..... 193–211

## Under Discussion

- VILISOV M.V., BATOVRINA E.V., MIKHAYLOVA O.V.** The Perception of Russia by Young People in Post-Soviet Countries: the Experience of Sociological Assessment ..... 212–230
- YADOVA M.A.** “Nostalgia Not for the Past but Nostalgia for the Present”: Post-Soviet Youth on USSR’s Collapse ..... 231–246

## Point of View

- DE GOURDON C.C.** Thirty Years from the End of the USSR ..... 247–257

**Особенности современного экономического развития**

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1

# Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени

**Михаил Юрьевич ГОЛОВНИН**

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора  
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва,  
Российская Федерация  
E-mail: mg-inecon@mail.ru  
ORCID: 0000-0001-6687-0744

**Руслан Семенович ГРИНБЕРГ**

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,  
научный руководитель  
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт  
экономики РАН, 117218, Нахимовский проспект, д. 32, Москва,  
Российская Федерация  
E-mail: grinberg@inecon.ru  
ORCID: 0000-0003-3616-1888

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Головнин М.Ю., Гринберг Р.С. (2021). Итоги 30 лет экономической трансформации на постсоветском пространстве: свет и тени // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 5. С. 6–29.  
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1

Статья поступила в редакцию 03.08.2021.

**АННОТАЦИЯ.** В статье дается сравнительная оценка социально-экономических результатов развития 12 постсоветских стран (за исключением стран Балтии) в период с 1992 по 2019 г. На основании анализа динамики реального ВВП и ВВП на душу населения делается вывод о том, что наиболее успешными оказались отдельные страны Центральной Азии (Туркменистан, Казахстан) и Армения. Отмечается, что по уровню экономического развития значительной конвергенции с российскими показателями удалось до-

стичь Казахстану и Белоруссии. Успешная экономическая динамика была обусловлена активной ролью государства, применением регулирования валютного курса и достижением относительно высокой нормы накопления на отдельных этапах экономического развития. В целом преодолена проблема высокой инфляции, которая была актуальной в 1990-е годы. Сохраняются социальные проблемы бедности и неравенства в отдельных странах, высокая зависимость от внешних факторов экономической динамики, нестабильность ва-

*лютной сферы и примитивизация экономики. Подчеркивается, что факторы экономического роста, действовавшие в постсоветских странах на протяжении рассматриваемого периода, подходят к исчерпанию, что требует поиска новой экономической модели.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** *экономики постсоветских стран, реальный ВВП, ВВП на душу населения, экономическая политика, норма накопления, социальные проблемы, примитивизация экономики.*

В 2021 г. исполняется 30 лет с момента распада СССР. Эта дата является хорошим поводом для того, чтобы подвести итоги экономического развития государств, образовавшихся из республик бывшего СССР. Изначально вновь возникшие государства выбрали разные стратегии экономической трансформации. Страны Балтии пошли по пути интеграции в Европейский союз и завершили его вступлением в это объединение в 2003 г., поэтому их вряд ли можно сопоставлять с другими бывшими республиками СССР. Соответственно, мы сосредоточим дальнейший анализ на 12 странах, которые часто в литературе называются странами СНГ<sup>1</sup>, но мы для большей точности будем использовать понятие «постсоветские страны», отдавая себе отчет в том, что оно содержит скорее негативное, чем позитивное определение.

В рамках данной статьи нас будут интересовать общие макроэкономические итоги прошедших 30 лет эконо-

мической трансформации стран региона; их сравнительный анализ; определение факторов, стоящих за различиями в экономической динамике, включая экономические модели и проводимую экономическую политику; существующие к настоящему времени достижения и сохраняющиеся проблемы.

## Макроэкономическая динамика в процессе трансформации

С точки зрения оценки и сопоставления результатов экономической трансформации мы будем опираться в первую очередь на основные макроэкономические показатели – динамику реального ВВП, а также ВВП на душу населения (по текущим валютным курсам и паритету покупательной способности валют – ППСВ) (см. табл. 1).

В качестве основы для классификации стран по результатам экономической динамики за последние 30 лет мы будем все же использовать наиболее принятый в научной литературе показатель – динамику реального ВВП. На его основе можно выделить несколько групп стран.

1. Страны, опережавшие среднемировую динамику за рассматриваемый период<sup>2</sup>: Туркменистан, Узбекистан<sup>3</sup> и Армения. К ним очень близко примыкает Казахстан, занявший также второе место по показателю роста ВВП на душу населения, измеренному по текущим валютным курсам.

1 11 государств ратифицировали Соглашение о создании СНГ, а Грузия в декабре 1993 г. присоединилась к Уставу СНГ, но вышла из состава Содружества в 2009 г., Туркменистан с 2005 г. является ассоциированным членом-наблюдателем, а Украина фактически не участвует в работе СНГ.

2 Темп роста мирового ВВП составил 268,6%.

3 Здесь и далее следует подчеркнуть, что существуют проблемы, связанные с оценкой статистических данных, предоставляемых Туркменистаном и Узбекистаном, а также, отчасти Белоруссией. Тем не менее в работе В.В. Попова продемонстрированы достигнутые Узбекистаном успехи на пути трансформации, несмотря на скептические оценки качества статистических данных [Голов, 2014].

**Таблица 1.** Рост ВВП в странах постсоветского пространства  
**Table 1.** GDP growth in post-Soviet countries

	Рост реального ВВП 2019 г. к 1991 г., %	Ранг	Рост ВВП на душу населения в долл. США по текущим валютным курсам 2019 г. к 1992 г., %	Ранг	Рост ВВП на душу населения в долл. США по ППСВ 2019 г. к 1992 г., %	Ранг
Армения	315,5	3	14701,9	1	538,8	1
Азербайджан	187,9	7	3009,1	4	313,9	4
Белоруссия	201,0	5	542,7	11	260,0	7
Грузия	130,2	10	-	-	484,0	2
Казахстан	247,7	4	5781,6	2	262,5	5
Киргизия	165,4	8	636,4	10	155,6	10
Молдова	99,1	11	1537,0	7	155,0	11
Россия	131,3	9	1862,5	5	172,7	9
Таджикистан	197,4	6	1660,0	6	189,2	8
Туркменистан	582,4	1	3229,7	3	468,2	3
Украина	71,6	12	861,9	8	115,2	12
Узбекистан	346,8	2	850,2	9	262,3	6

Источник: рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

- Страны, которые более чем в 1,5 раза увеличили свой реальный ВВП по сравнению с 1991 г. (Белоруссия, Таджикистан, Азербайджан, Киргизия).
- Россия и Грузия, которые превысили уровень реального ВВП 1991 г., но их экономики росли крайней низкими темпами (около 1% в год).
- Наконец, Молдова и Украина до сих пор не достигли уровня реального ВВП 1991 г., хотя Молдова в 2019 г. к нему вплотную приблизилась.

При этом динамика населения продемонстрировала различные тренды (см. табл. 2), исходя из которых страны можно достаточно явно разделить на две группы: увеличившие за рассматриваемые 30 лет свое население (Тад-

жикистан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Азербайджан, Казахстан) и столкнувшиеся с убылью населения (Грузия, Армения, Украина, Молдова, в несколько меньшей степени – Белоруссия и Россия). Следует также отметить, что страны, население которых сокращалось в наибольшей степени, сталкиваются и с проблемой значительной эмиграции. В силу высоких темпов роста населения относительно хуже выглядят показатели динамики подушевого ВВП (по сравнению с динамикой реального ВВП) для Узбекистана и Киргизии и, наоборот, Армения и Грузия по динамике подушевого ВВП занимают более высокие позиции, чем по динамике реального ВВП.

Сравнительная динамика экономик стран СНГ во многом определялась их различными трендами в разные периоды развития, среди которых тем не ме-

**Таблица 2.** Прирост населения в постсоветских странах  
**Table 2.** Population growth in post-Soviet countries

	2020 г. к 1991 г., %
Армения	-15,5
Азербайджан	39,0
Белоруссия	-7,8
Грузия	-23,2
Казахстан	14,0
Киргизия	47,7
Молдова	-12,0
Россия	-2,9
Таджикистан	76,6
Туркменистан	59,2
Украина	-15,1
Узбекистан	63,4

**Источник:** The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL>, дата обращения 27.09.2021.

нее можно выделить относительно общие для региона в целом.

1. Трансформационный кризис 1990-х годов, на который наложились разрушительные последствия от распада единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР. В этот период сложилось (а, точнее говоря, с учетом последних лет существования СССР продолжилось) значительное отставание стран региона от мировой экономической динамики (см. табл. 3). Наиболее существенно за этот период упал реальный ВВП в Азербайджане, Молдове, на Украине, в Таджикистане и Грузии.
2. Период 2000–2008 гг., безусловно, был наиболее удачным с позиций экономического роста для стран региона, экономики всех стран росли с темпом выше среднемирового. Однако в значительной мере

это был восстановительный рост после разрушительного трансформационного кризиса 1990-х годов. Кроме того, в этот период (особенно в 2003–2008 гг.) складывалась исключительно благоприятная конъюнктура на мировых товарных и (до 2007 г.) финансовых рынках (см. рис. 1).

По окончании данного периода страны региона столкнулись с воздействием мирового экономического и финансового кризиса<sup>4</sup>. Наиболее разрушительным воздействие кризиса оказалось для экономик Армении и Украины, серьезно пострадали также Россия, Молдова и Грузия. Между тем Туркменистан, Узбекистан и Азербайджан продолжали демонстрировать высокие темпы экономического роста. Подобная динамика объяснялась во многом мощной поддержкой экономики со стороны государства.

4 Для Казахстана это произошло несколько раньше, в 2007 г., так как он был на тот момент в наибольшей степени вовлечен в международную финансовую систему среди постсоветских стран.

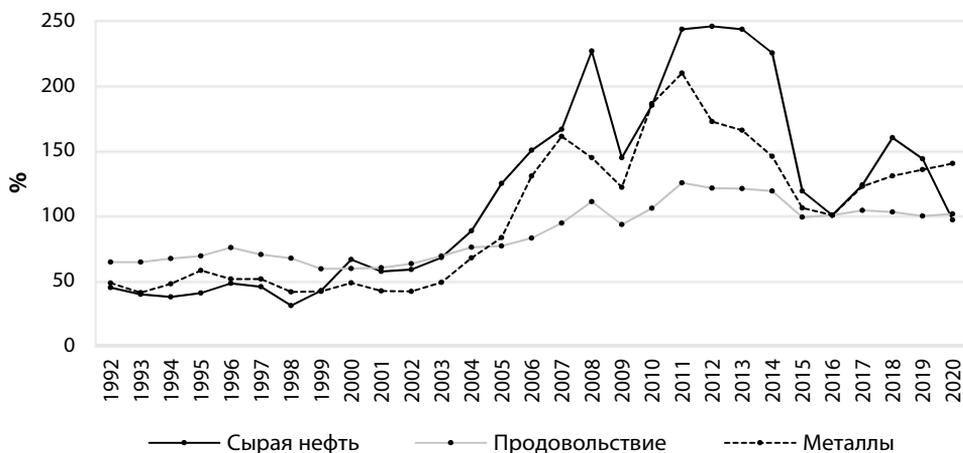
**Таблица 3.** Среднегодовые темпы экономического роста в различные периоды экономического развития постсоветских стран и мира в целом (в %)

**Table 3.** Average annual rates of economic growth in various periods of economic development of post-Soviet countries and the world as a whole (in %)

Страна	1992–1999 гг.	2000–2008 гг.	2009 г.	2010–2019 гг.	2020 г.*
Армения	-1,3	11,4	-14,2	4,4	-7,6
Азербайджан	-10,5	15,0	9,3	1,7	-4,3
Белоруссия	-2,1	8,0	0,1	1,8	-0,9
Грузия	-9,2	6,9	-3,8	4,8	-6,1
Казахстан	-4,2	9,4	1,2	4,4	-2,6
Киргизия	-4,3	4,8	2,9	4,1	-8,0
Молдова	-10,5	5,9	-6,0	4,3	-7,5
Россия	-5,4	6,9	-7,8	1,9	-3,1
Таджикистан	-9,3	8,6	3,9	7,0	4,5
Туркменистан	-4,8	15,1	6,1	8,7	0,8
Украина	-9,6	6,9	-14,8	0,4	-4,2
Узбекистан	-0,6	6,3	8,1	6,9	1,6
Мир в целом	3,1	4,3	-0,1	3,7	-3,3

**Источник:** рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

\* Оценочные данные для всех стран, кроме Казахстана и России.



**Рис. 1.** Индекс мировых цен на сырую нефть, металлы и продовольствие (2016 = 100 %)

**Figure 1.** World crude oil, metals and food price index (2016 = 100%)

**Источник:** World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

3. Следующий период (2010–2019) охватил временной промежуток между двумя мировыми экономическими кризисами. В это время в большинстве стран региона (за исключением Узбекистана) произошло снижение среднегодовых темпов экономического роста по сравнению с предыдущим периодом (2000–2008). Следует отметить, что внутри этого периода произошли локальные экономические кризисы на Украине и в России, на которые повлиял и взаимный разрыв хозяйственных связей, а также помимо России от падения цен на мировом рынке нефти с середины 2014 г. по начало 2016 г. пострадали и другие страны – экспортеры энергоносителей, в частности, Азербайджан столкнулся в 2016 г. с экономическим спадом. Российский кризис оказал негативное влияние на экономику Белоруссии, реальный ВВП которой за 2015–2016 гг. снизился на 6,3%. Тем не менее в большинстве стран (8 из 12) среднегодовые темпы экономического роста в 2010–2019 гг. превышали среднемировые показатели, причем в Туркменистане и Узбекистане – существенно.

В 2020 г. наступил новый мировой экономический кризис, связанный с распространением пандемии *COVID-19*, который нанес мировой экономике еще больший урон, чем кризис 2007–2009 гг. По предварительным оценкам, с положительными темпами экономического роста закончили год только Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан, которые не вводили жесткие социаль-

ные ограничения. Наиболее пострадавшими в регионе оказались малые экономики, зависимые от трансфертов мигрантов и имеющие значительный сектор услуг (Киргизия, Армения, Молдова, Грузия). При этом крупнейшая экономика региона – российская – прошла кризис 2020 г. существенно лучше, чем предыдущий мировой кризис, и продемонстрировала экономическую динамику, близкую к среднемировой.

### Возможные объяснения расхождений в экономической динамике постсоветских стран

Следует отметить, что во многом оценки результатов трансформации зависят от того, какой год выбрать исходной точкой для анализа. Мы сделали выбор в пользу 1991 г. – последнего года существования СССР (там, где это возможно в силу наличия данных). Однако, как отмечено [Фридман, Алиев, 2014, с. 186–187], экономические проблемы в СССР уже имели место начиная с 1989 г. Согласно данным, приведенным в этой статье, практически все республики СССР испытали в 1990–1991 гг. экономический спад. Масштабы этого спада были максимальными в закавказских республиках (Армения – 21,1%<sup>5</sup>, Азербайджан – 22,6%, Грузия – 43,1%<sup>6</sup>) и минимальными в Туркменистане (-1,3%) и Узбекистане (-2,1%), тогда как в Киргизии даже имел место экономический рост (1,1%)<sup>7</sup>. Таким образом, относительно высокая экономическая динамика как реального ВВП (Армения), так и ВВП на душу населения по ППСВ (Армения, Грузия) может

5 Здесь и далее по тексту – кумулятивные темпы прироста ВВП за 1990–1991 гг.

6 Л.А. Фридман и Т.М. Алиев объясняют аномально высокие темпы спада в Грузии в 1990–1991 гг. наличием значительной «теневой экономики».

7 Следует отметить, что в работе [Фридман, Алиев, 2014] содержатся данные за 1990–1991 гг. только по шести бывшим республикам СССР (без Балтии, Белоруссии, Украины и Молдовы).

объясняться в странах Южного Кавказа эффектом низкой базы<sup>8</sup>.

Страны реализовывали различные модели экономической трансформации. Если на начальном этапе перехода ряд стран (в частности, Россия, Армения, Грузия, Киргизия) сделали выбор в пользу либеральной модели экономических реформ с ограниченной регулирующей ролью государства, то в других странах (Белоруссия, Узбекистан, Туркменистан) применялся градуалистский подход с более значительной ролью государства [Тураева, Вардомский, 2020, с. 104]. При этом страны из второй группы в целом более успешно преодолели трансформационный кризис 1990-х годов. В дальнейшем модели экономической трансформации менялись. Так, например, в начале 2000-х годов Россия и Казахстан усилили роль государства в экономике. Следует отметить, что тенденция усиления роли государства в постсоветских экономиках в целом соответствует современному тренду в мировой экономике [Transition Report, 2020].

Страны также использовали разные режимы экономической политики: масштабы перераспределения средств через государственный бюджет, режимы денежно-кредитной политики и валютного курса.

Если использовать в качестве индикатора бюджетно-налоговой политики объем государственных расходов по отношению к ВВП, то на первый взгляд складывается достаточно неожиданная картина. Наибольшим уровнем государственных расходов в среднем за 2005–2019 гг.<sup>9</sup> характеризовались Украина (44,9% ВВП) и Белоруссия (43,5% ВВП), наименьшим – Туркменистан

(15,1), Казахстан (22), Армения (24,2) и Узбекистан (26,6% ВВП). Однако очевидно, что в случае с центральноазиатскими странами степень государственного вмешательства в экономику существенно больше, чем это демонстрирует данный индикатор. Следует подчеркнуть при этом, что большинство постсоветских стран стремится проводить достаточно осторожную бюджетно-налоговую политику, поскольку на протяжении прошедших 30 лет они неоднократно сталкивались с долговыми кризисами. Благоприятная ценовая конъюнктура позволяла странам – экспортерам энергоносителей поддерживать в 2000-е годы в течение относительно длительного периода времени положительное сальдо государственного бюджета, хотя после 2014 г., как отмечалось, внешние условия изменились. Тем не менее к 2019 г. в большинстве стран ситуация с государственным долгом была далека от критической. Лишь в Киргизии его уровень превышал 50% от ВВП (54,1%), приближался к этой отметке в Армении (49,9%) и на Украине (48,8%). При этом следует отметить, что Украине только в 2019 г. удалось существенно снизить уровень государственного долга относительно критических значений, наблюдавшихся в 2014–2018 гг. и превышавших 60% ВВП. В ответ на мировой экономический кризис 2020 г. практически все постсоветские страны (кроме Туркменистана) существенно увеличили дефицит государственного бюджета, что может в перспективе ухудшить ситуацию с государственным долгом в Киргизии, Грузии, Армении и на Украине (по предварительным оценкам, в этих странах в 2020 г. он превысил рубеж в 60% ВВП<sup>10</sup>).

8 Относительно Армении подобный вывод делается и в работе [Глинкина, 2017, с. 20].

9 За этот период имеются данные по всем рассматриваемым странам.

10 Анализ построен на основе данных из World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

Большинство стран региона характеризовалось «страхом свободного плавания» [25 Years of Transition, 2014, p. 17], что заставляло их использовать явное или неявное регулирование валютного курса. По состоянию на 2020 г. многие страны региона использовали режимы относительно жесткой привязки: условную привязку (Туркменистан) и стабилизационное соглашение (Армения, Азербайджан, Киргизия и Таджикистан); Казахстан и Узбекистан применяли режим, схожий с ползучей привязкой. Формально плавающий валютный курс имел место в Белоруссии, Грузии, Молдове и Украине. Только Россия относилась к числу стран со свободно плавающим валютным курсом<sup>11</sup> [Annual Report. Appendices, 2020, pp. 14–16]. При этом в 2010 г. только две постсоветские страны (Армения и Молдова) применяли режим управляемого плавания, а остальные – те или иные формы таргетирования валютного курса [Annual Report. Appendix II, 2010].

В большинстве стран региона (6 из 12) действует режим инфляционного таргетирования, однако, как мы отметили, при этом значительное внимание уделяется регулированию валютного курса. Четыре страны (Азербайджан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) относятся к категории «прочих» режимов денежно-кредитной политики, при этом фактически таргетируя валютный курс [Annual Report. Appendices, 2020, pp. 14–16]. Следует подчеркнуть, что ряд стран (Белоруссия, Узбекистан, Туркменистан) длительное время широко использовали и отчасти продолжают использовать практику валютных ограничений. С одной стороны, это позволяет им проводить более гибкую денежно-кредитную полити-

ку при одновременном регулировании валютного курса, с другой – приводит к накоплению дисбалансов в денежно-кредитной и валютной сфере. В то же время масштабная либерализация валютного регулирования, проведенная в ряде стран, может способствовать значительным колебаниям валютного курса (как это было, например, в 2014–2016 гг. в России). В ответ на кризисные явления в валютной сфере в 2014–2015 гг. (см. ниже) широкий набор валютных ограничений как по текущим, так и по капитальным операциям ввела Украина [Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions, 2014, pp. 28, 29, 41; Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions, 2015, pp. 33, 51].

В период 2010–2019 гг. можно отметить, что наиболее высокими темпами экономического роста характеризуются страны, использующие достаточно жесткое регулирование валютного курса (Туркменистан, Таджикистан, Узбекистан).

Одно из возможных объяснений ускорения экономического роста в 2000-х годах – увеличение нормы накопления. Так, в работе [Salhi, Kern, Rößler, 2010] указывается, что после использования недозагруженных производственных мощностей во время восстановительного роста страны СНГ могли совершить новое ускорение экономической динамики только в связи с увеличением нормы накопления. Исходя из сопоставления статистики темпов экономического роста и нормы накопления по странам региона, мы видим, что высокие темпы экономического роста действительно зачастую достигались при значительном повышении нормы накопления (например, в случае Азербайджана в 1997–1998 гг. и 2002–2005 гг.,

11 На практике валютный курс в России регулируется в рамках «бюджетного правила», хотя это регулирование осуществляется не Центральным банком, а Министерством финансов [Головнин, 2018].

Белоруссии – в 2004–2011 гг. за исключением 2009 г., Грузии – в 2003–2007 гг., Казахстана – в 2001–2007 гг., Киргизии – в 2013–2017 гг., Молдовы – в 2003–2008 гг., Узбекистана – в 2005–2011 гг. и 2018–2019 гг.). В основном примеры подобного ускорения экономического роста приходились на период 2000–2008 гг. В то же время ускорение экономической динамики, например в России и Украине, происходило без существенного увеличения нормы накопления, а в Армении рост нормы накопления имел место уже после ускорения экономического роста (в 2005–2009 гг.).

При этом, если мы попытаемся обнаружить взаимосвязь между экономическим ростом и нормой накопления между странами на интервале, характеризующемся в целом положительными темпами экономического роста (2000–2019), выясним, что она практически не прослеживается<sup>12</sup> (см. рис. 2).

Естественным образом возникает вопрос об источниках инвестиций в странах региона. Если говорить о внутренних источниках средств для инвестиций, то на протяжении 1990-х годов практически во всех рассматриваемых странах происходило снижение нормы сбережения (учитывая, что в последние годы существования СССР она была завышена в результате наличия феномена «вынужденных сбережений»). В 1990-е годы только России среди стран региона удавалось сохранять положительную разницу между нормой сбережения и нормой накопления, в 2000-е годы, во многом благодаря благоприятной ценовой конъюнктуре на мировых товарных рынках Азербайджан и Уз-

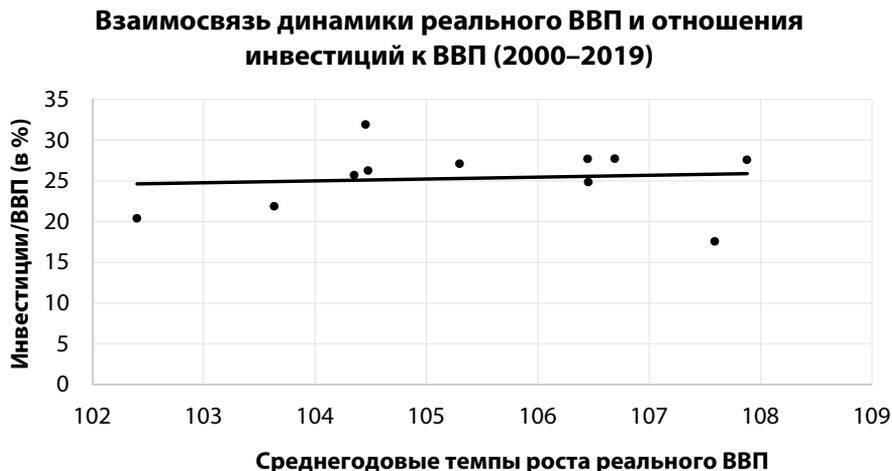
бекистан также достигли положительной разницы, и на относительно короткий период (1999–2005) это удалось сделать Украине. Сама положительная разница между нормой сбережения и нормой накопления не является самоцелью, она может стать источником наращивания инвестиций в перспективе. Так, например, Украина нарастила норму накопления в 2005–2008 гг., но не смогла ее поддерживать на этом высоком уровне после глобального экономического и финансового кризиса. Узбекистан, также начав увеличивать норму накопления в 2004 г., смог достигнуть уровня в 30–31% ВВП и удерживаться на нем до 2011 г., а после снижения нормы накопления в 2012–2016 гг. вновь повысить ее уже до уровня свыше 40% в 2018–2019 гг.

Устойчивым внешним источником инвестиций могут служить прямые иностранные инвестиции. Однако масштабный чистый приток прямых иностранных инвестиций среди стран региона имел место только в Азербайджане в 2001–2007 гг.<sup>13</sup> и был связан с вложениями в разработку новых месторождений энергоносителей и строительство трубопроводов; относительно существенный приток наблюдался в 2006–2008 гг. в Грузии (в связи с проводившимися в стране реформами и вложениями в инфраструктуру), в отдельные годы – в Казахстане в связи с разработкой нефтяных месторождений и в 2007–2008 гг. – в Молдове<sup>14</sup>. В целом можно констатировать, что странам региона не удалось привлечь значительного объема прямых иностранных инвестиций для стимулирования экономического роста.

12 Подобный вывод был получен и в работе [Головнин, Ушкалова, 2014, с. 204].

13 На пике в 2003–2004 гг. чистый приток прямых иностранных инвестиций составлял 54–55% ВВП и на протяжении всего указанного периода был не менее 10% ВВП в год.

14 Анализ проведен на основе данных Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS>, дата обращения 27.09.2021.



**Рис. 2.** Взаимосвязь между динамикой реального ВВП и соотношением инвестиций к ВВП (2000–2019)

**Figure 2.** The relationship between the dynamics of real GDP and the ratio of investment to GDP (2000–2019)

**Источник:** рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

Важным источником экономического роста на определенных этапах может стать внешнеторговая экспансия. Однако следует отметить, что на протяжении большей части трансформационного периода большинство постсоветских стран были чистыми импортерами товаров и услуг. Значимое исключение – Россия, в которой чистый экспорт был положительным на всем рассматриваемом периоде. На протяжении значительного периода чистый экспорт был положительным и в других странах – экспортерах энергоносителей. Вместе с тем с точки зрения значимости внешней торговли для экономики страны (отношения внешнеторгового оборота к ВВП) лидерами выступали Белоруссия, Молдова, Таджикистан и Киргизия<sup>15</sup>.

Как мы уже отмечали, роль прямых иностранных инвестиций в большинстве постсоветских стран была ограниченной. Тем не менее они привлекали и долговое финансирование на государственном и частном уровне, что приводило на отдельных этапах к существенному росту внешней задолженности. В среднем наиболее высоким уровень внешней задолженности (по отношению к ВВП) был в 2000–2019 гг. в Киргизии и Казахстане (выше 90%), несколько меньшим – на Украине, в Молдове и Грузии (70–80%), в наименьшей степени зависели от внешней задолженности страны – экспортеры энергоносителей (Туркменистан, Азербайджан, Узбекистан). В 2000–2007 гг. наблюдалась общая тенденция снижения бремени внешнего долга, тогда как во

<sup>15</sup> Для анализа использовались данные Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS> и <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

время кризисов и периодов обесценения национальной валюты (2008–2009, 2015–2016) эта нагрузка возрастала. При этом показательно, что второй пик нагрузки в большинстве стран превышает первый<sup>16</sup>, что увеличивает общие риски внешней задолженности.

Многие исследователи (см., например: [Iradian, 2007, p. 5; Фридман, Алиев, 2014]) подразделяют страны региона на несколько групп: 1) страны – экспортеры энергоносителей (Россия, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и отчасти Узбекистан); 2) страны, существенно зависящие от трансфертов мигрантов (Таджикистан, Киргизия, Армения, Молдова, Грузия); 3) отдельно выделяются Белоруссия и Украина, которые не относятся ни к первой, ни ко второй категории<sup>17</sup>.

1. Следует отметить, что в целом страны – экспортеры энергоносителей (за исключением России) демонстрируют относительно благоприятную экономическую динамику (см. табл. 1 и 3). Во многом она была обеспечена растущими и высокими ценами на нефть в период 2000–2013 гг. (за исключением периода воздействия на них глобального экономического и финансового кризиса в 2008–2009 гг.). Однако после 2014 г. динамика цен на нефть стала нестабильной, и они уже не возвращаются на предшествующий уровень. В результате существенно замедлились экономики России и Азербайджана и отчасти Казахстана (см. табл. 3).
2. Среди стран, зависящих от денежных поступлений мигрантов, раз-

личается сама степень этой зависимости. К числу наиболее зависимых относятся Киргизия и Таджикистан, где отношение поступающих в страну переводов мигрантов к ВВП находится на уровне около 27–28%, в Армении, Грузии и Молдове значение данного показателя в 2020 г. варьировало от 10 до 16%. При этом следует отметить, что степень зависимости от переводов мигрантов практически во всех странах, относящихся к этой группе, снижается, за исключением Грузии (см. рис. 3).

Отдельно следует затронуть вопрос влияния со стороны внешних игроков на экономическое развитие стран региона. В начале 1990-х годов постсоветские страны вошли в систему международных финансовых организаций (в том числе в Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития), по линии которых получали кредиты для содействия экономической трансформации и преодоления кризисных явлений в экономике. Вместе с тем обусловленность программ помощи (прежде всего, со стороны МВФ) вызвала объективную озабоченность стран региона. Как следствие, сформировались две группы стран: одни получали кредиты МВФ в 1990-е годы, но затем практически свернули сотрудничество с фондом по этому направлению (Азербайджан, Казахстан, Россия<sup>18</sup>), другие продолжали активное сотрудничество с МВФ вплоть до последнего кризиса 2020 г. (Украина, Таджикистан,

16 Для анализа использовались данные Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/indicator/DT.DOD.DECT.GN.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

17 Л.Б. Вардомский дает несколько иную классификацию: аграрно-сырьевые страны (Армения, Грузия, Молдова, Киргизия и Таджикистан), моносырьевые (Азербайджан и Туркменистан), полисырьевые (Казахстан и Узбекистан) и промышленно-транзитные (Белоруссия и Украина) [Вардомский, 2015, с. 92–93].

18 Туркменистан не получал кредитов МВФ.

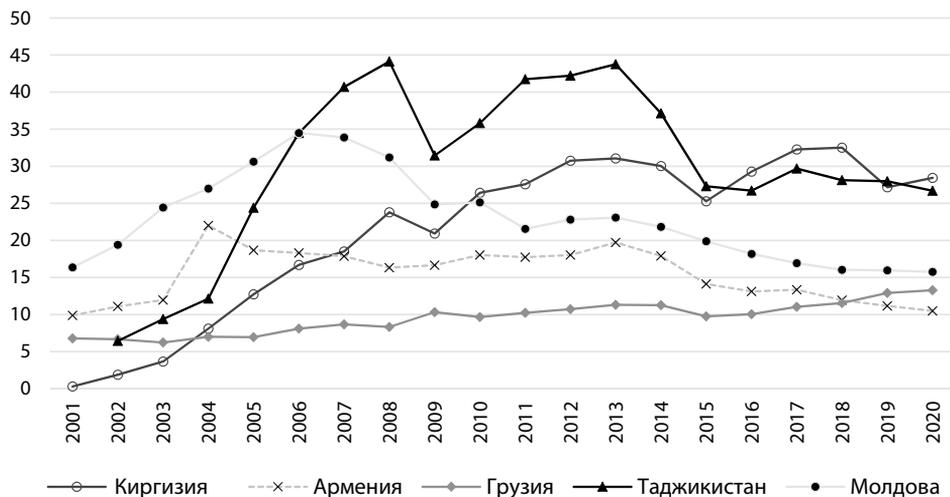


Рис. 3. Поступающие в страну переводы мигрантов (% от ВВП)

Figure 3. Migrant transfers coming into the country (% of GDP)

Источник: The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRFPWKR.DT.GD.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

Молдова, Киргизия). При этом относительно масштабов экономики значимые кредиты от МВФ получали Армения, Грузия, Украина, Таджикистан.

Гораздо более существенную роль играли крупные центры экономической силы, которые выступали источником спроса на продукцию постсоветских стран и инвестиций в эти страны. Среди подобных центров можно выделить Европейский союз и Китай как внешние по отношению к рассматриваемому пространству и Россию внутри пространства. Начальный период экономического роста в постсоветских странах был в значительной мере основан на спросе со стороны ЕС на сырьевые товары (главным образом – энергоносители), металлы (Украина, Россия) и продукцию сельского хозяйства (Украина, Молдова) из постсоветских стран. Страны – экспортеры энергоносителей из Центральной Азии осуществляли поставки в ЕС транзитом через Россию и Украину в силу инфраструк-

турных ограничений. Однако падение экономической динамики в ЕС в ходе глобального экономического и финансового кризиса (2008–2009) и европейского долгового кризиса (2010–2013) и последующее ее замедление снизили спрос на энергоносители со стороны постсоветских стран. В тот же период с помощью китайских инвестиций была построена инфраструктура для поставок энергоносителей в Китай [Кузьмина, 2018, с. 175–176]. Соответственно, усилилась роль Китая как источника внешнего спроса и финансовых средств для стран постсоветского пространства, прежде всего, Центральной Азии. Наиболее существенно в 2000-е годы выросла доля Китая во внешней торговле Туркменистана, в остальных странах Центральной Азии также наблюдался повышательный тренд, хотя в 2010–2018 гг. доля Китая во внешней торговле Казахстана и Таджикистана стабилизировалась. В целом индекс комплементарности экономик с Китаем

на постсоветском пространстве принимает наиболее высокие значения в Центральной Азии и России, демонстрируя тенденцию к росту, по крайней мере до 2018 г. [Яковлев, 2020, с. 386].

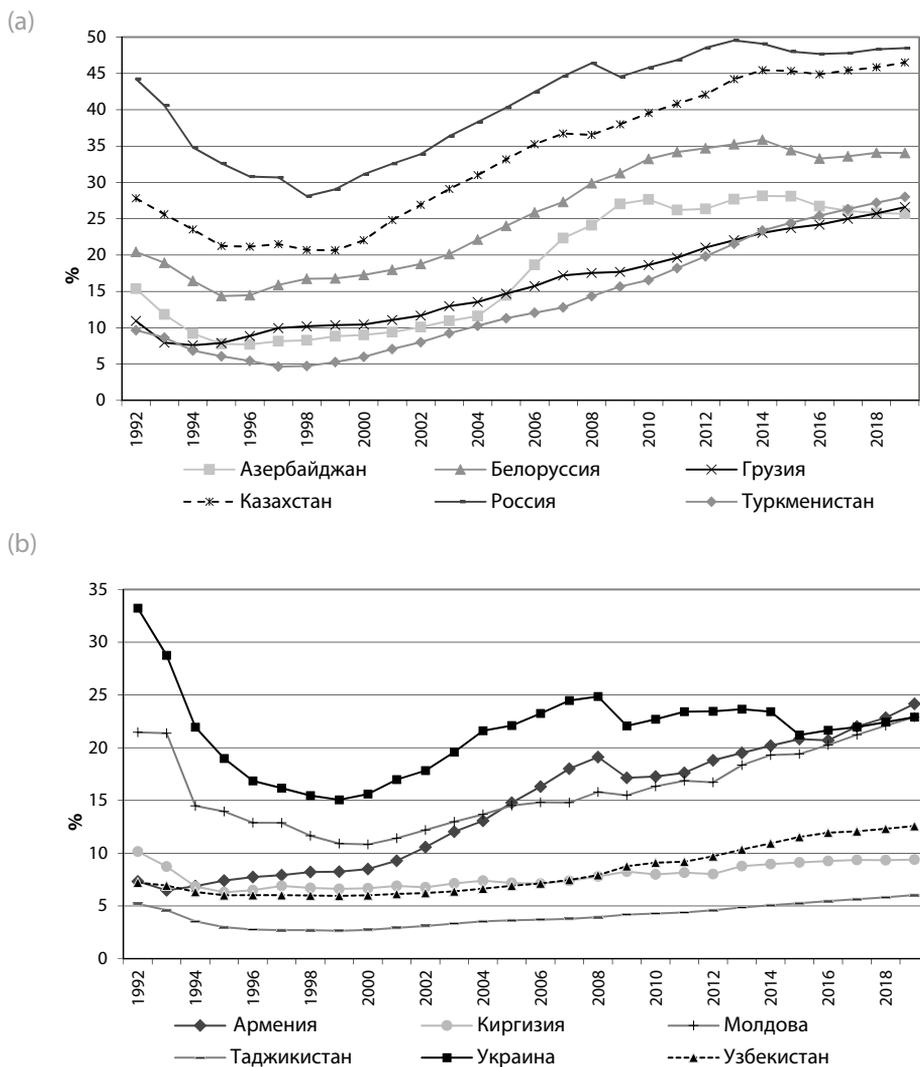
Что касается влияния со стороны России, то в работе [Golovnin, Libman, Ushkalova, Yakusheva, 2013] было показано значительное воздействие по линии внешнеторгового канала и канала, связанного с переводами мигрантов, на распространение влияния глобального экономического и финансового кризиса 2008–2009 гг. на постсоветские страны через Россию. При этом по сравнению с кризисом 1998 г. существенно возросла значимость канала, связанного с переводами мигрантов, и инвестиционного канала (через прямое инвестиционное взаимодействие, поскольку в 1998 г. Россия выступала как источник «заражения» через операции внешних инвесторов) и несколько снизилась роль внешнеторгового канала. Последующая динамика влияния России, но только на страны ЕАЭС, анализировалась в работе [Гринберг, Пылин, 2020, с. 347]. Авторами было показано, что значимость всех каналов воздействия России на страны ЕАЭС снижалась в 2015–2018 гг. по сравнению с 2011–2014 гг. Но при этом Россия продолжает оказывать достаточно существенное воздействие на экономику Белоруссии (для нее совокупный показатель влияния даже увеличился), Киргизии и Армении.

## Общие итоги трансформации

Оценить результаты трансформации можно также исходя из результатов конвергенции экономик стран региона с развитыми странами. В качестве эталона для сопоставления можно взять *ВВП на душу населения по паритету покупательной способности валют*

Австрии. Австрия была выбрана нами как пример развитой страны, входящей в ЕС (при этом ее душевой ВВП по ППСВ выше среднего по ЕС), которая достаточно тесно взаимодействовала с бывшими социалистическими странами и в какой-то степени служила для них ориентиром. За прошедшие 30 лет все страны региона продолжают отставать по уровню экономического развития от Австрии, хотя, за исключением Украины и Молдовы, остальные постсоветские страны сократили отставание по сравнению с 1992 г. (см. рис. 4а, 4б). Ближе всего к уровню австрийского ВВП на душу населения в 2019 г. были Россия (48,5% от ВВП на душу населения в Австрии) и Казахстан (46,5%). За ними со значительным отставанием следуют Белоруссия и группа из большинства стран региона, тогда как в числе наиболее отстающих оказываются Таджикистан (6%), Киргизия (9,4%) и Узбекистан (12,6%). Однако необходимо учитывать различный стартовый потенциал стран. В результате наиболее быстрыми темпами конвергенция шла в Армении, Туркменистане и Грузии.

В качестве интегрального показателя социально-экономического развития стран региона может использоваться также *индекс человеческого развития*, который помимо ВНД на душу населения по ППСВ включает показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении (как отражение здоровья населения) и показатели образования. Динамика индекса была также неоднородной в странах региона, особенно в 1990-е годы. В 2000-е годы наиболее динамично индекс рос в Казахстане, Таджикистане, Узбекистане и Белоруссии. По достигнутым к 2019 г. показателям страны разделились на несколько групп: 1) лидеры (Россия, Белоруссия, Казахстан) с очень близкими значениями показателя, с некоторым отставанием от них, но постепенно



**Рис. 4.** ВВП на душу населения по ППСВ (% от уровня Австрии)  
**Figure 4.** GDP per capita by PPP (% of the Austrian level)

**Источник:** рассчитано на основе данных World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

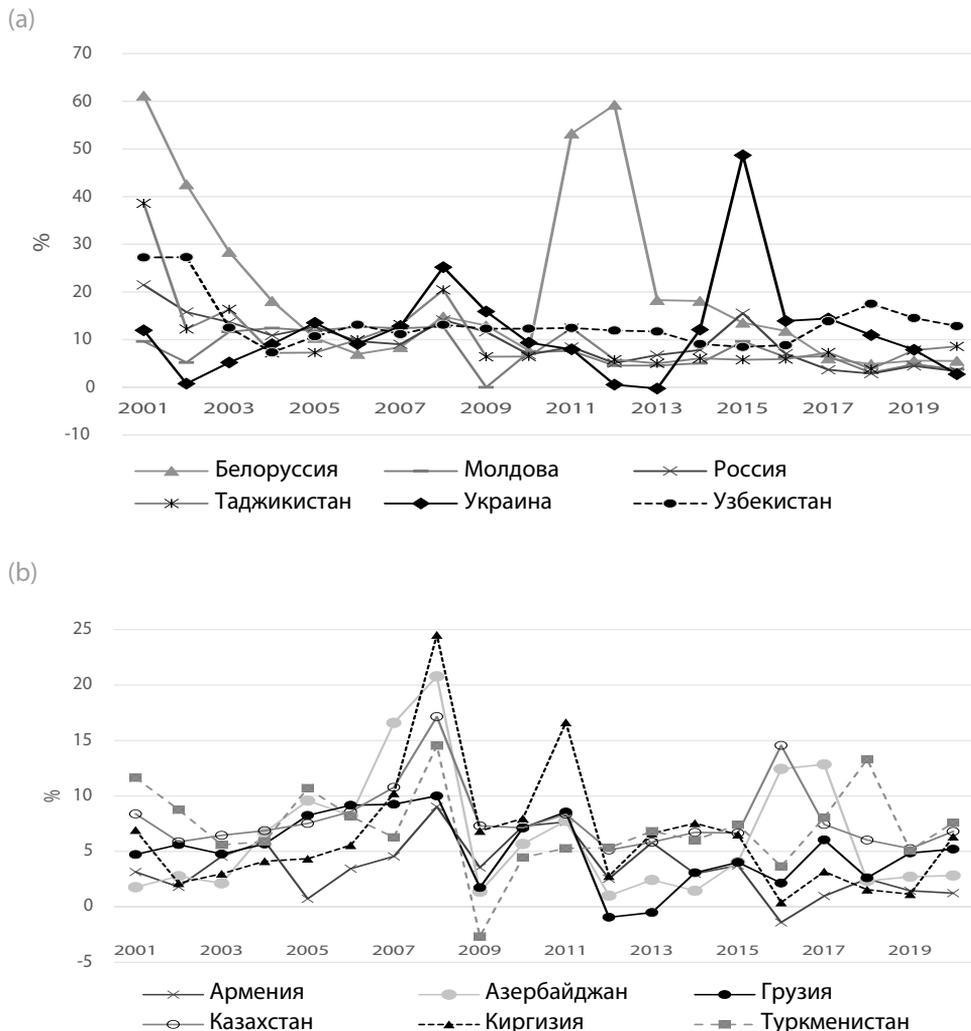
приближаясь к этой группе, располагается Грузия; 2) Украина и Армения, а также следующие за ними Азербайджан и Молдова превышают среднемировые значения индекса человеческого развития; 3) Узбекистан и Туркме-

нистан, несмотря на достигнутый прогресс, пока отстают от среднемирового значения, еще более существенное отставание у Киргизии и Таджикистана. При этом следует отметить, что в 1990 г. все бывшие республики СССР, по кото-

рым имеются соответствующие данные (включая Таджикскую ССР), превышали среднемировое значение индекса человеческого развития.

Если в начале 1990-х годов почти все страны региона столкнулись с экстремально высокими темпами инфляции, которые достигали в отдельных случа-

ях 4000–5000% в год, то в 2000-е годы почти всем странам удалось существенно снизить темпы инфляции до уровня ниже 10% (за исключением Узбекистана) (см. рис. 5а, 5б). Однако снижение темпа инфляции само по себе не гарантирует выхода на траекторию устойчивого экономического роста.



**Рис. 5.** Среднегодовые темпы инфляции в постсоветских странах в 2000-е годы (в %) **Figure 5.** Average annual inflation rates in post-Soviet countries in the 2000s (%)

**Источник:** World Economic Outlook Database as of April 2021 // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 27.09.2021.

Наряду с достижениями экономической трансформации имеется и ряд серьезных проблем.

### 1. Социальные проблемы

В процессе трансформации, особенно в 1990-х – начале 2000-х годов, в ряде стран региона был достигнут высокий *уровень бедности*, однако в последующем большинству стран удалось решить проблему, по крайней мере, абсолютной бедности (см. рис. 6). Относительно высокими, несмотря на достигнутый прогресс в части их снижения, остаются показатели бедности в Киргизии, Таджикистане, Армении и Грузии.

Другой социальной проблемой, оставшейся с 1990-х годов, является относительно высокий *уровень неравенства* в странах региона. Следует отметить имевший место прогресс и в этой сфере по сравнению с первой половиной 2000-х годов (см. рис. 7). К сожалению, одним из лидеров по уровню неравенства в регионе остается Россия.

Белоруссия и Казахстан, добившиеся существенных успехов в части повышения уровня ВВП на душу населения (см. рис. 4а), характеризуются относительно более низким уровнем неравенства, хотя в Казахстане с 2016 г. этот показатель начал расти. Наиболее низкими в регионе показателями коэффициента Джини характеризуются Украина и Молдова, но при этом они отличаются и относительно низким уровнем душевых доходов.

### 2. Нестабильность валютного курса

Несмотря на снижение темпа инфляции, странам региона не удалось добиться устойчивости курсов своих валют, они продолжают испытывать значительные колебания, главным образом – под воздействием внешних факторов (см. табл. 4), что служит объективным основанием для отмеченного выше «страха свободного плавания». Среди основных внешних факторов, действовавших в XXI в., можно выделить влияние глобального эко-

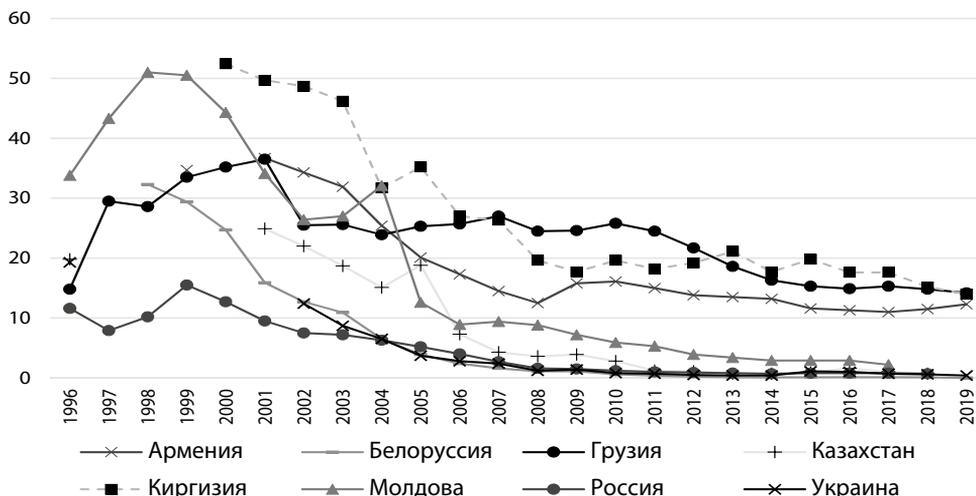
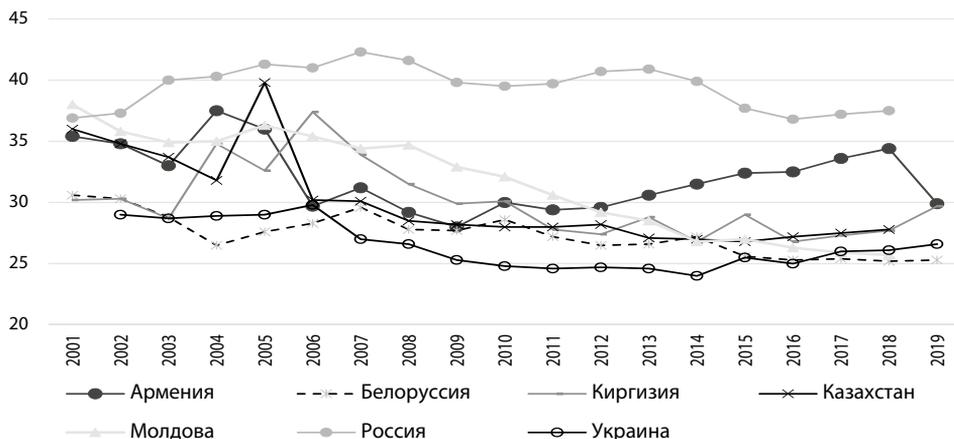


Рис. 6. Разрыв бедности на уровне 5,5 долл. США в день (по ППСВ) (в %)

Figure 6. Poverty gap at \$5.5 per day (PPP, %)

Источник: The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.UMIC.GP>, дата обращения 27.09.2021.



**Рис. 7.** Динамика индекса Джини в отдельных постсоветских странах в 2000-е годы  
**Figure 7.** Dynamics of the Gini index in some post-Soviet countries in the 2000s

**Источник:** The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>, дата обращения 27.09.2021.

номического и финансового кризиса в 2008–2009 гг., динамику цен на нефть (для стран – экспортеров энергоносителей), влияние динамики валютного курса российского рубля<sup>19</sup>. Специфическими шоками были внутренние политические потрясения на Украине в 2013–2014 гг., санкции в отношении России со стороны западных стран (с 2014 г.), внутренние валютные кризисы в Белоруссии (2011–2012) и Узбекистане (2017–2018).

В целом для стран региона наиболее масштабным в XXI в. был валютный кризис 2014–2016 гг. Среднегодовые курсы национальных валют к доллару США снизились в 2016 г. по сравнению с 2013 г. от 14,7% (Армения) до 68,8% (Украина). Среди наиболее пострадавших от этого кризиса стран были также Казахстан (55,5%), Белоруссия (55,2%), Россия (52,4%) и Азербайджан (50,8%). Пять наиболее пострадавших

стран сменили режим денежно-кредитной политики во время этого кризиса, при этом мы согласны с [Dabrowski, 2016, р. 316], что переход на новый режим в разгар кризиса не способствовал эффективности его применения.

Вместе с тем следует отметить, что мировой кризис 2020 г. оказал существенно меньшее воздействие на динамику валютных курсов стран региона. Относительно масштабное снижение курсов валют произошло лишь в Белоруссии, Узбекистане и России (см. табл. 4).

### 3. Примитивизация структуры экономики

За рассматриваемый период произошло существенное снижение доли обрабатывающей промышленности в ВВП рассматриваемых стран (см. рис. 8). Пожалуй, единственный пример страны, сохранившей, несмотря на имевшее место существенное падение, значимую долю обрабатывающей

<sup>19</sup> Страны, тесно связанные внешнеторговыми связями с Россией, теряют конкурентоспособность на российском рынке при ускоренном обесценении российского рубля, как это было, например, в 2014–2015 гг. Не случайно Белоруссия, наиболее зависимая от внешней торговли с Россией страна региона, стремилась к опережающему обесценению своей валюты по сравнению со снижением валютного курса российского рубля.

**Таблица 4.** Темпы прироста среднегодового курса национальной валюты к доллару США (в %)   
 **Table 4.** The growth rate of the average annual exchange rate of the national currency against the US dollar (%)

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
<b>Азербайджан</b>	3,9	5,8	4,1	4,4	2,2	0,1	1,6	0,5	0,1	0,0	-23,4	-35,8	-7,3	1,2	0,0	0,0
<b>Армения</b>	16,6	10,0	21,6	11,8	-15,8	-2,8	0,3	-7,3	-1,9	-1,5	-13,0	-0,5	-0,5	-0,1	0,5	-1,8
<b>Белоруссия</b>	0,3	0,4	-0,1	0,4	-23,9	-5,9	-43,3	-36,9	-6,6	-13,8	-36,1	-18,8	3,3	-5,6	-2,5	-15,5
<b>Грузия</b>	5,7	1,8	6,6	12,1	-10,8	-6,3	5,7	2,1	-0,7	-5,8	-22,2	-4,1	-5,7	-1,0	-10,1	-9,4
<b>Казахстан</b>	2,4	6,9	1,5	1,8	-18,5	0,2	0,5	-1,6	-2,0	-15,2	-18,7	-35,5	4,9	-5,5	-9,9	-7,3
<b>Киргизия</b>	4,0	2,1	7,6	2,0	-14,8	-6,7	-0,4	-1,8	-3,0	-9,7	-16,8	-7,8	1,5	0,0	-1,4	-9,8
<b>Молдова</b>	-2,1	-4,0	8,2	16,8	-6,5	-10,2	5,4	-3,1	-3,8	-10,3	-25,4	-5,5	7,7	10,1	-4,4	1,5
<b>Россия</b>	1,8	4,1	6,3	2,9	-21,7	4,5	3,3	-5,4	-2,4	-17,4	-37,1	-8,4	14,8	-7,1	-3,0	-10,5
<b>Таджикистан</b>	-4,7	-5,5	-4,2	0,3	-17,2	-5,4	-5,0	-2,7	-0,6	-3,5	-19,9	-21,3	-8,4	-6,6	-4,0	-7,7
<b>Туркменистан</b>	0,0	0,0	0,0	-55,1	-18,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	-18,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
<b>Узбекистан</b>	-8,5	-8,5	-3,5	-4,4	-10,0	-7,6	-7,5	-9,3	-9,8	-9,3	-10,2	-13,4	-42,7	-35,6	-9,0	-12,0
<b>Украина</b>	3,9	1,4	0,0	-4,4	-32,3	-1,8	-0,4	-0,3	0,0	-32,7	-45,6	-14,8	-3,8	-2,3	5,4	-4,5

**Источник:** рассчитано на основе данных Банка международных расчетов // <https://stats.bis.org/statx/sr/s/table/?37m=A>, дата обращения 27.09.2021.

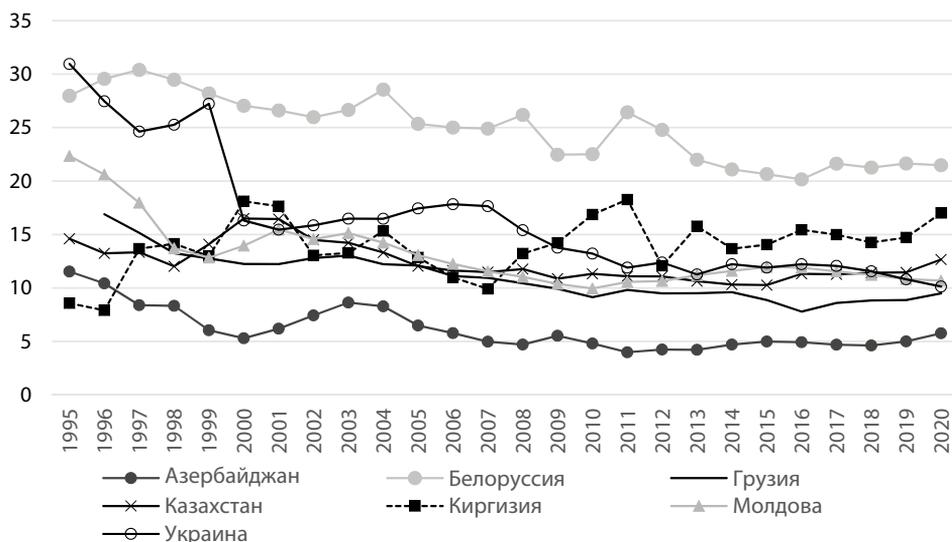


Рис. 8. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП (%)

Figure 8. Share of manufacturing in GDP (%)

Источник: The World Bank Data // <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.MANF.ZS>, дата обращения 27.09.2021.

промышленности в ВВП, это Беларусь. Справедливости ради следует отметить, что на протяжении последних нескольких лет в ряде стран региона наблюдается процесс реиндустриализации, отражающийся в некотором увеличении доли обрабатывающей промышленности в ВВП. В частности, это относится к Грузии 2017–2020 гг., Таджикистану в 2015–2019 гг., но особенно к Узбекистану, где доля обрабатывающей промышленности в ВВП устойчиво росла с 2010 по 2020 г.<sup>20</sup>

В работе [Вардомский, Пылин, Шурбович, 2017, с. 29–31] выделяются группы постсоветских стран исходя из происходящих в них модернизационных процессов: 1) страны со сравнительно высокой динамикой модернизации (Азербайджан, Казахстан, Туркме-

нистан); 2) страны, испытавшие сильную деиндустриализацию (Армения, Грузия, Молдова, Украина); 3) страны с низким уровнем промышленного развития, но со сравнительно высокими темпами модернизации (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Вместе с тем отмечается, что даже случаи относительно успешной модернизации носят «очаговый» характер (с точки зрения отраслей или территорий).

Прошедшие 30 лет экономической трансформации привели к расслоению постсоветских стран, которое отчасти было обусловлено изменениями, накопленными еще в предшествующие периоды развития, отчасти – результатами самой трансформации. К числу наиболее динамично развивающихся за эти 30 лет экономик относились, пре-

20 К сожалению, Всемирный банк не приводит данные по Узбекистану до 2010 г.

жде всего, страны – экспортеры сырья из Центральной Азии (Туркменистан, Узбекистан и Казахстан), а также Армения, стартовавшая с низкой базы и получавшая поддержку со стороны переводов мигрантов. Наибольшее отставание в экономической динамике демонстрировали Украина и Молдова, которые существенно пострадали от трансформационного кризиса 1990-х годов и не смогли в последующем сформировать модели устойчивого экономического роста.

По уровню экономического развития (измеряемому ВВП на душу населения по ППСВ или индексом человеческого развития) к настоящему времени лидируют Россия, Казахстан и Белоруссия. При этом, если лидерство России во многом определялось изначально более высокой базой, то Белоруссии и Казахстану удалось достичь ускоренной конвергенции, по крайней мере с российскими показателями.

Опираясь на предшествующую литературу и анализ актуальных статистических данных, можно сделать вывод, что успехи в области экономической трансформации во многом объяснялись ресурсной обеспеченностью и построением удачных моделей экономического развития, которые большей частью носили специфический характер для отдельных стран, среди общих черт можно назвать активную роль государства (действующего напрямую или путем перераспределения средств через бюджет), совершение «инвестиционного рывка» (достижение на определенном этапе высокой нормы накопления), регулирование курса национальных валют и использование ограничений на международное движение капитала.

Среди сохраняющихся в странах региона проблем можно выделить социальные проблемы (относительно высокий уровень бедности в Киргизии,

Таджикистане, Армении и Грузии и неравенства – в России), высокую зависимость от внешних шоков, отражающуюся в том числе в нестабильности валютной сферы, возросшую примитивизацию национальных экономик.

В перспективе следует отметить проблему постепенного исчерпания источников экономического роста в постсоветских странах и необходимость поиска ими новых экономических моделей. Одним из возможных направлений движения является выстраивание совместной модели модернизации экономик в рамках интеграционного объединения (в настоящее время – ЕАЭС).

## Список литературы

Вардомский Л.Б. (2015). Вопросы трансформации постсоветского пространства // Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества. Белгород: Фонд «Институт социально-экономических и политических исследований». С. 89–102.

Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. (2017). К вопросу о модернизации экономик стран СНГ // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 22–40 // [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_28300235\\_34040505.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28300235_34040505.pdf), дата обращения 27.09.2021.

Глинкина С.П. (ред.) (2017). Постсоциалистический мир: итоги трансформации: в 3 т. Т. 2. Постсоветские государства. СПб.: Алетейя.

Головнин М. (2018). Валютный курс и внешние шоки в российской экономике // Мир перемен. № 4. С. 56–72.

Головнин М.Ю., Ушкалова Д.И. (2014). Макроэкономические итоги 20 лет трансформации стран СНГ: роль инвестиций // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 200–205 // [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_)

21346343\_78116280.pdf, дата обращения 27.09.2021.

Гринберг Р.С., Пылин А.Г. (2020). Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности // Экономика региона. Т. 16. № 2. С. 340–351. DOI: 10.17059/2020-2-1

Кузьмина Е.М. (2018). Динамика внешнеторговых связей постсоветских государств в XXI веке // Крылов А.Б., Кузнецов А.В., Чуфрин Г.И. (ред.) Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. М.: ИМЭМО РАН. С. 166–178.

Попов В.В. (2014). Экономическое чудо переходного периода: как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 136–159 // <http://fir.nes.ru/~vpopov/documents/Uzbekistan%20miracle-%20NEA-2014-April.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Тураева М.О., Вардомский Л.Б. (ред.) (2020). Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира. М.: ИЭ РАН.

Фридман Л.А., Алиев Т.М. (2014). Экономическое развитие России, стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1989–2012 гг.) // Журнал Новой экономической ассоциации. № 1. С. 186–190 // <https://www.econorus.org/repec/journal/2014-21-186-190r.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Яковлев А.А. (2020). Проблемы и перспективы экономического сотрудничества Китайской Народной Республики со странами постсоветского пространства // Экономика и управление. Т. 26. № 4. С. 380–391. DOI: 10.35854/1998-1627-2020-4-380-391

25 Years of Transition. Post-Communist Europe and the IMF (2014) // IMF Regional Economic Issues. Special Report, October 2014 // [https://www.imf.org/external/region/bal/rr/2014/25\\_](https://www.imf.org/external/region/bal/rr/2014/25_)

years\_of\_transition.pdf, дата обращения 27.09.2021.

Annual Report-2010. Appendix II Financial Operations and Transactions (2010) // IMF // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2010/eng/>, дата обращения 27.09.2021.

Annual Report-2020. Appendices (2020) // IMF // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2020/eng/downloads/appendix.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions-2014 (2014) // IMF // <https://www.imf.org/external/pubs/nft/2014/areaers/ar2014.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions-2015 (2015) // IMF.

Dabrowski M. (2016). Currency Crises in post-Soviet Economies – A Never Ending Story // Russian Journal of Economics, no 2, pp. 302–326. DOI: 10.1016/j.ruje.2016.08.002

Golovnin M., Libman A., Ushkalova D., Yakusheva A. (2013). Is the USSR Dead? Experience from the Financial and Economic Crisis of 2008–2009 // Communist and Post-Communist Studies, vol. 46, no 1, pp. 109–122. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2012.12.007

Iradian G. (2007). Rapid Growth in the CIS: Panel Regression Approach // IMF Working Paper. WP/07/170 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07170.pdf>, дата обращения 27.09.2021.

Salhi A., Kern A., Rößler M. (2010). Growth Patterns in CIS-8: A Political Economy Approach // Transition Studies Review, vol. 17, no 4, pp. 686–708. DOI: 10.1007/s11300-010-0176-9

Transition Report 2020-21. The State Strikes Back (2020) // European Bank for Reconstruction and Development, November 2020 // <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-202021.html>, дата обращения 27.09.2021.

## Specifics of Modern Economic Development

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1

# Outcomes of 30 Years of Economic Transformation in the Post-Soviet Space: Light and Shadows

### Mikhail Yu. GOLOVNIN

Associate Member of the RAS, DSc in Economics, First Deputy Director  
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,  
117218, Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation  
E-mail: mg-inecon@mail.ru  
ORCID: 0000-0001-6687-0744

### Ruslan S. GRINBERG

Associate Member of the RAS, DSc in Economics, Professor, Academic Director  
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,  
117218, Nakhimovsky Av., 32, Moscow, Russian Federation  
E-mail: grinberg@inecon.ru  
ORCID: 0000-0003-3616-1888

**CITATION:** Golovnin M.Yu., Grinberg R.S. (2021). Outcomes of 30 Years of Economic Transformation in the Post-Soviet Space: Light and Shadows. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 6–29 (in Russian).  
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-1

Received: 03.08.2021.

**ABSTRACT.** *The article provides a comparative assessment of the socio-economic development results of 12 post-Soviet countries (excluding the Baltic countries) in the period from 1992 to 2019. Based on the analysis of the dynamics of real GDP and GDP per capita, it is concluded that the most successful were some countries of Central Asia (Turkmenistan, Kazakhstan) and Armenia. It is noted that in terms of economic development, significant convergence with Russian indicators has been achieved by Kazakhstan and Belarus. The successful economic dynamics was due to the active role of the state, the regulation of exchange rate dynamics and the achieve-*

*ment of a relatively high rate of investments to GDP at certain stages of economic development. On the whole, the problem of high inflation, which was relevant in the 1990s, has been overcome. Social problems of poverty and inequality persist in individual countries, high dependence on external factors of economic dynamics, instability of the exchange rate dynamics and primitivization of the economy still remain as important problems in the region. It is emphasized that the factors of economic growth that operated in the post-Soviet countries during the period under review are coming to an end, which requires a search for a new economic model.*

**KEYWORDS:** *post-Soviet economies, real GDP, GDP per capita, economic policy, investment ratio, social problems, primitivization of economy.*

## References

- 25 Years of Transition. Post-Communist Europe and the IMF (2014). *IMF Regional Economic Issues*. Special Report, October 2014. Available at: [https://www.imf.org/external/region/bal/rr/2014/25\\_years\\_of\\_transition.pdf](https://www.imf.org/external/region/bal/rr/2014/25_years_of_transition.pdf), accessed 27.09.2021.
- Annual Report-2010. Appendix II Financial Operations and Transactions (2010). *IMF*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2010/eng/>, accessed 27.09.2021.
- Annual Report-2020. Appendices (2020). *IMF*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2020/eng/downloads/appendix.pdf>, accessed 27.09.2021.
- Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions-2014 (2014). *IMF*. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/nft/2014/areaers/ar2014.pdf>, accessed 27.09.2021.
- Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions-2015 (2015). *IMF*.
- Dabrowski M. (2016). Currency Crises in post-Soviet Economies – A Never Ending Story. *Russian Journal of Economics*, no 2, pp. 302–326. DOI: 10.1016/j.ruje.2016.08.002
- Friedman L.A., Aliev T.M. (2014). Economic Development of Russia, Central Asia and Caucasus Countries (1989–2012). *Journal of the New Economic Association*, no 1, pp. 186–190. Available at: <https://www.econorus.org/repec/journal/2014-21-186-190r.pdf>, accessed 27.09.2021 (in Russian).
- Glinkina S.P. (ed.) (2017). *Post-Socialist World: Results of Transformation*. Vol. 2 “Post-Soviet Countries”, Saint Petersburg: Aletheya (in Russian).
- Golovnin M. (2018). Exchange Rate and External Shocks in Russian Economy. *Mir Peremen*, no 4, pp. 56–72 (in Russian).
- Golovnin M., Libman A., Ushkalova D., Yakusheva A. (2013). Is the USSR Dead? Experience from the Financial and Economic Crisis of 2008–2009. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 46, no 1, pp. 109–122. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2012.12.007
- Golovnin M., Ushkalova D. (2014). Macroeconomic Results of 20 Years of Transformation in CIS Countries: The Role of Investments. *Journal of the New Economic Association*, no 1, pp. 200–205. Available at: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_21346343\\_78116280.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21346343_78116280.pdf), accessed 27.09.2021 (in Russian).
- Grinberg R.S., Pylin A.G. (2020). Eurasian Economic Union: Key Development Trends amid Global Uncertainty. *Economy of Region*, vol. 16, no 2, pp. 340–351 (in Russian). DOI: 10.17059/2020-2-1
- Iradian G. (2007). Rapid Growth in the CIS: Panel Regression Approach. *IMF Working Paper*. WP/07/170. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2007/wp07170.pdf>, accessed 27.09.2021.
- Kuzmina E.M. (2018). Dynamics of Foreign Trade Relations of post-Soviet States in the XXI Century. *Post-Soviet Space: The Role of an External Factor* (eds. Krylov A.B., Kuznetsov A.V., Chufirin G.I.), Moscow: IMEMO RAN, pp. 166–178 (in Russian).
- Popov V.V. (2014). An Economic Miracle in the Post-Soviet Space: How Uzbekistan Managed to Achieve What No Other Post-Soviet State Has. *Journal of the New Economic Association*, no 1, pp. 136–159. Available at: <http://fir.nes.ru/~vpopov/documents/Uzbekistan%20miracle-%20NEA-2014-April.pdf>, accessed 27.09.2021 (in Russian).
- Salhi A., Kern A., Rößler M. (2010). Growth Patterns in CIS-8: A Political Economy Approach. *Transition Studies Re-*

view, vol. 17, no 4, pp. 686–708. DOI: 10.1007/s11300-010-0176-9

Transition Report 2020-21. The State Strikes Back (2020). *European Bank for Reconstruction and Development*, November 2020. Available at: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-202021.html>, accessed 27.09.2021.

Turaeva M.O., Vardomsky L.B. (eds.) (2020). *Transformation of Market Economy Patterns in the Post-Socialist World*, Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vardomsky L.B. (2015). Questions of Transformation of the Post-Soviet Space. *Integration Models of Cross-border and Interregional Cooperation*, Belgorod: Foun-

dition “Institute for Socio-Economic and Political Research”, pp. 89–102 (in Russian).

Vardomsky L.B., Pylin A.G., Shurubovich A.V. (2017). To the Question of Modernization of Economies of the CIS Countries. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*, no 1, pp. 22–40. Available at: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_28300235\\_34040505.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28300235_34040505.pdf), accessed 27.09.2021 (in Russian).

Yakovlev A.A. (2020). Problems and Prospects of Economic Cooperation between the People’s Republic of China and Post-Soviet Countries. *Economics and Management*, vol. 26, no 4, pp. 380–391 (in Russian). DOI: 10.35854/1998-1627-2020-4-380-391

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-2

# FDI in the Post-Soviet Space Three Decades after the Disintegration of the Soviet Union<sup>1</sup>

## Kalman KALOTAY

Candidate of Economic Sciences (Hungarian Academy of Sciences), PhD (Corvinus University, Budapest, Hungary);  
Economic Affairs Officer  
United Nations Conference on Trade and Development, Avenue de la Paix 8–14, 1202, Geneva, Switzerland (retired on 1 September 2021);  
Honorary Professor  
Corvinus University, Fővám tér 8, 1093, Budapest, Hungary  
E-mail: kalotayk@gmail.com  
ORCID: 0000-0001-7349-9365

## Astrit SULSTAROVA

PhD (The Graduate Institute, Geneva (IHEID), Switzerland);  
Senior Economic Affairs Officer  
United Nations Conference on Trade and Development, Avenue de la Paix 8–14, 1202, Geneva, Switzerland  
E-mail: astrit.sulstarova@un.org  
ORCID ID: 0000-0002-6972-4942.

**CITATION:** Kalotay K., Sulstarova A. (2021). FDI in the Post-Soviet Space Three Decades after the Disintegration of the Soviet Union. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 30–60.  
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-2

Received: 03.08.2021.

**ABSTRACT.** *The former Soviet Union disintegrated three decades ago. That momentous 1991 was not only the starting point for independence of the countries of the post-Soviet space but also the starting point for their transformation from centrally planned economy to capitalism, often with local specificities. At the moment of writing this article aiming at analysing the long-term, structural characteristics of*

*inward and outward foreign direct investment (FDI), these 12 economies are facing new COVID-19-related challenges, different from the problems of transformation undertaken in the past decades. After a brief literature survey, in which the main issues raised by academic research are highlighted, the article analyses the long-term trends and the main characteristics (geographical and sectoral) of FDI, with special reference*

---

<sup>1</sup> The views are those of the authors and do not necessarily reflect the opinion of the United Nations.

*to greenfield project announcements from 2003 on (the starting year of data availability). It also explores how much economic development was based on either attracting inward or promoting outward FDI or both. The performance of the 12 post-Soviet economies is controlled against the performance of other transition economies such as the Baltic States, South-East Europe and/or the Visegrad Group. The article concludes that indeed efforts towards using inward or outward FDI for development has been modest, even if in inflows one can observe some convergence with the other transition economies, which have been relying more wittingly using FDI for their development.*

**KEYWORDS:** *Inward FDI, outward FDI, transition, post-Soviet space, economic development.*

## Introduction

This article analyses the role of FDI in the economic development of 12 countries that emerged from the disintegration of the Soviet Union three decades ago<sup>2</sup>. To be noted that, in the analysis of the article, this group does not include the three Baltic States just as a control group for two reasons: 1. their divergent historical heritage: during the initial formative years of the Union of Soviet Socialist Republics (until World War II), they were independent non-socialist countries, and 2. their post-Soviet trajectory that brought them to EU membership in 2004. The analysis of the contribution of FDI is particu-

larly important for a better understanding of how these economies reintegrated into the world economy after more than seven decades of centrally planned economy (with the exception of the Western regions of Belarus and Ukraine, the Kaliningrad Oblast of the Russian Federation, and the Republic of Moldova, which belonged to different countries – Poland<sup>3</sup>, Germany and Romania<sup>4</sup>, respectively – between the two World Wars.)

Thirty years are already a sufficiently long trajectory to allow us to draw conclusions about the long-term characteristics and the role of both inward and outward FDI in the development of the 12 countries in question. In particular, who wish to know if these countries have relied more or less on inward and outward FDI than the rest of the world, and if they have they performed better or worse than other countries. If there is a significant difference, is better performance positively or negatively correlated with reliance on inward and/or outward FDI?

A long-term view is also required because the post-Soviet group has been prone to a series of crises since the dissolution of the Soviet Union, and it is not easy to disentangle the effects of disintegration from the effects of transition to a market economy. We also note that the economic cycles of the 12 countries often moved together in the post-Soviet period. The list of recessions included:

- The transition-related decline starting in 1991 and ending at different times: in 1993 in Armenia, in 1994 in Georgia, in 1995 in Azerbaijan, Belarus,

2 Armenia, Azerbaijan, Belarus, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, the Republic of Moldova, the Russian Federation, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine and Uzbekistan. This study does not cover those territories that self-declared independence but have not been recognized by the international community as members of the United Nations. This study uses national statistics without taking position on eventual territorial disputes among the 12 countries analysed. The term post-Soviet economies is used in order not to pre-judge the self-designation of the 12 countries in terms of their belonging to any given country group.

3 With the exception of the Zakarpattia Oblast of Ukraine that belonged to Czechoslovakia and Hungary between the two World Wars.

4 The current internationally recognized borders of the Republic of Moldova are in part different from that of the territory that belonged to Romania between 1918 and 1940: they include Transnistria but exclude Budjak.

- Kazakhstan, Kyrgyzstan and Uzbekistan, in 1996 in the Republic of Moldova, the Russian Federation and Tajikistan, in 1997 Turkmenistan. In Ukraine, the recession lasted till 1999.
- The first Russian financial/economic crisis in 1998 (also called ruble crisis or the Russian flu), which also affected growth in Kazakhstan and the Republic of Moldova.
  - The Global Financial Crisis of 2008–2009 that affected the majority of the 12 post-Soviet economies, especially in 2009.
  - The second Russian financial/currency crisis (ruble crisis) of 2014–2016 that also affected the other post-Soviet economies in Europe and in the Caucasus (but less in Central Asia).
  - The COVID-19 crisis started in 2020 causing negative growth in all post-Soviet countries. The end year of the crisis is unknown but it is projected to affect FDI at least till the end of 2021 [UNCTAD, 2021].

There is also a need to consider two additional factors which has affected the stability of both inward and outward FDI largely. One of them is the political turbulences of various post-Soviet countries, which is often related to their nascent statehood and unresolved internal conflicts. Without being exhaustive, it is necessary to mention the Tajikistani Civil War in 1992–1997, the Nagorno-Karabakh wars, the Euromaidan in Ukraine with its international consequences, other changes of governments due to street protests in Georgia, Kyrgyzstan, the current protests in Belarus etc. The other factor is international politics. It is related to the international relations of post-Soviet countries with the rest of the world. One is the cycle of relations with the Euro-Atlantic world (NATO, EU). In general, they underwent a *détente* after the dissolution of the Soviet Union but deteriorated largely from 2014,

with the onset of the Crimean and East Ukrainian crises (cf. [Kalotay, 2014]), leading to sanctions and counter-sanctions, as well as stricter screening and merger control rules in the EU and the United States. These developments affected negatively both inward and outward FDI. Another major aspect of the global politics affecting FDI in the post-Soviet space is its relationship with China and its Belt and Road initiative. The bulk of post-Soviet countries are located on the ancient Silk Road and are participants of the current-day initiative. This leads to both cooperation and rivalry between local/intraregional and Chinese business interests; however, given the complementarities between China and the post-Soviet partners, the links between the two usually increase FDI links.

This article recognizes the complexities of the post-Soviet space and focuses on the long-term trends, looking beyond the shorter-term instabilities. It can be assured through various ways. One is to analyse a longer period of series and detecting the trendlines. The other possibility is to combine the analysis of FDI flows with the analysis of FDI stocks. The latter are more stable, although they also show some fluctuations in deep crisis years due to changes in exchange rates and valuation of corporate assets.

The rest of the article is organized as follows. The next section offers a bird's eye view of the main findings of the extant literature, followed by a presentation of the main trends. The subsequent section estimates the role of inward and outward FDI, followed by a concluding section, looking into the prospects of FDI in the post-Soviet group.

### Literature: the main issues

The role of inward and outward FDI in the transition from centrally planned to market economy – and in the economic

development of those transition economies in general – has been an intriguing topic for academics for some time. In this literature, China and the Chinese case has attracted the bulk of attention. Compared with that, the so-called former Eastern bloc received less attention and, even within that literature, the focus has been on either the “early bird” transformers (Czechia, Hungary, Poland) or large economies such as the Russian Federation. It has been noted that literature is especially scarce in the former Soviet periphery, such as Armenia, Georgia, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan and Turkmenistan [Kalotay, (1) 2013]. There are some studies that deal with FDI in larger post-Soviet economies either in their own right or their relationship with other post-Soviet economies, especially the Russian Federation: For some examples of exceptions, see: [Kononov, 2010, Kvashnin 2018] on Ukraine, [Petrushkevich, 2010; Shmarlovskaya, Petrushkevich, 2010] on Belarus, [Balakishi, 2020] for the South Caucasus. In some cases, the study of FDI is embedded in the analysis of economic relations with the Russian Federation in general. For the case of Kazakh-Russian relations, see [Zabortseva, 2014].

The unevenness of literature is a bit unfortunate because, going beyond the perception that the countries centrally planned economies used to form a single bloc, there may be major differences between individual countries worth analysing separately or by subgroups. This variety is to be kept in mind also when studying the case of the 12 countries that emerged from the dissolution of the Soviet Union. For example, they may be differences between the five members<sup>5</sup> and the seven non-members of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the four mem-

bers of the “Western”-oriented GUAM Organization for Democracy and Economic Development<sup>6</sup> due to their divergent international political orientation.

As for the role of FDI, one of the early studies [Kalotay, 2001] hypothesized that, due to the lack of local entrepreneurs and local capital, inward FDI would play a more important role in transition than outward FDI. The early bird countries, the Baltic States and South-East Europe seemed to follow this prediction, which was in line with what the investment development path would predict [Dunning, 1981; Dunning, 1986]. However, even in this group there were differences, and the Russian Federation followed a different trajectory, in which inward and outward FDI played an almost equal role (cf. [Kalotay, Sulstarova, 2010]). There was therefore a need to rethink the inward-outward FDI nexus (for a systematic analysts, see [Kuznetsov, 2007]).

There are various ways to categorize the literature on FDI in the post-Soviet space, which, in the majority of cases, focused on the Russian Federation, and on its fast rising outward FDI. Our summary, however, intends to indicate the studies dealing with the question of inward FDI, too. We would focus on those centres of studies, which have been particularly active in the analysis of post-Soviet FDI. In most cases, these centres involved a network of researchers, oftentimes co-authoring the papers. Nevertheless, these centres have also had some coordinating persons, whose names are also to be mentioned as the leaders and catalysts of activities.

The Finnish centre of research has been active since the mid-1990s, led by Kari Liuheto, first from Lappeenranta, then from Turku (cf. [Kuznetsov, 2009]). It has mobilized research from all around the world, and both from the Russian Federation

5 Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and the Russian Federation.

6 Azerbaijan, Georgia, the Republic of Moldova and Ukraine.

and the international research community, providing a platform for exchange between inside and outside views on FDI in post-Soviet transition. It also published general information materials on less known transition economies, too. It was also one of the initiators of monographies on the role of outward FDI in the Russian economy [Liuhto, 2006] and on the role of FDI in the Russian economy in general [Liuhto et al., 2017]. It was also among the first centres of study that drew attention to the problem of transhipped and roundtripped FDI via Cyprus [Pelto et al., 2004] and the impact of sanctions on FDI flows (cf. [Liuhto, 2015]). It was also among the first ones to monitor the activities of the largest Russian multinationals (cf. [Vahtra, Liuhto, 2006]).

The Austrian centre of research on transition economies – the Vienna Institute of International Studies (wiiw) – has traced the FDI flows of transforming economies from the beginning, with a special focus on Austria's neighbours. Over time, it has expanded its scope to the Balkans, the Baltic States and to various post-Soviet economies: Belarus, Kazakhstan, the Republic of Moldova, the Russian Federation and Ukraine. For its most recent study on the impact of the COVID-19 crisis, see [Adarov, Hunya, 2020]. The Institute has also produced analytical materials on the impact of FDI, also in the Russian Federation (cf. [Hunya, 2008]).

In the Russian Federation, a large network of researchers has also produced major studies on inward and outward FDI in the country – and also some other post-Soviet economies. In the monitoring work, a leading role was played by Alexey Kuznetsov. In these studies, in the majority co-authored by various researchers, the focus was on mutual investment

among the countries of the Commonwealth of Independent States [Kuznetsov, 2013; Kuznetsov et al., 2012; Kuznetsov et al., 2013; Kuznetsov, (1) 2014; Kuznetsov, (2) 2014] and in the EAEU [Kuznetsov et al., 2017]. This monitoring prompted studies on the role of FDI in Eurasian integration [Kuznetsov, 2016] and relations with the European Union [Kuznetsov, (2) 2010]. Studies dealt with both inward FDI (cf. [Kuznetsov, (1) 2010; Kuznetsov, 2012]) but more often with outward FDI [Bulatov, 1998; Bulatov, 2017; Kuznetsov, 2009; Kuznetsov, 2011; Kuznetsov, 2021]. In addition, multi-authored monographies analysed various aspects of capital exports from the Russian Federation [Bulatov et al., 2015; Bulatov et al., 2019].

In St. Petersburg, research focused on Russian outward FDI, corporate strategies and policy issues. Andrei Panibratov played a leading role in preparing monographies (e.g., [Panibratov, 2012]), articles on home country and State influences [Panibratov, 2016; Panibratov et al., 2015; Panibratov, Michailova, 2019] and the internationalization strategies of Russian multinationals [Kalotay, Panibratov, 2013; Dikova et al., 2019].

From a global perspective, the Division on Investment and Enterprise of the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) and its predecessors<sup>7</sup> have been the focal points for the analysis of FDI in the whole UN system and for more than four decades. It started its in-depth research on economies in transition in the early 1990s (see [United Nations, 1992]). It has been in close cooperation with the other centres, catalysing their research, and also providing the global context to the analysis of those centres. It has provided its analysis in the World Investment Report series since 1991, and its

7 The United Nations Centre on Transnational Corporations (1975–1992) and the Transnational Corporations and Management Division of the United Nations Department of Economic and Social Development (1992–1993).

staff also participated in the international debate on post-Soviet FDI<sup>8</sup>. Its academic journal, *Transnational Corporations*, published articles by researchers from the international centres [Bulatov, 1998; Bulatov, 2017; Liuhto, Vahtra, 2007; Kuznetsov, (2) 2010] and related researchers (e.g., [Tepavcevic, 2015]).

It has to be stressed that the analysis of inward and outward FDI in the post-Soviet space is a global research interest and there are many other universities and research centres that have made valuable contribution but could not be mentioned in order to keep this summary brief. However, a common feature is that these researchers are in close cooperation with the centres mentioned and with UNCTAD, whether they work at the UNU in Maastricht (e.g., [Filippov, 2008; Filippov, 2011; Filippov, 2012]), Hungary (e.g., [Tepavcevic, 2015; Weiner, 2018; Weiner, 2020]), or France (e.g., [Andreff, 2011; Weiner, 2015; Andreff W., Andreff M., 2017]). To be noted that global studies often analyse the Russian case together with the other BRICS: Brazil, China and India (cf. [Sauvant, 2006; Andreff, 2015]).

A common thread of the literature on post-Soviet FDI is that it is difficult to gauge its impact on economic transformation and development. First of all, the authors of these lines are not aware of any study going into the impact of outward FDI. Liuhto and Majuri prepared a very comprehensive review of more than 100 articles on Russian outward FDI, which dominates outflows from the region, but have not found comprehensive studies on the development impact [Liuhto, Majuri, 2014].

As for the role of inward FDI, the first in-depth study on the impact of economic growth [UN.ECE, 2001] already found

that the effects may be ambiguous, less pronounced in post-Soviet countries than EU membership candidates and dependent on good policies. To be noted that in terms of policy transition, post-Soviet economies have been laggards compared with the frontrunners such as Czechia, Hungary or Poland, or even the Baltic States. To demonstrate the disagreement between analyst about the macroeconomic impact of FDI, some of the studies (e.g., [Okafor, Webster, 2016]) have found an overall positive impact of FDI on economic growth, while others (e.g., [Curwin, Mahutga, 2014]) have found a negative impact. There have been also studies that focused on linkages with, and crowding in, local firms (e.g., [Jude, 2019]) and have found that the effects are not very strong, which is not a full surprise as local firms seem to be often weak in terms of transition to market economy. In the same vein, there have been some positive qualitative and quantitative effects on labour found (cf. [Estrin, 2017]); however, they also depend on national policies and their effects on linkages. These findings confirm the importance of institutions and infrastructure, in close relationship with the quality of policies mentioned above [Kinoshita, Campos, 2003].

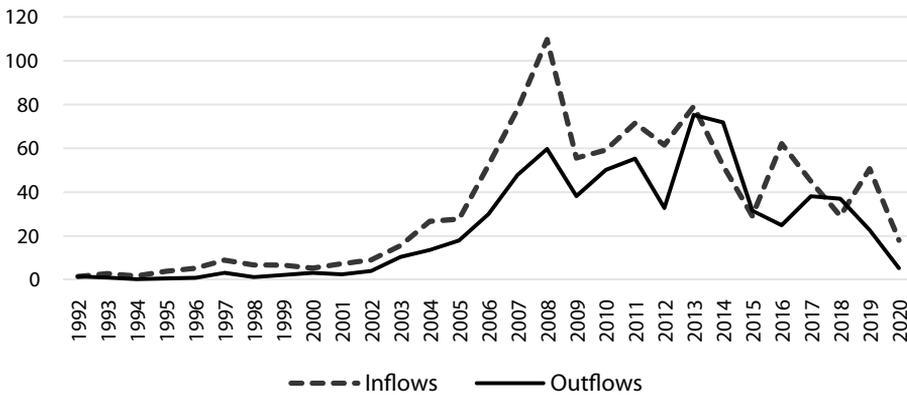
## An overview of long-term trends

A first glimpse at the inward and outward FDI flows of the 12 post-Soviet economies over the period 1992–2020 confirms the hypothesis of fluctuations (figure 1), sometimes related to the crises mentioned above, but also related to the lumpiness of FDI. It is to be noted that data may not have been complete and fully reliable in the early period, when data collection was

<sup>8</sup> See, for example, [Kalotay, 2004] on the potential of inward FDI in the Russian Federation, [Kalotay, 2010] on the patterns of FDI, and [Kalotay, Sulstarova, 2013] on the prospects of Russian FDI in the Baltic Sea region context.

in an initial stage. On the contrary, by 2020 major improvements had been registered in almost all countries. In the latest data collection, UNCTAD Secretariat needed to estimate only the flows of Turkmenistan, and could use national reports for the rest of the countries. To be noted that inflows and outflows often seemed to move together, which has been related in part to the phenomenon of round tripping, inflating the FDI flows in some countries, es-

pecially the Russian Federation. This phenomenon has been analysed for more than two decades (e.g., [Bulatov, 1998; Pelto et al., 2004; Zavyalova et al., 2019]). It has been concluded that, other than distorting FDI statistics, these flows bring about certain risks on case of crisis in the economies used for round tripping [Kalotay, (2) 2013] and have negative implications for development and governance [Ledyeva et al., 2013].



**Figure 1.** FDI inflows and outflows of the 12 post-Soviet economies, 1992–2020 (Billions of dollars)

**Рис. 1.** Импорт и экспорт ПИИ 12 постсоветских стран в 1992–2020 гг. (млрд долл.)

**Source:** The authors’ calculations, based on data from the UNCTAD FDI/MNE database.

Having kept reservations about the quality of FDI data in mind, trends by the reported indicate the existence of two periods in flows, a usually upward trend in inflows till the Global Financial Crisis and a downward slide afterwards. Inflows recorded their highest level in 2008 (\$110 billion). Outflows had yet another peak in 2013 (\$75 billion), right before the second Russian financial/currency crisis of 2014–2016, which also brought about a change in the international political context for Russian outward FDI, closely linked with State ownership and influence [Panibratov, 2016; Panibratov et al., 2015]. This latter

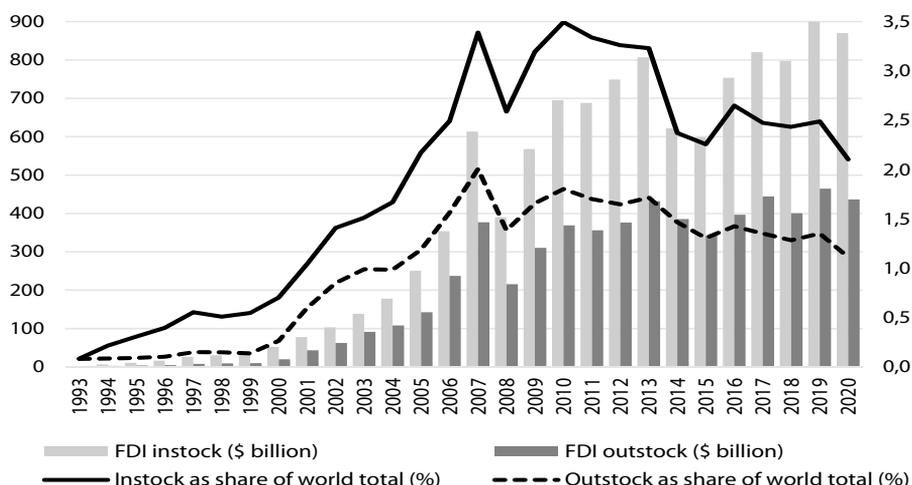
was related not only to economic events but also a deteriorating international political environment for Russian multinationals, which traditionally account for the bulk of outflows from the group.

FDI stocks provide a more stable indication of main patterns in the long term. They continue accumulating even if flows slow down in a given year. They also allow to derive comparisons with the rest of the world. Indeed, one large drop in stocks was registered in 2008 (both inward and outward), and then in 2014–2015, years when valuations for assets were falling (figure 2).

In terms of the share of the 12 post-Soviet economies in global inward and outward FDI stocks, the values remained rather low during the whole period of observation, confirming that overall, the economic development strategies of the group were not based heavily on FDI promotion, and also the fact that the group has not become a special magnet for global FDI, despite its advantages in terms of natural resources and markets (the latter is true rather to the large economies of Kazakhstan, the Russian Federation and Ukraine). The share of the region’s inward FDI stock in world total reached a maximum of 3.5 per cent in 2010, declining for most of the

time in the subsequent period. The share of the region’s outward FDI stock in world total reached a maximum of 2 per cent in 2007 before the Global Financial Crisis. As for the measurement of resilience to the latest COVID-19-related crisis, the tendency towards the decline was accentuated in 2020, confirming the vulnerability of FDI in the group.

The patterns above are determined by FDI in a handful of large economies, dominating both inward and outward FDI stocks. According to data for 2020, for economies (the Russian Federation, Kazakhstan, Ukraine and Azerbaijan) accounted for 92 per cent of the inward



**Figure 2.** FDI inward stock and outward stock of the 12 post-Soviet economies, 1993–2020 (Billions of dollars and percent share of the world total)

**Рис. 2.** Накопленные объемы импортированных и экспортированных ПИИ 12 постсоветских стран в 1993–2020 гг. (млрд долл. и % от общемировых объемов)

**Source:** The authors’ calculations, based on data from the UNCTAD FDI/MNE database.

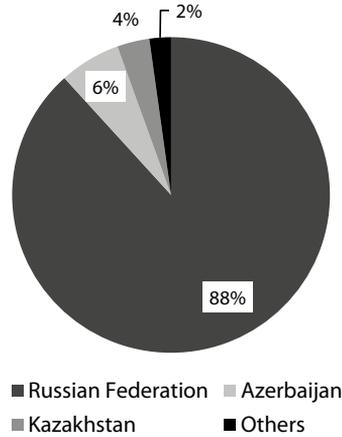
stock of the group, with the Russian Federation representing 60 per cent (figure 3). In outward FDI stocks, the degree of concentration is even higher. The top three economies represent 98 per cent, and the Russian Federation alone 88 per cent (figure 3).

One characteristic that draws apart two post-Soviet economies from the rest of transition economies – Azerbaijan and the Russian Federation – is an unusually high level of outward FDI compared with inward FDI (figure 4), challenging the theory of an investment-development path (see

(a) Inward FDI stock



(b) Outward FDI stock



**Figure 3.** The share of the largest economies in the inward FDI stock and outward FDI stock of the post-Soviet economies, 2020 (Per cent)

**Рис. 3.** Доля крупнейших стран в накопленных объемах импортированных и экспортированных ПИИ на постсоветском пространстве в конце 2020 г. (%)

**Source:** The authors' calculations, based on data from the UNCTAD FDI/MNE database.

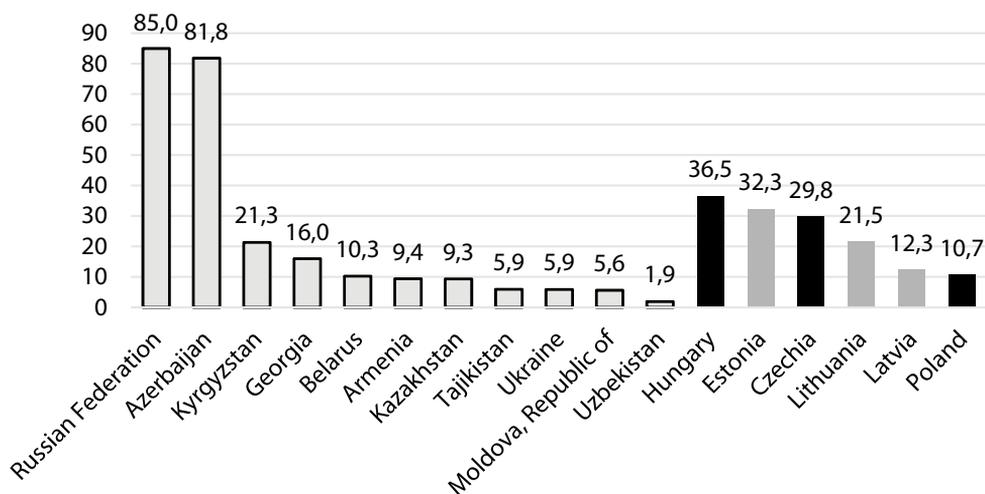
[Dunning, 1981; Dunning, 1986] in the literature survey). These values – over 80 per cent measures by FDI stocks – are more than twice as high as the values registered in the Visegrad countries (Czechia, Hungary and especially Poland) or in the Baltic States, which are considered to be more advanced in terms of transition to the market economy<sup>9</sup>. In the rest of the post-Soviet group, the ratios are more in line with the IDP, with Kazakhstan for example having a value of 9 per cent.

### Basic geographical and sectoral features

The structural characteristics (geographical and sectoral) are better measured by greenfield commitment data than FDI data because the latter often contain

elements of transshipment [Kalotay, 2012] which the efforts towards identifying the ultimate investors can filter out with only limited success. While there is a way to provide estimates with a probabilistic approach for overall flows [Casella, 2019], these are not real data to be used for detecting structural characteristics in overall FDI series. Alternatively, cross-border merger and acquisition (M&A) data could be used. In certain segments of FDI flows, like the foreign expansion of Russian MNEs before 2014, this mode of entry played an important role [Kalotay, 2015]. However, with the cooling off of international relations, their role diminished drastically (cf. [UNCTAD, 2021]). Hence, a comprehensive view until recent times is better based on greenfield data. To be noted also that conceptually it would be very interesting to include brownfield data, too

9 Bennett V. (2016). EBRD Updates Transition Concept. *The European Bank for Reconstruction and Development*, November 2, 2016. Available at: <https://www.ebrd.com/news/2016/ebrd-updates-transition-concept.html>, accessed 15.09.2021.



**Figure 4.** The ratio of FDI outward FDI stock versus inward FDI stock in selected transition economies, 2020 (Per cent)

**Рис. 4.** Отношение накопленных объемов экспортированных ПИИ к накопленным объемам импортированных ПИИ в ряде стран с переходной экономикой в конце 2020 г. (%)

**Source:** The authors' calculations, based on data from the UNCTAD FDI/MNE database.

(cf. [Kalotay, 2001; Estrin, Meyer, 2011]). However, such collections are not available. These transactions are either recorded in M&A data (at the moment of initial investment) or greenfield numbers (at the moment of additional investment).

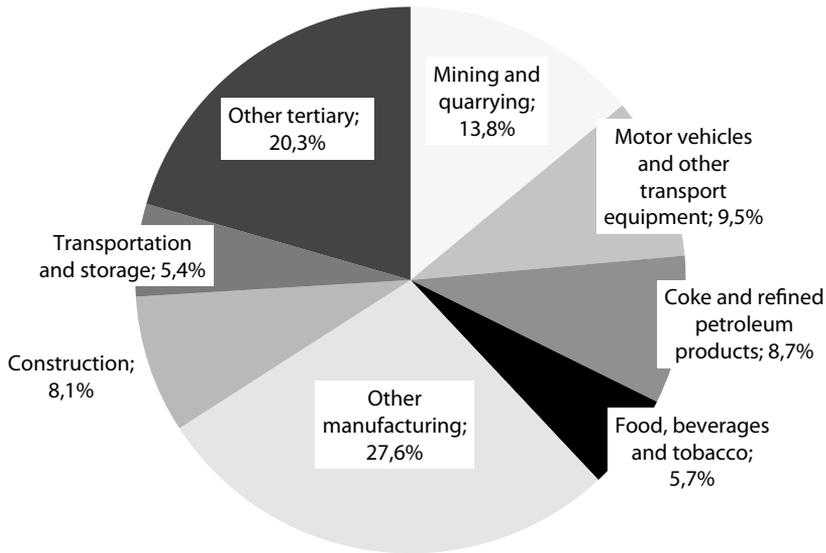
Therefore, this article relies on greenfield values, even if they include values of unrealized commitments, showing some flows larger than reality, and even if data are available from 2003 on. We know that 94 per cent of the inflows of the post-Soviet economies have been realized after 2003 – and 88 per cent of the inward FDI stock. Another advantage of those greenfield data is their relatively quick availability.

In the inward FDI commitments registered in the 12 post-Soviet economies between 2003 and June 2021, manufacturing accounted for slightly more than half of

the total values, related typically to motor vehicles production, coke and refined petroleum and food and beverages, confirming the importance of market seeking motives in the majority of cases (figure 5)<sup>10</sup>. Mining and quarrying, including oil and gas accounts for 14 per cent. The rest was attributed to services, especially transportation and storage.

In terms of source countries, despite efforts for diversification towards developing and transition economies after the political events of 2014 in the Russian Federation and other EAEU member countries, more than two-thirds of the values were originated in developed countries (figure 6). These countries have remained important sources of technology and modern production capacities, not easily replaceable by other countries. The EU accounted

<sup>10</sup> In the automotive industry, in some countries, especially in the Republic of Moldova, efficiency-seeking production for global value chains could also be detected.



**Figure 5.** Main industries of inward greenfield FDI commitments in the 12 post-Soviet economies, 2003–June 2021 (Per cent)

**Рис. 5.** Отраслевая структура импортированных ПИИ в проекты «с нуля» в 12 постсоветских странах в 2003 г. – июне 2021 г. (%)

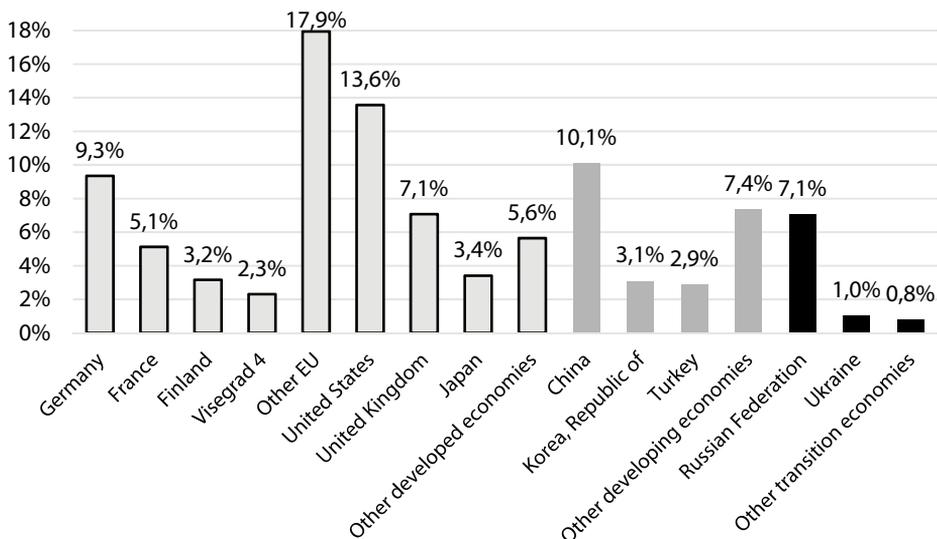
**Source:** The authors’ calculations, based on information from the Financial Times Ltd. fDI Markets.

for close to 40 per cent of the greenfield commitments in the 12 post-Soviet economies, with Germany, France and Finland taking the leading roles. With 14 per cent, the United States was the largest single source country. Developing countries represented 23 per cent, of which China alone accounted for 10 per cent. The share of intra-regional projects was 9 per cent. The Russian Federation (7 per cent) was a major investor in most of the other post-Soviet countries.

The sectoral composition of outward greenfield FDI commitments by multinationals from the post-Soviet economies, in their majority Russian multinationals, reflects the strategies of controlling downstream activities in the natural resources in which they specialize. This situation (the concentration of extractive activities at home) results in a relatively low share of mining activities: less than 8 per cent (figure 7). In turn, downstream coke and re-

fined petroleum and metallurgy together represent close to 30 per cent of the value of commitments. Beside them only automotive is relatively large in manufacturing. In services again, energy (electricity, gas, steam and air conditioning supply) is the largest industry (21 per cent), reflecting the competitive advantages of post-Soviet multinationals, followed by transportation and storage (14 per cent) (figure 7).

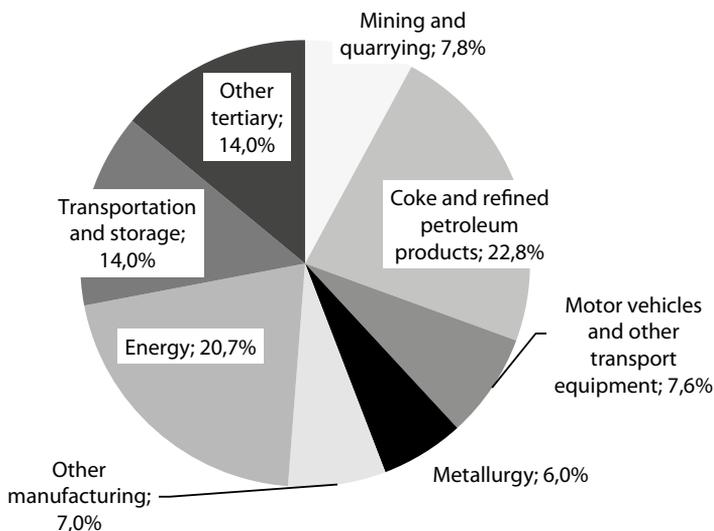
The geography of outward FDI greenfield commitments shows a relatively low concentration in developed economies and a high concentration in developing and transition economies, some of which with difficult business environments (e.g., Iraq). This strategy is different from the strategy of cross-border acquisitions of post-Soviet, especially Russian, multinationals, focusing more until recently on ensuring control over assets in developed economies [Kalotay, Panibratov, 2013; Kalotay, 2015]. Developed economies account for



**Figure 6.** Main source countries of inward greenfield FDI commitments in the 12 post-Soviet economies, 2003–June 2021 (Per cent)

**Рис. 6.** Основные страны – источники поступлений ПИИ в проекты «с нуля» в 12 постсоветских странах в 2003 г. – июне 2021 г. (%)

**Source:** The authors' calculations, based on information from the Financial Times Ltd. fDI Markets.



**Figure 7.** Main industries of outward greenfield FDI commitments from the 12 post-Soviet economies, 2003–June 2021 (Per cent)

**Рис. 7.** Отраслевая структура экспортированных ПИИ в проекты «с нуля» из 12 постсоветских стран в 2003 г. – июне 2021 г. (%)

**Source:** The authors' calculations, based on information from the Financial Times Ltd. fDI Markets.

less than one fifth (figure 8), with Germany being by far the most important target (around 6 per cent). Developing economies account for more than half, with the share of Turkey and Egypt exceeding 10 per cent. Post-Soviet greenfield commitments are well present in all developing regions, Asia alone taking up 37 per cent, Africa 14 per cent and Latin America and the Caribbean 4 per cent. Transition economies also take up roughly one-quarter of greenfield commitments, with Uzbekistan, Kazakhstan and Ukraine, in that order, being the most frequently target economies (figure 8).

### Measuring reliance on FDI with the UNCTAD Performance Index

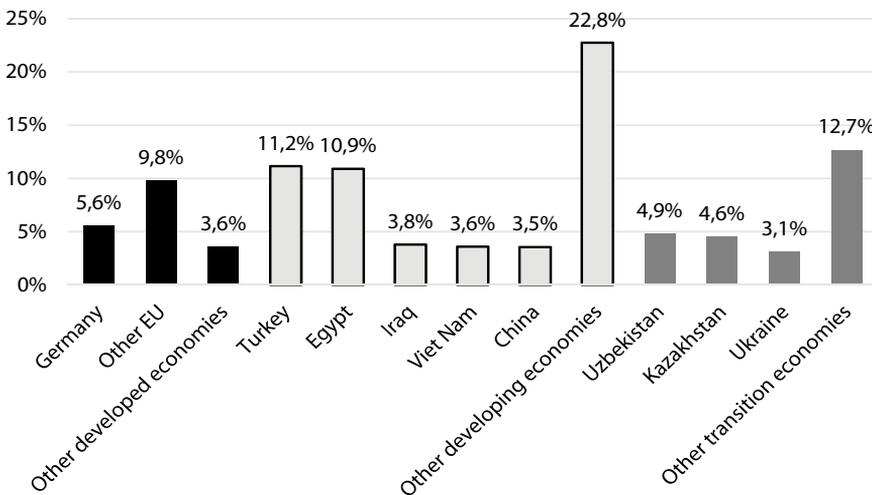
To draw basis conclusions on the role of FDI in the development strategies of the 12 post-Soviet countries, it is necessary to measure to what degree has the develop-

ment of these countries relied on attracting inward FDI and/or promoting outward FDI or both, especially in comparison with other transition economies and groups. To answer that question, we use a modified and further developed version of UNCTAD's classical Performance Index [UNCTAD, 2002, pp. 23–28], which measures the FDI intensity of individual economies or groups. Its formula is the following:

$$FDI\ Performance\ Index_i = \frac{FDI_i / FDI_v}{GDP_i / GDP_v}$$

Where

- FDI Performance Index<sub>i</sub> is the index value for country i
- FDI<sub>i</sub> is the FDI flow or stock of country i in the given period
- FDI<sub>v</sub> is world FDI flow or stock in the given period
- GDP<sub>i</sub> is the GDP for country i in the given period
- GDP<sub>v</sub> is world GDP in the given period.



**Figure 8.** Main target countries of outward greenfield FDI commitments from the 12 post-Soviet economies, 2003–June 2021 (Per cent)

**Рис. 8.** Основные страны – получатели ПИИ из 12 постсоветских стран в проекты «с нуля» в 2003 г. – июне 2021 г. (%)

**Source:** The authors' calculations, based on information from the Financial Times Ltd. FDI Markets.

The Index was originally developed to measure the performance of inflows over three-year averages (to mitigate the effects of cycles and lumpiness). It was explained as follows: “The Inward FDI Performance Index is the ratio of a country’s share in global FDI flows to its share in global GDP. Countries with an index value of one receive FDI exactly in line with their relative economic size. Countries with an index value greater than one attract more FDI than may be expected on the basis of relative GDP” [idem, p. 23].

In this article, we have replaced FDI inflows by inward FDI stocks, in order to further minimize the above-mentioned relative weakness of the index, namely its fragility vis-à-vis the volatility and lumpiness of FDI flows. We have added the same measure for outward FDI stocks, and a combination of the two, in order to gauge also the role of outward FDI in economic development strategies. To add a more dynamic perspective, we have measured changes in the index between 2008 and 2020.

The results show that, unlike the other transition groups (the non-EU member Western Balkans, the Baltic States and the new EU members except Baltics), the majority of post-Soviet countries have relied on inward FDI in their development strategies less than the world average both before the Global Financial Crisis and in 2020. The group average increased slightly but remained under 1 (figure 9). However, reflecting the diversity of the group, the ratio of various countries exceeded 1 (for more details, see annex table 1). The group average remained low because of the low values of some large countries, especially Belarus, the Russian Federation, Uzbekistan (in both dates) and Ukraine (in 2020). However, with the exception of Armenia, the Republic of Moldova, Tajikistan and Ukraine, the ratio of inward FDI reliance was increasing in the post-Soviet group. To be noted that in the control groups of the

Baltic States and the other new EU member countries, the ratio, though well beyond 1, was on a downward trend. In some key countries like Lithuania, Poland and Romania, the ratio fell below 1, indicating a switch to lower than the world average reliance on inward FDI by 2020.

Reliance on outward FDI has remained under the world average in practically all transition economies, post-Soviet and other, and in both periods of time. Only the value for Estonia in 2008 and for Azerbaijan in 2020 exceeded 1. In the Russian Federation, often regarded as a strong outward investing emerging economy, the ratio increased slightly, from 0.48 to 0.55, but remained far below the benchmark of 1. As a result, if we measure the combined effects of inward AND outward FDI, all group ratios remained under 1 all the time, indicating that ALL transition economies were still at a low ebb of overall globalization. Of the six economies exceeding the benchmark of 1 in 2020, three were post-Soviet (Azerbaijan, Georgia and Kazakhstan), one a Baltic State (Estonia), one new EU member (Czechia) and one from the Western Balkans (Montenegro). In turn, the bottom five (Uzbekistan, Belarus, Ukraine, Tajikistan and the Republic of Moldova, in that order) were all from the post-Soviet space.

The authors of this article have also tested if it was possible to differentiate the patterns of reliance on FDI by the international policy orientation of post-Soviet countries. The indexes of EAEU members – supposed to be more oriented towards intra-regional cooperation – and GUAM members – supposed to be following more opening towards cooperation with Western partners – showed some, but not large differences. The inward FDI Performance Index of the GUAM was slightly higher – roughly 1 in both points of time – than in the EAEU group, whose inward index remained below 1 but was rising. As for the outward index, it was well below 1 in both

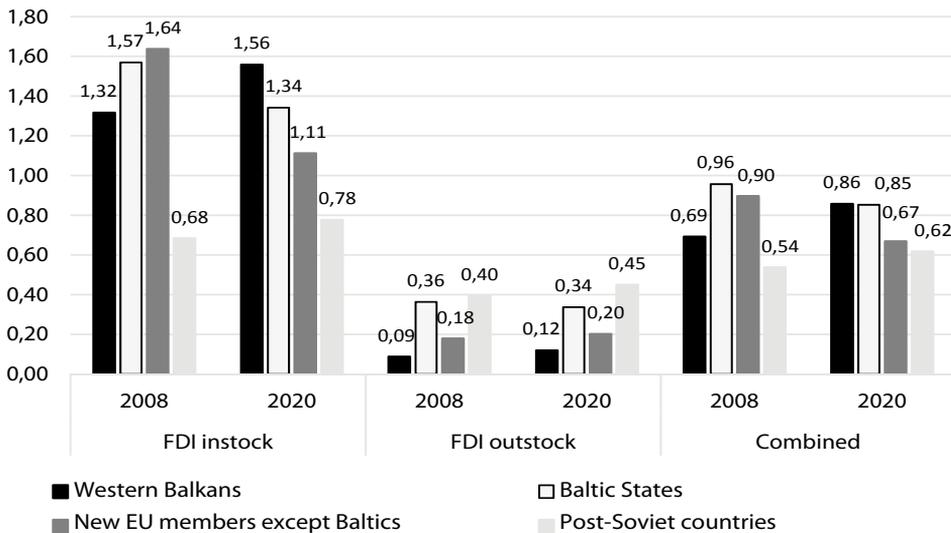
groups but higher in the EAEU. As a result, the combined index values converged almost totally by 2020 (0.65 for the GUAM group and 0.67 in the EAEU). From this, it can be concluded that the two groups have followed slightly different FDI strategies, with GUAM relying more on inward and the EAEU, which includes the region’s dominant capital exporter, the Russian Federation, has relied more on outward FDI.

### Concluding findings

Three decades ago, a world based on almost full State ownership of production and limited relations with other countries (channelled mostly through State trading companies) collapsed in the aftermath of the dissolution of the Soviet Union. In

this apparently very stable and immovable context, FDI used to play a very marginal role. Foreign firms could at best form joint ventures with Soviet State-owned firms under the special permission of the central authorities, or engage in non-equity transactions, again under special authorization. As for the “red multinationals” [Hamilton, 1986], they were engaged mostly in trading activities.

In principle, the dissolution of the Soviet Union and transition to market economy opened the doors both inward and outward FDI wide open. However, the variety (or varieties) of capitalism that emerged in the post-Soviet space did not favour either massive or high-quality inflows and limited outflows to activities of value chain control in outward FDI. Both the business environment and the emerging monopolies of local elites (oligarchs) over resources



**Figure 9.** The FDI inward FDI stock, outward FDI stock and combined FDI Performance Indexes of transition economies, group averages, 2008 and 2020 (Ratios)

**Рис. 9.** Накопленные объемы импортированных и экспортированных ПИИ, а также комбинированный показатель привлекательности для ПИИ стран с переходной экономикой, по основным группам в 2008 и 2020 гг.

**Source:** The authors’ calculations, based on UNCTAD data.

limited the scope for inward FDI for a long time. In outward FDI, oligarch-based activities have dominated. In most countries, these oligarchs became related to State power. In the largest country, the Russian Federation, this process became patent under the presidency of Vladimir Putin after 1999.

As a result of these development trajectories, the post-Soviet economies have relied relatively little on either inward or outward FDI in their development strategies of the past three decades, though there has been some rise in that reliance over time. This strategy has been different from the strategy of other transition economies, especially the ones that joined the EU in 2000s, which relied heavily on inward FDI in the initial stages of transition, although that dependence diminished over time. It was also different from the strategy of the countries in the Western Balkans, whose reliance was increasing over time. These findings are also in slight variance with the point of view of the investment development path according to which at least the Russian Federation would be in the stage of increasing outward FDI. This is related to the fact that the OFDI/IFDI ratio is high mostly because the ratio of FDI to the relative size of the economy (GDP) is low.

It is particularly challenging to link the fact of low reliance on FDI with GDP growth. The first phase of transition (till 1999) saw a major decline in the group's share in world GDP (from around 2.5 to 1 per cent), but then there was a rise in the same share till 2014 (3.9 per cent) and then again a continuous decline till 2020 (2.4 per cent). It is no easy to find a causality between FDI and GDP and to determine its direction. The group had at least one period of fast growth (2000–2014) without strong reliance on FDI (but still with a

major rise in outward FDI). It may also be that the quality of FDI has also mattered, not just its volume.

It is also important to consider the idiosyncratic characteristics of the post-Soviet space when evaluating the role of FDI inflows and outflows and their impact on economic development. In other words, the main benchmark for evaluation would be a hypothetical post-Soviet group that would have performed better in terms of human and economic development. Can we attribute the modest results of development to the political vicissitudes and crises of the post-Soviet countries? Or the post-2014 sanctions and counter-sanctions? (But then how to explain the pre-2014 trajectory?) We do not know either if in a hypothetical more prosperous group, inward and outward FDI would have really played a more pronounced role.

Having considered the idiosyncrasies, one observation is still valid: post-Soviet countries in general have not been champions of industrial policies, at least not at the same scale as the efforts of the Asian champions such as China, the Republic of Korea or Singapore, to mention a few, or at least Japan or the European Union<sup>11</sup>. And this is an important consideration because inward and outward FDI promotion is an integral part of industrial policy [UNCTAD, 2018]. Not having strong industrial policies is a missed opportunity, even if one thinks that the domestic and international political environment has not been always favourable. In other words, when we look at the development path of the post-Soviet economies, development denotes mostly an evolution of the economic environment with very modest government guidance and relatively limited actions based on long-term visions of public authorities. FDI flows are part of this picture, and should be evaluated as such.

11 Paradoxically, industrial policies were revived in the Russian Federation after 2014, under the effects of international sanctions, when import substitution became an imperative. Still, these policies integrated the FDI element very little.

## Looking into the future and policy recommendations

It is not straightforward to draw conclusions for the future of FDI in the group and its role in prospective economic development, especially when taking into consideration the game changing nature of the COVID-19 crisis. COVID-19 itself has not been the focus of this article looking at long-term patterns. However, COVID-19 is relevant in the sense that it was only accelerating pre-existing problems that started well before 2020 (see [UNCTAD, 2020]). Already before the onset of that crisis, both FDI and GDP growth of the post-Soviet economies were on a downward trend, very probably related to the three mega-trends that received a further boost by COVID-19: the challenges of digitalization, sustainable development and the preservation of multilateralism.

In all three areas, the post-Soviet economies were mostly negatively affected by changes in the world economy. In their post-crisis strategies, they will have to adapt faster to the requirements of the new normal, which in principle can be done both through heavy reliance on FDI or not. Some economies of the group have at least some domestic capacities to rely on while waiting for the end of the wait-and-see attitude of international investors and have drawn up plans to leave the crisis. However, given the extent of the challenges, it is difficult to envisage a successful exit from the crisis without some form of international engagement in the medium and longer term. That in turn would redefine the role of FDI, which may need to be more adapted to digitalization and more sustainable, even if in the short term that would mean less FDI. In addition, policies towards reinforcing multilateralism need to be revitalized in a world that for some time has been going to the opposite direction for some time. In this later area, the role of the Russian Federa-

tion is very different from that of the other post-Soviet States. Even the larger ones such as Kazakhstan and Ukraine are takers of the changing international environment, while the Russian Federation is one of the shapers of the global scene, with all the responsibilities that such a status entails [McCarthy *et al.*, 2019].

Hypotheses about the shape of the post-COVID new world of FDI in the post-Soviet group could be the subject of various important studies in the future, going beyond the scope of this article. The most important question in this respect would be a re-thinking of public development policies, which of course would also encompass FDI promotion and facilitation. However, should the post-Soviet countries wish to revitalize FDI, the main goals should be an increased welfare for the majority of the population, more even distribution of wealth and more respect towards environmental consideration. That leads us to the thorny issue of the quality of the government and of public services. It has been a subject of many studies and the conclusions have almost always been a call for better, cleaner governments.

For the deficiencies and distortions of government services, it is not completely wrong to blame the sudden dissolution of the Soviet Union and the lack of local expertise in public administration (with the notable exception of the Russian Federation) or the resource curse. However, three decades after independence, it is not possible to stop there. On the most recent list of transparent governments [Transparency International, 2020], Estonia had 75 points of the possible 100 (one point more than Japan and eight more than the United States), Lithuania 60, Georgia 56, Armenia 49, Belarus 47, Kazakhstan 38 (ex aequo with Brazil), Ukraine 33, Azerbaijan and the Russian Federation 30 (the same number of points as Gabon, Malawi and Mali) and Turkmenistan 19 (12<sup>th</sup> from the

bottom). And yet, till 1991 all these countries belonged to the same Soviet Union. Naturally, transparency is just one of the many aspects of the quality of government services, but still shows their uneven development over the past decades. It is reasonable to believe that the COVID-19 crisis has further increased the importance of good governance.

## References

- Adarov A., Hunya G. (2020). Foreign Investments Hit by COVID-19 Pandemic. FDI in Central, East and Southeast Europe. *wiiw FDI Report*. no 2020-12, Vienna: Vienna Institute for International Economic Studies – wiiw. Available at: <https://wiiw.ac.at/foreign-investments-hit-by-covid-19-pandemic-fdi-in-central-east-and-southeast-europe-p-5540.html>, accessed 16.05.2021.
- Andreff W. (2011). Les Firmes Multinationales Russes: Vers la Maturité. *Papeles de Europa*, vol. 23, pp. 2–20. DOI: 10.5209/rev\_PADE.2011.v23.37926
- Andreff W. (2015). Outward Foreign Direct Investment from BRIC Countries: Comparing Strategies of Brazilian, Russian, Indian and Chinese Multinational Companies. *The European Journal of Comparative Economics*, vol. 12, no 2, pp. 79–131. Available at: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01342391/document>, accessed 16.05.2021.
- Andreff W., Andreff M. (2017). Multinational Companies from Transition Economies and Their Outward Foreign Direct Investment. *Russian Journal of Economics*, vol. 3, no 4, pp. 445–474. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.12.008
- Balakishi S. (2020). *Russian Multinational Firms and Their Investment Activities in Emerging Economies: The South Caucasus*. Ph.D. thesis, University of Bristol. Available at: <https://research-information.bris.ac.uk/en/studentTheses/russian-multinational-firms-and-their-investment-activities-in-em>, accessed 16.05.2021.
- Bulatov A.S. (1998). Russian Direct Investment abroad: Main Motivations in the Post-Soviet Period. *Transnational Corporations*, vol. 7, no 1, pp. 69–82. Available at: [https://unctad.org/system/files/official-document/iteit9v7n1\\_en.pdf](https://unctad.org/system/files/official-document/iteit9v7n1_en.pdf), accessed 16.05.2021.
- Bulatov A.S. (2017). Offshore Orientation of Russian Federation FDI. *Transnational Corporations*, vol. 24, no 2, pp. 71–89. DOI: 10.18356/ed298a0d-en
- Bulatov A.S., Kuznetsov A.V., Ponomarev A.V., Pertseva S.Y., Tatarinova S.M., Maltseva O.A., Tatulov K.G. (2015). *The Russian Model of Capital Exports*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).
- Bulatov A.S., Kvashnin Y.D., Kuznetsov A.V., Pertseva S.Y., Platonova I.N., Rebrey S.M., Senyuk N.Y., Tatulov K.G. (2019). *Russia in International Capital Flows in 2018 – early 2019: Analytical Report*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).
- Casella B. (2019). Looking through Conduit FDI in Search of Ultimate Investors – A Probabilistic Approach. *Transnational Corporations*, vol. 26, no 1, pp. 109–146. DOI: 10.18356/8a8b094c-en
- Curwin K.D., Mahutga M.C. (2014). Foreign Direct Investment and Economic Growth: New Evidence from Post-Socialist Transition Countries. *Social Forces*, vol. 92, no 3, pp. 1159–1187. DOI: 10.1093/sf/sot128
- Dikova D., Panibratov A., Veselova A. (2019). Investment Motives, Ownership Advantages and Institutional Distance: An Examination of Russian Cross-Border Acquisitions. *International Business Review*, vol. 28, no 4, pp. 625–637. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2018.12.007
- Dunning J.H. (1981). Explaining the International Direct Investment Position of Countries: Towards a Dynamic or Developmental Approach. *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 117, no 1, pp. 30–64. DOI: 10.1007/BF02696577

Dunning J.H. (1986). The Investment Development Cycle Revisited. *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 122, no 4, pp. 667–676. DOI: 10.1007/BF02707854

Estrin S. (2017). Foreign Direct Investment and Employment in Transition Economies: Has FDI into Transition Economies Had the Expected Effects? *IZA World of Labor*. no 330. DOI: 10.15185/izawol.330

Estrin S., Meyer K.E. (2011). Brown-field Acquisitions: A Reconceptualization and Extension. *Management International Review*, vol. 51, no 4, article number 483. DOI: 10.1007/s11575-011-0088-x

Filippov S. (2008). Russia's Emerging Multinationals: Trends and Issues. *UNU-MERIT Working Paper Series*. no 2008–062, Maastricht, Netherlands: United Nations University, Maastricht Economic and Social Research and Training Centre on Innovation and Technology. Available at: <https://www.merit.unu.edu/publications/working-papers/abstract/?id=3541>, accessed 16.05.2021.

Filippov S. (2011). Russia's Emerging Multinational Companies Amidst the Global Economic Crisis. *UNU-MERIT Working Paper Series*. no 2011–003, Maastricht, Netherlands: United Nations University, Maastricht Economic and Social Research and Training Centre on Innovation and Technology. Available at: <https://www.merit.unu.edu/publications/working-papers/abstract/?id=4048>, accessed 16.05.2021.

Filippov S. (2012). Emerging Russian Multinational Companies: Managerial and Corporate Challenges. *European Journal of International Management*, vol. 6, no 3, pp. 323–341. DOI: 10.1504/EJIM.2012.047027

Hamilton G. (ed.) (1986). *Red Multinationals or Red Herrings? The Activities of Enterprises from Socialist Countries in the West*, New York: St. Martin's Press.

Hunya G. (2008). Can Internationalization through Inward FDI Be Advan-

tageous for Russia? *Economic Restructuring and Integration in Eastern Europe: Experiences and Policy Implications* (eds. Grinberg R., Havlik P., Havrylyshyn O.), Baden-Baden: Nomos, pp. 453–461. DOI: 10.5771/9783845210049-453

Jude C. (2019). Does FDI Crowd out Domestic Investment in Transition Economies? *Economics of Transition and Institutional Change*, vol. 27, no 1, pp. 163–200. DOI: 10.1111/ecot.12184

Kalotay K. (2001). The Contribution of Foreign Direct Investment to Transition Revisited. *The Journal of World Investment*, vol. 2, no 2, pp. 259–276. DOI: 10.1163/221190001X00266

Kalotay K. (2004). Will Foreign Direct Investment Take Off in the Russian Federation? *The Journal of World Investment & Trade*, vol. 5, no 1, pp. 119–138. DOI: 10.1163/221190004X00335

Kalotay K. (2010). Patterns of Inward FDI in Economies in Transition. *Eastern Journal of European Studies*, vol. 1, no 2, pp. 55–76. Available at: [http://ejes.uaic.ro/articles/EJES2010\\_0102\\_KAL.pdf](http://ejes.uaic.ro/articles/EJES2010_0102_KAL.pdf), accessed 16.05.2021.

Kalotay K. (2012). Indirect FDI. *The Journal of World Investment & Trade*, vol. 13, no 4, pp. 542–555. DOI: 10.1163/221190012X649841

Kalotay K. (1) (2013). The 2013 Cyprus Bailout and the Russian Foreign Direct Investment Platform. *Baltic Rim Economies – Bimonthly Economic Review*, no 3/2013, pp. 58–59. Available at: [https://sites.utu.fi/bre/wp-content/uploads/sites/227/2019/04/BRE\\_2013\\_3.pdf](https://sites.utu.fi/bre/wp-content/uploads/sites/227/2019/04/BRE_2013_3.pdf), accessed 16.05.2021.

Kalotay K. (2) (2013). FDI in the Former Soviet Periphery in Six Charts. *AIB Insights*, vol. 13, no 4, pp. 8–12. DOI: 10.46697/001c.16942

Kalotay K. (2014). The Crimean Crisis and the Future of Russian Outward Foreign Direct Investment. *Baltic Rim Economies – Bimonthly Economic Review*, no 4/2014, pp. 24–26. Available at: <https://>

papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\_id=2517313, accessed 16.05.2021.

Kalotay K. (2015). Acquisitions as Engines of Foreign Expansion of Russian Multinationals. *Handbook of Emerging Market Multinational Corporations* (eds. Demirbag M., Yaprak A.), Cheltenham, Glos. – Northampton MA: Edward Elgar, pp. 239–259. DOI: 10.4337/9781782545019.00021

Kalotay K., Panibratov A. (2013). Cross-border M&A and Competitive Advantage of Russian EMNEs. *The Competitive Advantage of Emerging Market Multinationals* (eds. Williamson P.J., Ramamurti R., Fleury A., Leme Fleury M.T.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 220–238. DOI: 10.1017/CBO9781139506694.018

Kalotay K., Sulstarova A. (2010). Modelling Russian Outward FDI. *Journal of International Management*, vol. 16, no 2, pp. 131–142. DOI: 10.1016/j.intman.2010.03.004

Kalotay K., Sulstarova A. (2013). Long-Term Prospects of Inward Foreign Direct Investment in the Baltic Sea Region. *Journal of East-West Business*, vol. 19, no 1–2, pp. 79–90. DOI: 10.1080/10669868.2013.780500

Kinoshita Y., Campos N.F. (2003). Why Does FDI Go Where it Goes? New Evidence from the Transition Economies. *IMF Working Paper*. no 03/228. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/30/Why-Does-Fdi-Go-Where-it-Goes-New-Evidence-From-the-Transition-Economies-16954>, accessed 16.05.2021.

Kononov O. (2010). Ukraine's Inward FDI and Its Policy Context. *Columbia FDI Profiles*, April 13, 2010. DOI: 10.7916/D8VM4K3W

Kuznetsov A.V. (2007). *Internationalization of the Russian Economy: An Investment Aspect*, Moscow: KomKniga (in Russian).

Kuznetsov A.V. (2009). Finland Center for the Study of Investment Relations of Russia. *World Economy and In-*

*ternational Relations*, no 2, pp. 122–127. Available at: [https://www.imemo.ru/index.php?page\\_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02\\_2009/17-Kuznetsov.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2009/17-Kuznetsov.pdf), accessed 16.05.2021 (in Russian).

Kuznetsov A. (1) (2010). Inward FDI in Russia and Its Policy Context. *Columbia FDI Profiles*, June 30, 2011. DOI: 10.7916/D82232NT

Kuznetsov A.V. (2) (2010). Urgent Tasks for Research on Russian TNCs. *Transnational Corporations*, vol. 19, no 3, pp. 81–95. DOI: 10.18356/a4d8cef8-en

Kuznetsov A.V. (ed.) (3) (2010). *The Influence of Russian Investment Expansion on the Image of Russia in Europe*, Moscow: IMEMO RAN (in Russian).

Kuznetsov A. (2011). Russia: Outward FDI and Its Policy Context, Update 2011. *Columbia FDI Profiles*, August 2, 2011. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2337449>, accessed 16.05.2021.

Kuznetsov A. (2012). Inward FDI in Russia and Its Policy Context. *Columbia FDI Profiles*, September 4, 2012. DOI: 10.7916/D82J6M2S

Kuznetsov A.V. (2013). Monitoring of Direct Investments of Belarus, Kazakhstan, Russia and Ukraine in Eurasia. *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 19. Available at: [https://eabr.org/upload/iblock/d7a/report\\_19\\_en\\_preview.pdf](https://eabr.org/upload/iblock/d7a/report_19_en_preview.pdf), accessed 16.05.2021.

Kuznetsov A.V. (2016). Russian Direct Investment as a Factor of Eurasian Integration. *Problems of Economic Transition*, vol. 58, no 4, pp. 348–361. DOI: 10.1080/10611991.2016.1222802

Kuznetsov A.V. (2020). Foreign Direct Investment. *International Encyclopedia of Human Geography* (ed. Kobayashi A.), Amsterdam: Elsevier, pp. 219–227. DOI: 10.1016/B978-0-08-102295-5.10070-8

Kuznetsov A.V. (2021). Direct Investment from Russia Abroad: Changes since 2018. *Istoriya*, no 21, pp. 9–15. DOI: 10.18254/S207987840015225-6

Kuznetsov A., Baronina Y., Volodina M., Gemuyeva K., Kvashnin Y., Lukonin S., Markarova A., Nevskaya A., Frumkin B., Chetverikova A., Shchedrin A. (2017). EAEU and Eurasia: Monitoring and Analysis of Direct Investments. *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 47. Available at: [https://russiancouncil.ru/upload/iblock/7c4/edb-centre\\_2017\\_report-47\\_fdi-eurasia\\_eng.pdf](https://russiancouncil.ru/upload/iblock/7c4/edb-centre_2017_report-47_fdi-eurasia_eng.pdf), accessed 16.05.2021.

Kuznetsov A.V., Kvashnin Y.D., Gutnik A.V. (2013). Monitoring of Mutual Investments in the CIS. *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 15. Available at: [https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2013/13015\\_en.pdf](https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2013/13015_en.pdf), accessed 16.05.2021.

Kuznetsov A.V., Kvashnin Y.D., Gutnik A.V., Slesareva K.V. (1) (2014). Monitoring of Mutual Investments in the CIS Countries-2014. *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 26. DOI: 10.2139/ssrn.2524050

Kuznetsov A.V., Kvashnin Y.D., Lukonin S.A., Chetverikova A.S., Shchedrin A.V. (2) (2014). Monitoring of Direct Investments of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine in Eurasia – 2014. *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 28. DOI: 10.2139/ssrn.2554961

Kuznetsov A.V., Kvashnin Y.D., Sidorova E.A., Khavronin S.B. (2012). Monitoring Mutual Investments in the CIS Countries. *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 6. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2832081>, accessed 16.05.2021 (in Russian).

Kuznetsov A.V., Nevskaya A.A. (2017). Geography of FDI from Visegrad Countries in Russia. *Bulletin of Geography*. Socio-economic Series, no 36, pp. 107–115. DOI: 10.1515/bog-2017-0018

Kvashnin Y.D. (2018). Russian-Ukrainian Investment Ties after the Euromaidan. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no 4, pp. 63–71 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-63-71

Ledyeva S., Karhunen P., Whalley J. (2013). Offshore Jurisdictions (including

Cyprus), Corruption Money Laundering and Russian Round-trip Investment. *National Bureau of Economic Research Working Paper Series*. no 19019. Available at: <http://www.nber.org/papers/w19019>, accessed 16.05.2021.

Liuhto K. (ed.) (2006). *Expansion or Exodus? Why Do Russian Corporations Invest Abroad?* Binghamton NY: International Business Press. Available at: <https://www.routledge.com/Expansion-or-Exodus-Why-Do-Russian-Corporations-Invest-Abroad/Liuhto/p/book/9780789032867>, accessed 16.05.2021.

Liuhto K. (2015). Motivations of Russian Firms to Invest Abroad: How Do Sanctions Affect Russia's Outward Foreign Direct Investment? *The Baltic Region*, no 4(26), pp. 4–19. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-1

Liuhto K., Majuri S. (2014). Outward Foreign Direct Investment from Russia: A Literature Review. *Journal of East-West Business*, vol. 20, no 4, pp. 198–224. DOI: 10.1080/10669868.2014.967434

Liuhto K., Sutyryn S., Blanchard J.-M.F. (eds.) (2017). *The Russian Economy and Foreign Direct Investment*, Abingdon, Oxon–New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781315651101

Liuhto K., Vahtra P. (2007). Foreign Operations of Russia's Largest Industrial Corporations – Building a Typology. *Transnational Corporations*, vol. 16, no 1, pp. 117–144. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/605091?ln=en>, accessed 16.05.2021.

McCarthy D.J., Puffer S.M., Satinsky D.M. (2019). Will Russia Have a Role in the Changing Global Economy? Contrasting Western and Russian Cultural Lenses. *Cross Cultural & Strategic Management*, vol. 26, no 2, pp. 265–289. DOI: 10.1108/CCSM-10-2018-0164

Okafor G., Webster A. (2016). Foreign Direct Investment in Transition Economies of Europe and the Former Soviet Union. *Palgrave Dictionary of Emerging Markets*

and Transition Economics (eds. Hölscher J., Tomann H.), Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 413–434. DOI: 10.1007/978-1-137-37138-6\_22

Panibratov A. (2012). *Russian Multinationals: From Regional Supremacy to Global Lead*, Abingdon, Oxon – New York: Routledge. Available at: <https://www.routledge.com/Russian-Multinationals-From-Regional-Supremacy-to-Global-Lead/Panibratov/p/book/9780415731348>, accessed 16.05.2021.

Panibratov A. (2016). Home Government Influence on Russian MNEs: Balancing Control against Interest. *International Journal of Emerging Markets*, vol. 11, no 4, pp.474–496. DOI: 10.1108/IJoEM-11-2014-0193

Panibratov A., Ermolaeva A., Abramov A. (2015). The Liability of Foreignness in the Internationalization Process of Russian Energy Companies. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 8: Management*, no 2, pp. 39–73. Available at: [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_23752444\\_10565469.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23752444_10565469.pdf), accessed 16.05.2021 (in Russian).

Panibratov A., Kalotay K. (2009). Russian Outward FDI and Its Policy Context. *Columbia FDI Profiles*, October 13, 2009. DOI: 10.7916/D84173W5

Panibratov A., Michailova S. (2019). The Role of State Ownership and Home Government Political Support in Russian Multinationals' Internationalization. *International Journal of Emerging Markets*, vol. 14, no 3, pp. 436–450. DOI: 10.1108/IJOEM-10-2017-0380

Pelto E., Vahtra P., Liuhto K. (2004). Cyp-Rus Investment Flows to Central and Eastern Europe – Russia's Direct and Indirect Investments via Cyprus to CEE. *Journal of Business Economics and Management*, vol. 5, no 1, pp. 3–13. DOI: 10.1080/16111699.2004.9636063

Petrushkevich E.N. (2010). The Structure and Nature of Foreign Direct Investment in the Republic of Belarus. *Banking*

*Bulletin, Information-analytical and Scientific-practical Journal of the National Bank of the Republic of Belarus*, no 16(489), pp.20–26. Available at: <http://www.nbrb.by/bv/arch.asp?id=489>, accessed 16.05.2021 (in Russian).

Petrushkevich E.N. (2019). State Regulation of International Flows of Direct Investment in the Republic of Belarus. *Belarusian Economic Journal*, no 1(86), pp. 63–80. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37179051>, accessed 16.05.2021 (in Russian).

Sauvant K.P. (2006). Inward and Outward FDI and the BRICS. *Emerging Economies and the Transformation of International Business: Brazil, Russia, India and China (BRICs)* (ed. Subhash C. Jain), Cheltenham, Glos. – Northampton MA: Edward Elgar, pp. 313–409. DOI: 10.4337/9781847202987.00024

Shmarlovskaya G.A., Petrushkevich E.N. (2010). *Monitoring the Investment Climate and FDI Policy of the Republic of Belarus*, Minsk: Misanta (in Russian).

Tepavecic S. (2015). The Motives for Russian State-owned Companies for Outward Foreign Direct Investment and Its Impact on State-Company Cooperation: Observations Concerning the Energy Sector. *Transnational Corporations*, vol. 23, no 1, pp. 29–58. DOI: 10.18356/2cca1166-en

*Transparency International* (2020). Corruption Perceptions Index 2020, Berlin: Transparency International. Available at: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl>, accessed 16.05.2021.

UNCTAD (2002). World Investment Report 2002: Transnational Corporations and Export Competitiveness, New York and Geneva: United Nations.

UNCTAD (2018). World Investment Report 2018: Investment and New Industrial Policies, New York and Geneva: United Nations.

UNCTAD (2020). World Investment Report 2020: International Production

beyond the Pandemic, New York and Geneva: United Nations.

UNCTAD (2021). World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery, New York and Geneva: United Nations.

UNECE (2001). Chapter 5: Economic Growth and Foreign Direct Investment in the Transition Economies. *Economic Survey of Europe*, no 1, pp. 185–225. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/443369?ln=en>, accessed 16.05.2021.

United Nations (1992). World Investment Directory 1992: Central and Eastern Europe, New York: United Nations. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/158036?ln=en>, accessed 16.05.2021.

Vahtra P., Liuhto K. (2006). An Overview of Russia's Largest Corporations Abroad. *Journal of East-West Business*, vol. 11, no 3–4, pp. 23–40. DOI: 10.1300/J097v11n03\_03

Weiner C. (2018). International Expansion of Russian Multinationals: A Focus on

Home-country Push Factors, Europe and Five CEE Countries. *Centre for Economic and Regional Studies HAS Institute of World Economics Working Paper*. no 250. DOI: 10.13140/RG.2.2.13322.36808

Weiner C. (2020). Russian Multinational Direct Investment in East Central European Countries. *Emerging-market Multinational Enterprises in East Central Europe* (ed. Szunomár Á.), Cham: Palgrave Macmillan, pp. 153–195. DOI: 10.1007/978-3-030-55165-0\_6

Zabortseva Y.N. (2014). Rethinking the Economic Relationship between Kazakhstan and Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 66, no 2, pp. 311–327. DOI: 10.1080/09668136.2013.872333

Zavyalova E.B., Tkachev V.N., Berezko V.E., Perepelkin A.N. (2019). Trends and Issues in Economic Relations of Cyprus and Russia. *The Cyprus Review*, vol. 31, no 3, pp. 139–157. Available at: <http://cyprusreview.org/index.php/cr/article/view/672>, accessed 16.05.2021.

**Annex table.** The inward, outward and combined FDI stock Performance Indexes of individual transition economies, 2008 and 2020 (Ratios)

**Приложение. Таблица.** Накопленные объемы импортированных и экспортированных ПИИ, а также комбинированный показатель привлекательности для ПИИ по отдельным странам с переходной экономикой в 2008 и 2020 гг.

Inward				Outward				Combined			
Country	Group	2008	2020	Country	Group	2008	2020	Country	Group	2008	2020
ME	W. Balkan	..	<b>2.69</b>	AZ	Post-Soviet	0.44	<b>1.36</b>	EE	Baltic	<b>1.87</b>	<b>1.55</b>
GE	Post-Soviet	<b>2.18</b>	<b>2.39</b>	EE	Baltic	<b>1.08</b>	0.78	AZ	Post-Soviet	0.50	<b>1.47</b>
EE	Baltic	<b>2.69</b>	<b>2.28</b>	RU	Post-Soviet	0.48	0.55	GE	Post-Soviet	<b>1.16</b>	<b>1.42</b>
KZ	Post-Soviet	<b>1.87</b>	<b>1.89</b>	HU	New EU	0.55	0.52	ME	W. Balkan	..	<b>1.40</b>
BG	New EU	<b>3.43</b>	<b>1.81</b>	CZ	New EU	0.22	0.50	CZ	New EU	<b>1.11</b>	<b>1.07</b>
RS	W. Balkan	<b>1.41</b>	<b>1.76</b>	GE	Post-Soviet	0.19	0.40	KZ	Post-Soviet	0.97	<b>1.06</b>
CZ	New EU	<b>2.02</b>	<b>1.61</b>	SI	New EU	0.62	0.35	BG	New EU	<b>1.74</b>	0.98
AZ	Post-Soviet	0.57	<b>1.58</b>	KG	Post-Soviet	0.00	0.26	RS	W. Balkan	0.76	0.98
TM	Post-Soviet	<b>1.03</b>	<b>1.52</b>	LT	Baltic	0.18	0.20	HU	New EU	<b>1.44</b>	0.94
AL	W. Balkan	0.94	<b>1.40</b>	KZ	Post-Soviet	0.10	0.19	AL	W. Balkan	0.49	0.78
HU	New EU	<b>2.36</b>	<b>1.34</b>	RS	W. Balkan	0.12	0.16	KG	Post-Soviet	0.56	0.73
SK	New EU	<b>2.21</b>	<b>1.26</b>	LV	Baltic	0.12	0.16	LV	Baltic	0.72	0.72
LV	Baltic	<b>1.34</b>	<b>1.25</b>	AL	W. Balkan	0.05	0.11	SK	New EU	<b>1.15</b>	0.70
MK	W. Balkan	<b>1.76</b>	<b>1.21</b>	SK	New EU	0.12	0.11	MK	W. Balkan	0.89	0.63
HR	New EU	<b>1.70</b>	<b>1.18</b>	BG	New EU	0.11	0.11	HR	New EU	<b>1.00</b>	0.63
KG	Post-Soviet	<b>1.14</b>	<b>1.17</b>	PL	New EU	0.06	0.10	RU	Post-Soviet	0.51	0.59
BA	W. Balkan	<b>1.35</b>	0.99	AM	Post-Soviet	0.02	0.08	SI	New EU	0.77	0.58
RO	New EU	<b>1.28</b>	0.89	BA	W. Balkan	0.03	0.06	LT	Baltic	0.67	0.54
LT	Baltic	<b>1.17</b>	0.87	BY	Post-Soviet	0.00	0.05	BA	W. Balkan	0.68	0.54
PL	New EU	<b>1.18</b>	0.86	MD	Post-Soviet	0.04	0.05	PL	New EU	0.61	0.49
MD	Post-Soviet	<b>1.46</b>	0.85	TJ	Post-Soviet	..	0.05	AM	Post-Soviet	0.62	0.48
AM	Post-Soviet	<b>1.24</b>	0.85	HR	New EU	0.32	0.05	RO	New EU	0.64	0.47
TJ	Post-Soviet	0.89	0.79	ME	W. Balkan	0.10	0.05	MD	Post-Soviet	0.74	0.46
SI	New EU	0.91	0.79	UA	Post-Soviet	0.15	0.04	TJ	Post-Soviet	..	0.43
UA	Post-Soviet	<b>1.06</b>	0.66	RO	New EU	0.03	0.02	UA	Post-Soviet	0.60	0.36
RU	Post-Soviet	0.54	0.62	MK	W. Balkan	0.04	0.02	BY	Post-Soviet	0.22	0.29
BY	Post-Soviet	0.45	0.50	UZ	Post-Soviet	..	0.01	UZ	Post-Soviet	..	0.19
UZ	Post-Soviet	0.35	0.36								

**Source:** The authors' calculations, based on UNCTAD data.

**Note:** Data are not available for the outward FDI stock of Turkmenistan. In other countries, ".." denotes non-availability of information.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-2

# Прямые иностранные инвестиции на постсоветском пространстве спустя три десятилетия после распада СССР

## Кальман КАЛОТАЙ

кандидат экономических наук (Венгерская академия наук), *PhD* (Университет Корвина, Будапешт, Венгрия);

сотрудник по экономическим вопросам

Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Avenue de la Paix 8-14, 1202, Женева, Швейцария (ушел в отставку 1 сентября 2021 года);

почетный профессор

Университет Корвина, Fővám tér 8, 1093, Будапешт, Венгрия

E-mail: kalotayk@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7349-9365

## Астрит СУЛСТАРОВА

*PhD* (Институт последипломного образования, Женева (*IHEID*), Швейцария);

старший сотрудник по экономическим вопросам

Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Avenue de la Paix 8-14, 1202, Женева, Швейцария

E-mail: astrit.sulstarova@un.org

ORCID ID: 0000-0002-6972-4942

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Калотай К., Сулстарова А. (2021). Прямые иностранные инвестиции на постсоветском пространстве спустя три десятилетия после распада СССР // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 5. С. 30–60. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-2

Статья поступила в редакцию 03.08.2021.

**АННОТАЦИЯ.** Бывший Советский Союз распался три десятилетия назад. Знаменательный 1991 г. не только стал началом независимости для стран постсоветского пространства, но и отправной точкой их перехода от централизованной плановой экономики к капитализму, пусть и часто с местной спецификой. На момент написания этой статьи, нацеленной на анализ долгосрочных структурных характеристик притока и оттока прямых иностранных инвестиций (ПИИ), 12 постсоветских экономик сталкива-

ются с новыми проблемами, связанными с COVID-19, отличными от проблем постсоциалистической трансформации. После краткого обзора литературы, в котором освещаются основные вопросы, поднятые академическими исследованиями, в статье анализируются долгосрочные тенденции и основные характеристики (географические и секторальные) ПИИ, с особым упором на объявления о новых проектах с 2003 г. (год начала предоставления данных). В статье также рассматривается, в какой степени экономическое развитие

основывалось на притоке прямых иностранных инвестиций, на стимулировании их оттока либо на том и другом. Показатели 12 постсоветских экономик сопоставляются с показателями других стран с переходной экономикой, таких, как страны Балтии, Юго-Восточная Европа и/или Вишеградская группа. В статье делается вывод о том, что усилия по использованию притока ПИИ в целях развития были скромными, даже если в притоках можно наблюдать некоторое сближение с другими странами с переходной экономикой, которые более сознательно использовали ПИИ для своего развития.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** приток ПИИ, вывоз ПИИ, переходный период, постсоветское пространство, экономическое развитие.

## Список литературы

- Булатов А.С., Квашнин Ю.Д., Кузнецов А.В., Перцева С.Ю., Платонова И.Н., Ребрей С.М., Сенюк Н.Ю., Татулов К.Г. (2019). Россия в международном движении капитала в 2018 – начале 2019 года: аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет // [https://mgimo.ru/library/publications/rossiya\\_v\\_mezhdunarodnom\\_dvizhenii\\_kapitala\\_v\\_2018\\_nachale\\_2019\\_goda/](https://mgimo.ru/library/publications/rossiya_v_mezhdunarodnom_dvizhenii_kapitala_v_2018_nachale_2019_goda/), дата обращения 16.05.2021.
- Булатов А.С., Кузнецов А.В., Пономарев А.В., Перцева С.Ю., Татарина С.М., Мальцева О.А., Татулов К.Г. (2015). Российская модель экспорта капитала. М.: МГИМО-Университет // <https://mgimo.ru/upload/iblock/c9f/c57c692fe7ff242a5a2603552eccd61f.pdf>, дата обращения 16.05.2021.
- Квашнин Ю.Д. (2018). Российско-украинские инвестиционные связи после Евромайдана // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 4. С. 63–71. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-4-63-71
- Кузнецов А.В. (2007). *Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект*. М.: КомКнига.
- Кузнецов А.В. (2009). Финляндский центр изучения инвестиционных связей России // *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 122–127 // [https://www.imemo.ru/index.php?page\\_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02\\_2009/17-Kuznetsov.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2009/17-Kuznetsov.pdf), дата обращения 16.05.2021.
- Кузнецов А.В. (2010). Влияние российской инвестиционной экспансии на образ России в Европе. М.: ИМЭМО РАН // <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2010/10006.pdf>, дата обращения 16.05.2021.
- Кузнецов А.В., Квашнин Ю.Д., Сидорова Е.А., Хавронин С.Б. (2012). Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. СПб.: Центр интеграционных исследований // <https://ssrn.com/abstract=2832081>, дата обращения 16.05.2021.
- Панибратов А.Ю., Ермолаева Л.А., Абрамков А.Е. (2015). «Время иностранца» в процессе интернационализации российских энергетических компаний // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 8: Менеджмент. № 2/2015. С. 39–73 // [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_23752444\\_10565469.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23752444_10565469.pdf), дата обращения 16.05.2021.
- Петрушкевич Е.Н. (2010). Структура и характер прямых иностранных инвестиций в Республике Беларусь // *Банковский вестник*. Информационно-аналитический и научно-практический журнал Национального банка Республики Беларусь. № 16(489). С. 20–26 // <http://www.nbrb.by/bv/arch.asp?id=489>, дата обращения 16.05.2021.
- Петрушкевич Е.Н. (2019). Государственное регулирование международных потоков прямых инвестиций в Рес-

публике Беларусь // Белорусский экономический журнал. № 1(86). С. 63–80 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=37179051>, дата обращения 16.05.2021.

Шмарловская Г.А., Петрушкевич Е.Н. (2010). Мониторинг инвестиционного климата и ПИИ-политики Республики Беларусь. Минск: Мисанта // <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42928046>, дата обращения 16.05.2021.

Adarov A., Hunya G. (2020). Foreign Investments Hit by COVID-19 Pandemic. FDI in Central, East and Southeast Europe // wiiw FDI Report. no 2020-12, Vienna: Vienna Institute for International Economic Studies – wiiw // <https://wiiw.ac.at/foreign-investments-hit-by-covid-19-pandemic-fdi-in-central-east-and-southeast-europe-p-5540.html>, дата обращения 16.05.2021.

Andreff W. (2011). Les Firmes Multinationales Russes: Vers la Maturité // *Papeles de Europa*, vol. 23, pp. 2–20. DOI: 10.5209/rev\_PADE.2011.v23.37926

Andreff W. (2015). Outward Foreign Direct Investment from BRIC Countries: Comparing Strategies of Brazilian, Russian, Indian and Chinese Multinational Companies // *The European Journal of Comparative Economics*, vol. 12, no 2, pp. 79–131 // <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-01342391/document>, дата обращения 16.05.2021.

Andreff W., Andreff M. (2017). Multinational Companies from Transition Economies and Their Outward Foreign Direct Investment // *Russian Journal of Economics*, vol. 3, no 4, pp. 445–474. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.12.008

Balakishi S. (2020). Russian Multinational Firms and Their Investment Activities in Emerging Economies: The South Caucasus. Ph.D. thesis, University of Bristol // <https://research-information.bris.ac.uk/en/studentTheses/russian-multinational-firms-and-their-investment-activities-in-em>, дата обращения 16.05.2021.

Bulatov A.S. (1998). Russian Direct Investment abroad: Main Motivations in the Post-Soviet Period // *Transnational Corporations*, vol. 7, no 1, pp. 69–82 // [https://unctad.org/system/files/official-document/iteiit9v7n1\\_en.pdf](https://unctad.org/system/files/official-document/iteiit9v7n1_en.pdf), дата обращения 16.05.2021.

Bulatov A.S. (2017). Offshore Orientation of Russian Federation FDI // *Transnational Corporations*, vol. 24, no 2, pp. 71–89. DOI: 10.18356/ed298a0d-en

Casella B. (2019). Looking through Conduit FDI in Search of Ultimate Investors – A Probabilistic Approach // *Transnational Corporations*, vol. 26, no 1, pp. 109–146. DOI: 10.18356/8a8b094c-en

Curwin K.D., Mahutga M.C. (2014). Foreign Direct Investment and Economic Growth: New Evidence from Post-Socialist Transition Countries // *Social Forces*, vol. 92, no 3, pp. 1159–1187. DOI: 10.1093/sf/sot128

Dikova D., Panibratov A., Veselova A. (2019). Investment Motives, Ownership Advantages and Institutional Distance: An Examination of Russian Cross-Border Acquisitions // *International Business Review*, vol. 28, no 4, pp. 625–637. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2018.12.007

Dunning J.H. (1981). Explaining the International Direct Investment Position of Countries: Towards a Dynamic or Developmental Approach // *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 117, no 1, pp. 30–64. DOI: 10.1007/BF02696577

Dunning J.H. (1986). The Investment Development Cycle Revisited // *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 122, no 4, pp. 667–676. DOI: 10.1007/BF02707854

Estrin S. (2017). Foreign Direct Investment and Employment in Transition Economies: Has FDI into Transition Economies Had the Expected Effects? // *IZA World of Labor*. no 330. DOI: 10.15185/izawol.330

Estrin S., Meyer K.E. (2011). Brown-field Acquisitions: A Reconceptualization and Extension // *Management Interna-*

tional Review, vol. 51, no 4, article number 483. DOI: 10.1007/s11575-011-0088-x

Filippov S. (2008). Russia's Emerging Multinationals: Trends and Issues // UNU-MERIT Working Paper Series. no 2008–062, Maastricht, Netherlands: United Nations University, Maastricht Economic and Social Research and Training Centre on Innovation and Technology // <https://www.merit.unu.edu/publications/working-papers/abstract/?id=3541>, дата обращения 16.05.2021.

Filippov S. (2011). Russia's Emerging Multinational Companies Amidst the Global Economic Crisis // UNU-MERIT Working Paper Series. no 2011–003, Maastricht, Netherlands: United Nations University, Maastricht Economic and Social Research and Training Centre on Innovation and Technology // <https://www.merit.unu.edu/publications/working-papers/abstract/?id=4048>, дата обращения 16.05.2021.

Filippov S. (2012). Emerging Russian Multinational Companies: Managerial and Corporate Challenges // European Journal of International Management, vol. 6, no 3, pp. 323–341. DOI: 10.1504/EJIM.2012.047027

Hamilton G. (ed.) (1986). Red Multinationals or Red Herrings? The Activities of Enterprises from Socialist Countries in the West, New York: St. Martin's Press.

Hunya G. (2008). Can Internationalization through Inward FDI Be Advantageous for Russia? // Economic Restructuring and Integration in Eastern Europe: Experiences and Policy Implications (eds. Grinberg R., Havlik P., Havrylyshyn O.), Baden-Baden: Nomos, pp. 453–461. DOI: 10.5771/9783845210049-453

Jude C. (2019). Does FDI Crowd out Domestic Investment in Transition Economies? // Economics of Transition and Institutional Change, vol. 27, no 1, pp. 163–200. DOI: 10.1111/ecot.12184

Kalotay K. (2001). The Contribution of Foreign Direct Investment to Transi-

tion Revisited // The Journal of World Investment, vol. 2, no 2, pp. 259–276. DOI: 10.1163/221190001X00266

Kalotay K. (2004). Will Foreign Direct Investment Take Off in the Russian Federation? // The Journal of World Investment & Trade, vol. 5, no 1, pp. 119–138. DOI: 10.1163/221190004X00335

Kalotay K. (2010). Patterns of Inward FDI in Economies in Transition // Eastern Journal of European Studies, vol. 1, no 2, pp. 55–76 // [http://ejes.uaic.ro/articles/EJES2010\\_0102\\_KAL.pdf](http://ejes.uaic.ro/articles/EJES2010_0102_KAL.pdf), дата обращения 16.05.2021.

Kalotay K. (2012). Indirect FDI // The Journal of World Investment & Trade, vol. 13, no 4, pp. 542–555. DOI: 10.1163/221190012X649841

Kalotay K. (1) (2013). The 2013 Cyprus Bailout and the Russian Foreign Direct Investment Platform // Baltic Rim Economies – Bimonthly Economic Review, no 3/2013, pp. 58–59 // [https://sites.utu.fi/bre/wp-content/uploads/sites/227/2019/04/BRE\\_2013\\_3.pdf](https://sites.utu.fi/bre/wp-content/uploads/sites/227/2019/04/BRE_2013_3.pdf), дата обращения 16.05.2021.

Kalotay K. (2) (2013). FDI in the Former Soviet Periphery in Six Charts // AIB Insights, vol. 13, no 4, pp. 8–12. DOI: 10.46697/001c.16942

Kalotay K. (2014). The Crimean Crisis and the Future of Russian Outward Foreign Direct Investment // Baltic Rim Economies – Bimonthly Economic Review, no 4/2014, pp. 24–26 // [https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract\\_id=2517313](https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2517313), дата обращения 16.05.2021.

Kalotay K. (2015). Acquisitions as Engines of Foreign Expansion of Russian Multinationals // Handbook of Emerging Market Multinational Corporations (eds. Demirbag M., Yaprak A.), Cheltenham, Glos. – Northampton MA: Edward Elgar, pp. 239–259. DOI: 10.4337/9781782545019.00021

Kalotay K., Panibratov A. (2013). Cross-border M&A and Competitive Advantage of Russian EMNEs // The Competitive Ad-

vantage of Emerging Market Multinationals (eds. Williamson P.J., Ramamurti R., Fleury A., Leme Fleury M.T.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 220–238. DOI: 10.1017/CBO9781139506694.018

Kalotay K., Sulstarova A. (2010). Modelling Russian Outward FDI // *Journal of International Management*, vol. 16, no 2, pp. 131–142. DOI: 10.1016/j.intman.2010.03.004

Kalotay K., Sulstarova A. (2013). Long-Term Prospects of Inward Foreign Direct Investment in the Baltic Sea Region // *Journal of East-West Business*, vol. 19, no 1–2, pp. 79–90. DOI: 10.1080/10669868.2013.780500

Kinoshita Y., Campos N.F. (2003). Why Does FDI Go Where it Goes? New Evidence from the Transition Economies // *IMF Working Paper*. no 03/228 // <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/30/Why-Does-Fdi-Go-Where-it-Goes-New-Evidence-From-the-Transition-Economies-16954>, дата обращения 16.05.2021.

Kononov O. (2010). Ukraine's Inward FDI and Its Policy Context // *Columbia FDI Profiles*, April 13, 2010. DOI: 10.7916/D8VM4K3W

Kuznetsov A. (1) (2010). Inward FDI in Russia and Its Policy Context // *Columbia FDI Profiles*, June 30, 2011. DOI: 10.7916/D82232NT

Kuznetsov A.V. (2) (2010). Urgent Tasks for Research on Russian TNCs // *Transnational Corporations*, vol. 19, no 3, pp. 81–95. DOI: 10.18356/a4d8cef8-en

Kuznetsov A. (2011). Russia: Outward FDI and Its Policy Context, Update 2011 // *Columbia FDI Profiles*, August 2, 2011 // <https://ssrn.com/abstract=2337449>, дата обращения 16.05.2021.

Kuznetsov A. (2012). Inward FDI in Russia and Its Policy Context // *Columbia FDI Profiles*, September 4, 2012. DOI: 10.7916/D82J6M2S

Kuznetsov A.V. (2013). Monitoring of Direct Investments of Belarus, Kazakh-

stan, Russia and Ukraine in Eurasia // *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 19 // [https://eabr.org/upload/iblock/d7a/report\\_19\\_en\\_preview.pdf](https://eabr.org/upload/iblock/d7a/report_19_en_preview.pdf), дата обращения 16.05.2021.

Kuznetsov A.V. (2016). Russian Direct Investment as a Factor of Eurasian Integration // *Problems of Economic Transition*, vol. 58, no 4, pp. 348–361. DOI: 10.1080/10611991.2016.1222802

Kuznetsov A.V. (2020). Foreign Direct Investment // *International Encyclopedia of Human Geography* (ed. Kobayashi A.), Amsterdam: Elsevier, pp. 219–227. DOI: 10.1016/B978-0-08-102295-5.10070-8

Kuznetsov A.V. (2021). Direct Investment from Russia Abroad: Changes since 2018 // *Istoriya*, no 21, pp. 9–15. DOI: 10.18254/S207987840015225-6

Kuznetsov A., Baronina Y., Volodina M., Gemuyeva K., Kvashnin Y., Lukonin S., Makarova A., Nevskaya A., Frumkin B., Chetverikova A., Shchedrin A. (2017). EAEU and Eurasia: Monitoring and Analysis of Direct Investments // *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 47 // [https://russiancouncil.ru/upload/iblock/7c4/edb-centre\\_2017\\_report-47\\_fdi-eurasia\\_eng.pdf](https://russiancouncil.ru/upload/iblock/7c4/edb-centre_2017_report-47_fdi-eurasia_eng.pdf), дата обращения 16.05.2021.

Kuznetsov A.V., Kvashnin Y.D., Gutnik A.V. (2013). Monitoring of Mutual Investments in the CIS // *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 15 // [https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2013/13015\\_en.pdf](https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2013/13015_en.pdf), дата обращения 16.05.2021.

Kuznetsov A.V., Kvashnin Y.D., Gutnik A.V., Slesareva K.V. (1) (2014). Monitoring of Mutual Investments in the CIS Countries-2014 // *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 26. DOI: 10.2139/ssrn.2524050

Kuznetsov A.V., Kvashnin Y.D., Lukonin S.A., Chetverikova A.S., Shchedrin A.V. (2) (2014). Monitoring of Direct Investments of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine in Eurasia – 2014 // *EDB Centre for Integration Studies*. Report no 28. DOI: 10.2139/ssrn.2554961

- Kuznetsov A.V., Nevskaya A.A. (2017). Geography of FDI from Visegrad Countries in Russia // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no 36, pp. 107–115. DOI: 10.1515/bg-2017-0018
- Ledyeva S., Karhunen P., Whalley J. (2013). Offshore Jurisdictions (including Cyprus), Corruption Money Laundering and Russian Round-trip Investment // National Bureau of Economic Research Working Paper Series. no 19019 // <http://www.nber.org/papers/w19019>, дата обращения 16.05.2021.
- Liuhto K. (ed.) (2006). *Expansion or Exodus? Why Do Russian Corporations Invest Abroad?* Binghamton NY: International Business Press // <https://www.routledge.com/Expansion-or-Exodus-Why-Do-Russian-Corporations-Invest-Abroad/Liuhto/p/book/9780789032867>, дата обращения 16.05.2021.
- Liuhto K. (2015). Motivations of Russian Firms to Invest Abroad: How Do Sanctions Affect Russia's Outward Foreign Direct Investment? // *The Baltic Region*, no 4(26), pp. 4–19. DOI: 10.5922/2079-8555-2015-4-1
- Liuhto K., Majuri S. (2014). Outward Foreign Direct Investment from Russia: A Literature Review // *Journal of East-West Business*, vol. 20, no 4, pp. 198–224. DOI: 10.1080/10669868.2014.967434
- Liuhto K., Sutyryn S., Blanchard J.-M.F. (eds.) (2017). *The Russian Economy and Foreign Direct Investment*, Abingdon, Oxon – New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781315651101
- Liuhto K., Vahtra P. (2007). Foreign Operations of Russia's Largest Industrial Corporations – Building a Typology // *Transnational Corporations*, vol. 16, no 1, pp. 117–144 // <https://digitallibrary.un.org/record/605091?ln=en>, дата обращения 16.05.2021.
- McCarthy D.J., Puffer S.M., Satinsky D.M. (2019). Will Russia Have a Role in the Changing Global Economy? Contrasting Western and Russian Cultural Lenses // *Cross Cultural & Strategic Management*, vol. 26, no 2, pp. 265–289. DOI: 10.1108/CCSM-10-2018-0164
- Okafor G., Webster A. (2016). Foreign Direct Investment in Transition Economies of Europe and the Former Soviet Union // *Palgrave Dictionary of Emerging Markets and Transition Economics* (eds. Hölscher J., Tomann H.), Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, pp. 413–434. DOI: 10.1007/978-1-137-37138-6\_22
- Panibratov A. (2012). *Russian Multinationals: From Regional Supremacy to Global Lead*, Abingdon, Oxon – New York: Routledge // <https://www.routledge.com/Russian-Multinationals-From-Regional-Supremacy-to-Global-Lead/Panibratov/p/book/9780415731348>, дата обращения 16.05.2021.
- Panibratov A. (2016). Home Government Influence on Russian MNEs: Balancing Control against Interest // *International Journal of Emerging Markets*, vol. 11, no 4, pp. 474–496. DOI: 10.1108/IJoEM-11-2014-0193
- Panibratov A., Kalotay K. (2009). Russian Outward FDI and Its Policy Context // *Columbia FDI Profiles*, October 13, 2009. DOI: 10.7916/D84173W5
- Panibratov A., Michailova S. (2019). The Role of State Ownership and Home Government Political Support in Russian Multinationals' Internationalization // *International Journal of Emerging Markets*, vol. 14, no 3, pp. 436–450. DOI: 10.1108/IJOEM-10-2017-0380
- Pelto E., Vahtra P., Liuhto K. (2004). Cyp-Rus Investment Flows to Central and Eastern Europe – Russia's Direct and Indirect Investments via Cyprus to CEE // *Journal of Business Economics and Management*, vol. 5, no 1, pp. 3–13. DOI: 10.1080/16111699.2004.9636063
- Sauvant K.P. (2006). Inward and Outward FDI and the BRICS // *Emerging Economies and the Transformation of International Business: Brazil, Russia, India and China (BRICs)* (ed. Subhash C. Jain),

Cheltenham, Glos. – Northampton MA: Edward Elgar, pp. 313–409. DOI: 10.4337/9781847202987.00024

Теравцевич С. (2015). The Motives for Russian State-owned Companies for Outward Foreign Direct Investment and Its Impact on State-Company Cooperation: Observations Concerning the Energy Sector // *Transnational Corporations*, vol. 23, no 1, pp. 29–58. DOI: 10.18356/2cca1166-en

Transparency International (2020). *Corruption Perceptions Index 2020*, Berlin: Transparency International // <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl>, дата обращения 16.05.2021.

UNCTAD (2002). *World Investment Report 2002: Transnational Corporations and Export Competitiveness*, New York and Geneva: United Nations.

UNCTAD (2018). *World Investment Report 2018: Investment and New Industrial Policies*, New York and Geneva: United Nations.

UNCTAD (2020). *World Investment Report 2020: International Production beyond the Pandemic*, New York and Geneva: United Nations.

UNCTAD (2021). *World Investment Report 2021: Investing in Sustainable Recovery*, New York and Geneva: United Nations.

UN.ECE (2001). Chapter 5: Economic Growth and Foreign Direct Investment in the Transition Economies // *Economic Survey of Europe*, no 1, pp. 185–225 // <https://digitallibrary.un.org/record/443369?ln=en>, дата обращения 16.05.2021.

United Nations (1992). *World Investment Directory 1992: Central and Eastern Europe*, New York: United Nations // <https://digitallibrary.un.org/record/158036?ln=en>, дата обращения 16.05.2021.

Vahtra P., Liuhto K. (2006). An Overview of Russia's Largest Corporations Abroad // *Journal of East-West Business*, vol. 11, no 3–4, pp. 23–40. DOI: 10.1300/J097v11n03\_03

Weiner C. (2018). International Expansion of Russian Multinationals: A Focus on Home-country Push Factors, Europe and Five CEE Countries // *Centre for Economic and Regional Studies HAS Institute of World Economics Working Paper*. no 250. DOI: 10.13140/RG.2.2.13322.36808

Weiner C. (2020). Russian Multinational Direct Investment in East Central European Countries // *Emerging-market Multinational Enterprises in East Central Europe* (ed. Szunomár Á.), Cham: Palgrave Macmillan, pp. 153–195. DOI: 10.1007/978-3-030-55165-0\_6

Zabortseva Y.N. (2014). Rethinking the Economic Relationship between Kazakhstan and Russia // *Europe-Asia Studies*, vol. 66, no 2, pp. 311–327. DOI: 10.1080/09668136.2013.872333

Zavyalova E.B., Tkachev V.N., Berezko V.E., Perepelkin A.N. (2019). Trends and Issues in Economic Relations of Cyprus and Russia // *The Cyprus Review*, vol. 31, no 3, pp. 139–157 // <http://cyprus-review.org/index.php/cr/article/view/672>, дата обращения 16.05.2021.

**Политические процессы в меняющемся мире**

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-3

**«Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ****Александр Иванович СОЛОВЬЕВ**

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политического анализа

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: alesol@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2897-0909

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Соловьев А.И. (2021). «Доказательная политика» и «политика доказательств»: дилемма постсоветских обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 61–80.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-3

Статья поступила в редакцию 26.07.2021.

**ФИНАНСИРОВАНИЕ:** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31194.

**АННОТАЦИЯ.** Внешние и внутренние вызовы, риски и кризисные явления, действующие в мире и национальных государствах, требуют от правящих режимов гибкого перестраивания конфигурации отношений власти и общества. Одним из инструментов такой коммуникации являются методы «доказательной политики», предполагающие обращение к населению на основе экспертных и научных рекомендаций при разработке целей, позволяющих людям не только судить об их правомерности, но и оспаривать и корректировать их содержание. В то же время в целом ряде переходных и авторитарных государств предпочтение отдается «политике доказательств», демонстрирующих приоритеты политически целесообразных действий вла-

стей, направленных не на партнерство с обществом, а на мобилизацию поддержки населения для имплементации целей правительственной политики. В этом контексте в статье показываются объективные и субъективные ограничения использования рядом постсоветских государств научных и экспертных данных в публичной сфере, особенности соотношения «доказательной политики» и «политики доказательств» в деятельности правящих режимов, оцениваются их краткосрочные перспективы в современном российском обществе.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** доказательная политика, политика доказательств, власть, общество, правящие режимы, переходные политические си-

стемы, постсоветские государства, доказательная политика, политика доказательств, политическое доверие.

## Государственная политика в переходных обществах

Перманентные социальные волнения, геополитические конфликты, пандемический кризис, массовые перемещения беженцев и многие иные, аналогичные по своим последствиям явления, вызывающие в странах социальную и политическую напряженность, существенно влияют на конфигурацию отношений государства и общества. В конечном счете основным результирующим последствием всех внешних и внутренних воздействий является процесс формирования государственной политики, так или иначе отражающий реакцию на все эти события как правящих элит, так и гражданского населения. Приоритетное значение государственной политики в значительной степени определяется тем, что в рамках этого процесса осуществляется фактическое (в противовес нормативному) распределение и перераспределение общественных благ и ресурсов, которое, собственно, и влияет на позиционирование социальных групп, общественный климат, а в итоге и на характер легитимации правящих режимов.

Особый интерес в понимании последствий обозначенных изменений для современных государств вызывают постсоветские страны, обладающие ключевыми признаками переходных обществ, для которых характерно все еще сохраняющееся несоответствие технических и экономических укладов, социальных структур и политических институтов. В этом смысле важно видеть, что, благодаря сложности и неоднозначности взаимоотношений различных структурных компонентов этих по-

литических (общественных) систем обшая рамка их анализа практически сместилась к изучению процессуальных факторов (изживая тем самым отголоски прежде доминировавших идей о необходимости единого вектора в их развитии и ведущей роли объективных факторов). Гибридизация, диффузия, асимметрия, синкретизм и иные аналогичные концепты стали доминирующими когнитивными конструкциями, в рамках которых и описываются сегодня особенности их транзита. На этой почве свое применение получили и более аутентичные для изучения такой динамики понятия многовекторности, откатов и прорывов, рывков и обрушений различных параметров политического и экономического устройства этих стран. То есть тех граней изменений, по которым крайне сложно угадать устойчивые тренды в развитии институционального дизайна, предвидеть будущие формы осовременивания этих политий.

Собственно, эти теоретические приоритеты в изучении переходных систем и превращают государственную политику в едва ли ни основной познавательный конструкт, отражающий сочетание макрополитической неравновесности этих стран с динамическими параметрами изменений (замыслами правящей элиты, межведомственными конфликтами, формами внешнего влияния на правящие режимы, состоянием гражданского общества и т.д.). Другими словами, государственная политика показывает, как все макро-, мезо- и микротрансформации подпитывают стратегии правительственного курса, обуславливая его внутреннюю поливариативность и те колебания, которые влияют на цели и отклонения различных государственных проектов от общеполитического курса, «отрывающего страну от прошлого» [Baumgartner, Jones, 1991; Dodd, 1994]. Демонстрируя основные цели и замыслы правящего режима, го-

сударственная политика аттестует состояние фактического правления, основные возможности и пределы применения власти, а главное – соотношение «потенциала поддержки» и «репертуара протеста» [Костюшев, 2011], то есть реальных взаимоотношений правящей элиты и гражданского населения. В этом смысле государственная политика не только провоцирует перманентную смену интерактивных отношений с обществом на монопольные практики правления, но и определяет устойчивость государства по отношению к внешним и внутренним вызовам.

Важно, однако, что при всем богатстве источников и форм государственной политики проектирование целей и планов в переходных системах в первую очередь зависит от состояния и внутренней композиции элитарного слоя (механизмов рекрутинга, ротации и кооптации правящих слоев, связей «ранних победителей» с предшествующими сегментами правящего класса и других аналогичных параметров). Как показывает опыт переходных систем, внутри элитарные конфликты оказываются более весомым фактором выдвижения государственных целей, чем функционал публичных институтов, характер избирательной системы, зрелость гражданского общества, а подчас даже объективные интересы государства. Но при всех возможных вариантах развития власти пытаются укрепить стереотипы массового сознания, привыкшего видеть в правящем режиме целостную конструкцию государственного правления, а в государственной политике – проявление единой логики поведения правительства.

Впрочем, и внутри элитарные расколы и обусловленные ими колебания правительственного курса со временем так или иначе склоняются к укоренению определенных политических ориентиров, стабилизирующих отношения власти и общества на платформах

демократии или авторитаризма. Стремясь преодолеть издержки неопределенности будущего, но при этом трезво осознавая, что опора на настроения и массовое сознание общества обладает большим побудительным потенциалом для поддержки государственного курса [Baumgartner, Jones, 1993, pp. 5–7], правящие режимы пытаются не только использовать в своей политической риторике символы и лексемы демократизации, но и адаптировать успешные практики других государств для совершенствования своей хозяйственно-распорядительной деятельности.

В этом смысле весьма показательными являются попытки использования в переходных обществах образцов активно распространяющейся за рубежом модели «доказательной государственной политики» или «государственной политики, основанной на доказательствах» (*evidence-based policy, EBP*, или *evidence based policy-making, EBPM*), предполагающей необходимость неременного обоснования предлагаемых властями «вариантов нормативно-правового регулирования, отдельных мер и мероприятий социально-экономической политики с помощью результатов научных исследований, научно обоснованных фактов и широкой доказательной базы» [Волошинская, Комаров, 2015, с. 91]. Как можно видеть, такая модель государственной политики является не просто инструментом обратной связи, но и формой демократического соучастия власти и общества в разработке правительственных целей.

Конечно, нельзя сказать, что формирование таких публичных коммуникаций даже в теории носит однозначно признанный характер. В частности, ряд ученых сомневаются в целесообразности такого стиля управления в ряде областей общественной жизни [White, 2013]. Более того, в развитых демократических странах данный тип

государственной политики сталкивается с весьма серьезным оппонентом в виде модели гражданско-ассоциативных связей, рассматривающей политику правящего режима в качестве своеобразной терапевтической деятельности, направленной не столько на достижение конкретных целей государственных стратегий, сколько на создание в обществе атмосферы социального комфорта и удовлетворенности граждан различными формами своей повседневной жизнедеятельности. Да и на практике «доказательная политика» является весьма проблематичной стилистикой применения власти, поскольку вынуждена опираться не только на прозрачность замыслов правящих элит и экспертные рекомендации, но и на способность граждан к трезвому восприятию целей правительства, осознанию приоритетов общественных интересов над личными. Сегодня, например, эта внутренняя коллизия «доказательной политики» хорошо проявляется и в деятельности правительств, занимающих разные позиции по отношению к пандемическим рискам, и в отношении к требованиям обязательной вакцинации людей отдельных профессий, выдаче санитарных пропусков и т.д. И в этом плане трудно сказать, каких «доказательств» не хватает людям в политике правительств, стремящихся защитить население от страшной болезни.

Отметим, что ценность «доказательной политики», демонстрирующей значение для власти предварительных обсуждений планов с населением и возможность корректировки поставленных целей (что свидетельствует о признании партнерского статуса гражданского сообщества), прежде всего, касается тех решений, которые влияют на «ход событий», направления развития государства и общества [Zahariadis, 2016]. Собственно, этот критерий и позволяет отделить рутинизированную

хозяйственно-распорядительную деятельность государства от политически значимых проектов, отражающихся на позиционировании целых социальных групп и общества в целом.

Однако при решении ключевых вопросов общественного развития у властей имеется и иная стратегия, демонстрирующая отрицание у коллективного актора должного социального интеллекта и качеств, необходимых для полноценного партнерства. В этом случае вместо активизации экспертных и делиберативных контактов власти делают акцент на частичной осведомленности населения о своих планах, но главное – на *имплементации* целевых установок, не исключаяющей, а зачастую предполагающей прямое продавливание решений, игнорирующее общественное мнение, а зачастую и интересы граждан. В таком случае власти придерживаются, условно говоря, «политики доказательств», то есть тех «аргументов» и «доводов», которые применяются ими для мобилизации поддержки населением их планов и которые заменяют презентацию *обоснованности* решений требованиями их *непрерывного исполнения*. Мало того, публичные «доводы», создающие политическую упаковку целевой программы правительства, могут еще и скрывать подлинные цели властей, запуская в дискурсивное пространство маскирующие их информационно-символические продукты. Излишне говорить, что при таком варианте действий не только образуются «ножницы» в расхождении общественной и правительственной повесток, но и формируются источники социального напряжения, провоцирующие недоверие людей к институтам власти и снижение общегражданской солидарности.

В этом смысле переходные государства, с одной стороны, поставленные в ситуацию необходимости осуществления множественных преобразований, с

другой – в силу пестроты социальных запросов населения и многоликих общественных конфликтов испытывают постоянный дефицит социальной поддержки населения. Понятно и то, что в правящем режиме не только действуют институты, по-разному ориентирующиеся на деловые коммуникации с обществом, но и в структуре последнего присутствуют различные группы граждан (лоялистов, «грязной» общественности, гражданских активистов, несогласных и др.), по-разному настроенных на контакты с властями. Однако при всей сложности этих институциональных и социальных конструкций можно утверждать, что различия в проведении «доказательной политики» и «политики доказательств» становятся надежным маркером, демонстрирующим подлинные замыслы властей и создающим *общую рамку* продвижения *политически целесообразных* целей, а равно и поддержания коммуникаций с обществом.

В любом случае «доводы» властей в первую очередь поверяются их искусством налаживания публичных коммуникаций с населением, а равно и степенью доверия граждан к институтам власти. В этом смысле попытки даже спорадического использования инструментов «доказательной политики» (в том числе применительно к незначительным вопросам общественного развития или же используемых ради поддержания демократического имиджа властей) демонстрируют потенциал и решимость (отдельных) политических элит увидеть в обществе политического партнера. Иначе говоря, публичное использование результатов научного анализа и презентация полученных с участием гражданской экспертизы и делиберативных механизмов данных выполняет исключительно оздоравливающую роль как для

общества (создавая для граждан прецеденты их разумного включения в обсуждение и корректировку планов правительств), так и для правящих элит (помогая им преодолеть пренебрежение общественным мнением).

Следует понимать, что формирование государственной политики в переходных системах принципиально зависит от силы и влияния (внутренних и внешних) политических игроков, под давлением которых «доводы» властей могут не только противоречить экономическим расчетам, но и способны поставить под сомнение рациональность предлагаемых ими решений. Такие варианты развития событий могут иметь место в результате «полувраждебной конкуренции» государственных институтов (А. Вилдавски), волевых изменений позиций руководства<sup>1</sup>, распада управленческих команд, а также действия других, аналогичных по своим последствиям факторов.

Однако самым важным источником «политики доказательств» в переходных системах следует считать принципиальные политико-административные ограничения публичного рассмотрения общественных проблем, которые (наследуя ограничения, существующие в любых республиканских полициях) в решающей степени затрудняют возможности ознакомления граждан с правительственными решениями и отторгают любые формы общественной экспертизы. Речь в данном случае идет не о подвижности внутри политического баланса (сохраняющего поводы для оспаривания выдвигаемых целей) [Jouvenel, 1966], а о механизме принятия государственных решений, представляющем принципиально недостроенную подсистему отношений государственных и негосударственных

1 В том числе и при наличии у лидеров экстраординарных импульсов, провоцирующих тупиковые ситуации и негативные последствия государственной политики [Такман, 2013].

акторов, состав и коммуникации которых меняются каждый раз в зависимости от решаемой задачи и социального контекста. Другими словами, при разработке ключевых государственных решений первостепенное значение имеют не абстрактные права или официальные полномочия участников целеполагания, а их реальный политический вес, способствующий привлечению необходимых активов. Как показывает мировая практика, в качестве таких политических инвесторов (способных преодолевать административные и даже правовые барьеры государственного управления) выступают различные референтные группировки (сетевые коалиции) правящего класса, в решающей степени предопределяющие правительственные цели и состав привилегированных групп, получающих основные общественные блага и ценности [Crozier, Thoenig, 1976; Kenis, Schneider, 1991; Borzel, 1998; Johnston, Shearing, 2003; Heazl, 2010; Ledeneva, 2013; Victor, Montgomery, Lubel, 2018].

Формируемые этими сетями неформальные коммуникации не только трансформируют функционал публичных институтов, нивелируя при этом значение конфликтов в политическом (право-левом) спектре общества и заменяя их противоречиями бюрократических группировок и аффилированных с ними бизнес-структур. Значительно важнее то, что при систематическом доминировании в механизмах принятия решений сети (вынося статусных чиновников и вынося разработку ключевых целей за рамки институционального дизайна) формируют «второе ядро» государственного управления [Соловьев, 2019]. Что в свою очередь создает основания для возникновения «второго», «параллельного» государства, утрачивающего свойства гражданского антрепренера. Понятно и то, что иницируемые сетями

латентные (теневые, полутеневые) инструменты имплементации правительственного курса также связаны с «доводами», подтверждающими продуктивность их планов, однако далеко не все из них предполагают публичное оглашение [Соловьев, Миллер, 2017].

Коротко говоря, в переходных системах со слабыми институтами, но сильными неформальными игроками общество, оснащенное разве что абстрактными правами и виртуальным «суверенитетом», практически не способно влиять на цели государственной политики или же претендовать на встраивание общественной повестки в фактические планы правительства (а подчас даже узнавать о принятых и реализуемых решениях). В этом смысле даже зарубежные партнеры национальных правительств играют куда более заметную роль в формировании политического курса переходных обществ (например, в форме внешнего управления, как в России 1990-х годов или современной Украине). В этом случае «доказательства» правящих режимов способны окончательно лишиться своего содержательного смысла, обретая исключительно символическую форму, сигнализирующую населению всего лишь о том, что наверху помнят о его существовании.

В любом случае государственная политика и ее публичная презентация в переходных государствах (в отличие от демократий, где она является формой «конкурирующих политических образов, политических манипуляций и положительной обратной связи», неизбежно усиливающей импульс правящих кругов к переменам [Baumgartner, Bryan, Mortensen, 2018, p. 64]) определяются интересами узкой группы ключевых игроков, решающих в своей среде общественно значимые проблемы. Естественным образом от интересов таких игроков зависит и набор тех сил и слоев, к которым (в зависимости от стадий

продвижения проектов) обращены наиболее убедительные «доказательства» правомерности принимаемых решений. В этом смысле «доводы» и «аргументы», открыто адресуемые массовому актору, нередко становятся либо риторическим прикрытием целевых установок, выдвинутых правящим режимом, либо носят разведывательный характер и призваны прощупать настрой и решительность общества по отношению к правительственным целям. Это тем более так, поскольку поддержка или же сопротивление общественности тому или иному проекту, по мнению властей, связаны не только, а зачастую и не столько с содержанием выдвигаемых целей, сколько с уровнем легитимации правящего режима. Не случайно поэтому в данных странах не только каждые общегосударственные выборы объявляются «судьбоносными», но и каждая публичная акция общественности, прежде всего, рассматривается через призму устойчивости правящего режима.

Что касается постсоветского пространства, то на основании целого ряда специальных исследований здесь можно зафиксировать не только существенную градацию стилей формирования государственной политики, но и особенности публичного освещения планов властей, многообразие применяемых властями инструментов мобилизации населения [Мельвиль и др., 2007; Мельвиль, 2011; Мельвиль, Миронюк, 2020]. Не претендуя на исчерпывающую классификацию этой группы государств и существенно упрощая ситуацию, можно условно выделить три группы стран, обладающих качественными особенностями в плане формирования государственной политики.

В частности, в данном контексте следует выделить страны Прибалтики, которые при всей противоречивости своей внутренней политики демонстрируют уверенный курс демо-

кратической эволюции (а по некоторым характеристикам даже опережают страны Восточной Европы). В этих вставших на путь демократического нацистроительства странах заметно стремление властей публично опираться на результаты научных экспериментов, учитывать результаты изучения общественного мнения, а также неофициальные экспертные данные [Campbell et al., 2007]. Отметим, что даже принципиальный выбор демократического вектора развития не означает ни полновесности, ни объемного масштабирования в применении инструментов «доказательной политики».

Особую группу составляют нелиберальные режимы в странах Центральной Азии, управляемые жесткими генерациями элиты, сохранившими демократическую риторику лишь в качестве пропагандистских инструментов популяризации национальных традиций. По крайней мере сегодня эти страны сделали свой выбор, отказавшись от демократической перспективы и предпочитая выстраивание форм правления, основанных на приоритете интересов правящих слоев, не привыкших рассматривать население как партнера в формировании государственной политики. В этих странах (Узбекистане, Таджикистане и др.) авторитарные режимы выстраивают отношение к гражданам исключительно как к подвластным, апеллируя к нормам традиционного правления и ценностям патриархального менталитета. Не случайно в этих государствах процветает коррупция, кумовство, бедность, а целый ряд злоупотреблений крупных чиновников и родственников политических лидеров провоцирует даже международные скандалы. При этом практики правления, которые игнорируют недовольство общества и «не отвечают на протесты» или же отвечают на них «масштабными репрессиями», только «удлиняют...

цикл» социального недовольства, провозируя дополнительную напряженность в обществах [Тэрроу, 2011, с. 11].

Одним словом, авторитарные «доводы» таких правящих режимов не просто игнорируют предоставление обществу научных данных и экспертных мнений, но и принципиально отрицают наличие коллективного интеллекта гражданского населения, что только усиливает «авторитарные соблазны» властей (А. Пшеворский). Однако, демонстрируя полный приоритет жесткого правления, изначально устанавливающего пределы развития отношений с населением, эти страны оказались хорошо приспособленными «к миру открытых границ, международных средств, в массовой информации и экономике, основанной на знаниях» [Guriev, Treisman, 2019, p. 1]. В этом смысле представляется, что достигнутые властями пределы в политическом оформлении своих режимов сохраняются и в отдаленной исторической перспективе.

Особую группу стран составляют Россия и Белоруссия, располагающиеся (в контексте упомянутых исследований) в центральной части кластера посткоммунистических государств (между демократическими и чисто авторитарными странами), которые, позиционируя себя как европейские страны с демократическими конституциями, в последние годы сделали решительные шаги по перестройке своих моделей политики «доказательств». Сохраняя промежуточную форму различий «между развитым Западом и отсталым Востоком» (Л. фон Мизес), эти страны, с одной стороны, представляют собой типичные «нелиберальные», «электоральные демократии» с «ограничением прав и свобод и чрезмерной концентрацией исполнительной власти» [Закария, 2004], а с другой – содержат в своем политическом теле мощные традиции свободомыслия, граждан-

ской активности и целого ряда иных источников трансформации персоналистского правления. Особое значение этой группе стран придает и наблюдаемое сегодня их мощное экономическое сближение, придающее новые смыслы «союзному государству» и неизбежно влияющему на их геополитические позиции.

Нельзя не видеть, что существенным источником гуманистического потенциала в демократической реинкарнации этих стран является динамика «повседневной модернизации», последовательно – и при всех издержках и рисках – демонстрирующая изменения в профессионально-бытовой среде человеческой жизнедеятельности. В этом контексте увеличение ресурсной оснащенности человека, динамика общественного сознания и подвижки в социокультурной сфере (носящие, по мнению Инглхарта и Вельцеля, необратимый характер) наряду с последствиями «демонстрационного эффекта» («заражения» сознания человека успешными преобразованиями в других странах) сигнализируют о том, что идущие в этих странах «малые» обновления, пусть и частично, но все же откликаются в отношениях власти и общества [Заостровцев, 2020, с. 61–64]. И хотя многие ученые предупреждают о силе и рисках авторитарных тенденций в этих странах, следует видеть и противоположные тренды – к разгосударствлению личности, повышению индивидуальной стоимости внутренней свободы человека, росту гражданского добровольчества, ориентацию людей на освоение новых социальных технологий.

Существует и некая гипотетическая ценность обращения к указанным странам: поскольку ситуация в ряде моментов носит там вполне критический характер, то нельзя исключать, что в результате каких-либо трансформаций (касающихся, к примеру, судьбы бело-

русского президента в результате «глубокой интеграции» с Россией) может возникнуть эффект «домино», способный отрезонировать во всей постсоветской политической конфигурации. Одним словом, соотношение «доказательной политики» и «политики доказательств» в этих странах способно продемонстрировать общую, но тем не менее реальную, рамку формирования государственной политики (отражающей суммарные итоги конфликтов по достижению макроэкономической стабильности и снижению функционала публичных институтов, сокращению прав собственности и безуспешности реформы управления, ужесточению информационного контроля и др.), которая и будет сигнализировать о векторе идущих здесь преобразований.

### Существует ли у России и Белоруссии потенциал «доказательной политики»?

Как и у большинства переходных режимов, политика этих правящих режимов ориентирована не столько на одновременное (параллельное) осмысление целей государственной политики различными групповыми и индивидуальными акторами, сколько на позитивную общественную мобилизацию граждан. Это неудивительно, поскольку власти хорошо понимают, что хотя «фактическое содержание любой политики или программы может... по-разному влиять на разных людей», в том случае, когда формируется «единый» и «общепринятый» образ политики государства, это становится источни-

ком «успешной политической монополии», предполагающей поддержку правительственных проектов [Baumgartner, Bryan, Mortensen, 2018]. В то же время технологии продвижения государственной политики постоянно сталкиваются с издержками достижения общеполитического консенсуса и низким уровнем уважения и доверия граждан к целому ряду институтов власти, а также с протестными акциями.

В большинстве своем издержки и риски имплементации правительственного курса в решающей степени обусловлены социально-экономическими проблемами населения, а также тактикой властей, заполняющих органы власти (центральные и региональные избирательные комиссии, судебные и силовые структуры), контролирующие их публичные коммуникации с обществом, исключительно лояльными фигурами, поддерживающими конструкции «управляемого представительства» [Levitsky, Way, 2020]. Данный порядок одновременно означает как системную недопредставленность гражданских интересов, так и последовательное вытеснение из публичной сферы всех форм «бесплодного плюрализма». Очевидно, что такие действия укрепляют механизмы персоналистского правления, сохраняя для демократических коммуникаций с обществом декларативные формы и сужая социальное пространство для любых форм «доказательной политики».

С содержательной точки зрения доминирующая «политика доказательств» в этих странах обрела троякое содержание<sup>2</sup>. Ее первым и приоритетным направлением следует считать

2 Строго говоря, можно выделить и четвертое направление «политики доказательств», связанное с информационно-политической активностью правительства, направленной на зарубежную аудиторию. Однако, учитывая современный характер позиционирования России и Белоруссии на международной арене (связанный с проведением санкционной политики, различными антипандемическими акциями, геополитическими конфликтами и др.), это направление государственной политики предполагает отдельное специальное исследование.

те «аргументы», которые адресуются бенефициариям правящего режима и призваны поддерживать асимметричное распределение общественных благ и ресурсов. В этом смысле перво-степенным значением обладают «доводы», подтверждающие устойчивость правящих режимов и наличие защитных механизмов для привилегированных групп и фигур (как от конкурирующих группировок, так и от возможного судебного преследования). При этом в российском обществе, по мнению ряда ученых, укрепление позиций аффилированных с властью страт и их общественных преимуществ «обосновывается интересами государства» и задачей «защиты общества от внешней угрозы и традиционной структурой социума», а ее целью видится постоянное управление страной<sup>3</sup>. Такая целеустремленность властей успешно воплощается в реализации крупных политических целей (принятии пенсионной реформы, поправок к Конституции и др.), сохраняя за рядом региональных проектов (Активный гражданин, Российская общественная инициатива и др.) статус локальных проектов, не меняющих принципиальные установки и призванных символизировать демократические установки правящего режима. На этом фоне различные обращения к населению, оглашающие постановку политически важных задач (в России – Национальные проекты, майские Указы Президента РФ) во многом носят церемониально-праздничный, пропагандистский характер, не раскрывающий многие ключевые параметры этих проектов (а также забывающий оповестить население о печальном завершении

многих из них, как это было со Стратегией 2020).

Показательно, что сегодня протекционистские действия властей (осуществляемые по принципу «сверху вниз») в России начинают дополняться и «доводами», которые выстраиваются по принципу «снизу вверх», отражая стихийные акции привилегированных групп по укреплению своего общественного положения за счет социальных-экономических и иных инструментов дистанцирования от других слоев населения. Сочетание таких «восходящих» и «нисходящих» потоков, регулирующих отношения социального равенства / неравенства, разрушает механизмы восходящей мобильности в обществе (укрепляя протекционизм и клановость в системе государственного управления и бизнеса, а также легализуя нормы примогенитур в сфере политической власти), знаменуя тем самым укрепление позиций «новой аристократии» и формирование тенденции к складыванию в стране сословного общества. В этом смысле важно видеть, что такие «доводы» властей одновременно дают населению сигнал и об исчерпании всеобщности правовых оснований общественного порядка, и даже о проблематичности общегражданского характера государственной власти.

Второе направление «политики доказательств» ориентировано на основную часть населения и предполагает выдвижение тех «аргументов», которые способны увеличить мобилизационный потенциал гражданского общества. Показательно, что власти обеих стран не выделяют в этом потоке так называемую публику (активную часть населения, сохраняющую гражданское достоинство).

3 По мнению В. Иноземцева, к категории уже сложившегося (и продолжающего расширяться) «нового дворянства» в России относится «порядка 200–250 тыс. чиновников и силовиков среднего и высокого рангов и около 120 тыс. служителей культа» (см.: Иноземцев В. (2021). План «крепостные» // Новая газета. 7 июля 2021 // <https://novayagazeta.livjournal.com/15111605.html>, дата обращения 19.09.2021).

инство и которой «небезразличны» общесоциальные и государственные ценности [Харкордин, 2021, с. 200–204]), осуществляя давление на всю социальную массу. При этом привычные риторические стратегии властей (отклоняющие запросы населения на конкретные изменения правительственных планов по принципу – «да, но») [Ibarra, Kitsuse, 2003] дополняются пропагандистскими проектами, направленными на тиражирование образов («внешней опасности», «внутренних врагов», «пятой колонны»), распространяемых при помощи технологий (астротурфинга, индоктринации, латерального таргетинга и др.), создающих новый событийный и символический контекст политических событий и направленных на объединение населения «вокруг флага». Усиление контроля за массовым политическим сознанием дополняется ограничениями журналистских и общественных расследований злоупотреблений чиновников, а также расширением контроля за блогосферой и содержанием контента, лишаящими позитивного смысла механизмы онлайн-делиберации и свидетельствующими о «подавлении и / или искажении осознанных политических предпочтений [коллективного. – А. С.] субъекта» [Ачкасова, Мельник, 2016, с. 212].

Не менее «убедительными» стоит признать и административно-правовые ограничения общественно-политической активности населения (включающие целенаправленное конструирование электорального процесса),

а также формирование разнообразных структур, якобы представляющих публичные позиции общества (партий-спойлеров, GONGov<sup>4</sup> [Лушников, 2019], кандидатов-двойников и других организационных форм, объединяющих так называемых прикормленных общественников [Харкордин, 2021, с. 203]). Совокупным итогом такой «аргументации» становится не только поддержание определенного резервуара лоялистов, но и возникновение рисков распыления «гражданской общины», утраты людьми совместных чувств «по производству и применению права» [Харкордин, 2021, с. 14–16].

Третий тип «аргументов» «политики доказательств» направлен на группу несогласных и различные структуры несистемной оппозиции. Здесь ставится задача не «увещевания заблудших» или увеличения корпуса лоялистов, а подавления оппозиционных течений и дискредитации несогласных, по отношению к которым последовательно применяются методы «политической демобилизации», лишаящие их каких-либо шансов на оспаривание правительственных целей [Палагичева, 2021]. Весьма распространены «доводами» являются сегодня санкции и точечные репрессии против гражданских активистов и лидеров (их родственников и работодателей, принуждаемых к увольнению участников стихийных митингов)<sup>5</sup>; избирательное правоприменение<sup>6</sup>; перемещение ряда НКО в разряд организаций экстремистского толка и лишение их сотруд-

4 Бегтин И. (2020). Некоммерческий бюджет: как чиновники стали использовать НКО в своих целях // РБК. 13 марта 2020 // <https://www.rbc.ru/opinions/politics/13/03/2020/5e69e70a9a7947737fc79cf3>, дата обращения 19.09.2021.

5 Показательно, что А. Лукашенко сегодня открыто заявляет, что продолжит репрессии против активистов гражданского общества, которых он считает «бандитами и иностранными агентами». При этом непризнанный рядом стран белорусский президент упрекнул чиновников своей администрации в том, что те ранее разрешили деятельность неправительственных организаций, которые он назвал «вредными для государства» (см.: Доваль В. (2021). Лукашенко продолжает «зачистку» // [Euronews.com](https://ru.euronews.com/2021/07/23/belarus-crackdown). 23 июля 2021 // <https://ru.euronews.com/2021/07/23/belarus-crackdown>, дата обращения 19.09.2021).

6 Как высказался нынешний президент Белоруссии во время одного из своих интервью, «Белоруссии подчас не до законов».

ников – и даже части приверженцев – определенных избирательных прав (на основании законов, имеющих обратную силу). Однако самым показательным проявлением этого типа «политики доказательств» можно считать резкое ужесточение силовых методов «обеспечения порядка» и привлечения людей к ответственности за «нарушение санитарных норм» на стихийных митингах (что особенно ярко проявилось в Белоруссии, где после массовых выступлений против результатов президентских выборов в 2020 г. в тюрьмах оказались сотни заключенных). Широкое распространение таких инструментов политического контроля позволяет – с учетом мирового опыта – предположить, что правящие элиты чем дальше, тем меньше будут поощрять, прощать или оправдывать даже формы полулояльного поведения [Линц, 1993].

Суммарным итогом тройственной «политики доказательств» в России и Белоруссии можно считать деформацию институционального дизайна их политических систем, подтверждающую (сделанный на опыте первой волны «вторичной модернизации») вывод, что власти и дальше не позволят населению в полной мере реализовывать свои гражданские права, а общественным силам – стать оппозицией (в демократическом понимании этого слова), рассчитывая на победу на существующих выборах [Ionescu, 1966]. Не менее существенным последствием вытеснения общества из публичного пространства (с его возможностями оспаривания целей государственной политики) является снижение инновационного потенциала граждан, нарастание рисков экономической стагнации и внешнеполитического изоляционизма. Но главным итогом все же следует на-

звать последовательное разрушение того уровня солидарности государства и общества, который обеспечивает целостность и стабильность общественного порядка.

Представляется, что устойчивость практик «политики доказательств», поддерживающих соответствующую инфраструктуру взаимоотношений государства и общества, сохраняя отсутствие состязательной политики и доминирующие позиции сетевых коалиций, чьи договоренности основаны на механизмах конвертации власти в собственность и чья этика доминирует над общественной моралью и правом [Hollyer, Rosendorff, Vreeland, 2015], только усиливает конструкции персоналистского правления. Не случайно эта тенденция время от времени поддерживается и идеологическим образом. Например, применительно к России, за счет утверждений о «долгом государстве Путина»<sup>7</sup> или предложений хорошо информированных политиков о необходимости введения в государстве позиции «верховного правителя», которому должно быть передано еще больше полномочий, чем институту президента, и т.д.

Как бы то ни было, но очевидно, что в средне- и краткосрочной перспективе нельзя ожидать появления каких-то факторов или институализации сдержек и противовесов, способных изменить систему «доказательств» продуктивности политики властей. Или же способных расширить возможности для оппонентов правительства в оспаривании его планов. И поскольку у властей есть все инструменты для игнорирования общественной повестки и умиротворения чрезмерной активности граждан, то даже появление новых участников диалога (настаивающих на

7 Сурков В. (2019). Долгое государство Путина: о том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. 11 февраля 2019 // [https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5\\_7503\\_surkov.html](https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html), дата обращения 19.09.2021.

переписывании правил, обновлении имиджа поддерживаемой политики и в конечном счете на изменении баланса сил, требуя, чтобы ранее доминирующие группы и институты поделились своей властью с группами, которые обрели новую легитимность) [Baumgartner, Bryan, Mortensen, 2018], то и тогда ситуация вряд ли существенно изменится. Ибо возможности оспаривания целей государственной политики сегодня существуют только у тех элитарных (в том числе и низкостатусных) группировок, которые способны конкурировать с доминирующими сетями. Однако и для них интересы общества, скорее всего, будут являться всего лишь символическим источником давления на своих конкурентов (мол, люди недовольны, нарушаются их права и т.д.). Так что снижение уровня жизни населения, нарушения прав граждан или подавление инакомыслия вряд ли будут рассматриваться ими в качестве заслуживающих внимания проблем, что и сохранит создавшиеся порядки [Ушкин, 2016, с. 40]<sup>8</sup>.

Можно констатировать и то, что предлагаемые властями инструменты «доказательства» продуктивности проводимой политики не способны изжить и нарастание социальных конфликтов, вызванных асимметричным распределением ресурсов и сохраняющих очаги латентной напряженности. Как считают ученые, интенсивность депривации населения (развивающаяся по своей логике и не компенсируемая декларативными «доводами»), хотя и зависит от степени расхождения

между ценностными ожиданиями людей и возможностями их воплощения, все же определяется расхождением их положения с экономическими реалиями (что доминирует не только над ценностями участия, самореализации, статусных диспозиций или идеациональной связи, но даже над вопросами безопасности) [Garr, 2005, с. 104, 115]. Такая экономическая ситуация, дополненная выведением политических «доказательств» за рамки публичного диалога с обществом, может поставить под сомнение позиции властей и ее способность и «возможность совершать [необходимые] трансформации» [Giddens, 1985, p. 7]. В дальнейшем же нарастание подобных угроз и рисков способно заставить людей поверить и в хрупкость режимов правления. И в этом случае непонятно, как будут реагировать на такую ситуацию люди, чье коллективное сознание сохраняет многие проявления ценностной аномии<sup>9</sup>, а в ряде случаев активизирует и этнологические механизмы самозащиты.

Одним словом, сохранение стабильности персоналистских режимов в России и Белоруссии указывает на необходимость поиска властями более равновесного экономического порядка и, как следствие, поощрение подлинно демократических «доказательств» в пользу эффективности своей политики. Пока же можно видеть, что нащупанная устойчивость этих правящих режимов сегодня весьма далека от таких требований. Напротив, активизируются попытки информационного давления на общество и превращения законопослу-

8 Вспомним в связи с этим, что Россия уже сталкивалась в постсоветской истории с доминированием новых элитарных группировок в рамках легального правящего режима, в частности, в форме так называемой семибанкирщины. Не исключено, что новыми «победителями» могут стать представители других секторов власти (например, силовых структур в виде доминирования «семи» полковников или генералов), которые будут по-своему укреплять структуры сложившегося в стране «форбс-порядка».

9 При всем том, что значительная доля российских граждан придерживается консервативно-охранительных представлений и не заинтересована в участии в политике и даже избегает контактов с государством, социологические опросы свидетельствуют, что «родина» и «государство» уже не являются ключевыми элементами, вокруг которых формируются представления многих респондентов о России.

шания – как формы подчинения персональной активности нормам законодательства (выработанного в основном представителями исполнительной власти) в условии социального самосохранения человека.

Модель «доказательной политики» сегодня не является для данных режимов не только ориентиром для повседневного политического управления, но и гипотетической моделью государственного менеджмента. В этом смысле нежелание властей «решать» проблемы совместно с населением страны аттестует их политику как «бегство от современности», поощряющее «архаизацию... общества»<sup>10</sup>. В результате чего мобилизационные стратегии правящих режимов оказываются направленными на восстановление порядков, «предшествующих модернити», отчуждающих население от власти и исключают граждан из числа партнеров государства.

Преодоление российским и белорусским политическими режимами критических развилок в своей эволюции возможно только через реальную политику делового сотрудничества с населением. Как показал опыт стран, уже преодолевших стадию переходности, *практические коммуникации* (способствующие превращению граждан в «сильное сообщество» (Т. Блэр), от чего, собственно, и зависит фактический уровень народного суверенитета) важнее *институциональных*. В этом смысле практики утверждения властями этих стран «демократии без демоса» (П. Майр) принципиально нерелевантны ни демократической перспективе развития, ни интересам основной части населения.

К сожалению, в отличие от Европы, где увеличиваются усилия властей по сближению с обществом при решении

конкретных проблем (что расширяет возможности «участия заинтересованных сторон» в рамках «легитимности, ориентированной на результат» [Shaw, 2000, p. 291] и одновременно помогает бороться с неконвенциональными формами участия), в России и Белоруссии действия властей обретают противоположный характер, трактуя вовлеченность граждан в управление государством как угрозу правящим режимам. И при этом реагируют на активность граждан усилением полицейских полномочий и еще большим снижением подотчетности. В силу этого в этой версии правления для народа формы малой модернизации не способны отразиться на стиле основных институтов, экранирующих влияние гражданских сообществ и препятствующих деловому сотрудничеству государства и общества.

Впрочем, следует помнить, что заинтересованность общества в достижении своих интересов должна выражаться не только в повышении гражданами общественной активности, но и в росте их управленческих компетенций, стремлении добиваться фактического участия в разработке проектов, координации своих действий с правительством. Только последовательно вытравливая пассивность, а равно и развивая механизмы народной дипломатии (увеличивающий совместный потенциал гражданственности в обеих странах), люди смогут противостоять и авторитарным искушениям власти, и снижению неподотчетности правительства. Только такой подход заставит власти России и Белоруссии изменить характер предоставляемых обществу «доводов», открывая дорогу гражданской экспертизе политических проектов, делиберации и прямому влиянию общественной повестки на планы

10 Иноземцев В. (2021). План «крепостные» // Новая газета. 7 июля 2021 // <https://novayagazeta.livejournal.com/15111605.html>, дата обращения 19.09.2021.

и правительства, на сферу правотворчества и правоприменения.

## Список литературы

- Ачкасова Г.С., Мельник В.А. (ред.) (2016). Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации. М.: ФЛИНТА-Наука.
- Волошинская А.А., Комаров В.М. (2015). Доказательная государственная политика: проблемы и перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 90–102 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_24067429\\_45322091.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_24067429_45322091.pdf), дата обращения 19.09.2021.
- Гарр Т.Р. (2005). Почему люди бунтуют. СПб.: Питер.
- Закария Ф. (2004). Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир.
- Заостровцев А. (2020). Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Костюшев В.В. (2011). Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. Политические исследования. № 4. С. 144–157 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_16524584\\_53339364.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_16524584_53339364.pdf), дата обращения 19.09.2021.
- Линц Х. (1993). Крушение демократических режимов. Кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. № 39–40 // [https://vtoraya-literatura.com/pdf/problemny\\_vostochnoy\\_evropy\\_39-40\\_1993\\_text.pdf](https://vtoraya-literatura.com/pdf/problemny_vostochnoy_evropy_39-40_1993_text.pdf), дата обращения 19.09.2021.
- Лушников Д.А. (2019). Организованные правительством неправительственные организации (GONGO): генезис проблематики, интерпретация и функции // Полис. Политические исследования. № 2. С. 137–148. DOI: 10.17976/jpps/2019.02.10
- Мельвиль А.Ю. (2011). Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации // Ильин М. (ред.) Метод. Московский ежегодник трудов обществоведческих дисциплин. М.: ИНИОН РАН. С. 295–318.
- Мельвиль А.Ю. и др. (ред.) (2007). Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО-Университет.
- Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г. (2020). «Политический атлас современности» revisited // Полис. Политические исследования. № 6. С. 46–61. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.04
- Палагичева А.В. (2021). Политическая демобилизация протестной активности граждан в современной России. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. полит. наук. Ярославль.
- Соловьев А.И. (2019). Политическая повестка правительства, или зачем государству общество? // Полис. Политические исследования. № 4. С. 8–26. DOI: 10.17976/jpps/2019.04.02
- Соловьев А.И., Миллер Т.В. (2017). Латентная сфера политики: версия теоретической идентификации // Государственное управление. № 63. С. 212–232 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_30148132\\_10722024.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_30148132_10722024.pdf), дата обращения 19.09.2021.
- Такман Б. (2013). Ода политической глупости: от Трои до Вьетнама. М.: АСТ.
- Тэрроу С. (2011). Стратегия режима – это самый важный фактор, определяющий размах и длительность протестов // Свободная мысль. № 12. С. 5–16 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_23609482\\_63512704.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_23609482_63512704.pdf), дата обращения 19.09.2021.
- Ушкин С.Г. (2016). На пути к лучшему обществу, или почему люди ста-

новятся активистами? // Мониторинг общественного мнения. № 4. С. 33–47. DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.03

Харкордин О. (2021). Республика. Полная версия. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Baumgartner F., Bryan D., Mortensen B. (2018). Punctuated Equilibrium Theory: Explaining Stability and Change in Public Policymaking // *Theories of the Policy Process* (eds. Weible C.M., Sabatier P.A., Weible Ch.M., Sabatier P.A.), New York, London: Routledge Taylor, Francis Group, pp. 55–101.

Baumgartner F.R., Jones B.D. (1991). Agenda Dynamics and Policy Subsystem // *Journal of Politics*, vol. 53, no 4, pp. 1044–1074 // <https://people.sc.fsu.edu/~pbeerli/BSC3052/restricted/papers/Baumgartner-Jones-1991-1.pdf>, дата обращения 19.09.2021.

Baumgartner F.R., Jones B.D. (eds.) (1993). *Agendas and Instability in American Politics*, Chicago: University of Chicago Press.

Borzel T.A. (1998). Organizing Babylon – on the Different Conception of Policy Networks // *Public Administration*, vol. 76, no 2, pp. 253–273. DOI: 10.1111/1467-9299.00100

Cairney P. (2012). *Understanding Public Policy. Theories and Issues*, London: Palgrave Macmillan.

Campbell S., Benita S., Coates E., Davies P., Penn G. (2007). *Analysis for Policy: Evidence-based Policy in Practice*, London: Government Social Research Unit.

Crozier M., Thoenig J.C. (1976). The Regulation of Complex Organized Systems // *Administrative Science Quarterly*, vol. 2, no 4, pp. 547–570. DOI: 10.2307/2391716

Dodd L.C. (1994). Political Learning and Political Change: Understanding Development across Time // *The Dynamics of American Politics* (eds. Dodd L.C., Jillson C.), Boulder, CO: Westview Press, pp. 331–364.

Giddens A. (1985). *Nation-State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism*, Cambridge: Polity Press.

Guriev S., Treisman D.A. (2019). *Theory of Informational Autocracy* // SSRN, April 3, 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3426238

Heazl M. (2010). *Uncertainty in Policy Making: Values and Evidence in Complex Decisions*, London, Washington, DC: Earthscan.

Hollyer J.R., Rosendorff B.P., Vreeland J.R. (2015). Transparency, Protest, and Autocratic Instability // *American Political Science Review*, vol. 109, no 4, pp. 764–784. DOI: 10.1017/S0003055415000428

Ibarra P.R., Kitsuse J.I. (2003). *Claimsmaking Discourse and Vernacular Resources // Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems* (eds. Miller G., Holstein J.A.), Hawthorne, New York: Aldine de Gruyter, pp. 17–50.

Ionescu G. (1966). Control and Contestation in Some One-Party States // *Government and Opposition*, vol. 1, no 2, pp. 240–250. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1966.tb00373.x

Johnston L., Shearing C. (2003). *Governing Security: Explorations in Policing and Justice*, London: Routledge.

Jouvenel B. (1966). The Means of Contestation // *Government and Opposition*, vol. 1, no 2, pp. 155–174. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1966.tb00369.x

Kenis P., Schneider V. (1991). *Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // Policy Networks: Empirical Evidence and Theoretical Considerations* (eds. Marin B., Mayntz R.), Frankfurt/Boulder, CO: Campus/Westview Press, pp. 25–59.

Ledeneva A.V. (2013). *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*, Cambridge University Press.

Levitsky S., Way L. (2020). The New Competitive Authoritarianism // *Journal*

of Democracy, vol. 31, no 1, pp. 51–65. DOI: 10.1353/jod.2020.0004

Shaw Jo. (2000). Constitutional Settlements and the Citizen after the Treaty of Amsterdam // European Integration after Amsterdam (eds. Neunreither K., Weener A.), Oxford: Oxford University Press, pp. 290–317.

Trantidis A. (2016). Is Government Contestability an Integral Part of the Definition of Democracy? // Politics, vol. 37, no 1, pp. 67–81. DOI: 10.1177/0263395715619635

Victor J.N., Montgomery A.H., Lubel V. (eds.) (2018). The Oxford Handbook of Political Networks, Oxford: Oxford University Press.

White J. (2013). Quack Policy Abusing Science in the Cause of Paternalism, London: The Institute of Economic Affairs.

Zahariadis N. (2016). Setting the Agenda on Agenda Setting: Definitions, Concepts, and Controversies // Handbook of Public Policy Agenda Setting (ed. Zahariadis N.), Edward Elgar Publishing, pp. 1–24.

### Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-3

## “Evidence-based Policy” and “Policy of Evidence”: The Dilemma of Post-Soviet Societies

**Alexander I. SOLOVIEV**

DSc in Politics, Professor, Head of the Department of Political Analysis  
Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskij Av., 27-4, Moscow,  
Russian Federation

E-mail: alesol@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2897-0909

**CITATION:** Soloviev A.I. (2021). “Evidence-based Policy” and “Policy of Evidence”: The Dilemma of Post-Soviet Societies. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 61–80 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-3

Received: 26.07.2021.

**ABSTRACT.** *External and internal challenges, risks and crisis phenomena operating in the world and national states require the ruling regimes to flexibly restructure the configuration of relations between power and society. One of the tools of such communication is the methods of “evidence-based policy”, which involve addressing the population on the basis of ex-*

*pert and scientific recommendations when developing goals that allow people not only to judge their legality, but also to challenge and correct their content. At the same time, in a number of transitional and authoritarian states, preference is given to the “policy of evidence” that demonstrates the priorities of politically expedient actions of the authorities aimed not at partnership with society,*

but at mobilizing the support of the population for the implementation of the goals of government policy. In this context, the article shows the objective and subjective limitations of the use of scientific and expert data in the public sphere by a number of post-Soviet states, the peculiarities of the correlation of “evidence-based policy” and “policy of evidence” in the activities of the ruling regimes, and assesses their prospects in the short term in modern Russian society.

**KEYWORDS:** evidence-based policy, policy of evidence, government, society, ruling regimes, transitional political systems, post-Soviet states, evidence policy, evidence policy, political trust.

References

Achkasova G.C., Mel'nik V.A. (eds.) (2016). *Communication Technologies in the Processes of Political Mobilization*, Moscow: FLINTA-Nauka (in Russian).

Baumgartner F., Bryan D., Mortensen B. (2018). Punctuated Equilibrium Theory: Explaining Stability and Change in Public Policymaking. *Theories of the Policy Process* (eds. Weible C.M., Sabatier P.A., Weible Ch.M., Sabatier P.A.), New York, London: Routledge Taylor, Francis Group, pp. 55–101.

Baumgartner F.R., Jones B.D. (1991). Agenda Dynamics and Policy Subsystem. *Journal of Politics*, vol. 53, no 4, pp. 1044–1074. Available at: <https://people.sc.fsu.edu/~pbeerli/BSC3052/restricted/papers/Baumgartner-Jones-1991-1.pdf>, accessed 19.09.2021.

Baumgartner F.R., Jones B.D. (eds.) (1993). *Agendas and Instability in American Politics*, Chicago: University of Chicago Press.

Borzel T.A. (1998). Organizing Babylon – on the Different Conception of Policy Networks. *Public Administration*, vol. 76,

no 2, pp. 253–273. DOI: 10.1111/1467-9299.00100

Cairney P. (2012). *Understanding Public Policy. Theories and Issues*, London: Palgrave Macmillan.

Campbell S., Benita S., Coates E., Davies P., Penn G. (2007). *Analysis for Policy: Evidence-based Policy in Practice*, London: Government Social Research Unit.

Crozier M., Thoenig J.C. (1976). The Regulation of Complex Organized Systems. *Administrative Science Quarterly*, vol. 2, no 4, pp. 547–570. DOI: 10.2307/2391716

Dodd L.C. (1994). Political Learning and Political Change: Understanding Development across Time. *The Dynamics of American Politics* (eds. Dodd L.C., Jillson C.), Boulder, CO: Westview Press, pp. 331–364.

Garr T.R. (2005). *Why Do People Rebel*, Saint Petersburg: Piter (in Russian).

Giddens A. (1985). *Nation-State and Violence. Volume Two of A Contemporary Critique of Historical Materialism*, Cambridge: Polity Press.

Guriev S., Treisman D.A. (2019). Theory of Informational Autocracy. SSRN, April 3, 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3426238

Heazl M. (2010). *Uncertainty in Policy Making: Values and Evidence in Complex Decisions*, London, Washington, DC: Earthscan.

Hollyer J.R., Rosendorff B.P., Vreeland J.R. (2015). Transparency, Protest, and Autocratic Instability. *American Political Science Review*, vol. 109, no 4, pp. 764–784. DOI: 10.1017/S0003055415000428

Ibarra P.R., Kitsuse J.I. (2003). Claims-making Discourse and Vernacular Resources. *Challenges and Choices: Constructionist Perspectives on Social Problems* (eds. Miller G., Holstein J.A.), Hawthorne, New York.: Aldine de Gruyter, pp. 17–50.

Ionescu G. (1966). Control and Contestation in Some One-Party States. *Government and Opposition*, vol. 1, no 2, pp. 240–250. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1966.tb00373.x

Johnston L., Shearing C. (2003). *Governing Security: Explorations in Policing and Justice*, London: Routledge.

Jouvenel B. (1966). The Means of Contestation. *Government and Opposition*, vol. 1, no 2, pp. 155–174. DOI: 10.1111/j.1477-7053.1966.tb00369.x

Kenis P., Schneider V. (1991). Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. *Policy Networks: Empirical Evidence and Theoretical Considerations* (eds. Marin B., Mayntz R.), Frankfurt/Boulder, CO: Campus/Westview Press, pp. 25–59.

Kharkordin O. (2021). *Republic. The Full Version*, Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg (in Russian).

Kostyushev V.V. (2011). Social Protest in the Field of Politics: Potential, Repertoire, Discourse (Experience of Theoretical Interpretation and Empirical Verification). *Polis. Political Studies*, no 4, pp. 144–157. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_16524584\\_53339364.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_16524584_53339364.pdf), accessed 19.09.2021 (in Russian).

Ledeneva A.V. (2013). *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance*, Cambridge University Press.

Levitsky S., Way L. (2020). The New Competitive Authoritarianism. *Journal of Democracy*, vol. 31, no 1, pp. 51–65. DOI: 10.1353/jod.2020.0004

Linz J. (1993). The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration. *Problems of Eastern Europe*, no 39–40. Available at: [https://vtoraya-literatura.com/pdf/problemy\\_vostochnoy\\_evropy\\_39-40\\_1993\\_text.pdf](https://vtoraya-literatura.com/pdf/problemy_vostochnoy_evropy_39-40_1993_text.pdf), accessed 19.09.2021 (in Russian).

Lushnikov D.A. (2019). Government-Sponsored Non-Governmental Organizations (GONGO): Genesis of the Problems, Interpretation and Functions. *Polis. Political Studies*, no 2, pp. 137–148 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.02.10

Melville A.Yu. (2011). The Experience of Quantitative and Qualitative Analy-

sis of the Factors of Democratization. *Method. Moscow Yearbook of Works of Social Science Disciplines* (ed. Il'in M.), Moscow: INION RAN, pp. 295–318 (in Russian).

Melville A.Yu. et al. (eds.) (2007). *The Political Atlas of Modernity: The Experience of Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States*, Moscow: MGIMO-University (in Russian).

Melville A.Yu., Mironyuk M.G. (2020). "Political Atlas of the Modern World" Revisited. *Polis. Political Studies*, no 6, pp. 46–61 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.06.04

Palagicheva A.V. (2021). *Political Demobilization of Protest Activity of Citizens in Modern Russia*, Yaroslavl' (in Russian).

Shaw Jo. (2000). Constitutional Settlements and the Citizen after the Treaty of Amsterdam. *European Integration after Amsterdam* (eds. Neunreither K., Weener A.), Oxford: Oxford University Press, pp. 290–317.

Solovyov A.I. (2019). Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society? *Polis. Political Studies*, no 4, pp. 8–26 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.04.02

Solovyov A.I., Miller T.V. (2017). Latent Policy Area: An Attempt at Theoretical Identification. *E-journal. Public Administration*, no 63, pp. 212–232. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_30148132\\_10722024.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_30148132_10722024.pdf), accessed 19.09.2021 (in Russian).

Tarrow S. (2011). The Regime's Strategy Is the Most Important Factor Determining the Scope and Duration of Protests. *Svobodnaya mysl'*, no 12, pp. 5–16. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_23609482\\_63512704.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_23609482_63512704.pdf), accessed 19.09.2021 (in Russian).

Trantidis A. (2016). Is Government Contestability an Integral Part of the Definition of Democracy? *Politics*, vol. 37, no 1, pp. 67–81. DOI: 10.1177/0263395715619635

Tuchman B. (2013). *The March of Folly. From Troy to Vietnam*, Moscow: AST (in Russian).

Ushkin S.G. (2016). Towards Better Society, or Why People Become Activists? *Monitoring of Public Opinion*, no 4, pp. 33–47 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2016.4.03

Victor J.N., Montgomery A.H., Lubel V. (eds.) (2018). *The Oxford Handbook of Political Networks*, Oxford: Oxford University Press.

Voloshinskaya A.A., Komarov V.M. (2015). Evidence-Based Policy: Problems and Prospects. *Bulletin of the IE RAS*, no 4, pp. 90–102. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_24067429\\_45322091.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_24067429_45322091.pdf), accessed 19.09.2021 (in Russian).

White J. (2013). *Quack Policy Abusing Science in the Cause of Paternalism*, London: The Institute of Economic Affairs.

Zahariadis N. (2016). Setting the Agenda on Agenda Setting: Definitions, Concepts, and Controversies. *Handbook of Public Policy Agenda Setting* (ed. Zahariadis N.), Edward Elgar Publishing, pp. 1–24.

Zakariya F. (2004). *The Future of Freedom: Illiberal Democracy in the United States and beyond*, Moscow: Ladomir (in Russian).

Zaostrovtssev A. (2020). *The Debate about Modernization: A Common Road or Special Ways?* Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-4

# Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти

**Владимир Сергеевич АВДОНИН**

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник  
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),  
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация  
E-mail: avdoninvla@mail.ru  
ORCID: 0000-0002-3822-6983

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Авдонин В.С. (2021). Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 81–99.  
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-4

Статья поступила в редакцию 19.07.2021.

**ФИНАНСИРОВАНИЕ:** Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 20-011-00709.

**АННОТАЦИЯ.** В статье рассматривается траектория изменений идейного комплекса, который именовался в «позднем» СССР «советской идеологией», в постсоветский период. Теоретико-методологической рамкой анализа является теория политических режимов, а также элементы теории идеологий и теории политического дискурса. Исследуются черты и особенности «советской идеологии» в условиях «посттоталитарного» политического режима в «позднем» СССР, которые вели к ее ослаблению и упадку после развала советского режима. В условиях постсоветского политического режима в России произошел распад «советской идеологии» на идеологическую (основа идеологии постсоветских коммунистических партий) и политико-культурную (паттерн постсоветской политической культуры) составляющие, что создало для правящей власти специ-

фическую проблему отношений с этими феноменами. Исследование дискурса власти по тематике «советской идеологии» (проведенное в основном на материале выступлений и высказываний президентов РФ) позволило выделить три сменявшие друг друга дискурсивные стратегии таких отношений: стратегию «борьбы», стратегию «адаптации» и стратегию «селективного использования». Последняя из них применялась в 2010-е годы в условиях консолидации авторитарного политического режима. Она позволила выборочно включать наследие «советской идеологии» в идейный комплекс правящего режима, для которого характерно использование не полноценных политических идеологий, а «идентитарных нарративов», допускающих включение разнородных элементов этнокультурных, исторических, религиозных и т.д. традиций. Сравнительные исследования также показыва-

ют, что ориентация в идейной сфере на такие «идентитарные нарративы» – характерная тенденция современных неоавтократий.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** советская идеология, политический режим, политическая легитимация, политический дискурс, дискурсивные стратегии, политико-культурные паттерны, идентитарные нарративы, неоавтократии.

## Введение

Спустя 30 лет после распада СССР интерес к различным связанным с ним феноменам продолжает сохраняться. «Советское» по-прежнему влияет на современность и проявляется во многих областях жизни сегодняшней России.

Советский Союз считался идеологическим государством, и важным аспектом его существования была советская идеология, которая поддерживала советский строй, выступала официальной идейной основой советской политики, была существенной частью общественно-политической жизни. Распад СССР связывается и с кризисом советской идеологии, утратой ею господствующего положения как в системе власти, так и в обществе [Медведев, 2003]. В объяснении этого кризиса и упадка до сих пор сохраняются «идеологические» трактовки, опирающиеся на советские идеологические традиции и сводящие все к беспощадной борьбе, развернутой против советской идеологии Западом, «мировым капитализмом», «агрессивными кругами» и т.д. [Зиновьев, 2001; Кара-Мурза, 2019 и др.] Но помимо этого существуют и объ-

яснения, исходящие из исследования идеологий в социальных науках как сложных феноменов социально-политической и идейной жизни, их базовых свойств, функций, закономерностей, особенностей и т.д. [Freeden, 1996; Gerring, 1997; Thompson, 1984]. С этой точки зрения упадок советской идеологии и ее последующий кризис были в основном связаны с изменениями ее функций и свойств, которые все заметнее проявлялись накануне распада СССР.

В этой статье рассмотрен вопрос об изменениях того, что называлось советской идеологией, в позднесоветский и постсоветский периоды: за точку отсчета взята политологическая теория политических режимов [Linz, Stepan, 1996; Голосов, 2018 и др.]. Согласно этому взгляду, многие свойства идеологий, особенно касающиеся реализации их политических функций, зависят от особенностей того режима, в котором они функционируют. Режимные изменения ведут и к изменениям функциональных свойств идеологий, хотя и не определяют их полностью. С этой точки зрения позднесоветский политический режим вел к постепенному ослаблению роли «советской идеологии» и в политике этого режима, и в обществе. Распад советского режима в 1991 г. показал и подтвердил эту слабость, что сопровождалось кризисом и распадом и самой «советской идеологии». И здесь важно уяснить существо и особенности этого распада. Во многом он был предопределен тем монопольным статусом, который «советская идеология» имела не только в политике, но и в обществе предшествующего периода, где она приобрела форму политико-культурного феномена<sup>1</sup>. В постсоветский

1 Для характеристики этого феномена, в частности, использовалось понятие метанарратива [Gill, 2011] как близкой, но не тождественной идеологии, «совокупности дискурсов», представляющих последнюю в «упрощенной форме». Подробнее о соотношении идеологии и метанарратива см.: [Малинова, 2014, с. 344–348].

период произошел распад этой идеологии на две основные составляющие – собственно идеологическую и политико-культурную.

Это стало серьезной проблемой для правящей власти, которая в условиях неустойчивости складывавшегося политического режима сталкивалась с острой конкуренцией оппозиционных (просоветских) политических сил. Последние, с одной стороны, опирались на концептуально реформативное наследие «советской идеологии», а с другой – могли рассчитывать на отклик родственного политико-культурного паттерна «советского» в обществе. По существу, это и происходило. Власть была вынуждена предпринимать срочные контрмеры по «нейтрализации» советского идейного наследия в постсоветской политике.

В статье предлагается анализ дискурса российской власти по темам «советской идеологии», осуществляемый, прежде всего, на материале выступлений и высказываний президентов РФ как наиболее значимых властных акторов, с целью определения характера дискурсивных стратегий, направленных на нейтрализацию, а затем и на использование наследия «советской идеологии» в интересах укрепления и легитимации действующего политического режима. Из обширной области современных исследований дискурса в основном используются подходы критического дискурса-анализа (КДА), которые подчеркивают различие дискурса и социально-политического и культурно-исторического контекста и ориентируются на исследование их взаимовлияния [Fairclough I., Fairclough N., 2012; Hart, 2015; Wodak, Meyer, 2015; Ионова, 2016]. В данном случае речь пойдет о режимном контексте, влиявшем на формирование и смену дискурсивных стратегий власти по темам «советской идеологии».

## 1. Советская идеология в позднесоветское время

Прежде чем обратиться к анализу изменений «советской идеологии», происходивших в последние 30 лет, надо хотя бы кратко остановиться на том, что этот феномен представлял собой в предшествующий период. Условно его можно ограничить позднесоветским временем или периодом «позднего (постсталинского) социализма», который обычно датируют серединой 1950-х – серединой 1980-х годов. С точки зрения теории политических режимов наиболее характерными для «позднего социализма» являются «посттоталитарные политические режимы», которым свойственны и посттоталитарные идеологии (идеологические практики) [Linz, Stepan, 1996, pp. 42–51]. В политике такие идеологии продолжают играть важную роль, выступая, прежде всего, средствами легитимации политики правящих партий и политических элит. Их концептуальное содержание изменяется незначительно. Как правило, оно корректируется с учетом осуждения некоторых ошибок, связываемых с действиями лидера или отдельных групп, но основные идеологические положения, цели, задачи, легитимирующие политику режима, остаются неизменными. В то же время в обществе статус господствующей идеологии изменяется, появляется недоверие к ее основным положениям, усиливается политическая апатия (аполитичность), получают определенное распространение альтернативные идейные течения. Массовые идеологические практики приобретают рутинный и ритуальный характер, а их мобилизующая роль начинает ослабевать. По выражению Хуана Линца, посттоталитарным режимам свойственна тенденция «смещения акцента с идеологии на прагматический консенсус» [Linz, Ste-

pan, 1996, p. 44], которая нарастает от ранних стадий посттоталитаризма к зрелым и поздним.

В СССР часть этих черт проявилась в идеологической сфере в период «хрущевской оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х годов). В это время были осуждены репрессии и культ личности Сталина, но было также подчеркнуто исключительное значение руководящей роли партии и партийной идеологии в политической и общественной жизни. Имело место и проявление «безыдейности» и «чуждых» идеологических настроений (в культуре, искусстве, литературе, быту), которые осуждались. В то же время легитимирующий и мобилизующий статус идеологии не только сохранялся, но даже усиливался, компенсируя ослабление тоталитарных репрессивных практик.

Более определенными черты упадка советской идеологии становятся в последующий период (конец 1960-х – начало 1980-х годов), который в партийных документах часто именовался «периодом развитого социализма», а в перестроечной публицистике получил определение «застоя». Согласно режимной теории, его можно характеризовать как «поздний посттоталитаризм». Советская идеология продолжала легитимировать политический курс и власть партии, но концептуально вновь корректировалась (уже не «строительство коммунизма», а «совершенствование развитого социализма»). На фоне новых корректировок и проблемных реалий «социалистического строительства» осложнялись экспликативные (эпистемологические) возможности этой идеологии – ее способность убедительно сопрягать свои положения с реальными процессами и проблемами. Идеологические практики приобретали все более ритуальный, формальный и отчужденный от содер-

жания характер. Ослабевала и интегрирующая функция советской идеологии, предполагающая сплочение различных социальных групп и слоев на основе ее идей. Растущая социальная дифференциация и профессионализация общества выдвигали на первый план идеи и интересы «своих» сообществ, ослабляя влияние общей идеологии.

Считается также, что в этот период в целом повысилась терпимость к «деидеологизированному» поведению в обществе и даже к альтернативным идеологическим течениям. Борьба с этими явлениями тоже велась в основном формально. Исследуя этот период, Алексей Юрчак отмечает, что неверно представлять идейную жизнь в тогдашнем СССР в парадигме «бинарного противостояния» господствующей советской идеологии и идей диссидентских и нонконформистских групп. Более точной была бы парадигма изменений в поле самой «советской идеологии», в изменениях ее свойств и функций, в появлении в ней новых «симптомов» и новой «нормальности» ее восприятия в обществе и в элитах. Эта «нормальность» заключалась в том, что концептуальное содержание этой идеологии уже не воспринималось буквально, но и не отторгалось, а «наполнялось новыми смыслами» [Юрчак, 2020, с. 38–44]. Характер этих новых «нормальных» смыслов все больше диктовался реальностью, придавая эволюции этой идеологии в целом более приземленный и прагматический смысл.

Последний этап позднесоветского времени – период перестройки (1985–1991). О нем сказано немало и историками, и политологами, и публицистами. С точки зрения режимной теории в этот период в СССР начинается смена политического режима – поздний посттоталитаризм постепенно преоб-

разуется в «режим политической либерализации». Либерализация здесь означает, прежде всего, изменение в либеральном ключе правил и принципов допуска на властные политические позиции или участия в политической конкуренции [O'Donnell, Schmitter, 1986]. В идеологическом плане этот режим также менялся. Либерализация предполагала отказ от идеологической монополии и легализацию идеологического плюрализма. Для советской идеологии это означало формальную утрату статуса господствующей идеологии и включение в процесс легальной идеологической конкуренции. На ее политический статус также влияло то, что в результате раскола в этот период в высшем советском руководстве на реформаторов и консерваторов советская идеология была взята на вооружение консервативными антиреформаторскими силами. Они сохранили за ней функцию легитимации их политического курса, но не смогли «вдохнуть в нее жизнь», т.е. справиться со всеми теми процессами упадка и ослабления, с которыми она сталкивалась в предшествующий период. В результате в решающий момент политического противостояния реформаторов и консерваторов она не смогла выполнить свою консолидирующую и мобилизующую роль. Ее сторонники оказались в явном меньшинстве на первых выборах президента России (июнь 1991 г.) и утратили политическую инициативу. А последовавшая затем попытка силового захвата власти (путч ГКЧП), которая отчасти проходила под советским идеологическим патронажем<sup>2</sup>, также не получила массовой поддержки.

## 2. Советская идеология после распада советского режима

После провала путча и распада СССР в России установился так называемый «посткоммунистический политический режим». В режимной теории такой тип режима считается переходным, т.е. неустойчивым, меняющимся, переходящим от прежней политической формы к новой. Выделяются три основных направления перехода – к «консолидированной демократии», к новому авторитаризму и к «гибридной форме» (сочетающей черты демократии и авторитаризма). При этом результат перехода, как считается, во многом зависит от соотношения сил реформаторов и представителей старого режима в процессе перехода. Преобладание первых в основном дает переход к демократии, вторых – к новой автократии, а при балансе сил наиболее вероятна «гибридная форма» [Мельвиль, 2007].

Российский посткоммунистический режим 1990-х годов, как правило, относят к «гибридной форме» с неустойчивым балансом сил реформаторов и их противников. Идеологическая сфера таких режимов обычно характеризуется острым идейным расколом и жесткой идеологической конкуренцией вовлеченных в политику сил.

В этих условиях стали особенно заметны слабости «позднесоветской идеологии», что ограничивало возможности ее использования в качестве идеологии противостоящих реформаторам политических сил. Утратив статус господствующей идеологии, легитимирующей политический режим, цели и программы общественно-политического развития, она показала весь

2 Скоротечность событий путча и ограниченный объем обнародованных материалов не дают возможности определенно идентифицировать идеологию ГКЧП, но установленная близость к путчистам ряда видных деятелей консервативных сил в КПСС и в КП РСФСР, которые выступали в политике с позиций советской идеологии, позволяют обоснованно предположить, что путч идейно был также связан с этой идеологией.

ма ограниченную способность выдерживать жесткий режим идеологической конкуренции, а провал ее сторонников в политике накануне распада СССР продемонстрировал и слабость ее политического потенциала. По сути, она оказалась в состоянии глубокого кризиса и распада. Даже те радикальные противники реформ, которые группировались в 1992–1993 гг. вокруг системы советов и использовали дискурс «защитников советов», в идейном плане были весьма далеки от того, что именовалось «советской идеологией» в позднем СССР<sup>3</sup>.

В теориях идеологий считается, что при утрате идеологией политического потенциала, т.е., прежде всего, влияния на массовое политическое поведение, возможны, как правило, два исхода. Либо переформируется ее концептуальное содержание, изменяется статус и конфигурация ее базовых концептов, и она возрождается в новом идеологическом облики [Freeden, 2013], либо она теряет статус политической идеологии и превращается в феномен политической культуры, обладающий лишь косвенным влиянием на политику [Gill, 2000]. Похоже, что с советской идеологией после распада советского режима произошло и то и другое. С одной стороны, она стала основой формирования идеологий постсоветских коммунистических партий, с другой – трансформировалась в феномен постсоветской политической культуры. В первом случае признаки политической идеологии за ней сохранились, но изменились многие ее содержательные и функциональные компоненты, вытекавшие из ее господствующего статуса в советской системе. Из идеологии, легити-

мирующей власть, она превращалась в идеологию, оспаривающую власть, что влекло за собой существенное переформатирование. Например, ту же идеологию КПРФ, которая имела исток в «советской идеологии», уже вряд ли можно считать таковой. Не останавливаясь на содержательном и концептуальном разборе, отметим лишь, что даже сами коммунисты чаще называли свою идеологию «народно-патриотической», а не «советской».

Во втором случае она, по существу, утрачивала многие свойства и функции политической идеологии, превращаясь в политико-культурный феномен или «идейный паттерн политической культуры». Но этот трек был для нее по-своему органичен, учитывая, что еще в советское время имело место формирование связанного с советской индоктринацией политико-культурного паттерна, который анализировался в литературе [Gill, 2011; Малинова, 2015].

### 3. Наследие советской идеологии и стратегии властного дискурса

Для действующей российской власти превращения советской идеологии стали серьезным вызовом, особенно на фоне вакуума идейных установок, возникшего после смены советского режима, и последующей неопределенности в поисках подходящих идей и идеологий. Политико-культурные паттерны «советского» вовлекались в политику посредством «родственной» им идеологической активности КПРФ, что создавало для власти реальные угрозы пораже-

<sup>3</sup> В публицистике тех лет для обозначения сторонников этих идей использовался термин «коммуно-патриоты» или даже «коммунофашисты», а в цветовой гамме – «красно-коричневые». В идеологическом отношении этот идейный блок представлял собой альянс коммунистической идеологии с радикально-консервативной.

ния на выборах, распада правящего режима и остановки реформ<sup>4</sup>.

Исследование риторики российской власти в отношении советской идеологии и советского идейного наследия является в данном случае лишь одним из аспектов эмпирического способа анализа действий властных акторов. Но оно помогает лучше понять, как власть старалась действовать на этом направлении. На протяжении трех десятилетий можно проследить последовательную смену трех стратегий отношения к советскому идейному наследию, которые можно условно назвать стратегиями «борьбы», «адаптации» и «селективного использования». В какой-то мере их можно связать с тремя постсоветскими десятилетиями (1990-е, 2000-е и 2010-е годы) или даже персонифицировать в соответствии со сроками президентских правлений («ельцинский» период 1990-х годов, «путинский» первых сроков и «медведевский» и «путинский» новых президентский сроков).

### 3.1. ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ «БОРЬБЫ» С НАСЛЕДИЕМ СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Стратегия «борьбы» против политизации «советского идейного паттерна» «советской идеологией» была характерна для риторики власти в 1990-е годы, достигнув кульминации в период «большого» выборного цикла 1995–1997 гг., включавшего думские, президентские и серию региональных выборов. Она выразилась во всесторонне

негативной интерпретации «советской идеологии» как важной части советской системы, задававшей ей различные отрицательные качества.

Примерами здесь может служить риторика Ельцина перед президентскими выборами 1996 г. Давая советской системе обобщенные характеристики, он называет ее, в частности, «коммунистическим экспериментом», «тоталитарной системой», «сверхжесткой мобилизационной моделью развития», «политическим режимом, не соответствовавшим требованиям времени», «правившим с помощью насилия и обмана»<sup>5, 6</sup>.

Очевидно, что во всех этих характеристиках присутствует и «идеологическое содержание» советской системы, которому, по мнению Ельцина, свойственны ложные, тоталитарные, антинародные, догматические, связанные с насилием и исторически тупиковые черты. Практически все негативные и проблемные стороны советской идеологии выдвигаются на первый план, а любая идеологизация «советского идейного паттерна» в политике по определению рассматривается как приводящая к их восстановлению.

Особо Ельцин подчеркивает также догматизм советской системы и неспособность ее к реформированию. Попытки реформ в ней неизменно заканчивались неудачами, подтверждая «исторический тупик» созданной системы и ее идейного обоснования.

Идеологический аспект подразумевается и тогда, когда Ельцин говорит о

4 Ближним примером того, что могло произойти в России в случае краха режима реформаторов, является Белоруссия, где в 1994 году на выборах победил Лукашенко. В терминах нашего анализа эту победу можно интерпретировать как успешное установление связи между переформатированной «советской идеологией» и «советским культурным паттерном». Показательна и невероятная популярность Лукашенко в России в середине 1990-х годов, когда и просоветские политики, и просоветская часть общества активно искали такую связь.

5 Здесь и далее курсив, когда используется лексика из дискурса власти, которая является объектом изучения.

6 Здесь и далее цит. по: Ельцин Б.Н. (1996). Послание Федеральному Собранию РФ // Интелрос. 5 февраля 2007 // [http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie\\_prezidenta\\_rossii\\_borisa\\_elcina\\_federalnomu\\_sobraniju\\_rf\\_rossija\\_zakotoruju\\_my\\_v\\_otevete\\_1996\\_god.html](http://www.intelros.ru/2007/02/05/poslanie_prezidenta_rossii_borisa_elcina_federalnomu_sobraniju_rf_rossija_zakotoruju_my_v_otevete_1996_god.html), дата обращения 11.05.2021.

внешней политике советской системы. Он выделяет в ней «*внешнеполитические и военные авантюры и участие в расточительной гонке вооружений*». Здесь очевидны отсылки к актуальным и негативно окрашенным в тогдашнем дискурсе темам экономически неэффективной «братской помощи» «идеологически близким» политическим режимам и столь же негативно восприимчивой войне в Афганистане, тоже имеющей идеологические коннотации («интернациональный долг», помощь в «строительстве социализма»). А негативная оценка («расточительная») в отношении гонки вооружений здесь явно противостоит советскому идеологическому нарративу о достижении «военного паритета» с США.

Говоря о периоде перестройки, Ельцин подчеркивает в нем «*идейное раскрепощение общества*», тем самым противопоставляя его прежнему периоду идейного «закрепощения» и идеологического монополизма. При этом программу экономических реформ перестройки он оценивает негативно и называет «*метаниями*», поставившими страну на грань экономической катастрофы. В итоге это привело к «*распаду партийных и репрессивных скреп и старых “приводных ремней” власти*» и вызвало утрату централизованного управления. И здесь он снова акцентирует ключевую роль силового репрессивного механизма в советской системе, который оправдывался советской идеологией.

В этом же ключе он оценивает и путч ГКЧП, называя его «*отчаянной попыткой скрепить Союз силой*». В попытке ГКЧП он, прежде всего, акцентирует фактор «силы», путь к силовому сценарию развития событий, «*которые привели бы к последствиям более страшным, чем в Югославии*». Это еще один важный элемент дискурсивной стратегии «борьбы» с «советской

идеологией» – постоянное подчеркивание того, что ее сторонники тяготеют к силовым и репрессивным сценариям, а сама она оправдывает применение силы в политике, обществе, государственном управлении. Вероятно, предполагалось, что это сможет остановить рост ее поддержки.

Но неубедительная победа Ельцина на выборах 1996 г. и заметный успех на них Зюганова давали ясное представление о том, что стратегия открытой и жесткой борьбы с советским идейным наследием далеко не так эффективна. Еще более убедительно об этом свидетельствовала поддержка КПрФ на думских выборах 1995 г., образование огромного электорального «красного пояса» по всему югу страны, а также победы представителей КПрФ и их союзников на выборах в регионах. Власть буквально оказалась перед лицом политической реставрации «советского».

### **3.2. ДИСКУРСИВНАЯ СТРАТЕГИЯ «АДАПТАЦИИ» СОВЕТСКОГО «ИДЕЙНОГО ПАТТЕРНА»**

Уже в конце 1990-х годов наметился переход к другой стратегии отношения власти к советскому идейному наследию, которую можно условно называть «адаптивной». В наиболее явном виде она стала использоваться в риторике власти с 2000 г. Для этой стратегии были характерны две особенности: первая – сокращение критики советской системы и вторая – выдвигание в центр дискурса ключевых «неидеологических» концептов, близких носителям «советского политико-культурного паттерна».

Фокус внимания в дискурсе власти переносится на критику положения дел в государстве и обществе в 1990-е годы. В отличие от Ельцина, который укреплял режим, во многом опираясь на критику советской системы, Путин избрал

для подобной роли «лихие 90-е» и старался представить свой курс, прежде всего, как исправление ошибок и извлечение уроков из опыта 1990-х годов.

В дискурсе Путина стали выделяться характерные ключевые слова: «*сильное государство*», «*наведение порядка*», «*стабильность*», «*единство*», «*диктатура закона*», «*великая держава*» и др. И практически все они так или иначе противопоставлялись тому, что имело место в 1990-е годы – «*слабое государство*», «*нестабильность*», «*нарушение закона*», «*рост преступности*» и т.д.<sup>7</sup> В дальнейшем мем «*лихие 90-е*» прочно вошел не только во властный и пропагандистский, но и в общественный дискурс, а критика этого периода стала важным фактором дискурсивной легитимации путинского режима [Малинова, 2018].

Для нашей темы важно отметить, что этот же набор дискурсивных концептов («*сильное государство*», «*держава*», «*стабильность*» и др.,) мог опознаваться и положительно восприниматься в «советском» политико-культурном паттерне. В самом начале своего правления Путин подчеркивал, что он против введения новой «государственной идеологии» и что в основу политики должны быть положены неидеологические «*традиционные ценности россиян*», способные стать «*опорной точкой консолидации российского общества*». Среди них он выделил «*патриотизм*», «*государственность*», «*державность*», «*социальную солидарность*»<sup>8</sup>.

То, что этот дискурс воспринимается и находит отклик у носителей советских политико-культурных традиций, подтверждали электоральные резуль-

таты. Властный дискурс добился взаимодействия с культурным паттерном «советского» вне и помимо идеологии КПРФ, и электоральная поддержка последней заметно сократилась. Стратегия дискурсивной «адаптации» «советского» принесла власти определенные результаты. В наиболее ярком виде это проявилось в формировании к середине 2000-х годов близкого советскому паттерну властного нарратива о «Великой Победе 1945 года», из которого были удалены многие советские идеологические коннотации.

В то же время для стратегии «адаптации» «советского» в 2000-е годы были характерны и проблемы. Несмотря на то что Путин вполне определенно высказывался за отказ от признания какой-либо идеологии в качестве официальной, во власти сохранялись стремления найти для России некую новую идеологию, способную заменить «советское идейное наследие». Например, в качестве такой идеологии пытались предлагать «просвещенный консерватизм», «русский консерватизм», концепцию «суверенной демократии» и т.д. [Мартьянов, Фишман, 2016]. Для стратегии «адаптации» советского наследия это создавало бы трудности, так как «учреждение» новой идеологии могло вызвать всплеск идейной борьбы и нарушить «пакт» власти с советским «идейным паттерном».

Еще один проблемный момент возникал в связи с появлением в дискурсе президента Медведева риторики «модернизации». Она тоже была в некотором роде обращена к «советскому наследию», но активизировала в нем не только «сильное государство» и «великие победы», а и заложенный в нем мо-

7 Обобщены материалы с портала «Президент России» // <http://kremlin.ru/>, даты обращения 15.04–15.05 2021.

8 Путин В.В. (1999). Россия на рубеже // Независимая газета. 30 декабря 1999 // [https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4\\_milenium.html](https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_milenium.html), дата обращения 15.05.2021.

дернизационный потенциал<sup>9</sup>. Медведев назвал СССР «крупнейшим модернизационным проектом XX века, хотя и завершившимся неудачно»<sup>10</sup>, стараясь легитимировать планы собственной политики модернизации.

Обобщенно формулируя проблемы стратегии «адаптации», можно использовать и термин «склейка» («коллаж»), употребленный некоторыми авторами в отношении российской исторической политики в тот период [Малинова, 2015; Sherlock, 2016]. Он означает недостаточную глубину «проработки» связываемых в дискурсе концептов, их лишь поверхностную символическую «склейку». В отношении наследия советской идеологии это означало примерно то же – его «символическую адаптацию» в политике режима.

### 3.3. СТРАТЕГИЯ «СЕЛЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ» НАСЛЕДИЯ «СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ»

Переход к новой стратегии отношения власти к советскому идейному наследию, которую можно назвать «селективно-прагматической», наметился в начале 2010-х годов, но особенно заметным стал с возвращением Путина на пост президента в 2012 г. (Поэтому далее анализ дискурса будет проводиться на материале его выступлений.) Властный дискурс в этот период применялся также в более консолидированном, авторитарном и персоналистском политическом контексте, чем раньше [Gel'man, 2015; Zimmermann, 2014].

В содержательном плане для этой дискурсивной стратегии характерна резкая критика советской идеологии и идеологий как таковых, а также утверждение вместо них приоритета идейных образований, именуемых «культурным кодом», «национальной идентичностью» и т.д.

В дискурсе Путина в этот период постоянно присутствуют негативные оценки «советской идеологии». Такие ее оценки, как «далекая от жизни», «скудная», «тупая», «оставлявшая тяжелую оскомину», «официозная», «совдеповская» и другие<sup>11</sup>, встречающиеся в его высказываниях, призваны подчеркнуть ее абстрактный и отчужденный от жизни «простых людей» характер.

Не менее определенно он говорит и об опасности этой идеологии для целостности государства и сплоченности общества. Она, по его мнению, способствовала созданию многих территориальных и политических проблем в СССР. Хорошо известно, что идеи Ленина о Союзе Советских Республик Путин назвал «атомной бомбой», заложенной под государство, что в итоге привело к его распаду.

*Управлять течением мысли это правильно, нужно только, чтобы эта мысль привела к правильным результатам, а не как у Владимира Ильича. А то в конечном итоге эта мысль привела к развалу Советского Союза, вот к чему. Там много было мыслей таких: автономизация и так далее. Заложили атомную бомбу под здание, которое называется Россией, она и рванула потом<sup>12</sup>.*

9 Модернизационный потенциал советской системы является в литературе предметом дискуссий. Идее классической формы советской модернизации как «догоняющей модернизации» (по западным образцам) противостоят подходы, акцентирующие в ней «неотрадиционалистские» (антимодернизационные) черты. Выделяются также подходы, базирующиеся на восходящей к Ш. Эйзенштадту идее «множественности модернов», подчеркивающие специфичность советской модернизации и «переплетенность модернов» в современном мире [David-Fox, 2015; Арнасон, 2011].

10 Медведев Д.А. (2009). Россия, вперед! // Газета.Ru. 10 сентября 2009 // [https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10\\_a\\_3258568.shtml](https://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml), дата обращения 15.06.2021.

11 Обобщены материалы с портала «Президент России» // <http://kremlin.ru/>, даты обращения 15.04–15.05.2021.

12 Путин рассказал ученым о подрывной деятельности Ленина в российской истории (2016) // Интерфакс. 21 января 2016 // <https://www.interfax.ru/russia/490856>, дата обращения 20.06.2021.

Критика советской идеологии как угрозы существованию государства подчеркивается и тогда, когда Путин говорит о роли в распаде СССР коммунистической партии.

*Советская Конституция была крайне идеологизирована, там была только одна идеология – идеология компартии. Понятно, к чему это привело, – это было одним из триггеров развала единого государства. Не стало партии, она начала трещать изнутри, и за ней посылалась вся страна*<sup>13</sup>.

В своих выступлениях о Великой Отечественной войне – главном в дискурсе Путина события советской эпохи – он совершенно игнорирует многие из традиционных советских идеологических нарративов. Он, например, никогда не упоминает о значении советской идеологии для Победы, не упоминает ни о роли комиссаров и политработников, ни о вкладе в Победу коммунистической партии, ни о воплощении в Победе превосходства передового советского строя. Все эти темы в дискурсе Путина элиминированы. В чем-то это напоминает драпировку Мавзолея Ленина на современных парадах Победы.

Осуждая советскую идеологию и ее господство в СССР, Путин тем не менее нигде явно не противопоставляет ей другую идеологическую доктрину. В его выступлениях встречаются ссылки на имена мыслителей и идеологов, близких к традиции классического консерватизма (К. Леонтьев, И. Ильин и др.). С идеями «просвещенного консерватизма» пытались заигрывать в

2000-е годы некоторые функционеры «Единой России» и провластные публицисты<sup>14</sup>. Но объявить такой консерватизм новой одобряемой властью идеологией Путин так нигде и не предложил. В еще большей мере это касалось «либерализма» как идеологии, опыт которой в российской политике оценивался им в основном как негативный и чуждый, а «упадку либерализма» он посвятил специальные высказывания<sup>15</sup>.

В программной «Валдайской речи» (сент. 2013) Путин резюмировал свое отрицательное отношение к идеологиям в целом.

*Мы ушли от советской идеологии, вернуть ее невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма*<sup>16</sup>.

Что же во властном дискурсе предлагается вместо советской, а заодно и других идеологий? В выступлениях Путина на это место претендует так называемая *национальная идентичность* как нечто более глубокое и фундаментальное, представляющее собой синтез исторического опыта и общих ценностей, традиций, целей и ответственности. Хотя в дискурсе фигурируют и другие близкие по смыслу термины: «национальный характер», «культурный код» (исторической России), «культурный и духовный код нации», «патриотическая идентичность», «патриотизм» и т.д.<sup>17</sup> Приоритет этих «духовных субстанций» Путин формулирует следующим образом:

13 Большая пресс-конференция Владимира Путина (2019) // Президент России. 19 декабря 2019 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62366>, дата обращения 20.06.2021.

14 Об особенностях этого «верноподданнического консерватизма» и его отличиях от классического консерватизма см.: [Шаблинский, 2017].

15 Интервью газете The Financial Times (2019) // Президент России. 27 июня 2019 // <http://kremlin.ru/events/president/news/60836>, дата обращения 10.06.2021.

16 Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» (2013) // Президент России. 19 сентября 2013 // <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>, дата обращения 10.06.2021.

17 Обобщены материалы с портала «Президент России» // <http://kremlin.ru/>, даты обращения 15.04–15.05.2021.

*Ведь в конце концов и экономический рост, и благосостояние, и геополитическое влияние – это производные от состояния самого общества, от того, насколько граждане той или иной страны чувствуют себя единым народом, насколько они укоренены в этой своей истории, в ценностях и в традициях, объединяют ли их общие цели и ответственность. В этом смысле вопрос обретения и укрепления национальной идентичности действительно носит для России фундаментальный характер*<sup>18</sup>.

Среди многообразных свойств «национальной идентичности» и «культурного кода» (фундаментальность, народность, традиционность и др.) Путин особенно подчеркивает их сплачивающий потенциал и тягу к «внешнеполитическому суверенитету».

*Стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера*<sup>19</sup>.

*Для нашей огромной многонациональной страны чувства патриотизма, любви к Родине поистине бесценны. Эти высокие качества, твердая гражданская позиция людей держат, скрепляют единство и суверенитет страны*<sup>20</sup>.

*Глубоко убежден – уверенное движение России вперед, ее суверенитет и национальная безопасность в решающей степени зависят от сохранения и укрепления духовных основ, национальной идентичности...*<sup>21</sup>

В отношении советского идейного наследия этот дискурс также акцентирует наличие в нем «национального культурного кода» и «идентичности», скрытых либо искаженных чуждыми им идеологическими наслоениями. А главной задачей дискурсивной стратегии становится «вскрытие» этого идейного содержания и «освобождение» его от «советской идеологии». Второй и не менее важной задачей является его скрытая политизация, альтернативная идеологической. Этому содержанию приписывают политико-идеологические легитимирующие функции – оправдание (легитимация) укрепления сильной власти и государственного суверенитета, но избегают называть это политизацией. В одном из заявлений Путин выразился так:

*Идеология, на мой взгляд, в современном демократическом обществе возможна только одна – патриотизм. В самом широком и хорошем смысле слова. Это должно быть деполитизировано и направлено на укрепление внутренних основ российского государства*<sup>22</sup>.

Переход к такой деполитизированной (деидеологизированной) риторике исследователи объясняют по-разному. Некоторые подчеркивают в ней дискурсивный поворот к архаике и антимодерну, характерных для идейных схем российской политики XIX – начала XX в. (от николаевской триады «самодержавие – православие – народность» [Hill, Gaddy, 2015] до идеологии славянофилов и евразийцев [Eltchanihoff, 2018]) и даже еще более архаич-

18 Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» (2013) // Президент России. 19 сентября 2013 // <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>, дата обращения 10.06.2021.

19 Там же.

20 Выступление на торжественном приеме по случаю национального праздника – Дня России (2016) // Президент России. 21 июня 2016 // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/52145>, дата обращения 10.06.2021.

21 Путин. «Суверенитет РФ зависит от сохранения духовных основ и национальной идентичности» (2019) // ТАСС. 18 октября 2019 // <https://tass.ru/obschestvo/7016291>, дата обращения 10.06.2021.

22 Путин считает патриотизм единственно возможной идеологией современного общества (2019) // ТАСС. 19 декабря 2019 // <https://tass.ru/politika/7379985>, дата обращения 10.06.2021.

ной «идеологии» Московского государства (XVI–XVII вв.) [Абалов, Иноземцев, 2020]. Ряд российских исследователей выдвигают понятие «национально-государственная идентичность», помещающее идентичность в контекст государственной «политики идентичности», направленной на укрепление государства и его суверенитета, и анализируют возникающие в связи с этим проблемы [Малинова, 2010; Попова, 2020].

В современных исследованиях, анализирующих взаимодействие идей и политики, фигурирующие в дискурсе российской власти «духовные субстанции» называют «идейно-идентитарными нарративами» [Kneuer, 2017; Kailitz, 2013]. Они отличаются от идеологий, прежде всего, тем, что не имеют более или менее развитого и согласованного концептуального содержания, а базируются на чувствах этнической, культурной, языковой, религиозной и т.д. общности, дополненных элементами историко-культурных или религиозных традиций. В отличие от идеологий они не претендуют на всеобщность и обоснованность, а являются более партикулярными, гибкими и модульными (в смысле замены и перестановки в них разных элементов содержания) [Kneuer, 2017, p. 187]. В то же время они могут использоваться в функции идеологий для сплачивания общества, легитимации политического порядка и мобилизации против внешних и внутренних угроз. Исследователи отмечают, что такого рода идентитарные нарративы наиболее активно используются в современных неавторитарных режимах, т.е. режимах, формирующих автократии на фоне спада в мире демократической «волны», в качестве замещения демократической легитимности. Разрушая демократические институты, легитимирующие власть через легальную политическую и идеологиче-

скую конкуренцию и плюрализм, автократии стараются активно замещать их формированием идентитарных нарративов, способных придавать власти идейную легитимность [Kneuer, 2017].

Дискурсивная стратегия российской власти в отношении советского идейного наследия в 2010-е годы, похоже, хорошо вписывается в вышеозначенный процесс. Особенно, если учесть, что переход к ней произошел на фоне усиления авторитарных черт политического режима. Разделяя в советском наследии идеологию и «культурный код», эта стратегия позволяла дискурсивно выделять и характеризовать в советском прошлом темы и практики, семантически определяемые «идеологией» и «культурным кодом» (идентитарным нарративом).

К первым относятся темы революции и гражданской войны, репрессий (как отголосок революции), а также позднесоветского периода (перестройка, парад суверенитетов, развал СССР). Здесь смысловое поле дискурса определяется «идеологией» и ее негативным влиянием (бесмысленные жертвы, амбиции политиков, обман народа, ослабление и разрушение государства, бедствия народа), но не ставится в связь с «идентичностью» и «культурным кодом».

К вторым – прежде всего, темы Великой Отечественной войны, созидательного труда и освоения территорий в советский период (трудовые подвиги, самоотверженный труд на благо и могущество Родины), достижения советской науки (космос, атомное оружие), а также успехи культуры, искусства (кино, литература, театр), спорта. Из них тоже вытеснено «идеологическое» содержание и заменено «патриотическим», «национально-культурным», «державным».

При таком подходе советские практики, очищенные от «идеологизации», получали дискурсивную легитимацию

через историко-культурные и идентификационные интерпретации. Это давало возможность не только реабилитировать их исторически, связывая с «культурным кодом» «тысячелетней России», но и оправдывать их сохранение и воссоздание в актуальной политике.

Они включались в контекст текущей политики, что было особенно важно, так как именно институциональные практики советского прошлого, а не гипотетической «тысячелетней России» были наиболее реальным историческим «наследием», с которым имела дело действующая власть. И в период третьего срока при разработке государственной образовательной и культурной политики Путин не раз заявлял о важности использования советского опыта<sup>23</sup>.

## Заключение

Подводя итог исследованию изменений «советской идеологии» в контексте меняющихся политических режимов позднесоветского и постсоветского времени, можно отметить следующее. Ее ослабление, проявившееся в утрате важнейших функций влияния на политику накануне и в момент кризиса советского политического режима, привело к распаду этой идеологии на два разнокачественных, но «родственных» феномена. С одной стороны, она превратилась в идеологический прототип для постсоветских коммунистических партий, выступавших против получивших власть реформаторов, с другой – трансформировалась в идейный паттерн постсоветской политической культуры, уже не обладавший признаками политической идеологии. Такая конфигурация тем не менее оказалась

крайне опасной для действующей власти. Соединение в политике этих «родственных» компонентов процесса грозило ей политическим поражением.

Из множества мер, предпринятых властью для устранения этой угрозы, был исследован политический дискурс власти по тематике «советской идеологии», взятый на значительном интервале трех десятилетий. Его изучение позволяет выделить в нем последовательную смену трех дискурсивных стратегий в отношении «советской идеологии»: «борьбы», «адаптации» и «селективного использования». Переход от одной стратегии к другой можно объяснить как изменениями состояния самой «советской идеологии» в постсоветской политике, так и изменяющимися задачами политической власти.

Дискурсивная стратегия «борьбы» в целом оказалась неэффективной и не привела к снятию политических угроз действующей власти со стороны «советской идеологии». Вторая стратегия «адаптации» стала более успешной, власть смогла установить контакты с «советским культурным паттерном» и ослабить его связи с идеологическими «наследниками» «советской идеологии» в лице КПРФ. Но проблемой этой стратегии была сохраняющаяся неопределенность. Власть в этот период еще продолжала искать для своей легитимации подходящую идеологию – консерватизм?, либерализм?, «советизм»? или что-то еще – и не могла четко определиться в дискурсивной интерпретации «советского».

И лишь последняя стратегия «селективного использования» внесла определенность. Исследование показало, что она является частью более общей стратегии российской власти, направленной на формирование и утвержде-

23 Совместное заседание Госсовета и Совета по культуре и искусству (2014) // Президент России. 24 декабря 2014 // <http://kremlin.ru/events/president/news/47324>, дата обращения 10.06.2021.

ние в идейной сфере российской власти и общества корпуса «идентитарных нарративов», призванных заменить полноценные идеологии. В отличие от последних эти нарративы обладают значительно более узким, партикулярным содержанием, слабой концептуальной проработанностью и обоснованностью, что позволяет наполнять их элементами самых разных идейных, исторических, этнокультурных, религиозных и прочих традиций. При этом им придаются политические функции, сходные с функциями идеологий, – легитимация власти, сплочение общества, мобилизация сторонников, борьба с врагами и др. Применительно к «советской идеологии» эта стратегия означает селекцию в ней «идентитарных нарративов», использование их в текущей политике и возрождение родственных им советских практик идеологического воспитания и контроля.

То, что переход к таким нарративам, в том числе и с использованием в них выбранных и переработанных элементов советского идейного наследия, происходит в условиях усиления авторитарности российского политического режима, не должно удивлять. В международных сравнительных исследованиях эта черта выделена как характерная для многих современных автократий. Разрушая демократические институты, легитимирующие власть через легальную политическую и идеологическую конкуренцию и плюрализм, автократии стараются активно замещать их формированием идентитарных нарративов, способных придавать власти идейную легитимность.

## Список литературы

- Абалов А., Иноземцев В. (2020). Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер.
- Арнасон Й. (2011). Коммунизм и модерн // Социологический журнал. № 1. С. 10–35 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_17874380\\_82080972.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_17874380_82080972.pdf), дата обращения 15.09.2021.
- Голосов Г.В. (2018). Сравнительная политология. СПб.: Европейский университет.
- Зиновьев А.А. (2001). Гибель русского коммунизма. М.: Центрполиграф.
- Ионова А.О. (2016). Современные подходы к анализу политического дискурса // Политическая наука. № 3. С. 236–259 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_27429215\\_17534921.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_27429215_17534921.pdf), дата обращения 15.09.2021.
- Кара-Мурза С.Г. (2019). Советская цивилизация. М.: Родина.
- Малинова О.Ю. (2010). Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. № 2. С. 90–105 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/2/8.pdf>, дата обращения 15.09.2021.
- Малинова О.Ю. (2014). В ожидании объединяющего нарратива: символическое измерение постсоветской трансформации России // Символическая политика. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН. С. 344–353 // <https://cyberleninka.ru/article/n/v-ozhidanii-obedinyayuschego-narrativa-simvolicheskoe-izmerenie-postsovetsoy-transformatsii-rossii-rets-na-kn-gill-g-symbolism-and/viewer>, дата обращения 15.09.2021.
- Малинова О.Ю. (2015). Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия.
- Малинова О.Ю. (2018). Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе Путина и формирование мифа о «лихих девяностых» // Политическая наука. № 3. С. 45–69 // <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-politiki-2000-h-godov-v-diskurse-v-v-putina-i-formiro>

vanie-mifa-o-lihiv-devyanostyh/viewer, дата обращения 15.09.2021.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (ред.) (2016). *Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ*. М.: Политическая энциклопедия.

Медведев Р.А. (2003). *Советский Союз: последний год жизни*. М.: Права человека.

Мельвиль А.Ю. (2007). *Демократические транзиты* // Соловьев А.И. (ред.) *Политология: Лексикон*. М.: РОССПЭН. С. 123–134.

Попова О.В. (2020). *О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии* // *Политическая наука*. № 4. С. 86–110. DOI: 10.31249/poln/2020.04.05

Шаблинский И.Г. (2017). «Новый российский консерватизм» и советская идеологическая парадигма // *Политическая наука*. № 3. С. 136–157 // <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechnia-vak/politicheskaia-nauka/arkhiv/2017-3/novyi-rossiiskii-konservativizm-i-sovetskaia-ideologicheskaia-paradigma/>, дата обращения 15.09.2021.

Юрчак А.В. (2020). *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение.

David-Fox M. (2015). *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Eltchaninoff M. (2018). *Inside the Mind of Vladimir Putin*. London: Oxford University Press.

Fairclough I., Fairclough N. (2012). *Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students*. London: Routledge.

Freeden M. (1996). *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford University Press.

Freeden M. (2013). *The Morphological Analysis of Ideology* // *The Oxford Hand-*

*book of Political Ideologies* (eds. Freedен M., Stears M.), Oxford University Press, pp. 115–137.

Gel'man V. (2015). *Authoritarian Russia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

Gerring J. (1997). *Ideology: A Definitional Analysis* // *Political Research Quarterly*, no 4, pp. 957–994. DOI: 10.1177/106591299705000412

Gill G. (2000). *The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process*. New York.

Gill G. (2011). *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hart C. (2015). *Discourse* // *Handbook of Cognitive Linguistics* (eds. Dabrowska E., Divjak D.), Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, pp. 322–345.

Hill F., Gaddy C.G. (2015). *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*. Washington: Brookings Institution Press.

Kailitz S. (2013). *Classifying Political Regimes Revisited: Legitimation and Durability* // *Democratization*, vol. 20, no 1, pp. 39–60. DOI: 10.1080/13510347.2013.738861

Kneuer M. (2017). *Legitimation beyond Ideology. Authoritarian Regimes and the Construction of Missions* // *Sonderheft Legitimation in Autokratien*, *Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 11, no 2, pp. 181–211. DOI: 10.1007/s12286-017-0335-z

Linz J.J. (1975). *Totalitarian and Authoritarian Regimes* // *Handbook of Political Science*, vol. 3: “Macropolitical Theory” (eds. Greenstein F.I., Polsby N.W.), Boston: Addison Wesley, pp. 175–411.

Linz J., Stepan A. (1996). *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and PostCommunist Europe*. Baltimore.

O'Donnell G., Schmitter P.C. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Johns Hopkins University Press.

Sherlock T. (2016). Russian Politics and the Soviet Past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no 1, pp. 45–59. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2016.01.001

Thompson J.B. (1984). *Studies in the Theory of Ideology*, Berkeley: University of California Press.

Wodak R., Meyer M. (eds.) (2015). *Methods of Critical Discourse Studies*, London, New York: Sage.

Zimmermann B. (2014). *Ruling Russia. Authoritarianism from the Revolution to Putin*, Princeton: Princeton University Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-4

## Transformation of the “Soviet Ideology” in the Discursive Practices of the Russian Government

**Vladimir S. AVDONIN**

DSc in Politics, Leading Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation  
E-mail: avdoninvla@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3822-6983

**CITATION:** Avdonin V.S. (2021). Transformation of the “Soviet Ideology” in the Discursive Practices of the Russian Government. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 81–99 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-4

Received: 19.07.2021.

**ACKNOWLEDGEMENTS:** The study was funded by RFBR, project no 20-011-00709.

**ABSTRACT.** *The article examines the trajectory of changes in the post-Soviet period in the ideological complex, which was called “Soviet ideology” in the “late” USSR. The theoretical and methodological framework of the analysis consists of the theory of political regimes, as well as elements of the theory of ideologies and the theory of political discourse. The features and peculiarities of the “Soviet ideology” in the conditions of the “post-totalitarian” political regime in the “late” USSR, which led to its weakening and decline after the collapse of the Soviet*

*et regime, are investigated. Under the conditions of the post-Soviet political regime in Russia, the “Soviet ideology” disintegrated into an ideological component (the basis of the ideology of post-Soviet communist parties) and a political-cultural component (the pattern of post-Soviet political culture). Both components created a specific problem of relations with these phenomena for the ruling power. The study of the discourse of power on the subject of “Soviet ideology” (conducted mainly on the material of speeches and statements of the presidents of the Russian*

Federation) allowed us to identify three successive discursive strategies of such relations: the strategy of “struggle”, the strategy of “adaptation” and the strategy of “selective use”. The last of them was used in the 2010s in the conditions of consolidation of the authoritarian political regime. It made it possible to selectively include the legacy of “Soviet ideology” in the ideological complex of the ruling regime, which is characterized by the use of not full-fledged political ideologies, but “identitarian narratives” that allow the inclusion of heterogeneous elements of ethnocultural, historical, religious, etc. traditions. Comparative studies also show that the orientation in the ideological sphere to such “identitarian narratives” is a characteristic trend of modern neo-autocracies.

**KEYWORDS:** soviet ideology, political regime, political legitimization, political discourse, discursive strategies, political and cultural patterns, identitarian narratives, neo-autocracies.

## References

- Abalov A., Inozemtsev V. (2020). *The Infinite Empire: Russia in Search of Itself*, Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Arnason J. (2011). Communism and Modernity. *Sociological Journal*, no 1, pp. 10–35. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_17874380\\_82080972.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_17874380_82080972.pdf), accessed 15.09.2021 (in Russian).
- David-Fox M. (2015). *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Eltchaninoff M. (2018). *Inside the Mind of Vladimir Putin*, London: Oxford University Press.
- Fairclough I., Fairclough N. (2012). *Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students*, London: Routledge.
- Freeden M. (1996). *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*, Oxford University Press.
- Freeden M. (2013). The Morphological Analysis of Ideology. *The Oxford Handbook of Political Ideologies* (eds. Freedon M., Stears M.), Oxford University Press, pp. 115–137.
- Gel'man V. (2015). *Authoritarian Russia*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Gerring J. (1997). Ideology: A Definitional Analysis. *Political Research Quarterly*, no 4, pp. 957–994. DOI: 10.1177/106591299705000412
- Gill G. (2000). *The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and the Transition Process*, New York.
- Gill G. (2011). *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Golos G.V. (2018). *Comparative Political Science*, Saint Petersburg: European University.
- Hart C. (2015). Discourse. *Handbook of Cognitive Linguistics* (eds. Dabrowska E., Divjak D.), Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, pp. 322–345.
- Hill F., Gaddy C.G. (2015). *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*, Washington: Brookings Institution Press.
- Ionova A.O. (2016). Contemporary Approaches to the Analysis of Political Discourse. *Political Science*, no 3, pp. 236–259. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_27429215\\_17534921.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_27429215_17534921.pdf), accessed 15.09.2021 (in Russian).
- Kailitz S. (2013). Classifying Political Regimes Revisited: Legitimation and Durability. *Democratization*, vol. 20, no 1, pp. 39–60. DOI: 10.1080/13510347.2013.738861
- Kara-Murza S.G. (2019). *Soviet Civilization*, Moscow: Rodina (in Russian).
- Kneuer M. (2017). Legitimation beyond Ideology. Authoritarian Regimes and the Construction of Missions. *Sonderheft Legitimation in Autokratien, Zeitschrift für Vergleichende Politikwissenschaft*, vol. 11, no 2, pp. 181–211. DOI: 10.1007/s12286-017-0335-z

Linz J.J. (1975). Totalitarian and Authoritarian Regimes. *Handbook of Political Science*, vol. 3: "Macropolitical Theory" (eds. Greenstein F.I., Polsby N.W.), Boston: Addison Wesley, pp. 175–411.

Linz J., Stepan A. (1996). *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*, Baltimore.

Malinova O.Yu. (2010). Symbolic Politics and the Constructing of Macropolitical Identity in post-Soviet Russia. *Polis. Political Studies*, no 2, pp. 90–105 Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/2/8.pdf>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

Malinova O.Yu. (2014). Waiting for a Unifying Narrative: The Symbolic Dimension of Russia's post-Soviet Transformation. *Symbolic Politics*. Issue 2, Moscow: INION, pp. 344–353. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-ozhidanii-obedinyayuschego-narrativa-simvolicheskoe-izmerenie-postsovetskoy-transformatsii-rossii-rets-na-kn-gill-g-symbolism-and/viewer>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

Malinova O.Yu. (2015). *The Actual Past: The Symbolic Politics of the Ruling Elite and the Dilemmas of Russian Identity*, Moscow: Political Encyclopedia (in Russian).

Malinova O.Yu. (2018). Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about "the Hard Nineties" in the Vladimir Putin's Discourse. *Political Science*, no 3, pp. 45–69. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-politiki-2000-h-godov-v-diskurse-v-v-putina-i-formirovanie-mifa-olihih-devyanostyh/viewer>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

Martianov V.S., Fishman L.G. (eds.) (2016). *Russia in Search of Ideologies: Transformation of Value Regulators of Modern Societies*, Moscow: Political Encyclopedia (in Russian).

Medvedev R.A. (2003). *The Soviet Union: The Last Year of Life*, Moscow: Human Rights (in Russian).

Melville A.Yu. (2007). Democratic Transits. *Political Science: Lexicon* (ed. Solov'ev A.I.), Moscow: ROSSPAN, pp. 123–134 (in Russian).

O'Donnell G., Schmitter P.C. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*, Johns Hopkins University Press.

Popova O.V. (2020). Unresolved Problems in the Theory of State Identity Policy in Russian Political Science. *Political Science*, no 4, pp. 86–110 (in Russian). DOI: 10.31249/poln/2020.04.05

Shablinsky I.G. (2017). The "New Russian Conservatism" and the Soviet Ideological Paradigm. *Political Science*, no 3, pp. 136–157. Available at: <http://inion.ru/ru/publishing/zhurnaly-iz-perechniavak/politicheskaja-nauka/arkhiv/2017-3/novy-rossiiskii-konservatizm-i-sovetskaia-ideologicheskaja-paradigma/>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

Sherlock T. (2016). Russian Politics and the Soviet Past: Reassessing Stalin and Stalinism under Vladimir Putin. *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no 1, pp. 45–59. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2016.01.001

Thompson J.B. (1984). *Studies in the Theory of Ideology*, Berkeley: University of California Press.

Wodak R., Meyer M. (eds.) (2015). *Methods of Critical Discourse Studies*, London, New York: Sage.

Yurchak A.V. (2020). *It Was Forever, Until It Was Over. The Last Soviet Generation*, Moscow: New Literary Review (in Russian).

Zimmermann B. (2014). *Ruling Russia. Authoritarianism from the Revolution to Putin*, Princeton: Princeton University Press.

Zinoviev A.A. (2001). *The Death of Russian Communism*, Moscow: Tsentrpoligraf (in Russian).

**Российский опыт**

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-5

# Социальные последствия экономических реформ: субъективное восприятие vs статистические данные

**Сергей Николаевич СМИРНОВ**

доктор экономических наук, заведующий центром, Центр анализа социальных программ и рисков, Институт социальной политики Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), 109028, Покровский бульвар, д. 11, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, отдел экономики Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), 117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация  
E-mail: sernsmirnov@mail.ru  
ORCID: 0000-0002-9206-0167

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Смирнов С.Н. (2021). Социальные последствия экономических реформ: субъективное восприятие vs статистические данные // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 100–118. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-5

Статья поступила в редакцию 15.07.2021.

**ФИНАНСИРОВАНИЕ:** Статья написана в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований №19-011-00943 «Вперед к прошлому: архаика и архаизационные тенденции в современном российском обществе (междисциплинарный анализ)».

**АННОТАЦИЯ.** *Отношение населения России к экономическим реформам, которые начались в стране в январе 1992 г., остается неоднозначным. Сторонники либеральной точки зрения подчеркивают, что правительство «младореформаторов» открыло путь к экономической свободе. Критики реформ полагают, что социальная и финансовая цена, которая была заплачена населением за переход к рынку, оказалась слишком высокой. Дискуссии преимущественно ведутся в предметном поле политики, а не экономики и социальной*

*сфере. В статье на основе официальных статистических данных предпринята попытка объективно оценить, в какой мере ситуация начала 1990-х годов была неизбежна, а в какой мере она стала следствием экономических реформ. В поле статьи анализируются наиболее острые с социальной точки зрения проблемы – обесценивание дореформенных вкладов населения и ухудшение демографических показателей, в то время как влияние реформ на рынок труда является отдельной проблемой, заслуживающей специального рассмотрения.*

*Признавая неизбежность рыночных реформ, автор показывает нереализованные в силу тех или иных причин варианты смягчения остроты социальной ситуации и некоторые из компенсирующих инструментов, которые были использованы Правительством России на начальном этапе реформ.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** экономические реформы, дореформенные вклады населения, компенсационные механизмы, рождаемость, смертность, продолжительность жизни.

## Постановка проблемы

Экономические реформы, которые стали проводиться в России формально со 2 января 1992 г., когда были частично либерализованы потребительские цены, не имеют однозначной оценки в современном российском обществе. Спустя три десятилетия после запуска новой экономики страны позиции сторон, видящих в них либо преимущественно положительные моменты, либо категорически не приемлющих действия «правительства младореформаторов», не сблизились ни на шаг. При этом если первые остаются, как правило, вне политики, руководствуясь логикой экономических дискуссий, то вторые в конечном счете так или иначе переходят к использованию политических аргументов, а также к персональным оценкам конкретных личностей, запустивших экономические реформы.

Критики экономической политики начала 1990-х годов говорят, прежде всего, о тех негативных социальных последствиях, которые, по их мнению, были обусловлены реформами. Наиболее часто при этом используются два

аргумента: во-первых, экономические реформы обесценили дореформенные сбережения населения. Во-вторых, в стране сократилась рождаемость, а в 1993 г., когда кривые рождаемости и смертности населения пересеклись и число умерших в календарном году стало превышать число родившихся, сформировался так называемый русский крест.

На первый взгляд, подобная позиция критиков реформ неубиваема: оба явления действительно имели место, что формально подтверждается данными государственной статистики. Однако во многих случаях *post hoc ergo propter hoc*<sup>1</sup>, и трактовка экономических и социальных проблем России начала 1990-х годов исключительно в качестве негативного результата именно реформ, а не как следствия предыдущего развития является серьезной методологической ошибкой. В настоящей статье предпринята попытка, с использованием имеющихся в открытом доступе статистических данных, проанализировать аргументы критиков реформ и разобраться, в какой мере они стали причиной обесценивания сбережений населения и демографического спада в начале 1990-х годов.

## Дореформенные сбережения населения

Начнем с того, что является наиболее близким и понятным для каждого человека, семьи, домохозяйства – их денежных сбережений. Но прежде чем обратиться к статистическим данным, следует отметить, что серьезных академических исследований, посвященных этим сбережениям и их практически одномоментному обесцениванию по-

1 После этого не значит вследствие этого (*лат.*).

сле либерализации цен в 1992 г., практически нет. Достаточно, например, отметить, что в 1992–1993 гг. ни одной публикации на эту тему не было ни в одном из ведущих российских экономических журналов – «Экономисте» (бывш. «Плановое хозяйство»)<sup>2</sup>, соучредителем которого является нынешнее Министерство экономического развития Российской Федерации.

Дискуссанты, не исключая и серьезных исследователей, ведут свой спор преимущественно на страницах периодических изданий, иногда специализированных, но не относящихся к собственно научным. Наиболее известным исключением является монография «Гибель империи», где ее автор, личность которого у многих ассоциируется с обесцениванием советских вкладов, высказывает свое отношение к этой проблеме, фактически подтвердив невозможность ее решения в существовавшей системе без принятия каких-либо иных управленческих решений. Так, в книге отмечено, что товарные запасы в стране в расчете на рубль денежных средств населения (вклады, наличные деньги, ценные бумаги), составившие в 1970 г. 0,62 руб., в 1985 г. снизились более чем вдвое – до 0,3 руб., а по данным на 1 сентября 1991 г. этот показатель составил всего 0,14 руб. [Гайдар, 2006, с. 226]. Таким образом, темпы снижения реальной покупательной способности населения во второй половине 1980-х годов фактически утроились по сравнению с предыдущим 15-летием. И вклады населения СССР в учреждениях Сбербанка не имели реального товарного обеспечения. Если в 1980 г. их величина составила 156,5 млрд руб., то в 1985 г. – 220,8 млрд руб., а в 1990 г. – уже 337,8 млрд руб.<sup>3</sup> За последнее десяти-

летие существования СССР они увеличились почти в два с половиной раза, в том числе за последнее пятилетие существования страны – почти на три четверти.

Однако подобная, благоприятная, на первый взгляд, динамика сбережений граждан отнюдь не свидетельствовала о «неуклонном росте благосостояния советских людей», поскольку потребительский рынок в стране был разбалансирован. В отличие от рыночной экономики, где дефицитом являются деньги, в плановой экономике СССР дефицитными были товары и услуги. В результате все большая часть текущих доходов населения, которая не могла быть использована на потребительском рынке, трансформировалась в сбережения населения. В 1989 г. они составили 60,5% полученных доходов по сравнению с 55,8% в 1986 г. Превышение доходов над расходами граждан страны во второй половине 1980-х годов также постоянно увеличивалось: если в 1985 г. оно составило 24,4 млрд руб., или 5,8% полученных доходов, то в 1990 г. – уже 80,5 млрд руб. (соответственно 12,3%), или в 2,2 раза больше.

Владея данной статистикой, трудно не согласиться с мнением эксперта, что «формирование огромных сбережений граждан в Сбербанке и их “уничтожение” при либерализации цен были производными одного явления – хронического дефицита товаров, характерного для социализма», а «советское руководство создало иллюзию наличия больших накоплений, давая гражданам возможность периодически что-нибудь купить по фиксированным ценам. [...] Это была одна большая пирамида иллюзий, и вклады советских граждан находились в основании этой пирамиды».

2 <http://www.economist.com.ru/archive.htm>, дата обращения 04.05.2021.

3 Здесь и ниже, если не оговорено особо, статистические данные приведены по статистическим ежегодникам Госкомстата СССР «Народное хозяйство СССР» за соответствующие годы.

Стоит заметить, что на риски обесценения сбережений населения в СССР обращали внимание зарубежные исследователи российской экономики еще в середине 1980-х годов. В условиях дисбаланса между спросом и предложением на потребительском рынке в стране при разработке планов на очередной год необходимо было обеспечивать не только удовлетворение текущих потребностей, но и отложенный спрос. При этом при постоянном дефиците товаров и услуг восстановить покупательную способность сбережений населения становилось все сложнее [Sedik, 1985, p. 8].

Если следовать условным историческим аналогиям, то сбережения населения в 1980-е годы фактически постепенно превращались в обязательные для приобретения облигации государственных займов развития народного хозяйства СССР для населения выпусков 1946–1957 гг. Выплаты по ним и их погашение (за исключением займа 1957 г., который был погашен в 1962 г.) в 1957 г. были приостановлены Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19 апреля 1957 г. № 435 «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза». Пунктом 2 данного документа было предусмотрено прекращение проведения «тиражей выигрышей ранее выпущенных государственных займов, размещенных по подписке среди населения»<sup>4</sup>.

Но на этом аналогии с дореформенными вкладами населения заканчиваются, поскольку тем же пунктом постановления было предусмотрено не полностью аннулировать обязательства го-

сударства по обслуживанию этих займов, а только «отсрочить на 20 лет погашение облигаций». И этот пункт постановления был реально выполнен, причем даже с некоторым календарным опережением, поскольку погашение облигаций займов началось уже в 1974 г. на основе решения, принятого XXIV съездом КПСС<sup>5</sup>. Погашение производилось по нарицательной стоимости облигации, деноминированной в 10 раз в связи с проведенной в 1961 г. в стране денежной реформой.

Принципиально иные решения были реализованы в России в отношении дореформенных сбережений населения. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2297 «О единовременных компенсациях вкладчикам Сберегательного банка Российской Федерации, имевшим вклады на 1 января 1992 г.» была установлена частичная компенсация этих вкладов в трехкратном их размере. При этом выплата компенсаций производилась пенсионерам и инвалидам начиная с 1 февраля 1994 г., а остальным вкладчикам – начиная с 1 июля 1994 г. Такая компенсация совершенно не решала проблему восстановления обесцененных дореформенных вкладов населения России, поскольку потребительские цены в стране только в 1992–1993 гг. выросли по сравнению с 1991 г. почти в 211 раз (в 1992 г. – в 25,1 раза и в 1993 г. – в 8,4 раза). Таким образом, покупательная способность 1000 руб., которые лежали на вкладе физического лица в Сбербанке в конце 1991 г., к началу 1994 г. упала менее чем до 5 руб. Компенсация в лучшем случае увеличивала ее без уче-

4 <https://docs.cntd.ru/document/765714023>, дата обращения 25.04.2021.

5 Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 годы (1971) // XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза 30 марта – 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. II. М.: Издательство политической литературы. С. 285 // [https://istmat.info/files/uploads/52749/24\\_sezd\\_chast\\_2\\_1971.pdf](https://istmat.info/files/uploads/52749/24_sezd_chast_2_1971.pdf), дата обращения 25.04.2021.

та инфляции в 1994 г. немногим более чем до 14 руб. Впрочем, реальная компенсация дореформенных вкладов, судя по воспоминаниям одного из непосредственных участников тех событий, не предполагалась: «Тезис, который был взят на вооружение: «Не мы трагичны – отдавать ничего не будем»<sup>6</sup>. При этом нельзя забывать, однако, и того обстоятельства, что в течение 1991 г. 1000 руб., лежавших на вкладах населения в его начале, обесценились более чем в полтора раза – до 595 руб., поскольку годовая инфляция составила 168%. И вот этот рост цен, который стал следствием действий союзного правительства, вменить в вину «младореформаторам» неправомерно. Фактически Правительство СССР предприняло в 1991 г. первую попытку определить реальную покупательную способность советского рубля.

19 марта 1991 г. Постановлением Кабинета министров СССР № 105 были установлены предельные размеры повышения государственных розничных цен на основные товары народного потребления и тарифов на услуги для населения, которые были воспроизведены в соответствующих документах правительств союзных республик. Фактически этим постановлением был признан тот факт, что государственные розничные цены на поваренную соль в стране были ниже рыночных в 3,4 раза, на мясо и мясопродукты, хлеб, муку, крупу, макаронные изделия и на детской питание – в 3 раза, товары для детей – в 2,95 раза, на сахар, а также одежду и обувь – в 2,35 раза, на молоко и молочные продукты и рыбные товары – в 2,3 раза, на яйца, растительное масло, майонез и чай – в 2 раза и т.д.<sup>7</sup>

Спустя полтора года после принятия Указа, в соответствии с которым осуществлялись единовременные компенсационные выплаты, а именно 10 мая 1995 г. был принят Федеральный закон № 73-ФЗ «О восстановлении и защите сбережений граждан Российской Федерации»<sup>8</sup>, которым была введена долговая стоимость единицы номинала целевого долгового обязательства Российской Федерации, определяемая соотношением покупательной способности российского рубля на конкретную дату и покупательной способности советского рубля в 1990 г. Однако этот закон, статья 2 которого установила, что «гарантированные сбережения граждан являются государственным внутренним долгом Российской Федерации», носит формальный характер, поскольку в обозримой перспективе компенсация дореформенных вкладов не предусматривается. В 2020 г. необходимая сумма для компенсации сбережений оценивалась в 45,4 трлн руб., что оказалось в 5,7 раза больше размера Фонда национального благосостояния и в 2,3 раза – расходов бюджета.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку: дореформенные сбережения населения не представляли в названной в свое время Я. Корнаи «экономике дефицита» самостоятельной ценности. Они становились значимыми при условии получения доступа к системам распределения – будь то продукты питания, промышленные товары или бытовые услуги. Однако имеется точка зрения, что государство должно было признать эти сбережения внутренним долгом Российской Федерации не в 1995 г., спустя несколько лет после так называемой шоковой те-

6 Петр Авен: «У Гайдара было вполне имперское сознание» (2021) // Коммерсантъ // <https://www.kommersant.ru/doc/4702608?fbclid=IwAR0DmEZyexB2qNIRuNUbewKj93v0isZ1g7-7eEahijxjS2mTxrVR2bWEpхg>, дата обращения 25.04.2021.

7 <https://docs.cntd.ru/document/9002892>, дата обращения 11.05.2021.

8 <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7843>, дата обращения 11.05.2021.

рапии 1992–1993 гг., а гораздо раньше – накануне либерализации цен.

Но это совершенно иной срез проблемы, связанной с дореформенными сбережениями граждан. С содержательной точки зрения речь в данном случае идет скорее не об экономических, а о социальных вопросах, а именно, о тех формах, в которых эти обязательства могли бы быть погашены. Можно сказать, что государство, признав свою ответственность перед гражданами, сделало им пока еще виртуальный «подарок», поскольку, как свидетельствует статистика, дореформенные сбережения были своего рода фикцией в прежней экономической системе.

### Варианты компенсации дореформенных вкладов

В принципе можно согласиться с теми экспертами, которые, обвиняя правительство «младореформаторов» в ликвидации дореформенных сбережений граждан России, анализируют повышение оценки рыночных реформ при предоставлении возможностей гражданам использовать свои сбережения советского периода в процессе приватизации или же еще раньше – путем открытия ранее закрытых для них рынков. Так, государство теоретически могло снять ограничения на приобретение населением «производственно-технического оборудования, грузового и пассажирского транспорта, квартир, магазинов, предприятий бытового обслуживания, других объектов малой приватизации, недвижимости, земельных участков сельскохозяйственного, производственного, жилищного назначения, иностранной валюты» [Илларионов, 2013]. Естественно, что такое решение, скорее всего, повысило бы сбалансированность потребительского рын-

ка, однако далеко не факт, что после либерализации цен часть приобретенных активов не перешла бы в категорию неликвидов, не востребованных в новых экономических условиях.

Еще один вариант, определяемый теми же социальными соображениями, который теоретически мог бы быть использован, – это введение дифференцированных по номиналу (в зависимости от имевшихся к 1 января 1992 г. сбережений) ваучеров для использования в качестве инструмента при приватизации государственной собственности, стартовавшей в конце 1992 г. Однако этот вариант не рассматривался, и дореформенные сбережения населения, которые могли гипотетически трансформироваться в «крупнейший в стране инвестиционный ресурс», таковым не стали, а «когда у российских граждан стали появляться новые сбережения, сделанные уже в условиях рыночной экономики, процесс массовой приватизации государственной собственности в основном был завершен».

Тем не менее для смягчения социальной напряженности на начальном этапе рыночных реформ государством был задействован важный амортизационный механизм – бесплатная приватизация жилья вне зависимости от его размера (в конце 1980-х – начале 1990-х годов рассматривался вариант бесплатной приватизации жилья только в пределах его социальной нормы). В первоначальной редакции Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» имелись отмененные уже в декабре 1992 г. статьи, устанавливавшие размер и потребительские качества бесплатно передаваемых в собственность граждан жилых помещений и их стоимость, а также предусматривавшие необходимость оплаты гражданами разницы между общей стоимостью жилья и сто-

имостным эквивалентом той его части, на которую распространялось право бесплатной приватизации<sup>9</sup>.

Процесс приватизации жилищного фонда пошел достаточно быстрыми темпами, имея локальные максимумы после того, как приближался впоследствии неоднократно продлевавшийся срок бесплатной приватизации. Так, в 1995–2018 гг. в общей сложности были приватизированы 21,7 млн жилых помещений суммарной площадью более 1 млрд кв. метров<sup>10</sup> при среднем размере приватизированной жилой площади 46,9 кв. м (от 42,1 кв. м в 2018 г. до 49 кв. м в 2004 г.). В результате большинство населения, фактически не получившее экономически значимых дивидендов от приватизации, получило активы на рынке жилья.

Безусловно, это решение не может быть признано абсолютно справедливым с социальной точки зрения, поскольку полноценное участие в бесплатной приватизации жилищного фонда было недоступно для абсолютного большинства сельских жителей страны, кто проживал в собственных домах (в 1990 г. доля сельского населения в общей численности населения России составляла 26,3%). В отношении этой категории жителей компенсирующей мерой стало закрепление за работниками при реорганизации сельскохозяйственных предприятий имущественных паев и земельных долей. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. № 213 норма бесплатной передачи определялась делением всей площади сельскохозяйственных угодий в пределах сельскохозяйственных предприя-

тий района на суммарную численность лиц, работающих в сельском хозяйстве, включая пенсионеров, ранее работавших в сельском хозяйстве, и лиц, занятых в социальной сфере на селе<sup>11</sup>. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 1992 г. № 708 «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» определение размера индивидуальных имущественных паев осуществлялось на основании оценки стоимости всего имущества реорганизуемого предприятия<sup>12</sup>.

Однако подобного рода «компенсация» была менее эффективной для сельского населения по сравнению с приватизацией жилищного фонда. Во многих случаях – там, где сельское хозяйство было убыточным и поддерживалось средствами государственного бюджета (например, в регионах Ближнего Севера, таких как Костромская или Вологодская области), полученные бесплатно земельные и имущественные паи фактически не имели рыночной стоимости и не могли быть проданы при наличии у собственника такого намерения. Кроме того, был установлен запрет на вывод паев новых совладельцев специализированных сельскохозяйственных предприятий (племенные и конные заводы, селекционно-гибридные центры, хозяйства высших и средних специальных сельскохозяйственных учебных заведений и НИИ и т.п.). Кроме того, не допускалось выделение земельных долей в натуре при реорганизации сельскохозяйственных предприятий, расположенных в зоне субтропиков<sup>13</sup>.

9 <http://ivo.garant.ru/#/document/10105719/paragraph/10018:0/>, дата обращения 14.05.2021.

10 Рассчитано по данным сборника Росстата: «Жилищное хозяйство в России» за соответствующие годы // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13234/>, дата обращения 18.05.2021.

11 <https://sudact.ru/law/ukaz-prezidenta-rf-ot-02031992-n-213/>, дата обращения 19.05.2021.

12 <https://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-04091992-n-708/>, дата обращения 19.05.2021.

13 Там же.

Резюмируя, можно сделать следующие принципиальные для новейшей экономической истории России выводы.

Действительно, к началу экономических реформ сбережения населения СССР и РСФСР как ее составной части, не будучи обеспечены товарными запасами, обесценились, причем сам процесс обесценивания был связан не собственно с реформами, а с особенностями «экономики дефицита», существовавшей в прежнем СССР. Их восстановление в прежнем формате в новых экономических условиях было невозможно. Таким образом, компенсация дореформенных сбережений населения теоретически могла быть осуществлена только на принципиально иных основах.

Один из вариантов подобной компенсации мог состоять в дифференциации масштабов участия держателей дореформенных сбережений в приватизации государственной собственности в зависимости от размеров вкладов. Однако он не был использован, а приватизационные чеки, выдача которых населению в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации»<sup>14</sup> началась 1 октября 1992 г., имели единый номинал 10 тыс. рублей. При этом приватизация никак не увязывалась с дореформенными вкладами населения и идеологически обеспечивалась утверждением о выравнивании стартовых условий в новой экономике для всех граждан страны.

В конечном счете был выбран вариант бесплатной приватизации жилищного фонда и выделения земельных и имущественных паев работавших в сельском хозяйстве. Здесь действительно имела место дифференциация. Од-

нако она была связана не с ранее существовавшими денежными активами граждан, а с конкретными характеристиками приватизируемого жилья, условиями ведения сельского хозяйства в конкретных регионах и т.п. Так, в депривированном положении оказались собственники кооперативных квартир, которые были построены за счет их собственных средств.

В заключение отметим, что и в настоящее время появляются носящие глобальный характер проекты восстановления дореформенных сбережений населения. Один из них предполагает выпуск бондов Центрального банка России с различными периодами обращения на рассчитанную тем или иным способом общую сумму долговых обязательств. Например, в 2015 г. 1 рубль дореформенных сбережений был приравнен к 86 рублям, а общая сумма долговых обязательств исходя из этого условия определена в 22–42 трлн руб. [Blinov, 2015, р. 24]. Однако утверждения, что эти бонды повысят инвестиционный потенциал страны, являются некорректными, хотя бы потому, что по сути их выпуск в обращение вполне сопоставим с раздачей так называемых вертолетных денег. В то же время в современной России существует достаточно механизмов для привлечения в инвестиционных целях временно свободных средств населения, например, облигаций федерального займа для физических лиц.

## Демографические показатели. Рождаемость

Критики экономических реформ обращают внимание на резкое ухудшение демографической ситуации в Рос-

14 <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=2187>, дата обращения 20.05.2021.

сии после их начала, а именно, на снижение рождаемости и рост смертности [Глазьев и др., 2002, с. 7–12]. В качестве основных причин снижения рождаемости называют неудовлетворенность населения результатами социально-экономических реформ, тревогу за завтрашний день и неясные перспективы для детей [Ефимова, Иванченко, 2010, с. 146].

Если обратиться к официальным показателям демографической статистики<sup>15</sup>, то окажется, что как абсолютные, так и относительные показатели рождаемости в России в начале 1990-х снизились по сравнению с предыдущим десятилетием, прежде всего, по сравнению с первой половиной 1980-х годов. Если в 1981–1990 гг. ежегодно в России рождались в среднем 2,33 млн детей, то в 1992 г., когда начались экономические реформы, – 1,59 млн. Снижение продолжалось вплоть до 1999 г., когда в России появились на свет всего 1,27 млн детей.

Однако сокращение рождаемости началось еще за несколько лет до запуска экономических реформ. После максимума числа рождений, зафиксированного в 1987 г., когда оно составило 2,50 млн человек, в 1991 г. оно снизилось до 1,79 млн человек, сократившись на 28,4%. Подобная динамика во многом объясняется демографическими волнами XX в. в России.

На самом деле во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов в детородный возраст вступило поколение, родившееся во второй половине 1960-х годов, когда в тогдашней Российской Федерации, равно как и в СССР в целом, также наблюдался спад рождаемости. В свою очередь он объяснялся последствиями Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Если в 1940 г. в Рос-

сии родились 3,81 млн детей, а в 1941 г. – 3,65 млн, то в 1946 г. – всего 2,54 млн, или на 1/3 меньше по сравнению с 1940 г. (нужно отметить, что довоенные показатели числа рождений так и не были достигнуты во всей последующей истории России). Послевоенные демографические минимумы и максимумы рождаемости чередуются приблизительно с четвертьвековой частотой (таблица 1).

Так, высокая рождаемость в России 1930-х годов, разное количество погибших в войну в поколении 1920-х годов и среди «допризывных» возрастов, обустройство семей вернувшимися с войны фронтовиками стали факторами также высокой рождаемости в 1950-е годы. Напротив, низкая рождаемость в годы войны и первые послевоенные годы обусловила сокращение числа рождений в 1960-е годы. В дальнейшем ситуация воспроизводилась: рост числа родившихся в 1970-е – начале 1980-х годов сменился их сокращением в конце 1980-х – 1990-е годы (очередной рост этого показателя ожидаемо стартовал в начале 2000-х годов). Таким образом, казалось бы, аргумент критиков реформ, утверждающих, что происходившие в экономике и социальной сфере России в 1990-е годы изменения привели к спаду рождаемости, не подтверждается. Однако на самом деле ситуация является более сложной.

Прежде всего заслуживает внимания относительный показатель рождаемости – число родившихся в расчете на 1000 жителей. Данные таблицы свидетельствуют, что, действительно, в 1990-е годы его значение уменьшалось. Видно, что после 1965 г. число родившихся в расчете на 1000 жителей было меньше 20 человек, но начиная с 1968 г. наблюдалась повышательная тенденция: если

15 Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>, дата обращения: 24.05.2021. Часть данных представлена по: [Андреева и др., 1998].

**Таблица 1.** Рождаемость в России  
**Table 1.** Birth rate in Russia

<b>Год</b>	<b>Число родившихся, млн человек</b>	<b>Число родившихся на 1000 жителей, человек</b>
1930	4,413	43,6
1935	3,577	34,6
1940	3,814	34,4
1946	2,546	26,0
1950	2,746	26,9
1955	2,942	26,4
1960	2,782	23,2
1965	1,991	15,7
1970	1,904	14,6
1975	2,106	15,7
1980	2,203	15,9
1985	2,375	16,6
1990	1,989	13,4
1991	1,794	12,1
1992	1,588	10,7
1993	1,379	9,4
1994	1,408	9,6
1995	1,364	9,3
1996	1,305	8,9
1997	1,260	8,6
1998	1,283	8,8
1999	1,215	8,3
2000	1,267	8,7
2005	1,457	10,2
2010	1,789	12,5
2015	1,941	13,3
2019	1,481	10,1

**Источники.** Составлено по: Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>, дата обращения 26.05.2021; [Андреева и др., 1998].

в 1968 г. этот показатель составил 14,1 человека, то в 1987 г. – 17,2 человека (локальный на данном временном промежутке максимум показателя, зафиксированный в 1983 г., составил 17,5 человека). После этого он стал снижаться и в последний год существования СССР оказался на 5,4 человека меньше. Подъем рождаемости начался после 1999 г., когда в расчете на 1000 жителей в стране родились 8,3 ребенка, в то время как в 2014–2015 гг. – уже 13,3 ребенка.

Дальнейшее развитие событий подтверждает, что трудности в экономике становятся фактором снижения относительных показателей рождаемости. После 2014 г., когда реальные располагаемые денежные доходы населения страны начали снижаться (в 2020 г. они оказались на 13,2% меньше, чем в 2013 г.), с лагом, обусловленным естественными причинами, началось сни-

жение рождаемости. В 2016 г. в расчете на 1000 жителей России родились 12,9 детей, в 2017 г. – 11,5, в 2018 г. – 10,9 и в 2019 г. – 10,1. Постоянно продлеваемая программа материнского капитала и ее расширение не переломили эту тенденцию.

Таким образом, приняв гипотезу о влиянии экономической ситуации (прежде всего, доходов населения) на рождаемость, можно арифметически подсчитать количество неродившихся детей в стране в 1990-е годы. При этом следует учитывать, что подобная оценка в значительной степени является механистической (таблица 2).

Приведенный в таблице 2 суммарный показатель демографических потерь страны от снижения рождаемости в 1992–1999 гг. (3,40 млн человек) представляет предельную величину. Если бы смертность среди дополнительно

**Таблица 2.** Оценка потерь населения России от снижения рождаемости  
**Table 2.** Assessment of losses of the Russian population from a decrease in the birth rate

Год	Число родившихся, млн человек	Рождаемость, человек/1000 жителей	Гипотетическое число родившихся при сохранении рождаемости на уровне 1991 г., млн человек (гр.2×12,1/гр.3)	Потери населения от снижения числа родившихся, млн человек (гр.4-гр.2)
1	2	3	4	5
1991	1,79	12,1	-	-
1992	1,59	10,7	1,80	0,21
1993	1,38	9,4	1,78	0,40
1994	1,41	9,6	1,78	0,37
1995	1,36	9,3	1,77	0,41
1996	1,30	8,9	1,77	0,47
1997	1,26	8,6	1,77	0,51
1998	1,28	8,8	1,76	0,48
1999	1,21	8,3	1,76	0,55
1992–1999	10,79	-	14,19	3,40

Источник. Составлено и рассчитано по данным табл. 1.

родившихся в 1992–1999 гг. отсутствовала (такое предположение при степени точности наших расчетов вполне допустимо), то население России в начале 2000 г. могло бы составить не 145,56, а 148,96 млн человек, или на 2,3% больше. Таким образом, формально экономические реформы, действительно, повлияли на снижение числа родившихся в расчете на 1000 жителей. Однако общие демографические потери от снижения числа рождений не следует объяснять только экономическими реформами, поскольку, как это было показано выше, их начало совпало с очередной впадиной демографической волны, генезис которой не связан с экономическими преобразованиями. Эта волна не могла не повлиять на снижение числа рождений в последующем – во второй

половине 2010-х годов [Рыбаковский, 2012]. В таблице 3 приводятся результаты укрупненной оценки естественного снижения рождаемости, обусловленного очередной демографической волной.

Проведенная оценка, конечно, является достаточно общей. Она разработана исходя из того, что средний возраст женщины при рождении ребенка составляет 25 лет (это соответствует реальной ситуации). Таким образом, при снижении популяции при прочих равных условиях неизбежно происходит снижение рождаемости. Рассчитанное по предложенному в таблице 3 алгоритму сокращение рождаемости в условиях демографической волны, которая доминировала в России в 1990-е годы, составило 4,55 млн человек. Добавив эту величину к потерям населе-

**Таблица 3.** Оценка влияния демографической волны в снижении рождаемости в России

**Table 3.** Assessment of the demographic wave impact on the decline in the birth rate in Russia

Год	Число родившихся, млн человек	(1966=1)	Год	Число родившихся, млн человек		Снижение рождаемости, обусловленное демографической волной, млн человек гр.6-гр.5.
				Гипотетическое гр.2×гр.3	Фактическое	
1	2	3	4	5	6	7
1966	1,96	1,000	1991	-	-	-
1967	1,85	0,945	1992	1,75	1,59	-0,16
1968	1,82	0,928	1993	1,69	1,38	-0,31
1969	1,85	0,944	1994	1,75	1,41	-0,34
1970	1,90	0,972	1995	1,85	1,36	-0,49
1971	1,97	1,009	1996	1,99	1,30	-0,69
1972	2,01	1,029	1997	2,07	1,26	-0,81
1973	1,99	1,019	1998	2,03	1,28	-0,75
1974	2,08	1,062	1999	2,21	1,21	-1,00
-	-	-	1992–1999	15,34	10,79	-4,55

**Источник.** Составлено и рассчитано по данным таблиц 1 и 2.

ния из-за сокращения относительно показателя рождаемости, получим суммарное падение числа рождений 7,95 млн человек, 57% из которого составил вклад демографической волны, а 43% – вклад других факторов.

### Демографические показатели. Смертность

Второе обвинение, предъявляемое реформаторам в сфере демографии, – это рост смертности в 1990-е годы. Здесь в первые годы экономических преобразований тоже наблюдалась картина, аналогичная ситуации с динамикой рождаемости, только с обратным знаком. Если в 1991 г. в расчете на

1000 жителей страны умерли 11,4 человека, то в 1992 г. – 12,2, в 1993 г. – 14,5, а в 1994 г. – 15,7 человека. Однако в дальнейшем тенденция сменилась на противоположную, и смертность в России начала снижаться. В 1995 г. она составила 15 человек в расчете на 1000 жителей, а в 1998 г. – 13,6 человека. Рост же смертности, причем существенно больший по сравнению с первой половиной 1990-х годов, происходил в первой половине 2000-х годов, когда экономическая ситуация в стране при росте цен на углеводородное сырье стала улучшаться. Так, в 2002 г. в расчете на 1000 жителей в России умерли 16,2 человека, в 2003 г. – 16,4, в 2004 г. – 15,9 и в 2005 г. – 16,1 человека. Иными словами, утверждение, что смертность непо-

**Таблица 4.** Смертность по основным классам причин смертности в России в расчете на 100 тыс. жителей и структура смертности  
**Table 4.** Mortality by the main classes of causes of death in Russia per 100 thousand inhabitants and the structure of mortality

Причины	Уровень к 1990 г.			Структура, %		
	1990 г.	1995 г.	2000 г.	1990 г.	1995 г.	2000 г.
<b>Все причины,</b>						
<b>в том числе:</b>	1,00	1,34	1,37	100	100	100
- некоторые инфекционные и паразитарные болезни	1,00	1,71	2,07	1,08	1,84	2,19
- новообразования	1,00	1,05	1,06	17,37	18,04	17,99
- болезни системы кровообращения	1,00	1,28	1,38	55,28	52,80	55,34
- болезни органов дыхания	1,00	1,25	1,19	5,31	4,94	4,59
- болезни органов пищеварения	1,00	1,61	1,55	2,57	3,08	2,91
- несчастные случаи, отравления и травмы,						
<b>из них:</b>	1,00	1,77	1,64	11,97	15,81	14,32
• случайные отравления алкоголем	1,00	2,73	2,38	0,97	1,97	1,67
• самоубийства	1,00	1,57	1,49	2,37	2,77	2,56
• убийства	1,00	2,15	1,98	1,27	2,06	1,85

Источник. Рассчитано по: Российский статистический ежегодник – 2003 // Федеральная служба государственной статистики // [https://gks.ru/bgd/regl/b03\\_13/Main.htm](https://gks.ru/bgd/regl/b03_13/Main.htm), дата обращения 02.06.2021.

средственно связана с экономической ситуацией в стране, нуждается в дополнительной проверке. Для этого логично использовать данные о динамике структуры умерших по причинам смерти (таблица 4).

В 1990-е годы, как и отмечают критики экономических реформ, произошел ускоренный рост умерших от внешних причин, которые, следует признать, были связаны с ситуацией, сложившейся в стране в связи с кардинальной ломкой существовавшей модели устройства общества. Наиболее значимый относительный рост умерших в 1995 г. по сравнению с 1990 г. произошел от случайных отравлений алкоголем, что было обусловлено, во-первых, отсутствием контроля за производством и оборотом алкогольной продукции и, во-вторых, падением доходов у значительной части населения и ориентацией их спроса на дешевый сегмент рынка алкоголя. Также заметный относительный рост был зафиксирован и по причине «убийство», что было связано во многом с перedelом собственности и сфер влияния между преступными группировками, а также ростом уличной преступности. Что касается самоубийств, то их относительный рост был существенно ниже и, по-видимому, оценки негативного влияния реформ на стрессоустойчивость населения являются завышенными. Во второй половине 1990-х годов ситуация со смертностью, обусловленной внешними причинами, стала менее острой, и доля умерших от случайных отравлений алкоголем, убитых и покончивших жизнь самоубийством, составившая в 1990 г. в совокупности 4,61%, увеличилась до 6,8% в 1995 г. и сократилась в 2000 г. до 6,08%. В целом доли умерших в результате несчастных случаев, отравлений и травм составили в эти годы, соответственно, 11,97, 15,81 и 14,32%.

Что касается абсолютного числа умерших от причин, которые в той или

иной степени могут объясняться влиянием экономических реформ, то на первый взгляд он был значительным. Так, количество умерших от случайных отравлений алкоголем в 1995 г. оказалось в 2,7 раза больше по сравнению с 1990 г., в результате убийств – в 2,1 раза и самоубийств – в 1,6 раза, а в целом от несчастных случаев, отравлений и травм – в 1,8 раза. Однако абсолютное число умерших от названных причин в 1995 г. составило, соответственно, 29,5 тыс., 30,7 тыс. и 41,4 тыс. (в целом – 236,6 тыс.), что на фоне общего числа умерших в 1995 г. (2203,8 тыс.) является относительно небольшой величиной.

Критики реформ, говоря об их негативных демографических последствиях, используют еще один аргумент. Речь идет об ускоренном росте смертности трудоспособного населения в первой половине 1990-х годов. Это утверждение проверяется динамикой отношения смертности лиц трудоспособного возраста к общей смертности населения (таблица 5).

Рост относительно средних показателей смертности в когорте мужчин трудоспособного возраста произошел, прежде всего, у накопивших значительный трудовой опыт в плановой экономике и приближавшихся к пенсионному возрасту, за исключением тех, кому до пенсии оставалось не более 5 лет. Безусловным лидером по росту смертности оказались мужчины в возрасте от 50 до 54 лет (отношение смертности в этой возрастной группе к общей смертности мужчин увеличилось в 1995 г. по сравнению с 1991 г. на 0,23), за ними следовали мужчины двух предыдущих возрастных групп – от 45 до 49 лет и от 40 до 44 лет (соответственно, 0,17 и 0,16). Что касается молодых мужчин в возрасте от 20 до 24 и от 25 до 29 лет, то у них было больше шансов адаптироваться к новым экономическим условиям, и относительная смерт-

**Таблица 5.** Относительная смертность трудоспособного населения в России  
**Table 5.** Relative mortality of employable population in Russia

Гендер/Возраст, лет*	Годы				
	1991	1992	1993	1994	1995
<b>Мужчины – всего,</b>					
<b>из них:</b>	1	1	1	1	1
<b>20–24</b>	0,23	0,24	0,24	0,23	0,26
<b>25–29</b>	0,30	0,32	0,32	0,31	0,33
<b>30–34</b>	0,38	0,42	0,44	0,44	0,44
<b>35–39</b>	0,50	0,54	0,59	0,61	0,60
<b>40–44</b>	0,68	0,75	0,84	0,86	0,84
<b>45–49</b>	0,98	1,03	1,11	1,18	1,15
<b>50–54</b>	1,39	1,49	1,58	1,65	1,62
<b>55–59</b>	1,96	1,94	1,96	2,06	2,02
<b>Женщины – всего,</b>					
<b>из них:</b>	1	1	1	1	1
<b>20–24</b>	0,07	0,07	0,08	0,07	0,08
<b>25–29</b>	0,08	0,09	0,09	0,09	0,10
<b>30–34</b>	0,10	0,11	0,12	0,13	0,13
<b>35–39</b>	0,15	0,16	0,18	0,19	0,19
<b>40–44</b>	0,23	0,25	0,28	0,30	0,29
<b>45–49</b>	0,35	0,37	0,41	0,45	0,44
<b>50–54</b>	0,50	0,54	0,60	0,65	0,64

\* Исходя из имеющихся статистических данных в качестве нижней границы трудоспособного возраста мужчин и женщин были приняты 20 лет.

**Источник.** Рассчитано по данным Единой межведомственной информационной статистической системы (ЕМИСС) // <https://www.fedstat.ru/indicator/30974>, дата обращения 03.06.2021.

ность в этой категории увеличилась незначительно (на 0,03 в каждом из двух случаев).

У женщин ситуация оказалась схожей с мужчинами: наиболее тяжело перенесли стресс экономического перехода те, у кого основная часть трудовой жизни пришлось на советский период. Относительно среднего показателя смертности среди женщин в возрастной группе от 50 до 54 лет в 1995 г. она оказалась выше по сравнению с

1991 г. на 0,14, а в группе от 45 до 49 лет – на 0,09. Практически не увеличилась на первом этапе реформ относительная смертность у женщин в возрасте от 20 до 24 и от 25 до 29 лет (в каждом из этих случаев она увеличилась всего на 0,01). В целом же статистически подтверждается, что женщины на начальном этапе экономических реформ оказались более стрессоустойчивыми к трудностям переходного периода по сравнению с мужчинами.

---

## Демографические показатели. Продолжительность жизни

---

Наконец, третий показатель, снижение которого ставится в упрек «младореформаторам» их критиками, – это ожидаемая продолжительность жизни при рождении<sup>16</sup>. Согласно данным Росстата, после начала реформ она начала снижаться. Если в 1991 г. она составила 69,01 года, то в 1992 г. – 67,89, в 1993 г. – 65,14, а в 1994 г. – 63,98 года, т.е. на 7,3% меньше по сравнению с 1991 г. Однако это значение показателя оказалось минимальным в 1991–2000 гг., и в дальнейшем его значения были выше (например, в 2000 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 65,27 года). При этом в зону наибольшего риска попали мужчины: ожидается, что родившиеся в 1994 г. проживут в среднем 58,91 года, или на 9,2% меньше по сравнению с родившимися в 1991 г., в то время как соответствующие показатели у женщин составили 71,18 года, или 4,2%. Таким образом, влияние начального этапа реформ на снижение в первой половине 1990-х годов ожидаемой продолжительности жизни при рождении выглядит очевидным (напомним, что смертность населения в этот период действительно увеличилась).

В целом полученные выводы во многом схожи с результатами, которые были получены некоторыми другими исследователями. Многие из них полагают, что основными факторами избыточной смертности в России в 1990-е годы стали алкоголизм (прежде всего, употребление крепкого алкоголя) и наркомания, в то время как сами экономические реформы повлияли на смерт-

ность в существенно меньшей степени. Эти же факторы и обусловили снижение рождаемости из-за преждевременной смертности лиц младших возрастных групп [Korotayev, Khalturina, 2008, pp. 79–80].

---

## Заключение

---

Проведенный статистический анализ показал, что оценки первичных (в первой половине 1990-х годов) последствий той модели экономических реформ в России, которая была выбрана «младореформаторами», неоднозначны и не сводятся либо только к отрицательным, либо только к положительным. Так, с одной стороны, обесценение советских сбережений населения как необеспеченных товарной массой фактически произошло до начала реформ. С другой стороны, возможности компенсации этих вкладов за счет принятия иных условий приватизации использованы не были. Дело ограничилось предоставлением населению права бесплатной приватизации квартир без учета наличия / отсутствия у участников приватизации дореформенных вкладов.

Снижение общего числа родившихся в начале 1990-х годов во многом было обусловлено естественными причинами, однако при этом произошло и падение числа родившихся в расчете на 1000 жителей России. Это могло быть объяснено изменением жизненного уклада и стереотипов поведения населения, отсутствием четких перспектив и неуверенностью в завтрашнем дне, однако само это падение происходило еще во второй половине 1980-х годов.

---

<sup>16</sup> Определяется Росстатом как число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из некоторого гипотетического поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения уровень смертности в каждом возрасте останется таким, как в годы, для которых вычислен показатель (Методические пояснения // Федеральная служба государственной статистики // [https://gks.ru/bgd/regl/B02\\_16/IssWWW.exe/Stg/d010/i010250r.htm](https://gks.ru/bgd/regl/B02_16/IssWWW.exe/Stg/d010/i010250r.htm), дата обращения 02.06.2021).

В целом сокращение рождаемости повлияло на численность населения России незначительно.

Смертность, обусловленная медицинскими причинами, в первой половине 1990-х годов росла опережающими темпами. При всей трагичности каждой конкретной судьбы (и в этом с критиками реформ можно согласиться) суммарное влияние на динамику численности населения России было незначительным. Безусловно, экономические реформы и реструктуризация рынка труда обусловили попадание в группу риска повышенной смертности работников старших возрастных групп (в первую очередь мужчин), которые не видели для себя перспектив на формирующемся рынке труда.

История, в том числе экономическая, не знает сослагательных наклонений. И последствия той модели экономических реформ, которая была реализована в России в начале 1990-х годов, как положительные, так и отрицательные, уже не могут быть изменены: они ушли в ту самую историю и стали предметом аналитических исследований. В настоящей статье была предпринята попытка очистить их от политических спекуляций как «справа», так и «слева» и постараться представить читателю беспристрастные результаты статистического анализа.

В данной статье из-за ее небольшого объема невозможно было отразить все социальные последствия реформ 1990-х годов. Так, за ее пределами оказались проблемы рынка труда, возникшие после открытия российской экономики. Это широкий пласт проблем неконкурентоспособности многих российских предприятий и необходимости реструктуризации занятости. Исследовательские вопросы в данном случае тем более интересны, что до сих пор действии компенсационных механизмов, позволивших стране не столкнуться с

массовой безработицей, изучены недостаточно. Однако это могло бы составить предмет отдельной работы.

## Список литературы

Андреева Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. (1998). Демографическая история России: 1927–1959. М.: Информатика.

Бахвалова М. (2020). Советские вклады: как государство будет расплачиваться с населением по старым долгам // Клерк. 14 января 2020 // <https://www.klerk.ru/buh/articles/494474/>, дата обращения 04.05.2021.

Гайдар Е.Т. (2006). Гибель империи. Уроки для современной империи. М.: РОССПЭН.

Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. (2002). Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001. М.: Алгоритм.

Ефимова И.С., Иванченко Л.А. (2010). Демографические последствия экономических реформ в России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Социально-экономические и гуманитарные науки. Т. 2. № 6. С. 146–147 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_22634852\\_21543557.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_22634852_21543557.pdf), дата обращения 13.05.2021.

Илларионов А. (2013). Государство в долгу: как уничтожили сбережения граждан в Сбербанке СССР // Forbes. 7 мая 2013 // <https://www.forbes.ru/mneniya-column/makroekonomika/238749-gosudarstvo-v-dolgu-kak-unichtozhili-sberezheniya-grazhdan-v-sb>, дата обращения 13.05.2021.

Назаров В. (2013). Советская пирамида: почему вклады граждан СССР были фикцией // Forbes. 27 февраля 2013 // <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/234847-sovetskaya-pirami-da-pochemu-vklady-grazhdan-sssr-byli-fiktsiei>, дата обращения 11.05.2021.

Рыбаковский Л.Л. (2012). Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. № 8. С. 49–60.

Blinov S. (2015). Savings and Inflation Using the Example of Russia in 1992 // MPRA. Paper no 67147 // <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/67147/>, дата обращения 12.08.2021.

Korotayev A., Khalturina D. (2008). Russian Demographic Crisis in Cross-National Perspective // Russia and Globaliza-

tion: Identity, Security, and Society in an Era of Change (ed. Blum D.W.), Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, pp. 37–78. DOI: 10.13140/2.1.1452.9600

Sedik D. (1985). The Growth of Savings Deposits in USSR: Two Views among Soviet Economists // [https://www.academia.edu/24455054/The\\_Growth\\_of\\_Savings\\_Deposits\\_in\\_USSR\\_Two\\_Views\\_Among\\_Soviet\\_Economists](https://www.academia.edu/24455054/The_Growth_of_Savings_Deposits_in_USSR_Two_Views_Among_Soviet_Economists), дата обращения 12.08.2021.

### Russian experience

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-5

## Social Consequences of Economic Reforms: Subjective Perception vs Statistical Data

**Sergey N. SMIRNOV**

DSc in Economy, Head of the Center, Center for Analysis of Social Programs and Risks of the Institute of Social Policy

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University), 109028, Pokrovsky Boulevard, 11, Moscow, Russian Federation;

Leading Researcher, Department of Economics

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: [sernsmirnov@mail.ru](mailto:sernsmirnov@mail.ru)

ORCID: 0000-0002-9206-0167

**CITATION:** Smirnov S.N. (2021). Social Consequences of Economic Reforms: Subjective Perception vs Statistical Data. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 100–118 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-5

Received: 15.07.2021.

**ACKNOWLEDGEMENTS:** The article is prepared under the grant of the Russian Foundation for Basic Research No. 19-011-00943 “Forward to the past: archaic and archaic tendencies in modern Russian society (interdisciplinary analysis)”.

**ABSTRACT.** *The attitude of the Russian population to the economic reforms that began in this country in January 1992 remains ambiguous. While liberals emphasize that*

*the government of the “young reformers” has opened the way to economic freedom, their opponents believe that the social and financial price paid by the population for the tran-*

sition to the market was too high. The discussions are mainly conducted in the political terms, but rarely in the fields of economic and social analysis. Based on official statistical data, the article attempts to objectively assess to what extent the situation of the early 1990s was inevitable, and to what extent it was the result of economic reforms. The author analyzes the most acute problems from a social point of view, namely the depreciation of pre-reform saving deposits of the population and the deterioration of demographic indicators. The impact of reforms on the labor market is a separate problem that deserves special consideration. Recognizing the inevitability of market reforms, the author considers options for mitigating the severity of the social situation that have not been implemented for various reasons and some of the compensating tools that were adopted by the Russian Government at the initial stage of reforms.

**KEYWORDS:** economic reforms, pre-reform saving deposits of the population, compensation mechanisms, birth rate, mortality, life expectancy.

## References

- Andreeva E.M., Darsky L.E., Kharkova T.L. (1998). *Demographic History of Russia: 1927–1959*, Moscow: Informatics (in Russian).
- Bakhvalova M. (2020). Soviet Deposits: How the State will Pay off Old Debts with the Population. *Clerk*, January 14, 2020. Available at: <https://www.klerk.ru/buh/статьи/494474/>, accessed 04.05.2021 (in Russian).
- Blinov S. (2015). Savings and Inflation Using the Example of Russia in 1992. *MPRA*. Paper no 67147. Available at: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/67147/>, accessed 12.08.2021.
- Efimova I.S., Ivanchenko L.A. (2010). Demographic Consequences of Economic Reforms in Russia. *Actual Problems of Aviation and Cosmonautics. Socio-economic and Humanitarian Sciences*, vol. 2, no 6, pp.146–147. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_22634852\\_21543557.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_22634852_21543557.pdf), accessed 13.05.2021 (in Russian).
- Gaidar E.T. (2006). *The Death of the Empire. Lessons for a Modern Empire*, Moscow: ROSSPAN (in Russian).
- Glazyev S.Yu., Kara-Murza S.G., Batchikov S.A. (2002). *White Book. Economic Reforms in Russia 1991–2001*, Moscow: Algorithm (in Russian).
- Illarionov A. (2013). The State Is in Debt: How the Savings of Citizens in the Sberbank of the USSR Were Denied. *Forbes*, May 7, 2013. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/makroekonomika/238749-gosudarstvo-v-dolgu-kak-unichtozhili-sberezheniya-grazhdan-v-sb>, accessed 13.05.2021 (in Russian).
- Korotayev A., Khalturnina D. (2008). Russian Demographic Crisis in Cross-National Perspective. *Russia and Globalization: Identity, Security, and Society in an Era of Change* (ed. Blum D.W.), Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, pp. 37–78. DOI: 10.13140/2.1.1452.9600
- Nazarov V. (2013). The Soviet Pyramid: Why the Saving Deposits of Citizens in the USSR Were a Fiction. *Forbes*, February 27, 2013. Available at: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/istoriya/234847-sovetskaya-piramida-pochemu-vklady-grazhdan-sssr-byli-fiktsiei>, accessed 11.05.2021 (in Russian).
- Rybakovsky L.L. (2012). Demographic Challenges: What Awaits Russia? *Sociological Studies*, no 8, pp. 49–60. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_17912673\\_25358559.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_17912673_25358559.pdf), accessed 25.04.2021 (in Russian).
- Sedik D. (1985). *The Growth of Savings Deposits in USSR: Two Views among Soviet Economists*. Available at: [https://www.academia.edu/24455054/The\\_Growth\\_of\\_Savings\\_Deposits\\_in\\_USSR\\_Two\\_Views\\_Among\\_Soviet\\_Economists](https://www.academia.edu/24455054/The_Growth_of_Savings_Deposits_in_USSR_Two_Views_Among_Soviet_Economists), accessed 12.08.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-6

# Финансовый сектор России: 30 лет высокой волатильности внутри глобальных финансов

**Яков Моисеевич МИРКИН**

доктор экономических наук, заведующий отделом международных рынков капитала

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: yakov.mirkin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2507-9811

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Миркин Я.М. (2021). Финансовый сектор России: 30 лет высокой волатильности внутри глобальных финансов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 119–142.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-6

Статья поступила в редакцию 14.06.2021.

**АННОТАЦИЯ.** В статье делается сравнительный анализ финансового сектора России и других стран в структуре глобальной экономики на длинных временных рядах. Проводятся международные сопоставления за 30 лет по финансовой глубине, в том числе монетизации, «насыщенности» кредитами и ценными бумагами, инфляции, уровню процента. Показывается неадекватность размеров финансового сектора величине российской экономики, анализируется крайне высокая волатильность финансовых переменных на примере валютного курса и изменений институциональной сети (банки и небанковские финансовые институты). Раскрывается модель финансового сектора (избыточная роль государства, сверхконцентрация на рынках и среди финансовых институтов, олигополизация, «денежное опустынивание» регионов, избыточные административные

издержки, ориентирование на вывоз капитала). Показан «прокризисный» характер финансового сектора России (один-два кризиса в 10–15 лет). Демонстрируется полное соответствие параметров финансового сектора России другим развивающимся экономикам (четвертый – седьмой десяток стран по финансовой глубине и другим переменным). Показывается, что параметры финансового развития, как правило, хуже, чем у группы стран с доходами ниже среднего (по международной классификации). Анализ российской экономической модели позволил показать причинно-следственные связи между ней и моделью финансового сектора, их взаимообусловленность. Даны четыре сценария экономического будущего («осажденная крепость», «замороженная экономика», «испанский», «экономика роста») с оценками их вероятности и на этой основе сценарии будущего разви-

*тия финансового сектора России. Более полно раскрыт сценарий «экономики роста», основанный на изменении модели экономики в России, политике «финансового форсажа» и формировании новой модели финансового сектора в России.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** валютный курс, внутренний кредит, волатильность, инфляция, модель экономики, политика, процент, сценарии экономического будущего, финансовый сектор, финансовое развитие, Центральный банк.

В течение 30 лет финансовый сектор России демонстрировал высокие скорости изменений, масштабные риски и волатильность. Он пережил две денежных реформы (1991, 1993), деноминацию (1998), шесть взрывных девальваций рубля (1994, 1998, 2008 / 2009, 2014, 2018, 2020), три финансовых кризиса (1998, 2008 / 2009, 2014–2016), гиперинфляцию 1990-х годов, волны появлений, а затем исчезновений тысяч финансовых институтов. И его история в качестве крайне рискованной, подверженной быстрым трансформациям системы еще не закончилась – впереди, по многим оценкам, не менее сложные времена.

В чем причины такого «бурного» бытия? Какова модель финансового сектора России? Есть ли возможность выделить длинные тренды, которые можно протянуть в будущее? Какие причинно-следственные связи определяют его динамику?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вначале: а) дать краткую характеристику глобальных финансов, в которых 30 лет «прорастал» как рыночный российский финансовый сектор, б) количественно оценить его динамику. Важно также определиться в хронике его трансформаций за последние 30 лет.

Глобальные финансы существуют как иерархическая система с центральными ядрами (доллар США и евро как резервные валюты, США + Великобритания + британские офшоры как центры портфельных инвестиций и ценообразования на товарные и финансовые активы, Нидерланды – как центр прямых инвестиций). В то же время система развивается как полицентрическая (Китай, Япония и азиатские офшоры как еще одно ядро глобальных финансов + региональные ядра в Латинской Америке и Восточной Европе, а именно Россия). Монетарные основы – демонетизация золота, Ямайская валютная система, крайне высокая волатильность развивающихся рынков (emerging markets) и рынков «на фронтире» (frontier markets), особенно в части курсов валют, потоков капитала, финансиализированного сырья (нефть и др.), ценных бумаг и деривативов. Базовый дисбаланс – крупнейший вывоз капитала из развивающихся стран в развитые, конечным источником которого является превышение экспорта сырья и готовых изделий («мастерские мира») в развитые страны над импортом из них.

Вход финансового сектора «новой» рыночной страны (в данном случае – России) в такую агрессивную среду, его формирование «на ходу» неизбежно будет проходить с высокой волатильностью и требует особенного искусства макроинженеров, обеспечивающих его развитие и устойчивость в «плавании».

### **Количественные параметры «финансовой машины»: сравнительный анализ**

**Низкая монетизация.** Один из главных трендов мировой экономики – *финансовое развитие* (financial development), *финансиализация* (financialization), *рост финансовой глубины* (finan-

cial depth). Ключевой индикатор этого тренда – рост монетизации, насыщенности деньгами экономики. В 1960 г. индикатор «Широкие деньги / ВВП» (Broad Money/GDP) составил по миру в целом – 50%, в 1994 г. – 92%, в 2000 г. – 100%, в 2019 г. – 126% (табл. 1). Динамика монетизации в России в структуре глобальных финансов приведена в табл. 1.

Не менее 30 лет российский финансовый сектор существовал в качестве «мелкого», насыщенность деньгами была кратно меньше среднемирового уровня (в 1994 г. более чем в 4 раза, в 2019 г. более чем в 2 раза) и стран с уровнем дохода ниже среднего (табл. 1). Россия в это время с точки зрения параметров финансового сектора, прежде всего монетизации, находилась в

**Таблица 1.** Динамика монетизации в России, 1994–2019 гг.  
**Table 1.** Dynamics of monetization of Russian economy, 1994–2019

	Широкие деньги / ВВП, %					
	1994	1997	2000	2007	2010	2019
Мир	91,7	91,0	99,8	96,7	108,3	126,0
Страны со средним уровнем дохода*	48,9	55,7	63,4	77,3	94,0	129,7
Страны с уровнем дохода ниже среднего*	43,1	43,1	47,0	60,9	64,3	70,5
<b>Россия</b>	<b>21,2</b>	<b>25,4</b>	<b>21,4</b>	<b>43,0</b>	<b>51,4</b>	<b>58,6</b>
Место в мире по монетизации	113	99	113	86	76	65
2 страны «до» России по уровню монетизации / 2 страны – «после»	Буркина-Фасо, Доминиканская Республика / Эквадор, Ботсвана	Бангладеш, Парагвай / Буркина-Фасо, Доминиканская Республика	Гаити, Кот-д'Ивуар / Соломоновы Острова, Монголия	Гватемала, Суринам / Намибия, Индонезия	Коста-Рика, Северная Македония / Гондурас, Ботсвана	Сальвадор, Турция / Северная Македония, Венгрия

Рассчитано по: World Bank Open Data (2021) // World Bank // <https://data.worldbank.org>, дата обращения 24.05.2021.

Данные по России за 1994–2000 гг. – по индикатору (деньги + квазиденьги) / ВВП, % (Money + Quasi-Money) / GDP, %, рассчитано по: [International Financial Statistics Yearbook, 2000, pp. 864–865; International Financial Statistics Yearbook, 2015, p. 680].

\* Здесь и ниже – по классификации Всемирного банка (middle income, lower middle income), списки стран см. в World Bank Open Data (2021) // World Bank // <https://data.worldbank.org>, дата обращения 24.05.2021.

группе развивающихся стран, сначала беднейших (в 1990-е годы), затем «среднего уровня развития» (в 2000-е годы). Находясь в 1994 г. на 113-м месте в мире по монетизации экономики, Россия постепенно поднималась на более высокие места (в 2019 г. 65-е место), тем не менее, не решив задачу выхода на параметры развитых стран и разви-

вающих стран с высокими темпами экономического роста (монетизация от 80–85% ВВП и выше в 2010–2020-х) Сохраняется более чем двукратный разрыв в монетизации со странами среднего уровня дохода (табл. 1).

Существуют страны с совершенно иными траекториями и моделями финансового развития. Один из приме-

ров сверхбыстрого роста – Китай. Монетизация уже в 1994 г. – 96,5% ВВП (8-е место в мире), в 2019 г. – 198% ВВП (3-е место в мире). Другой, «умеренный» пример – Чехия (в 1990-х – развивающаяся экономика, в 2000-х – развитая). Монетизация уже в 1994 г. – 61%, 28-е место в мире (выше, чем у России сегодня), в 2019 г. – 83,1%, 33-е место в мире<sup>1</sup>.

Связь между финансовой глубиной экономики, в том числе ее монетизацией, и экономическим ростом и зрелостью национального хозяйства не является сверхжесткой. Рост, динамика экономического развития формируются под воздействием многих факторов, в том числе ресурсных. Вместе с тем понятно, что жесткие денежные ограничения (как и энергетические, транспортные, водные, человеческие и т.п.) могут в значительной мере сдерживать развитие экономики. И, наоборот, «избыточность» в умеренных дозах может поощрять такое развитие (что относится и к другим видам ресурсов).

**Низкая насыщенность кредитами.** Еще один индикатор финансового развития – насыщенность экономики банковскими кредитами, «внутренний кредит банков частному сектору / ВВП» (Domestic Credit to Private Sector by Banks / GDP). Он особенно важен для стран, в том числе России, в которых финансовый сектор сформирован не по англосаксонской модели и финансовые рынки имеют меньшее значение, чем банки. Как и в части монетизации, насыщенность мировой экономики банковскими кредитами неуклонно повышается. Указанный индикатор для мира в целом в 1960 г. – 33%, в 1994 г. – 82,7%, в 2000 г. – 81,7%, в 2019 г. – 90,1% (табл. 2). Анализ динамики насыщенности экономики банковскими креди-

тами в России в сравнении с другими странами приведен в табл. 2.

Насыщенность кредитами во многом отражает уровень монетизации экономики. Как и в части монетизации, насыщенность кредитами в 1994 г. в России была кратно ниже среднемировой (в 6,8 раза) и значительно ниже в 2019 г. (в 1,7 раза) (табл. 2). Хотя показатель насыщенности кредитами в России перекрыл к 2019 г. показатели стран с уровнем дохода ниже среднего, он остается вдвое ниже, чем в странах со средним уровнем дохода (табл. 2). В 1994 г. насыщенность банковскими кредитами частному сектору в России была почти в 7 раз меньше среднемирового уровня, к 2019 г. разрыв сократился, но тем не менее остается очень значительным (в 1,7 раза ниже). В 1994–2019 гг. Россия передвинулась с 100-го места в мире по этому индикатору на 62-е место. Лучше, но ни в коем случае не может устроить тех, кто хотел бы видеть российскую экономику одной из первых в мире, динамичной, инновационной.

**Низкая насыщенность ценными бумагами.** Как и насыщенность экономики деньгами и кредитами, глубина проникновения в ее «поры» других финансовых инструментов является показателем финансового развития. Таких индикаторов десятки (ценные бумаги, деривативы, страхование, частные пенсионные системы, лизинг и т.п.). Один из ключевых – насыщенность акциями, капитализация рынка акций / ВВП (табл. 3).

Как и в других случаях (табл. 1–2), «мощность» финансового сектора в части акций была значительно ниже, чем в среднем по миру, а также у стран со средним уровнем дохода и стран с уровнем дохода ниже среднего (за исклю-

1 Рассчитано по: World Bank Open Data (2021) // World Bank // <https://data.worldbank.org>, дата обращения 24.05.2021.

**Таблица 2.** Внутренний кредит частному сектору, Россия (% ВВП), 1994–2019 гг.  
**Table 2.** Domestic credit to private sector by banks, Russia (% of GDP), 1994–2019

	Внутренний кредит банков частному сектору / ВВП, %					
	1994	1997	2000	2007	2010	2019
Мир	82,7	80,3	81,7	82,5	82,8	90,1
Страны со средним уровнем дохода	46,2	49,3	47,6	54,3	67,3	105,0
Страны с уровнем дохода ниже среднего	20,9	24,9	27,5	37,1	40,1	44,2
<b>Россия</b>	<b>12,1</b>	<b>9,5</b>	<b>11,9</b>	<b>37,8</b>	<b>42,8</b>	<b>52,4</b>
Место в мире по насыщенности кредитами	100	114	110	73	83	62
2 страны «до» России по уровню монетизации / 2 страны – «после»	Мадагаскар, Мальдивы / Малави, Армения	Мозамбик, Ботсвана / Табон, Болгария	Мозамбик, Молдова / Болгария, Казахстан	Чехия, Западное Самоа / Словакия, Бруней	Коста-Рика, Оман / Бутан, Турция	Босния и Герцеговина, Сент-Люсия / Сальвадор, США*

Рассчитано по: World Bank Open Data (2021) // World Bank // <https://data.worldbank.org>, дата обращения 24.05.2021.  
 \* В США крайне разветвленный финансовый сектор, доля банков в нем не выше 25%, в России – выше 90%.

**Таблица 3.** Рыночная капитализация отечественных компаний, прошедших листинг, Россия (% ВВП), 1994–2019 гг.

**Table 3.** Market capitalization of listed domestic companies, Russia (% of GDP), 1994–2019

	Капитализация рынка акций / ВВП, %				
	1997	2000	2007	2010	2019
Мир	83,4	102,8	113,7	88,4	113,9
Страны со средним уровнем дохода	н/д	н/д	94,7	64,7	59,3
Страны с уровнем дохода ниже среднего	н/д	н/д	98,9	63,9	60,3
<b>Россия</b>	<b>19,7</b>	<b>20,3</b>	<b>100,8</b>	<b>57,5</b>	<b>46,9</b>
Место в мире по величине капитализации	40	42	24	33	40
2 страны «до» России по величине капитализации / 2 страны – «после»	Аргентина, Панама / Пакистан, Хорватия	Панама, Оман / Перу, Польша	Египет, Франция / Бразилия, Маврикий	Саудовская Аравия, Китай / Бельгия, Оман	Перу, Индонезия / Иордания, Новая Зеландия

Рассчитано по: World Bank Open Data (2021) // World Bank // <https://data.worldbank.org>, дата обращения 24.05.2021;  
 Fred Economic Data (2021) // Federal Reserve Bank of St. Louis // <https://fred.stlouisfed.org/>, дата обращения 27.05.2021.

Рыночная капитализация внутренних компаний, имеющих листинг (Market Capitalization of Listed Domestic Companies (% of GDP)).

чением спекулятивного пузыря 2006–2007 гг. перед кризисом 2008–2009 гг.). Такие же выводы можно сделать в части рынка облигаций (рыночная стоимость облигационной массы / ВВП) и других сегментов финансового сектора.

**Дисбаланс между размерами экономики и финансового сектора.** Данные просто «кричат» о том, что размеры финансового сектора неадекватны величине и мировой роли российской экономики (табл. 4).

**Таблица 4.** Разрыв в размерах российской экономики и ее финансового сектора, 1994–2019 гг.

**Table 4.** The gap in the size of the Russian economy and its financial sector, 1994–2019

Россия	1994	1997	2000	2007	2010	2019
Место в мире по ВВП по номиналу, долл. США	13	16	20	11	11	11
Доля России в мировом ВВП по номиналу, %	1,4	1,3	0,8	2,2	2,3	1,9
Место в мире по ВВП по ППС, межд. долл. США	6	9	9	6	6	6
Место в мире по монетизации (табл. 1)	113	99	113	86	76	65
Место в мире по насыщенности кредитами (табл. 2)	100	114	110	73	83	62
Место в мире по насыщенности акциями (табл. 3)	x	40	42	24	33	40

Расчитано по: World Economic Outlook Database // International Monetary Fund // <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April>, дата обращения 26.05.2021.

Три десятилетия Россия занимала 11–20-е места в мире по размеру ВВП по номиналу, 6–9-е места – по ВВП по паритету покупательной способности. В то же время насыщенность деньгами составляла 65–113-е места (табл. 1), насыщенность кредитами – 62–100-е места (табл. 2), насыщенность ценными бумагами (в части акций) – 24–42-е места (табл. 3). Доля России в мировом ВВП по номиналу доходила до 2,3%, колебалась в основном от 1,3% до 2,3% мирового ВВП (табл. 4), но доля российского финансового сектора в глобальных финансовых активах, по оценке автора, никогда не была выше 0,5–0,6%.

**Процент.** Еще один ключевой параметр финансового сектора – «цена денег», ссудный процент (Lending Interest Rate). Анализ его динамики приведен в табл. 5.

Табл. 5 показывает, что за три десятилетия не удалось решить проблему избыточно высокого процента, что ссудный процент по-прежнему находится на уровне развивающихся экономик, если точнее, стран с низким уровнем развития, что резко ухудшает условия для инвестиций. В 1997 г. у 85 из 104 наблюдаемых стран ссудный процент был ниже, чем в России. В 2019 г. у 49 из 109 стран ссудный процент составлял меньшую величину, чем в России (табл. 5). Снижение «цены денег» в России происходило на фоне (и, возможно, в определенной связи) с длительным сокращением уровня процента в мире с начала 1980-х годов.

**Инфляция.** Динамика инфляции в России за четверть века показана в табл. 6. За три десятилетия не удалось нормализовать инфляцию хотя бы до

**Таблица 5.** Динамика ссудного процента в России, 1997–2019 гг.  
**Table 5.** Dynamics of lending interest rate in Russia, 1997–2019

Показатель	1997	2000	2007	2010	2019
Ссудный процент в России, %	32,0	24,4	10,0	10,8	8,8
Место в мире по величине ссудного процента (чем выше, тем хуже, тем больше процент)	86-е из 104 стран	87-е из 113 стран	58-е из 137 стран	75-е из 138 стран	50-е из 109 стран
2 страны «до» России по уровню процента / 2 страны – «после»	Парагвай, Гондурас / Белоруссия, Перу	Венесуэла, Коста-Рика / Гамбия, Ямайка	Мальдивы, Сент-Люсия / Болгария, Папуа – Новая Гвинея	Египет, Антигуа и Барбуда / Западное Самоа, Северная Македония	Белоруссия, Западное Самоа / Коста-Рика, Иордания

Рассчитано по: World Bank Open Data (2021) // World Bank // <https://data.worldbank.org>, дата обращения 24.05.2021.

**Таблица 6.** Динамика инфляции в России, 1994–2019 гг.  
**Table 6.** Dynamics of inflation in Russia, 1994–2019

	Изменение розничных цен за год, %					
	1994	1997	2000	2007	2010	2019
Мир	10,2	5,6	3,6	4,8	3,3	2,1
Страны со средним уровнем дохода	13,8	7,1	4,6	6,1	4,0	2,7
Страны с уровнем дохода ниже среднего	13,3	7,1	4,1	7,0	4,7	3,1
<b>Россия</b>	<b>307,7</b>	<b>14,8</b>	<b>20,8</b>	<b>9,0</b>	<b>6,8</b>	<b>4,5</b>
Место в мире по величине инфляции (чем выше, тем хуже, тем больше процент)	139-е место из 149 стран	120-е место из 154 стран	147-е место из 163 стран	149-е место из 181 страны	145-е место из 185 стран	132-е место из 163 стран
2 страны «до» России по величине инфляции / 2 страны – «после»	Ирак, Суринам / Румыния, Северная Македония	Украина, Польша / Армения, Коста-Рика	Лаос, Бурунди / Киргизия, Папуа – Новая Гвинея	Бангладеш, Руанда / Маврикий, Турция	Ботсвана, Суринам / Восточный Тимор, Уругвай	Грузия, Молдова / Гондурас, Аруба

Рассчитано по: World Bank Open Data (2021) // World Bank // <https://data.worldbank.org>, дата обращения 24.05.2021. Оценка инфляции – по индексу розничных цен, CPI (Consumer Price Index).

уровня стран со средним уровнем дохода. Падение инфляции в России происходило на фоне (и, думается, что и в связи) снижения скорости роста цен в мире.

В 1994 г. у 138 стран мира инфляция была ниже, чем в России, в 2019 г. – у 131 страны мира (табл. 6). «Соседи» России по уровню инфляции – преимущественно беднейшие экономики.

## Волатильность

**Динамика курса рубля.** Тренд длинной в три десятилетия – ослабление рубля, основанное на взрывных девальвациях (1994, 1998, 2008–2009, 2014, 2018, 2020) и временных стабилизациях (и даже укреплениях) рубля между ними (табл. 7). Рубль упал с 12,5 коп. за долл. США (далее – долл.) на начало июля 1992 г. до 73–78 руб. за долл. в январе – апреле 2021 г. (ЦБР, 1992–1997 гг. – в денонмированных руб.).

Курс рубля демонстрировал сверхвысокую волатильность. Размах его колебаний составлял (табл. 7):

- сотни процентов в 1992–1994 гг. (шоковый переход к рынку), 1998 г. (кризис ГКО), 2014 г. (кризис в России);
- десятки процентов в 1995 г. (шоковый переход), 1999 г. (кризис ГКО), 2008–2009 гг. (мировой кризис), 2011–2012 гг. (долговой кризис в ЕС), 2015–2016 гг. (кризис в России), 2018 г. (расширение

санкций), 2020 г. (падение цен на нефть, пандемический кризис);

- в периоды «стабильности» (12 из 29 лет) курсовые колебания («рябь на поверхности») составляли от 5,6 до 9–11,8% (1997, 2000–2007, 2010, 2017, 2019), достаточно «высокий» фон.

Рынок «регулярно» создавал шоковые, взрывные девальвации рубля, происходившие в короткие периоды времени (от нескольких дней до месяца). Примеры валютных шоков приведены в табл. 8. В моменты шоков внутридневные колебания курса рубля были выше, чем это отражают официальные курсы рубля. При взрывных девальвациях рубль падал на величину от 28 до 197 % (табл. 8).

**Другие сегменты финансового рынка.** Подобная волатильность наблюдалась и на других сегментах финансового рынка России – государственного долга (1998), акций (1995–2021), деривативов (1998–2021), в динамике вво-

**Таблица 7.** Волатильность рубля, июль 1992 – апрель 2021 г.

**Table 7.** Ruble exchange rate volatility, July 1992 – April 2021

Курс рубля к долл. США внутри года (Максимальное значение – Минимальное значение) / Минимальное значение, %									
1992 Июль – декабрь	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
<b>259,0</b>	<b>214,0</b>	<b>212,0</b>	<b>42,0</b>	<b>19,0</b>	<b>7,2</b>	<b>252,0</b>	<b>30,7</b>	<b>7,3</b>	<b>7,6</b>
2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
<b>5,9</b>	<b>9,0</b>	<b>6,1</b>	<b>5,6</b>	<b>8,8</b>	<b>9,5</b>	<b>25,4</b>	<b>27,1</b>	<b>9,9</b>	<b>19,9</b>
2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 янв. – апр.
<b>17,6</b>	<b>11,8</b>	<b>107,6</b>	<b>48,2</b>	<b>38,7</b>	<b>8,7</b>	<b>25,3</b>	<b>8,9</b>	<b>32,7</b>	<b>6,6</b>

**Источник:** официальные курсы Банка России (база данных ЦБР – <https://www.cbr.ru>, дата обращения 28.05.2021). Максимальное и минимальное значение – по абсолютной величине.

**Таблица 8.** Шоки на валютном рынке России, июль 1992 – апрель 2021 г.  
**Table 8.** Shocks on the Russian foreign exchange market, July 1992 – April 2021

Курс рубля к долл. США					
«Черный вторник», 1994 г.			Кризис ГКО, 1998 г.		
7.10	12.10	Изм.	22.08	9.09	Изм.
2,833	3,926	-38%	7,005	20,825	-197%
Валютный кризис, 2014 г.			Падение цены на нефть, пандемия, 2020 г.		
25.11	18.12	Изм.	18.02	24.03	Изм.
44,785	67,785	-51%	63,309	80,882	-28%

**Источник:** официальные курсы Банка России (база данных ЦБР – <https://www.cbr.ru>, дата обращения 28.05.2021).  
 Курсы 1994 г. – в деноминированных рублях.

за – вывоза частного капитала. Падения внешних финансовых рынков 1997 г. (азиатский кризис), 2008–2009 гг. (мировой кризис), 2020 г. (пандемия) воспроизводились в России с «рычагом», были глубже, чем на рынках-«оригиналах». Подробную характеристику избыточной волатильности рынка акций России по сравнению с рынками развитых стран, Бразилии и Китая в 1995–2010 гг. см.: [Миркин, 2011, с. 252–255].

Последний пример повышенной волатильности – падение мировых рынков акций с 9 февраля по 15 марта 2020 г. (первая волна пандемии, уход вниз цен на нефть). Из 24 ведущих рынков мира (14 развитых рынков, 9 развивающихся, композитный по еврозоне) глубже, чем в России (индекс RTSI), упали рынки акций только в Бразилии, Аргентине (традиционно близко по масштабам колебаний к российскому) и ЮАР (расчет по [yahoo.finance](http://yahoo.finance)).

**Волатильность и резкое сокращение сети финансовых институтов.** Переход к рынку вызвал «взрыв» в создании финансовых институтов, прежде всего банков (табл. 9). Своего пика этот

процесс достиг в 1995 г. (более 2,5 тысячи банков), затем из года в год их количество неуклонно снижалось (с замедлением в восстановительные 2001–2003 гг.), а затем с обрушением при так называемой очистке банков и кризисах 2010-х годов. Количество банков в России за четверть века сократилось в 7 раз, в 2015–2020 гг. («очистка») – в 2,2 раза (табл. 9).

С одной стороны, этот процесс объективен (институциональный «взрыв» при создании рынка, затем нормализация в течение трех десятилетий), с другой – очевидна избыточная «жестокость», резкость в падении банков, ее исключительность по сравнению с другими экономиками, особенно в период административной «зачистки» в 2015–2021 гг. Уход такого количества банков (выжили 14% созданных) – это одновременно огромные потери активов, денежных ресурсов, убытки бизнеса и вкладчиков, связанных с банками, вычет из ресурсов общества, в том числе бюджета. На покрытие убытков шли взносы из бюджета, осуществлялась денежная эмиссия (выдача кредитов центральным банком)<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> См., например, финансовую отчетность Агентства по страхованию вкладов // [https://www.asv.org.ru/upload/agency/annual/2019/report-2019/ru/page3\\_1.html](https://www.asv.org.ru/upload/agency/annual/2019/report-2019/ru/page3_1.html), дата обращения 28.05.2021.

**Таблица 9.** Волатильность сети банков, 1992 – апрель 2021 г.  
**Table 9.** Bank network volatility, 1992 – April 2021

Число банков, на конец года, ед.									
1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001
1713	2019	2517	2295	2007	1675	1447	1315	1274	1276
2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
1282	1277	1249	1205	1143	1092	1058	1007	1012	922
2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
									янв. – март
897	859	783	681	575	517	440	402	366	357

Рассчитано по: годовые отчеты Банка России, 1992–1997 // [https://www.cbr.ru/about\\_br/publ/god/](https://www.cbr.ru/about_br/publ/god/); статистический бюллетень Банка России, 1998–2021 // <https://www.cbr.ru/statistics/bbs/statisticheskij-byulleten-banka-rossii/>, дата обращения 28.05.2021. Кредитные организации (банки), имеющие право на банковские операции, – 1996–2021.

**Таблица 10.** Динамика сети брокерско-дилерских компаний (1995–2020)  
**Table 10.** Dynamics of the network of broker-dealer companies (1995–2020)

Количество брокеров – дилеров (некредитные организации) (без депозитариев и регистраторов), ед., на конец периода							
1995 апрель	1997 апрель	1999 июнь	2001	2015	2018	2019	2020 сентябрь
3176	5045	1628	618	422	229	195	190

**Источники:** [Миркин, 2011, с. 88; Миркин, 2002, с. 26]; обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг, 2016–2020 // База данных Банка России // [https://www.cbr.ru/analytics/rcb/review\\_rcb/](https://www.cbr.ru/analytics/rcb/review_rcb/), дата обращения 28.05.2021.

Те же процессы (взрывное учредительство – резкое сокращение, с огромными потерями для экономики и общества) происходили со всеми другими видами финансовых институтов. Пример динамики сети брокерско-дилерских компаний приведен в табл. 10.

Число брокеров – дилеров от пика в 1997 г. до осени 2020 г. сократилось в 26,5 раза. Как и в банках, этот процесс разрушений, особенно яркий в 1998–2000 гг. (кризис ГКО) и вновь ускорив-

шийся в 2014–2020 гг., должен был неизбежно глубоко затронуть бизнес и активы их клиентов.

В конце 1999 г. на рынке действовали примерно 110 регистраторов, более 100 депозитариев [Миркин, 2011, с. 90]. К сентябрю 2020 г. «живыми» остались 31 регистратор и 26 «чистых депозитариев» (сокращение в 3,5–4 раза)<sup>3</sup>.

В 1995 г. в России работали 30–40 негосударственных пенсионных фондов (НПФ), в 2000 г. – 227, в 2005 г. – 270 [Миркин, 2011, с. 130], в марте 2011 г. –

3 Обзор ключевых показателей профессиональных участников рынка ценных бумаг, 2016–2020 // База данных Банка России // [https://www.cbr.ru/analytics/rcb/review\\_rcb/](https://www.cbr.ru/analytics/rcb/review_rcb/), дата обращения 28.05.2021.

151, в мае 2021 г. – 42<sup>4</sup>. Их количество упало более чем в 5 раз.

В 2009 г. в России были зарегистрированы 702 страховые организации [Миркин, 2011, с. 142], в 2020 г. остались на рынке 150–160 страховщиков<sup>5</sup>: число сократилось более чем в 4 раза.

«Вымирание» небанковских институтов происходило примерно в 2 раза быстрее, чем банков. Их сокращение в регионах происходило быстрее, чем в Москве.

### Рост концентрации финансовых активов, олигополизация, огосударствление

Три тренда хорошо заметны с конца 1990-х годов:

- *все большая концентрация денежных средств, финансовых активов и финансовых институтов и рынков в Москве*. Как пример (табл. 11), доля Московского региона в денежных средствах кредитных организаций на корсчетах в Банке России выросла с 46,8% в конце 1998 г. до 93–94% в 2021 г. Это заметное явление (хотя и связанное частично с созданием централизованных систем управления ликвидностью в крупнейших банках). Часть регионов вообще лишилась банков, имеющих местные корни и свою штаб-квартиру в регионе (Брянская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская, Тульская и другие обла-

сти, всего – более 20 субъектов РФ на февраль 2021 г.);

- *олигополизация, все большая концентрация активов в узкой группе финансовых институтов*, прежде всего, крупнейших банков при «вымирании» малых и средних (табл. 12). Доля активов пяти крупнейших банков в общей сумме активов кредитных организаций выросла с 40,9% в начале 1998 г. до 63,6% в феврале 2021 г. (табл. 12). Этот же тренд характерен и для других финансовых институтов. В 2020 г. пять крупнейших НПФ формировали 63% активов всех НПФ<sup>6</sup>. Топ-5 организаций формируют 44,5% активов страховщиков<sup>7</sup>;

- *огосударствление, все большая доля на рынке финансовых институтов с участием государства*. Из пяти крупнейших российских банков (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Альфа-Банк, Россельхозбанк) четыре – с государственным участием. В 2018 г. доля активов контролируемых государством банков в совокупных активах российской банковской системы увеличилась почти до 70% [Умеренное движение вперед, 2018, с. 18].

Несмотря на тенденцию к огосударствлению, три десятилетия финансовый сектор служит инструментом чистого вывоза частного капитала из России (высокие риски, налоги и административные издержки).

4 Основные показатели деятельности НПФ, 2011–2020 // База данных Банка России // [https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv\\_coll/ops\\_npf/2015/](https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ops_npf/2015/), дата обращения 28.05.2021.

5 Реестр страховых организаций // Всероссийский союз страховщиков // <https://www.insur-info.ru/register/2021-02/>, дата обращения 29.05.2021.

6 Основные показатели деятельности НПФ, 2011 – 2020 // База данных Банка России // [https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv\\_coll/ops\\_npf/2015/](https://www.cbr.ru/finmarket/supervision/sv_coll/ops_npf/2015/), дата обращения 28.05.2021.

7 Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков за 2019 год // База данных Банка России // [https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27614/review\\_insure\\_19Q4.pdf](https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27614/review_insure_19Q4.pdf), дата обращения 28.05.2021.

**Таблица 11.** Динамика концентрации денежных средств в Московском регионе  
**Table 11.** Dynamics of bank liquidity concentration in the Moscow region

Доля Московского региона в денежных средствах кредитных организаций на корсчетах в Банке России, %							
4.11.1997	1998 г.	2000 г.	2007 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	7.05.2021
53,7	46,8	58,2	66,5	65,3	77,7	89,9	93,9

**Источник:** База данных Банка России // [http://cbr.ru/hd\\_base/ostat\\_base/](http://cbr.ru/hd_base/ostat_base/), дата обращения 8.05.2021.

**Таблица 12.** Динамика концентрации активов в пяти крупнейших кредитных организациях  
**Table 12.** Dynamics of asset concentration in the 5 top credit institutions

Доля активов топ-5 кредитных организаций в общей сумме активов кредитных организаций, %							
1.02.1998 г.	1.12.1998 г.	1.12.2000 г.	2007 г.	2010 г.	2015 г.	2019 г.	1.03.2021 г.
40,9	45,7	40,9	42,3	47,9	54,1	60,3	63,6

**Источник:** Статистический бюллетень Банка России, 1998–2021 // <https://www.cbr.ru/statistics/bbs/statisticheskii-byulleten-banka-rossii/>, дата обращения 28.05.2021.

**Таблица 13.** Россия – экспортер частного капитала  
**Table 13.** Russia as an exporter of private capital

Чистый вывоз капитала частного сектора, млрд долл. США*							
1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
-14,4	-3,9	-23,8	-18,2	-21,7	-20,8	-24,8	-15,0
2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
-8,1	-1,9	-8,9	-0,1	+41,4	+81,7	-133,7	-57,5
2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
-30,8	-81,4	-53,9	-60,3	-152,1	-57,1	-18,5	-24,1
2018 г.	2019 г.	2020 г.	х	х	х	х	х
-65,5	-22,1	-48,4	х	х	х	х	х

\* (-) вывоз, (+) ввоз капитала.

**Источник:** Бюллетень банковской статистики, 2008, № 12; 2012, № 1; Статистический бюллетень Банка России, 2015, № 12; 2021, № 4 // <https://www.cbr.ru/statistics/bbs/statisticheskii-byulleten-banka-rossii/>, дата обращения 29.05.2021.

В 1994–2000 гг. чистый вывоз капитала частного сектора составил 127,6 млрд долл. США, в 2001–2010 гг. – 132,9 млрд долл., в 2011–2020 гг. – 583,4 млрд долл., всего – 843,9 млрд долл. (табл. 13).

Много капитала вывозит само государство. Международные резервы, в их составе ФНБ, другие резервы бюджета, когда они в валюте – это вложения в экономику других стран

(по состоянию на лето 2021 г. не менее 400 млрд долл., запасы золота исключены). Не избыточны ли они? Оптимальный размер резервов обсуждается два десятилетия.

## Модель финансового сектора и факторы ее формирования

Представленный выше анализ показывает, что за 30 лет в России сформировалась модель финансового сектора:

- неадекватная по размерам масштабам экономики (в 2–3 раза меньше, чем должна быть);
- сверхволатильная, одна из самых рискованных в мире;
- находящаяся в 4–7-м десятке стран по индикаторам финансового развития;
- разбалансированная (постоянно высокие уровни инфляции и процента);
- с централизацией в крупнейших масштабах в Москве и Московском регионе (активы, ликвидность, управление и т.д.);
- с нарастающими процессами концентрации и огосударствления;
- четверть века являющаяся инструментом вывоза капитала из России.

Эта модель не случайна, она – прямое отражение: а) модели экономики России 1990–2020-х годов; б) денежно-кредитной, валютной, процентной политики, политики регулирования финансового сектора, какими они сложились с середины 1990-х годов по настоящее время. Это и есть факторы ее формирования.

**Модель экономики России.** Это экономика «вертикалей», сверхконцентрации производства, олигополий. Совокупная выручка 500 крупнейших российских компаний рейтинга «РБК-500» составила в 2014 г. 77% ВВП, в 2018 г. – 82,3% ВВП, в 2019 г. – 81,1% ВВП [РБК-500, 2020]. Топ-100 компаний (энергетика, транспорт, добыча полезных ископаемых, финансы, коммунальное хозяйство) формируют более 30% выручки всех российских компаний [Доклад о состоянии конкуренции, 2020, с. 13]. При этом в России действует более 100 тыс. организаций (2019) без учета субъектов малого предпринимательства, учреждений и финансовых институтов<sup>8</sup>. Доля МСП в ВВП России в 2017 г. – 22%, в 2019 г. – 20,8%<sup>9</sup>, прогнозная оценка на 2021 г. – 18,5–19,8% [МСП: Отложенные жертвы, 2021, с. 3]. Для сравнения: Германия – 55% ВВП [SMEs Are Driving Economic Success, 2018, p. 3], Италия – 68% [Italy Country Commercial Guide, 2019], Австралия – 57% [Moments that Matter, 2017, p. 1], США – 43,5% [Kobe, 2018, p. 4], Канада – 86,6% [Key Small Business Statistics, 2020, p. 31].

Высокая степень концентрации в финансовом секторе отражает такую модель экономики, формируется под ее влиянием, хотя, разумеется, динамика концентрации – многофакторный процесс (табл. 12).

Экономика во многом огосударствлена. Наиболее высокие экспертные оценки доли госсектора в экономике России (до 70%) дает Федеральная антимонопольная служба, в транспорте – 83%, в энергетике – 71%, в добыче полезных ископаемых – 70%, в финансах и страховании – 47% [Доклад о состо-

8 Структурная статистика предприятий // База данных Росстата // <https://rosstat.gov.ru/folder/14036>, дата обращения 29.05.2021.

9 Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) // Федеральная служба государственной статистики // <https://www.rosstat.gov.ru/emiss>, дата обращения 28.05.2021.

янии конкуренции, 2020, с. 14]. Другие оценки доли госсектора колеблются от 32–35% до 40–46% [Di Bella, 2019, pp. 10, 13] и больше. По расчетам ИПЭИ РАНХиГС, доля госсектора в ВВП выросла с 31,2% в 2000 г. до 53,1% в 2019 г. [Индексы государственной собственности, 2019]. Как следствие, пронизаны государственными участиями и влиянием и банки (см. выше).

Экономика стягивается в Москву, Московскую область и несколько крупнейших городов-миллионников и сырьевых центров (табл. 14). Москва – это 8,5% населения России в 2018 г. (6% в 1990 г.) и в то же время 21% регионального валового продукта России. 60 из 100 крупнейших частных компаний России (более 50% контролируют част-

ные лица), по версии *Forbes*-2020, имеют штаб-квартиры в Москве, шесть – в Московской области, четыре – в Санкт-Петербурге [200 крупнейших частных компаний России, 2020]. Это означает высокую концентрацию управления, денежных потоков, прибылей и т.п. в этих городах. Все бизнес-структуры, находящиеся под контролем государства (9), входящие в первые 20 крупнейших компаний России «РБК-500», имеют штаб-квартиры в Москве (кроме «ВТБ (Петербург)») [РБК-500, 2020]. Из десяти крупнейших банков России восемь имеют штаб-квартиры в Москве, один – в Санкт-Петербурге. Из 100 крупнейших банков 72 – в Москве, восемь – в Санкт-Петербурге [Рейтинги-2021, 2021].

**Таблица 14.** Доля Московского региона и Санкт-Петербурга в населении и валовом региональном продукте России

**Table 14.** Share of the Moscow region and St. Petersburg in population and Gross Regional Product of Russia

	Доля в населении России*, %					
	1990 г.	1998 г.	2000 г.	2007 г.	2010 г.	2018 г.
<b>Москва</b>	6,0	6,5	6,8	7,8	8,0	8,5
<b>Московская область</b>	4,5	4,5	4,5	4,7	5,0	5,1
<b>Санкт-Петербург</b>	3,4	3,2	3,2	3,2	3,4	3,6
<b>Всего</b>	13,9	14,2	14,5	15,7	16,4	17,2
	Доля в региональном валовом продукте России, %					
	1990 г.	1998 г.	2000 г.	2007 г.	2010 г.	2018 г.
<b>Москва</b>	х	14,6	20,1	23,9	22,2	21,0
<b>Московская область</b>	х	3,6	3,1	4,6	4,9	4,9
<b>Санкт-Петербург</b>	х	3,8	3,3	4,0	4,5	4,9
<b>Всего</b>	х	22,0	26,5	32,5	31,6	30,8

\* Данные по России – в границах 1990 г. (чтобы снять влияние структурных изменений 2014 г.).

**Источник:** База данных Росстата // [https://www.gks.ru/bgd/free/B00\\_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000070r.htm](https://www.gks.ru/bgd/free/B00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000070r.htm), [https://gks.ru/bgd/regl/b10\\_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-03.htm](https://gks.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-03.htm), <https://rosstat.gov.ru/accounts>, дата обращения 28.05.2021.

Во всех регионах России (за несколькими исключениями) – «человеческое опустынивание», сокращается население, если исключить считанное количество крупнейших городов (табл. 15). В 1990 г. население Москвы, Московской области и девяти крупнейших городов, показывающих рост населения, составляло 28,3 млн человек, через 30 с лишним лет, в 2021 г., – 35,2 млн. Сокращение численности населения в регионах России к 1990 г., за вычетом указанных «зон роста», в 1998 г. – 0,3 млн человек, в 2010 г. – 8,22 млн, в 2021 г. – 11,34 млн

человек, или почти 10% населения. Самые крупные потери – в малых и средних поселениях.

Такое человеческое сокращение стало одним из факторов все большей концентрации финансовых институтов в Москве и нескольких зонах роста, банковского «опустынивания» регионов (см. анализ выше, табл. 11). Банковская сеть в регионах сокращалась быстрее, чем в центре. В марте 2001 г. в России действовали 1318 кредитных организаций, в том числе в Москве и Московской области – 628, в марте 2021 г. – 398

**Таблица 15.** Человеческое «опустынивание» регионов России  
**Table 15.** Human “desertification” of Russian regions

	Население, млн человек					
	1990 г.	1998 г.	2000 г.	2007 г.	2010 г.	2021 г.
Россия*, в том числе	147,67	147,8	146,89	142,22	142,86	143,82*
Крупнейшие растущие города (+Московская область)						
Москва	8,88	9,6	9,93	11,09	11,5	12,66
Московская область	6,7	6,66	6,63	6,65	7,1	7,7
Санкт-Петербург	5,0	4,78	4,74	4,57	4,88	5,38
Новосибирск	1,43	1,4	1,4	1,39	1,47	1,62
Екатеринбург	1,3	1,27	1,27	1,32	1,35	1,5
Казань	1,09	1,08	1,1	1,12	1,14	1,26
Ростов-на-Дону	1,01	1,01	1,01	1,05	1,09	1,14
Красноярск	0,88	0,88	0,88	0,93	0,97	1,09
Воронеж	0,89	0,9	0,91	0,84	0,89	1,05
Краснодар	0,63	0,65	0,64	0,71	0,74	0,95
Тюмень	0,49	0,5	0,5	0,55	0,58	0,82
Итого: крупнейшие зоны роста	28,3	28,73	29,01	30,22	31,71	35,17
Всего население России за вычетом зон роста	119,37	119,07	117,88	112,0	111,15	108,03
Сокращение населения к 1990 г.	x	-0,3	-1,49	-7,37	-8,22	-11,34

\* Данные по России – в границах 1990 г. (чтобы снять влияние структурных изменений 2014 г.). База данных Росстата // [https://www.gks.ru/bgd/free/B00\\_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000070r.htm](https://www.gks.ru/bgd/free/B00_24/IssWWW.exe/Stg/d000/i000070r.htm), [https://gks.ru/bgd/regl/b10\\_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-03.htm](https://gks.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d1/04-03.htm), дата обращения 28.05.2021.

и 208 соответственно. Их количество в Москве и Московской области сократилось в 3 раза, в остальных регионах – в 3,7 раза<sup>10</sup>.

Сырьевая модель экономики России, с зависимостью от импорта технологий, комплектующих, исходников, ширпотреба, достигающей во многих сегментах экономики 60–90%, с крупнейшими пустыми продуктовыми нишами (даже в «простых вещах») в рамках все более высоких геополитических рисков и усиливающихся санкций в критических областях (технологии и финансы) (стратегия удушения, если называть вещи своими именами, стратегия «удав») не может не вызывать крайне высокой волатильности, особенно учитывая глубокую вовлеченность экономики и ее финансовых рынков в глобальные потоки «горячих денег». Роль финансовализации цен на сырье на рынках товарных деривативов, колебаний курсов «доллар – евро» и курсов валют развивающихся рынков, спекулятивных инвесторов представлены в других публикациях автора [Миркин, 2019; Миркин, 2020], а также в широком круге литературы (см., например: [Клепач, 2021; Ленчук, 2020; Caddy, 2008; Perifanis, 2017; U.S. Sanctions, 2020]).

В результате экономика испытывает кризисы один-два раза в 10–15 лет, вызывая глубокие падения в финансах, и / или, наоборот, получая шоки из финансового сектора в качестве цепной реакции системного риска. Кризисы во многом провоцируются ценовыми шоками (нефть и газ в первую очередь, металлы и др.). Ее собственная подверженность колебаниям вызывает сверхвысокую волатильность финансового сектора (анализ см. выше).

**Денежно-кредитная, валютная, процентная политика, политика сче-**

**та капитала, политика регулирования финансовых институтов** – еще один долгосрочный фактор, сформировавший российскую модель финансового сектора. Ее краткая характеристика – 30 лет попыток подавить инфляцию (имеющую во многом неденежный характер) на основе: а) ограничения денежного предложения и соответственно б) замедления развития кредита и внутреннего финансового рынка, в) удержания высокого уровня процента и г) более сильного, чем должен быть, рубля при д) нарастающей открытости для спекулятивных «горячих денег» нерезидентов, кэрри-трейдинга и внешних финансовых шоков и е) нарастающем административном бремени. В последнем – избыточное копирование международных стандартов, перенос всей тяжести регулирования, свойственного для развитых финансовых рынков, на развивающийся (emerging) рынок России, который должен принимать на себя более высокие риски и, соответственно, нести более низкие административные издержки (на практике – более высокие). Все это происходило на фоне вывоза капитала из страны из года в год (в ином случае приток капитала мог бы компенсировать денежный и кредитный «холод»). Первоисточник такой политики – рыночный фундаментализм [Миркин, 2011].

Как следствие, подавление стимулов для экономического роста и репрессированное финансовое развитие, неадекватность финансового сектора размерам экономики (развернутый анализ см.: [Миркин, 2011]). Политика «пожертвовать экономическим ростом ради подавления инфляции и финансовой нормализации» исследована в широком круге литературы, прежде всего, на краткосрочных горизонтах.

10 Статистический бюллетень Банка России, 1998–2021 // <https://www.cbr.ru/statistics/bbs/statisticheskiy-byulleten-banka-rossii/>, дата обращения 28.05.2021.

В программах финансовой стабилизации она имеет подтвержденные позитивные эффекты (прежде всего, в случаях девальвации национальной валюты и усиления притока иностранного капитала).

Но такая политика в течение 30 лет в крупнейшей экономике, которая к тому же ежегодно «обескровливается» вывозом капитала, – беспрецедентный случай в мировой практике. В 2008–2020-х годах в развитых странах на постоянной основе повсеместно используются «денежные смягчения», «денежно-промышленная политика», низкий (или даже отрицательный) процент для стимулирования выхода из кризиса, «провоцирования» умеренно низкой инфляции как инструмента роста. Это – подходы, обратные тому, что 30 лет делали денежные власти в России. Все эти годы их главной задачей признавалась стабильность цен как условие роста, но не стимулирование роста инструментами денежного предложения, кредита, процента, валютного курса, умеренной инфляции. Делались попытки денежными методами «сбить» немонетарную в основном инфляцию, главным источником которой до недавнего времени была политика цен, устанавливаемых или регулируемых государством, по формуле «инфляция +».

В отчете Банка России за 1995 г. указывалось: «Главной целью денежно-кредитной политики за 1995 г. было снижение инфляции... Итоги экономического развития страны в предыдущие годы свидетельствовали об эффективности (с точки зрения снижения инфляции) экономической политики, основанной на ограничении совокупного спроса. Исходя из этого Банк России считал целесообразным сохранить и в 1995 г. ограничительные принципы денежно-кредитной политики» [Годовой отчет, 1996, с. 50].

Эта исходная концепция («ограничительные принципы») сохраняла свою силу, пусть и не в столь явном виде, три десятилетия. Результат – мелкий деформированный финансовый сектор, ненормализованный в ссудном проценте, инфляции, волатильности и других параметрах за 30 лет. То, что, образно говоря, называется «перегнуть палку», держать 30 лет все индикаторы финансового развития на уровне худшем, чем у развивающихся экономик с доходами ниже среднего (в конце 1990-х годов – на уровне беднейших стран) (табл. 1–4). При этом опережающее открытие счета капитала центральным банком а) принесло сильную подверженность финансового сектора внешним финансовым шокам, б) создало глубокую зависимость внутреннего финансового рынка от спекулятивных нерезидентов, в) открыло дорогу «горячим деньгам» «все-го мира» и кэрри-трейдингу как спусковому механизму финансовых кризисов 1998, 2008–2009, 2014 гг. и девальваций рубля 2018 и 2020 гг. (бегство капитала из России).

## Что впереди – 2030

Будущее финансового сектора производно от сценариев, в которых будет существовать российская экономика (детально см.: [Миркин, 2018]).

**Сценарий 1: «осажденная крепость»**, рост огосударствления до 80–90% экономики, усиление командных, мобилизационных элементов, вертикалей, сжатие рынка. В финансовом секторе – сокращение числа финансовых институтов до нескольких десятков, олигополия, огосударствление до 85–95%, сжатие финансовых рынков, ограничения на счет капитала и на динамику курса рубля, дифференциация курсов рубля, административное снижение процента, вспышки инфляции,

резкое упрощение финансовых инструментов, институтов, сделок. *Вероятность сценария*, по оценке, – 25–30%.

**Сценарий 2: «замороженная экономика»**, доля государства – до 70–75%, олигополии, вертикали, рыночность – на уровне 2015–2020 гг. Финансовый сектор сохраняется в той же модели, в какой существует с 1990-х годов, деформирован, носит «прокризисный» характер (см. выше). Финансовые кризисы – один-два раза в 10–15 лет. *Вероятность сценария*, по оценке, – 50–55%.

**Сценарий 3: «испанский»**, попытка создания «государства развития», «ускорения» в рамках второго сценария (экономическая модель – та же), по аналогии с экономическим чудом в Испании конца 1950-х – начала 1960-х годов. Массированные вложения в инфраструктуру (в том числе социальную), правительство технократов, полурыночный, полукомандный рост нормы инвестиций. Финансовый сектор, сохраняя деформации, принудительно разворачивается в сторону стимулирования роста, потери от проблемных активов (их объемы возрастают) покрываются за счет бюджета. Повышается уровень финансового развития при снижении процента, инфляции и волатильности финансовых рынков. *Вероятность сценария*, по оценке, – 18–20%.

**Сценарий 4: «экономика роста»**, изменение модели экономики. Подчинение следующей «формуле сверхбыстрого роста»:

*Экономическая либерализация*

«Финансовый форсаж» (рост монетизации, насыщенности кредитами и финансовыми инструментами при значимом снижении процента и сокращении инфляции, умеренно слабый курс национальной валюты, сокращение субсидирования процента и бюджетных преференций в этой сфере, созда-

ние механизмов «проталкивания» кредитов в реальный сектор, в жилищную ипотеку и другие сферы инвестиций населения)

+ регулирование счета капитала «рыночными методами» (дестимулирование вывоза капитала и кэрри-трейдинга)

+ снижение налоговой нагрузки до 31–32% ВВП (при максимуме налоговых стимулов бизнесу за рост, модернизацию и импортозамещение (на мировом уровне), населению – за инвестиции в качество жизни)

+ максимум стимулов для прямых иностранных и долгосрочных портфельных инвестиций

+ рост торгового протекционизма (стимулирование переноса производства в Россию вместо экспорта в Россию, торговые и неторговые барьеры)

+ «распечатывание» до 30–40% резервов (Фонд национального благосостояния, международные резервы (валюта и золото в части, не относящейся к ФНБ) для размещения в инвестиции внутри страны (включая закупки технологий и оборудования))

+ выделение «бюджетов развития» в составе бюджета (в увязке с национальными проектами); рост инвестиционной составляющей

+ программа крупных общественных работ по модернизации инфраструктуры, в том числе социальной, прежде всего в центральной части России + в семи – десяти крупнейших очагах расселения;

+ национальная программа дешевой ипотеки «Свой дом, своя земля» (при дешевой раздаче / покупке земли, финансирование строительства собственных домов и малоэтажного строительства)

+ программа инвестиций / выравнивания уровня жизни для 15–20 регионов, являющихся «зонами национального бедствия»

+ замораживание цен и тарифов, устанавливаемых / регулируемых государством по формуле «инфляция минус»

+ «большой взрыв» в создании конкурентной рыночной среды (реальность антимонопольного контроля, в том числе в части цен, разгосударствление, широкая программа приватизации в интересах среднего класса, создание квазирыночной среды в крупных компаниях с государственным участием).

*Административные меры*

+ «новый курс», «новая экономическая политика» как решение «сверху»

+ создание администрации развития (с особыми полномочиями, отделенной от правительства и оперативных функций)

+ макроэкономическое программирование (точки сверхбыстрого роста)

+ сокращение регулятивного бремени минимум на 50–60%, значимое устранение в нем «репрессивного уклона» (законодательство, надзор, суды, правоприменение)

+ замораживание внешнеполитических конфликтов, усиление «экономического эгоизма» в системе международных отношений России, подчинение на практике глобальных целей России интересам роста качества и продолжительности жизни российского населения.

*Итого:*

+ рост нормы накопления до 30–32% ВВП

+ темпы роста экономики от 4–5% и выше, ее масштабная реструктуризация на основе популярных решений, меняющих модели коллективного поведения населения и элиты

+ прекращение / замедление вывоза людей, капиталов, других ресурсов, возникновение центростремительного движения к России, упрочение социальной стабильности, снижение политических рисков страны, удлинение

инвестиционных горизонтов, создание основ для массовых прямых иностранных инвестиций и трансферов технологий из-за рубежа.

Нужно помнить, что сверхбыстрый рост – это техническая задача, которую решили после Второй мировой войны 15–20 стран, совершив собственное «экономическое чудо». Задача решалась при многих политических, социальных и экономических деформациях, при несовершенных институтах, часто в условиях, когда такая политика могла бы показаться невозможной. Но она осуществилась.

В ее основе идеология элиты по формуле: «продолжительность и качество жизни населения + государство развития + социальная рыночная экономика» – как основа основ для решений, принимаемых на макроуровне.

*Вероятность этого сценария* пока крайне невелика, до 2–4%, но она существует.

Что в этом случае произойдет с финансовым сектором? Каков прогноз? Ответ – опережающее финансовое развитие, осуществляемое с должной осторожностью, чтобы не вызвать крупных мыльных пузырей, приводит к формированию в России крупной финансовой машины, а) адекватной размерам экономики, б) крайне диверсифицированной по институтам, инструментам, видам рынков и участников, в)кратно более устойчивой, чем та, что сложилась в последние 30 лет, г) втягивающей средне- и долгосрочные инвестиции извне (страна чистого импорта капитала), д) имеющей высокую ликвидность и способной обслужить все виды вложений – от самых рискованных в инновации до самых обычных в ресурсном секторе (при низком проценте, крайне умеренной инфляции и устойчивой валюте). Примеры подобных трансформаций – Германия, Китай, Япония, Южная Корея и другие страны.

## Список литературы

200 крупнейших частных компаний России (2020) // Forbes // [https://www.forbes.ru/rating/409143-200-krupneyshih-chastnyh-kompaniy-rossii-2020-reyting-forbes#all\\_rating](https://www.forbes.ru/rating/409143-200-krupneyshih-chastnyh-kompaniy-rossii-2020-reyting-forbes#all_rating), дата обращения 24.05.2021.

Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2019 год (2020) // Федеральная антимонопольная служба. 17 июля 2020 // <https://fas.gov.ru/documents/686911>, дата обращения 28.05.2021.

Ершов М., Танасова А. (2018). О монетизации, процентных ставках и экономическом росте // Научные труды ВЭО России. Т. 213. № 5. С. 456–466 // [http://veorus.ru/upload/iblock/c9e/veo\\_213.pdf](http://veorus.ru/upload/iblock/c9e/veo_213.pdf), дата обращения 23.05.2021.

Индексы государственной собственности ИПЭИ РАНХиГС 2000–2019 гг. (2019) // РАНХиГС // <https://ipei.ranepa.ru/kgu/indeksy>, дата обращения 05.06.2021.

Клепач А. (2021). Социальный и инновационный поворот российской экономики: планы и реальность // Научные труды ВЭО России. Т. 227. № 1. С. 30–91. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-30-91

Ленчук Е. (2020). Готова ли Россия к технологическому рывку // Экономическое возрождение России. № 1(63). С. 43–49 // [http://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2020/03/EVR\\_1\\_63\\_2020all.pdf](http://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2020/03/EVR_1_63_2020all.pdf), дата обращения 05.06.2021.

Миркин Я. (2002). Рынок ценных бумаг России: воздействие фундаментальных факторов, прогноз и политика развития. М.: Альпина Паблшер.

Миркин Я. (2011). Финансовое будущее России: экстремумы, бумы, системные риски. М.: КНОРУС, GELEOS Publishing House.

Миркин Я. (2018). Российская экономика: рост под санкциями (сценарии будущего) // Экономическое возрождение России. № 2(56). С. 63–67 // [https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2018/07/2\\_56\\_2018.pdf](https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2018/07/2_56_2018.pdf), дата обращения 22.04.2021.

Миркин Я. (2019). Российская экономическая модель // Научные труды ВЭО России. Т. 214. № 6. С. 323–369 // [http://veorus.ru/upload/iblock/7e0/veo\\_214.pdf](http://veorus.ru/upload/iblock/7e0/veo_214.pdf), дата обращения 28.04.2021.

Миркин Я. (2020). Как противостоять рецессии: что делать? // Научные труды ВЭО. Т. 223. № 6. С. 188–196. DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-188-196

МСП: Отложенные жертвы. Аналитический обзор. Январь 2021 // Национальное Рейтинговое агентство // [https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic\\_article/Research\\_SME\\_21022021.pdf](https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/Research_SME_21022021.pdf), дата обращения 29.05.2021.

РБК-500. Рейтинг крупнейших компаний России (2020) // РБК // <https://pro.rbc.ru/rbc500>, дата обращения 24.05.2021.

Рейтинги-2021 (2021) // Banki.ru // <https://www.banki.ru/banks/ratings>, дата обращения 24.05.2021.

Умеренное движение вперед. Доклад об экономике России. № 39 (2018) // Группа Всемирного банка. Май 2018 // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29913/1/27254RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y>, дата обращения 24.05.2021.

Caddy C.G., Ickes B.W. (2009). Russia's Addiction // Bank of Finland Institute for Emerging Economies // <https://www.bofit.fi/globalassets/bofit/tutkimus/konferenssit-ja-tyopajat/2004-2009/russiachina2009/ickes.pdf>, дата обращения 29.05.2021.

Di Bella G., Dynnikova O., Slavov S. (2019). The Russian State's Size and Its Footprint: Have They Increased? // IMF // <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/03/09/The-Russian-States-Size-and-its-Footprint-Have-They-Increased-46662>, дата обращения 21.05.2021.

International Financial Statistics Yearbook 2000 (2000) // International Monetary Fund, Washington: IMF.

International Financial Statistics Yearbook 2015 (2015) // International Monetary Fund, Washington: IMF.

Italy Country Commercial Guide (2019) // International Trade Administration // <https://www.trade.gov/italy-country-commercial-guide>, дата обращения 19.05.2021.

Key Small Business Statistics-2020 (2020) // Innovation, Science and Economic Development Canada // [https://www.ic.gc.ca/eic/site/061.nsf/eng/h\\_03126.html](https://www.ic.gc.ca/eic/site/061.nsf/eng/h_03126.html), дата обращения 19.05.2021.

Kobe K., Schwinn R. (2018). Small Business GDP 1998–2014 // U.S. Small Business Administration // <https://cdn.advocacy.sba.gov/wp-content/uploads/2018/12/21060437/Small-Business-GDP-1998-2014.pdf>, дата обращения 19.05.2021.

Moments that Matter: Understanding Australian SMEs (2018) // National Australian Bank // <https://business.nab.com.au/wp-content/uploads/2017/09/>

mtm-whitepaper-ipsos.pdf, дата обращения 19.05.2021.

Perifanis T.A., Dagoumas A. (2017). An Econometric Model for the Oil Dependence of the Russian Economy // International Journal of Energy Economics and Policy, vol. 7, no 4, pp. 7–13 // <https://www.econjournals.com/index.php/ijee/article/view/5060/3174>, дата обращения 15.05.2021.

SMEs Are Driving Economic Success. Facts and Figures about German SMEs (2018) // Federal Ministry for Economic Affairs and Energy // [https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/Mittelstand/driving-economic-success-sme.pdf?\\_\\_blob=publicationFile&v=4](https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/Mittelstand/driving-economic-success-sme.pdf?__blob=publicationFile&v=4), дата обращения 19.05.2021.

U.S. Sanctions on Russia. CRS Report. no R45415 (2020) // Congressional Research Service // <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R45415>, дата обращения 25.05.2021.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-6

# Financial Sector of Russia: 30 Years of High Volatility Inside Global Finance

**Yakov M. MIRKIN**

DSc in Economics, Professor, Head of International Capital Markets  
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations  
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow,  
Russian Federation

E-mail: yakov.mirkin@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2507-9811

**CITATION:** Mirkin Ya.M. (2021). Financial Sector of Russia: 30 Years of High Volatility Inside Global Finance. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 119–142 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-6

Received: 14.06.2021.

**ABSTRACT.** *The article provides a comparative analysis of the financial sector of Russia and other countries in the structure of the global economy; international comparisons are made over 30 years in terms of financial depth, including monetization, “saturation” with loans and securities, inflation, and interest rate. The inadequacy of the size of the financial sector to the size of the Russian economy is shown, the extremely high volatility of financial variables is analyzed (using the example of the exchange rate and changes in the institutional network (banks and non-bank financial institutions)). The model of the financial sector is revealed (excessive role of the state, overconcentration in the markets and among financial institutions, oligopolization, “monetary desertification” of regions, excessive administrative costs, focus on capital export). Shown is the “pro-crisis” nature of the financial sector in Russia (1–2 crises in 10–15 years). The complete correspondence of the parameters of the financial sector of Russia to other developing economies is demonstrated (the fourth – seventh dozen countries in terms of financial depth).*

*It is shown that the parameters of financial development, as a rule, are worse than the groups of countries with lower middle income (according to the international classification). The analysis of the Russian economic model made it possible to show the cause-and-effect relationships between it and the financial sector model, their interdependence. Four scenarios of the economic future (“besieged fortress”, “frozen economy”, “Spanish”, “growth economy”) are given, with estimates of their probability, and on this basis the corresponding scenarios for the future development of the Russian financial sector. The scenario of the “growth economy” based on the change in the model of the economy in Russia, the policy of “financial afterburner” and the formation of a new model of the financial sector in Russia is more fully disclosed.*

**KEYWORDS:** *central bank, domestic credit, economic model, exchange rate, financial development, financial sector, inflation, interest rate, politics, scenarios of economic future, volatility.*

## References

- Bank Ratings-2021 (2021). *Banki.ru*. Available at: <https://www.banki.ru/banks/ratings>, accessed 24.05.2021 (in Russian).
- Caddy C.G., Ickes B.W. (2009). Russia's Addiction. *Bank of Finland Institute for Emerging Economies*. Available at: <https://www.bofit.fi/globalassets/bofit/tutkimus/konferenssit-ja-tyopajat/2004-2009/russia-china2009/ickes.pdf>, accessed 29.05.2021.
- Di Bella G., Dynnukova O., Slavov S. (2019). The Russian State's Size and Its Footprint: Have They Increased? *IMF*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/03/09/The-Russian-States-Size-and-its-Footprint-Have-They-Increased-46662>, accessed 21.05.2021.
- Ershov M., Tanasova A. (2018). On Monetization, Interest Rates and Economic Growth. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 213, no 5, pp. 456–466. Available at: [http://veorus.ru/upload/iblock/c9e/veo\\_213.pdf](http://veorus.ru/upload/iblock/c9e/veo_213.pdf), accessed 23.05.2021 (in Russian).
- International Financial Statistics Yearbook 2000 (2000). *International Monetary Fund*, Washington: IMF.
- International Financial Statistics Yearbook 2015 (2015). *International Monetary Fund*, Washington: IMF.
- Italy Country Commercial Guide (2019). *International Trade Administration*. Available at: <https://www.trade.gov/italy-country-commercial-guide>, accessed 19.05.2021.
- Key Small Business Statistics-2020 (2020). *Innovation, Science and Economic Development Canada*. Available at: [https://www.ic.gc.ca/eic/site/061.nsf/eng/h\\_03126.html](https://www.ic.gc.ca/eic/site/061.nsf/eng/h_03126.html), accessed 19.05.2021.
- Klepach A. (2021). Social and Innovative Turn of the Russian Economy. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 227, no 1, pp. 30–91 (in Russian). DOI:10.38197/2072-2060-2021-227-1-30-91
- Kobe K., Schwinn R. (2018). Small Business GDP 1998–2014. *U.S. Small Business Administration*. Available at: <https://cdn.advocacy.sba.gov/wp-content/uploads/2018/12/21060437/Small-Business-GDP-1998-2014.pdf>, accessed 19.05.2021.
- Lenchuk E. (2020). Is Russia Ready for a Technological Modernization. *Economic Revival of Russia*, no 1(63), pp. 43–49. Available at: [http://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2020/03/EVR\\_1\\_63\\_2020all.pdf](http://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2020/03/EVR_1_63_2020all.pdf), accessed 05.06.2021 (in Russian).
- Mirkin Ya. (2002). *Russian Securities Market: Influence of Fundamental Factors, Outlook, and Development Policy*, Moscow: Alpina Publisher (in Russian).
- Mirkin Ya. (2011). *Financial Future of Russia: Extremes, Booms, Systemic Risks*, Moscow: KNORUS, GELEOS Publishing House (in Russian).
- Mirkin Ya. (2018). The Russian Economy: Growth under Sanctions (Future Scenarios). *Economic Revival of Russia*, no 2(56), pp. 63–67. Available at: [https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2018/07/2\\_56\\_2018.pdf](https://e-v-r.ru/wp-content/uploads/2018/07/2_56_2018.pdf), accessed 22.04.2021 (in Russian).
- Mirkin Ya. (2019). Russian Economic Model. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 214, no 6, pp. 323–369. Available at: [http://veorus.ru/upload/iblock/7e0/veo\\_214.pdf](http://veorus.ru/upload/iblock/7e0/veo_214.pdf), accessed 28.04.2021 (in Russian).
- Mirkin Ya. (2020). How to Resist Recession. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 223, no 6, pp. 188–196 (in Russian). DOI: 10.38197/2072-2060-2020-223-3-188-196
- Moderate Forward Movement. Russian Economy Report no 39 (2018). *World Bank Group*, May 2018. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29913/127254RU.pdf?sequence=4&isAllowed=y>, accessed 24.05.2021 (in Russian).
- Moments that Matter: Understanding Australian SMEs (2018). *National Australian Bank*. Available at: [141](https://business.</a></p>
</div>
<div data-bbox=)

nab.com.au/wp-content/uploads/2017/09/mtm-whitepaper-ipsos.pdf, accessed 19.05.2021.

Perifanis T.A., Dagoumas A. (2017). An Econometric Model for the Oil Dependence of the Russian Economy. *International Journal of Energy Economics and Policy*, vol. 7, no 4, pp. 7–13. Available at: <https://www.econjournals.com/index.php/ijeep/article/view/5060/3174>, accessed 15.05.2021.

RBC-500. Rating of the Largest Russian Companies (2020). *RBC*. Available at: <https://pro.rbc.ru/rbc500>, accessed 24.05.2021 (in Russian).

Report on the State of Competition in the Russian Federation-2019 (2020). *Federal Anti-Monopoly Service*. Available at: <https://fas.gov.ru/documents/686911>, accessed 28.05.2021 (in Russian).

SMEs Are Driving Economic Success. Facts and Figures about German SMEs (2018). *Federal Ministry for Economic Affairs and Energy*. Available at: <https://www.bmwi.de/Redaktion/EN/Publikationen/Mittelstand/driving-economic-success->

[sme.pdf?\\_\\_blob=publicationFile&v=4](#), accessed 19.05.2021.

SME: Delayed Victims. Analytical Review. January 2021. *National Rating Agency*. Available at: [https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic\\_article/Research\\_SME\\_21022021.pdf](https://www.ra-national.ru/sites/default/files/analytic_article/Research_SME_21022021.pdf), accessed 29.05.2021 (in Russian).

State Property Indices IPEI RANEPА 2000–2019 (2019). *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*. Available at: <https://ipei.ranepa.ru/kgu/indeksy>, accessed 05.06.2021 (in Russian).

The Largest Private Companies-200, Russia (2020). *Forbes*. Available at: [https://www.forbes.ru/rating/409143-200-krupneyshih-chastnyh-kompaniy-rossii-2020-reyting-forbes#all\\_rating](https://www.forbes.ru/rating/409143-200-krupneyshih-chastnyh-kompaniy-rossii-2020-reyting-forbes#all_rating), accessed 24.05.2021 (in Russian).

U.S. Sanctions on Russia. CRS Report, no R45415 (2020). *Congressional Research Service*. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/details?prodcode=R45415>, accessed 25.05.2021.

## Постсоветское пространство

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-7

# О политических аспектах развития системы государственного и муниципального управления на Украине

**Андрей Николаевич ВАВИЛОВ**

кандидат политических наук, научный сотрудник

Белгородский государственный национальный исследовательский университет  
308015, ул. Победы, д. 85, Белгород, Российская Федерация

E-mail: anvavilov12@yandex.ru

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Вавилов А.Н. (2021). О политических аспектах развития системы государственного и муниципального управления на Украине // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 5. С. 143–161. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-7

Статья поступила в редакцию 29.01.2021.

**АННОТАЦИЯ.** В статье рассматривается история формирования и реформирования системы государственного и муниципального управления на Украине. В условиях, когда социально-политическое пространство Украины характеризуется выраженным регионализмом, а вопрос перехода к федеративному государственному устройству исключен из реальной политической повестки дня, характер развития системы государственного и муниципального управления может служить отражением соотношения центробежной и центростремительной тенденций во внутриполитическом развитии Украины.

Представлен анализ факторов внутриполитического развития Украины, в наибольшей степени повлиявших в постсоветский период на становление в стране централизованной системы территориального управления и предопределивших слабость местного само-

управления, а также ставших причинами неудач нескольких попыток реформ.

Особое внимание уделено реализации политики децентрализации после 2014 г. Раскрыта связь концепции современной административно-территориальной реформы на Украине с процессом урегулирования на Донбассе, а также с подходами в западной политологии, в соответствии с которыми децентрализация рассматривается в качестве инструмента нейтрализации политического потенциала регионализма и противодействия региональному сепаратизму.

Дана оценка результатам и политической направленности децентрализации в условиях острого социально-экономического кризиса на Украине.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Украина, государственное устройство, система государственного и муниципального управления, местное самоуправление, муниципалитеты, децентрализация.

## ВВЕДЕНИЕ

Конфликт на Донбассе продолжает оставаться одной из наиболее острых тем мировой политики. В условиях его перехода в «замороженное» состояние возрастает значение процессов внутриполитического и социально-экономического развития Украины. Важнейшим фактором, оказывающим на них существенное влияние, выступает регионализм, исторически предопределенный особенностями формирования границ Украинской ССР. Вопрос согласования и гармонизации общегосударственных и региональных интересов на Украине в постсоветский период обсуждался как в свете перехода к федеративному государственному устройству, так и в плоскости реформирования и совершенствования системы государственного и муниципального управления.

Несмотря на то что лозунги федерализации практически постоянно в той или иной степени присутствовали в политическом дискурсе, Украина с момента обретения суверенитета в своем политическом развитии не смогла приблизиться к внедрению начал федерализма на практике. Государственный переворот 2014 г. и последовавшая за ним эскалация внутривнутриполитического противостояния отделили Украину от возможности внедрения принципов федерализма.

В связи с этим, по нашему мнению, значительный интерес представляет развитие системы государственного и муниципального управления Украины, которое во многом служит отражением соотношения центробежных и центростремительных начал в политическом развитии страны. Представляется, что взгляд на данный аспект внутривнутриполитического развития Украины позволит лучше оценить сложившуюся внутривнутриполитическую ситуацию и будет способствовать определению путей пре-

одоления длящегося острого политического конфликта.

Проблематика административно-территориальной реформы практически на протяжении всего постсоветского периода истории приковывала значительное внимание украинского политико-академического сообщества. Вопросам формирования и развития системы государственного территориального управления и местного самоуправления на Украине посвящены работы В. Аверьянова, А. Скрипнюк, И. Грицяка, М. Корниенко, В. Кубийды, В. Шаповал, И. Ярошенко, И. Семигулиной, В. Романовой, А. Умланды и др. Финансовым аспектам административно-территориальной реформы, которые играют принципиально важное значение с точки зрения оценки ее результатов, посвящены исследования А. Дроздовской, В. Опариной, М. Харитончук, В. Байдали.

Следует отметить, что современный этап реализации административно-территориальной реформы на Украине в значительной мере опирается на опыт предшествующих неудачных попыток ее реализации. В связи с этим представляется, что ретроспективный взгляд на становление системы государственного и муниципального управления в стране позволит точнее характеризовать тенденции внутривнутриполитического развития постсоветской Украины, а также оценить значение факторов, которые позволили Киеву продвинуться в реализации данной реформы после 2014 г.

### Становление системы государственного и муниципального управления на Украине

Вопросы административно-территориального реформирования занимали видное место во внутривнутриполитической

жизни Украины практически на протяжении всего постсоветского периода. Первые предложения об изменении системы административно-территориального устройства зазвучали еще в УССР в годы перестройки. В декабре 1990 г. был принят закон «О местных советах народных депутатов Украинской ССР и местном самоуправлении» [Закон України, 1990]. Данный акт основывался на принципе дуализма местного самоуправления, наделяя местные советы как функциями органов местного самоуправления, так и функциями органов государственной власти.

Если при президенте Л. Кравчуке задача повышения управляемости территорий решалась при помощи института представителей президента и в значительной мере в «ручном» режиме, то после победы Л. Кучмы на президентских выборах в 1994 г. новая администрация решительно взяла курс на централизацию власти и управления, реализация которого приобрела системный характер.

Так, указом «Об обеспечении руководства структурами государственной власти на местах» президент подчинил себе глав областных и районных советов [Про забезпечення керівництва, 1994]. В 1995 г. был создан институт областных государственных администраций, местные советы в поселках, деревнях и городах стали выступать в качестве органов местного самоуправления, а на областном уровне, в Киеве и Севастополе советы приобрели статус представительских органов. Принятая в 1996 г. Конституция страны и закон 1997 г. «О местном самоуправлении на Украине» [Про місцеве самоврядування в Україні, 1997] окончательно определили общий облик систем государственного территориального управления и самоуправления. В конце 1990-х годов в условиях борьбы с преодолением по-

следствий тяжелого финансово-экономического кризиса получили развитие процессы бюджетной централизации, в результате чего регионы попали в еще большую зависимость от центра.

Следует отметить, что в соответствии с современной классификацией на Украине утвердилась континентальная (романо-германская) система местного самоуправления, для которой характерно совмещение функций местного самоуправления и местного управления. В частности, та ее разновидность, при которой на низовых уровнях функционируют органы местного самоуправления, а на региональном и субрегиональном действуют местные государственные администрации общей компетенции.

Исходя из распространенных концептуальных подходов система управления на местах может формироваться посредством процессов децентрализации или деконцентрации государственной власти. Деконцентрация предполагает перераспределение государственной власти между ее различными уровнями, а децентрализация – передачу властных полномочий от системы государственной власти не входящим в нее публично-правовым институтам, образующим систему местного самоуправления. На Украине, очевидно, в качестве основы для формирования системы территориального управления был избран принцип деконцентрации. При этом стремление «встроить» местное самоуправление в систему исполнительной власти на местах предопределило слабость и высокую степень зависимости муниципалитетов. Можно сказать, что в стране была сформирована сверхцентрализованная система местного управления, построенная с сохранением элементов советской власти в виде советов разного уровня при слабой роли местного самоуправления.

Представляется, что среди политических причин того, что возобладал именно такой подход, можно выделить две основные.

Прежде всего необходимо признать, что централизованная модель управления предоставляла дополнительные рычаги для стабилизации экономической ситуации, а это оставалось первоочередной задачей в условиях социально-экономической турбулентности в 90-е годы прошлого века. Вторым важнейшим фактором выступил выраженный социокультурный, экономический и политический регионализм, исторически присущий Украине. Страна обрела независимость в условиях незавершенности процесса формирования национальной идентичности при значительных расхождениях взглядов населения различных частей страны на ключевые вопросы государственного строительства и при разной степени легитимности и ценности украинской государственности на западе и востоке страны.

Практически с момента формирования стали очевидны и недостатки выстроенной системы, констатация которых стала общим местом в работах подавляющего большинства украинских экспертов и выступлениях политиков. Так, на несоответствие сложившейся на Украине системы государственного и муниципального управления требованиям времени указывали И. Ярошенко и И. Семигулина [Ярошенко, Семигулина, 2015, с. 178]. А. Умланд и А. Романова отмечали, что на Украине одновременно сочетались централизм, слабое местное самоуправление и ощутимая территориальная разобщенность [Романова, Умланд, 2019, с. 149].

Одной из наиболее острых и явных проблем стала крайняя слабость местного самоуправления. Несмотря на то что Украина в 1997 г. ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления и закрепила в Конститу-

ции 1996 г. организационную, финансовую и правовую автономию местного самоуправления, положения этих документов не нашли соответствующего воплощения на практике, и местное самоуправление оказалось лишено возможностей для реальной независимости и ресурсов для самостоятельного развития. В реальности лишённые материальных и финансово-экономических ресурсов органы местного самоуправления в большинстве не крупных общин оказались не в состоянии осуществлять предоставленные им действующим законодательством полномочия [Романова, Умланд, 2019, с. 149].

Кроме того, в районах и областях нередко наблюдалась ситуация конфликта полномочий, когда органы государственного управления и муниципалитеты не могли четко разграничить сферы деятельности и ответственности. Дублирование полномочий и конкуренция компетенций местных государственных администраций внесли конфликтность в их взаимодействие, стали тормозом развития общественных отношений [Битяк, 2002, с. 8–9].

Как отмечалось украинскими экспертами, «...отсутствие взвешенной региональной политики Украины привело к значительным диспропорциям в территориальной структуре отечественной экономики, неэффективному использованию преимуществ территориального разделения труда, природно-ресурсного и научно-технического потенциала регионов...» [Батанов, 1999, с. 27]. Например, в составе Винницкой области (население менее 2 млн человек) 26 районов, а в Донецкой (население около 5 млн человек) – 17. Это означает, что Винницкая область с бюджетом 393 млн грн. и 77 млн дотаций из общегосударственного бюджета была вынуждена содержать гораздо больший аппарат управления, чем Донецкая область с бюджетом в 2,2 млрд грн. [Андреев, 2006, с. 11].

Критические оценки поступали и со стороны различных европейских структур, которые рекомендовали Киеву осуществить полноценную административно-территориальную реформу, призванную наделить муниципалитеты ресурсами, способными обеспечить их автономность и развитие, а также принять муниципальный кодекс, чтобы разрешить наиболее острые правовые проблемы в данной сфере.

### Децентрализация: идея реформы и попытки ее реализации

Уже с конца 1990-х годов на Украине стали предприниматься попытки внести изменения в сложившуюся систему государственного и муниципального управления, которые объединяло стремление ослабить выстроенную «вертикаль власти» на местах.

После принятия Конституции 1996 г. была разработана концепция региональной политики. Ее проект, предполагавший выведение местных администраций из системы органов исполнительной власти, а также существенное расширение полномочий областных советов за счет полномочий госадминистраций, был одобрен в сентябре 2000 г. на втором Всеукраинском съезде местных и региональных властей, а затем и утвержден указом президента Украины<sup>1</sup>.

На ослабление контроля центра над регионами была направлена и принятая в 2001 г. «Программа государственной поддержки развития местного самоуправления в Украине», которая также декларативно основывалась на приоритете задачи укрепления местного самоуправления и перераспреде-

ления полномочий в пользу регионального уровня управления.

Следует отметить, что тематика административно-территориальной реформы стала играть заметную роль в парламентской избирательной кампании 2002 г. и президентской 2004–2005 гг. Лозунг о необходимости перераспределения власти в пользу местного самоуправления стал одним из основных в программе кандидата на пост президента Украины В. Ющенко.

В этот период на Украине сформировались две концепции административно-территориальной реформы. Первая предполагала сокращение числа областей Украины примерно в два раза, а вторая – укрупнение районов в областях без изменения их границ [Андреев, 2006]. Однако, несмотря на непрекращающийся поиск моделей реформирования административно-территориального устройства, практических шагов в этом направлении не последовало. В 2004 г. более половины опрошенных украинских экспертов по-прежнему оценивали уровень местного самоуправления как низкий [Козюра, 2013, с. 31].

«Оранжевая революция» 2004–2005 гг. придала мощный импульс процессу политической дивергенции регионов Украины, что стало одной из причин актуализации попыток реформирования системы государственного и муниципального управления.

Практически на протяжении всего президентства В. Ющенко не прекращались попытки подступить к реализации административно-территориальной реформы. Ее проект предполагал ликвидацию районных госадминистраций, преобразование областных государственных администраций в префектуры с наделением их преимуществен-

1 Проект Концепции государственной региональной политики Украины (утвержден вторым Всеукраинским съездом Союза лидеров местных и региональных властей Украины 9 сентября 2000 года) (2000) // Голос Украины. 4 ноября 2000.

но контрольными функциями, а также придание исполнительным комитетам местных советов функций исполнительных органов власти. Основой для этих преобразований должно было стать укрупнение муниципальных образований, за счет чего планировалось добиться их жизнеспособности.

Однако положения реформы подверглись жесткой критике и не были приняты парламентом. Помимо политической оппозиции в лице Партии регионов ожесточенное сопротивление реформе оказали представители региональных элит, которые опасались радикального ослабления органов власти районного и областного уровней и утраты статуса мелкими населенными пунктами [Слинько, Капустин, 2020, с. 150–156].

Следует отметить, что альтернативный проект административно-территориальной реформы был подготовлен и находившимися в тот период в оппозиции «регионалами». Тема изменения территориального устройства страны неоднократно использовалась в политических выступлениях представителей Партии регионов в сочетании с декларативными заявлениями о целесообразности федерализации страны.

Несмотря на предпринятые усилия, можно констатировать, что период политического развития Украины, начавшийся после победы «оранжевой революции», не принес значимых перемен с точки зрения административно-территориальной реформы.

Очевидный характер недостатков сформированной в 1990-е годы системы территориального управления привел к тому, что для обозначения административно-территориальной реформы в украинском общественно-политическом дискурсе прочно закрепился термин «децентрализация». Он стал обозначать реформу, которая включала три компонента: политический – из-

менение способов формирования органов местного самоуправления и государственной власти на местах, а также порядка их подотчетности, административный – передачу ряда функций от органов государственной власти органам местного самоуправления и финансово-экономический – передачу органам местного самоуправления ресурсов, достаточных для выполнения полученных полномочий. Следует подчеркнуть, что в этот период децентрализация рассматривалась, прежде всего, в качестве инструмента повышения эффективности деятельности органов власти, снижения уровня бюджетных расходов, улучшения качества государственных услуг населению.

Как и его предшественник на посту президента страны, В. Янукович шел на президентские выборы 2010 г. с программой, в которой обещал расширить полномочия местных советов, передать им до 60% сводного государственного бюджета, создать исполнительные комитеты областных и районных советов, наделив их широкими полномочиями по решению вопросов местного значения. После победы на выборах он выдвинул программу реформ «Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство», рассчитанную на 2010–2013 гг., составной частью которой являлась и реформа межбюджетных отношений. Она, в частности, предполагала решение задач по повышению финансовой независимости и увеличению инвестиционных ресурсов местных бюджетов, финансовому обеспечению делегированных на местный уровень полномочий, местных бюджетов, а также упорядочению межбюджетных отношений [Програма економічних реформ, 2010]. Кроме того, в сентябре 2011 г. президент поручил правительству разработать новый проект реформы местного самоуправления и территориальной

организации власти. Основное видение содержания предстоящих преобразований нашло свое отражение в послании президента Верховной раде «О внутреннем и внешнем положении Украины в 2012 г.». В нем, в частности, отмечалось, что «практическая реализация на Украине новой региональной политики предусматривает новый формат отношений регионов с центром, отказ от патерналистских ожиданий гарантированной и постоянной государственной помощи, переход регионов и общин к системному освоению собственных ресурсов, эффективной реализации внутреннего потенциала развития» [Про внутрішні і зовнішні становище України, 2012].

В апреле 2013 г. был принят проект концепции реформирования местного самоуправления, который в силу известных драматичных политических событий не был реализован.

Характеризуя подходы администрации В. Януковича к реализации реформы децентрализации, украинские эксперты отмечали, что они носили очень осторожный, половинчатый характер и зачастую не были детально проработаны. В частности, не был предусмотрен конкретный механизм укрупнения общин, сохранялась подмена органов местного самоуправления районными и областными государственными администрациями, не были детально проработаны вопросы укрепления финансово-экономической базы муниципалитетов в рамках бюджетной децентрализации [Кравцов, Жук, 2011].

Также, по распространенному мнению представителей украинского экспертного сообщества, на практике при В. Януковиче произошла значительная централизация власти и государственного управления. С 2010 г. на Украине фактически формировалась суперпрезидентская республика, при которой обеспечивалась жесткая централи-

зация полномочий, ресурсов и властной «вертикали» [Гейко, Луценко, Ковальова, 2017, с. 64–78]. Таким образом, как мы видим, сформированная в 90-е годы прошлого века система государственного территориального управления и самоуправления, несмотря на неоднократные попытки ее реформирования, вплоть до 2014 г. не претерпела сколь угодно значительных изменений.

Представляется, что определяющими для неудач нескольких волн реформ стали, прежде всего, политические факторы. В первую очередь следует отметить, что «оранжевая революция» привела к обострению внутривнутриполитической борьбы. Период с 2005 по 2009 г. ознаменовался жестким противостоянием элитных группировок, превративших институт президентства, парламент и правительство в конкурирующие центры влияния и власти. В таких условиях децентрализация управления и укрепление системы местного самоуправления воспринимались через призму конфликтов интересов правящих элитарных групп. На фоне внеочередных парламентских выборов и неоднократных попыток президента В. Ющенко распустить Верховную раду проведение сбалансированной долгосрочной политики, в том числе в части реализации административно-территориальной реформы, было практически невозможным. Сама по себе проблематика децентрализации государственного устройства оказалась в тени целого ряда острых внутри- и внешнеполитических проблем, таких как выбор вектора экономической и политической интеграции, сближение с НАТО, статус русского языка, проблема транзита российского газа и т.д.

В результате децентрализация постепенно перемещалась вниз в перечне вопросов актуальной внутривнутриполитической повестки дня на Украине. Этому также способствовали особенно-

сти бюджетного процесса в государстве, когда доходы регионов поступали в центр, который впоследствии их распределял в соответствии со своим видением политических и экономических приоритетов. Ситуация, при которой области являются послушными проводниками курса киевской власти и находятся от нее в сильной фискальной и финансовой зависимости, устранила Киев.

В итоге к роковому для Украины 2014 г. страна подошла с системой территориального управления и самоуправления, сформированной в 1990-е годы, и с опытом ряда неудачных попыток ее реформирования. В оценках состояния публичного управления большинство украинских экспертов были едины в том, что сложившаяся в стране система местных органов власти недостаточно эффективна и отлажена, характеризуется излишней централизованностью, что не отвечает как современным потребностям, так и международным обязательствам Украины [Лымарь, Старушенко, 2012, с. 144–149]. Констатировались правовая и экономическая слабость местного самоуправления, избыточное количество мелких административно-территориальных единиц, лишенных ресурсов для полноценного хозяйственно-экономического функционирования и развития.

### Реформа государственного и муниципального управления в условиях глубокого социально-политического кризиса

После государственного переворота 2014 г. власть в Киеве провозгласила курс на масштабные преобразования, среди которых административно-территориальная реформа заняла одно из самых видных мест.

В 2014 г. правительство утвердило уже третью в истории постсоветской Украины концепцию реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти, а также государственную стратегию регионального развития на период до 2020 г. [Прозатвердження Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року, 2014].

Современная концепция реформы предусматривала преобразования в сфере территориальной организации власти, местного самоуправления и региональной политики. В ее основу был положен польский опыт, исходя из него предполагалось создание трехуровневой системы управления на местах, которая включала общины как базовый уровень местного самоуправления, районы (всего предполагалось разделить территорию Украины на 120–130 районов) и регионы (области). Перераспределение полномочий при этом должно было быть осуществлено на основе принципа субсидиарности.

Одним из первых шагов в направлении практического воплощения на практике трехуровневой модели местного самоуправления стало принятие законов «О сотрудничестве территориальных общин» и «О добровольном объединении территориальных общин» [Закон України, 2015], нацеленных на создание путем слияния сельских и районных советов объединенных территориальных общин и превращение их в основную форму местного самоуправления. Одновременно были внесены изменения в налоговый и бюджетный кодексы Украины, призванные укрепить ресурсную базу создаваемых укрупненных общин.

На первом этапе реформы количество местных общин за счет укрупнения предполагалось сократить с 11 тыс. до 1200. Предполагалось, что в ведение объединенных общин будут переданы

расположенные на их территории школы, больницы, местная дорожная сеть, ряд социальных объектов, будет создана муниципальная полиция. Для реализации новых функций планировалось направить общинам дополнительные ресурсы в виде отчислений от налогов и сборов. Также существенно расширились возможности общин в сфере бюджетного процесса и финансов, в частности, они получили право получать бюджетные субвенции напрямую из государственного бюджета.

Концепция предложенной администрацией П. Порошенко реформы предусматривала, что функции исполнительной власти на местах будут переданы создаваемым исполнительным комитетам местных советов. При этом должны были быть ликвидированы областные и районные администрации, а на уровне районов и регионов создан институт представителей президента (префектов), наделенных преимущественно функциями координации деятельности территориальных органов исполнительной власти и надзора за соблюдением законодательства.

Свое концептуальное развитие децентрализация получила с принятием плана второго этапа реформы, который премьер-министр Украины В. Гройсман представил в январе 2019 г. В его рамках планировалось завершить работу по формированию укрупненных общин и приступить к переустройству районного уровня управления.

В июле 2020 г. Верховная рада утвердила проект постановления о сокращении числа районов до 136 вместо 490 существующих. Также парламентом были утверждены изменения в бюджетный кодекс страны, лишившие бюджеты районов значительной части доходов, которые были перенаправлены в бюджеты укрупненных общин. В ноябре того же года был принят закон о реорганизации районных государственных

администраций и перераспределении имущества и финансов в связи с ликвидацией и созданием районов.

Таким образом, реализация второго этапа реформы позволяет констатировать, что содержание децентрализации в значительной степени было определено процессом существенного укрепления базового уровня самоуправления – общин за счет радикального снижения значения районов.

Первым осязаемым результатом реформы стало создание укрупненных общин. Так, в ходе первого года реформы было образовано путем слияния 159 новых общин [Слинько, Капустин, 2020, с. 154]. К сентябрю 2019 г. по всей стране была сформирована уже 951 укрупненная община, с охватом примерно трети населения Украины [Романова, Умланд, 2019, с. 151]. Однако, говоря об оценке децентрализации и ее значения с точки зрения внутриполитического развития страны, следует обратить внимание, прежде всего, на финансово-экономические аспекты реформы.

Как уже отмечалось, в нормативных актах и концептуальных документах задача обеспечения большей самостоятельности муниципалитетов провозглашалась системообразующей для всего комплекса преобразований в данной сфере.

Благодаря заметному увеличению источников доходов удалось добиться существенного роста местных бюджетов. Так, если в 2014 г. совокупный объем поступлений в местные бюджеты не превышал 69 млрд грн. (около 4,2 млрд долл.), то в 2018 г. он достиг 200 млрд грн. (7,2 млрд долл.).

Однако параллельно с увеличением доходов общин имел место и рост их обязательств. В 2018 г. около половины от общего объема расходов общин составляли затраты на нужды здравоохранения, образования и соцзащи-

ты, которые финансировались посредством бюджетных трансфертов [Шевчук, 2019, с. 94]. Если в 2013 г. размер трансфертов из государственного бюджета составлял 125% от собственных доходов местных бюджетов, то в 2017 г. уже достиг 141%, данная тенденция сохранялась и после 2017 г. То есть в реальности произошел рост зависимости местных бюджетов от трансфертов, в то время как целью реформы являлось снижение такой зависимости. Более 70% общин продолжали оставаться дотационными [Слинько, Капустин, 2020, с. 154].

Наличие механизма бюджетных субвенций на нужды местного образования и здравоохранения отражает то, что их финансирование по-прежнему осуществляется за счет бюджета страны, в то время как ответственность за их функционирование возложена на муниципалитеты. А базовая дотация, направляемая для поддержки слабых общин, есть не что иное, как инструмент перераспределения средств бюджетов-доноров.

Кроме того, негативное влияние оказали и валютные шоки. Из-за девальвации в долларовом эквиваленте с 2014 по 2017 г. доходы местных бюджетов упали более чем на 1 млрд долл. [Якушик, 2019, с. 170].

Таким образом, задача бюджетной децентрализации путем повышения финансовой самостоятельности и независимости укрупненных общин осталась нерешенной, и они по-прежнему лишены собственных источников для развития.

Несмотря на очевидный и принципиальный характер несоответствия результатов провозглашенным целям, следует констатировать, что после 2014 г. Украина, как никогда ранее в своей истории, смогла продвинуться в реализации административно-территориальной реформы. Этому способ-

ствовали как внешне-, так и внутривнутриполитические факторы.

Воссоединение Крыма с Россией и вооруженное противостояние на Донбассе обеспечили развитие центростремительных тенденций во внутривнутриполитическом развитии Украины. Острый конфликт на юго-востоке страны киевский режим представил как борьбу с агрессией против Украины. Значимые внутривнутриполитические процессы, в том числе реформирование административно-территориального устройства, рассматривались, прежде всего, в системе координат противодействия угрозам территориальной целостности и безопасности страны. Так, эксперты НИСИ указывали, что сложная социально-экономическая ситуация на Украине, незавершенность реформы по децентрализации власти, распространение проявлений социальной несправедливости создают благоприятную почву для формирования и распространения сепаратистских движений в стране [Резникова, Місюра, Дрьомов, Войтовський, 2016, с. 5].

Идеи, заложенные в Минские соглашения, привели к тому, что административно-территориальная реформа стала для Украины неразрывно связана с процессом урегулирования конфликта на Донбассе. Так, п. 3 Минских соглашений, которые на данный момент остаются политико-правовой основой его урегулирования, обязывает Киев «провести децентрализацию власти, в т.ч. путем принятия Закона Украины "О временном порядке местного самоуправления в отдельных районах Донецкой и Луганской областей" (Закон об особом статусе)» [Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы, 2014]. Данное положение получило развитие и в так называемом Минске-2, п. 11 которого предполагал проведение конституционной реформы на Украине со вступлением в силу к

концу 2015 г. новой конституции, предполагающей в качестве ключевого элемента децентрализацию (с учетом особенностей отдельных районов Донецкой и Луганской областей, согласованных с представителями этих районов), а также принятие постоянного законодательства об особом статусе отдельных районов Донецкой и Луганской областей в соответствии с мерами, указанными в примечании, до конца 2015 г. [Комплекс мер по выполнению Минских соглашений, 2015]. То есть реализация Минских соглашений на практике означает для Киева проведение реформы системы государственного устройства фактически на федеративных принципах, предполагающих договорный характер взаимоотношений центра и самопровозглашенных республик.

В результате децентрализация стала рассматриваться не просто как инструмент повышения качества государственных услуг и управления, но и как способ противодействия автономистским и сепаратистским устремлениям отдельных регионов. Такое понимание реформы нашло свое отражение и в упомянутой Стратегии регионального развития до 2020 г., в которой задача обеспечения территориальной целостности была заявлена в качестве приоритетной [Про затвердження Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року, 2014].

Взгляд на децентрализацию как механизм нейтрализации потенциала политического регионализма стал в целом характерен и для украинского политико-академического сообщества. Выдвигая свой проект децентрализа-

ции, П. Порошенко заявил, что она сделает страну сильнее и крепче и станет надежной прививкой бациллы федерализации<sup>2</sup>. В русле заявлений политиков украинский эксперт Ю. Ганущак отмечал, что автономизм на местном уровне лучше федерализма на региональном: «полторы тысячи вождей громад лучше, чем 25 на региональном»<sup>3</sup>.

Наиболее точно, на наш взгляд, политическую направленность реформы характеризует видный западный исследователь украинской политики А. Умланд. Он, в частности, подчеркивает, что продвигаемый Киевом проект децентрализации имеет выражено нефедеративную и субрегиональную идеологию преобразований, в соответствии с которой полномочия постепенно перетекают с областного и районного уровней на местный, тем самым представляя собой противоядие от автономизма и сепаратизма.

В связи с этим следует отметить, что в западной политической науке получило развитие направление региональных исследований, в рамках которого децентрализация рассматривается в качестве инструмента нейтрализации сепаратизма и автономизма. В основе такого подхода лежит идея максимально возможного ослабления регионального уровня посредством передачи ресурсов и полномочий на местный уровень. В данном контексте можно выделить работы таких авторов, как У. Паницца, Д. Бранканти, И. Ерке, В. Дреер, где децентрализация в виде укрепления муниципалитетов противопоставляется различного рода проектам политической регионализации, в том числе федерализации [Panizza, 1998;

2 Порошенко рассказал, как в Украине победить «бациллу федерализации» (2015) // Обозреватель. 1 июля 2015 // <https://www.obozrevatel.com/politics/81064-poroshenko-rasskazal-kak-v-ukraine-pobedit-batsillu-federalizatsii.htm>, дата обращения 12.02.2020.

3 Ганущак Ю. (2021). Год триумфа местной элиты. Что дальше? // ZN.ua. 9 января 2021 // [https://zn.ua/economics\\_of\\_regions/hod-triumfa-mestnoj-elity-chto-dalshe.html](https://zn.ua/economics_of_regions/hod-triumfa-mestnoj-elity-chto-dalshe.html), дата обращения 12.04.2021.

*Brancanti, 2006; Dreher, Fischer, 2009; Ehrke, 2016*]. Продвигаемый Киевом проект децентрализации, безусловно, содержит все признаки реализации именно такого подхода.

Также следует обратить внимание на то, что рассмотренные выше финансовые и бюджетные аспекты реформы, в том числе ее промежуточные итоги в данной сфере, позволяют говорить о том, что киевская власть своими действиями на практике сохраняет зависимое положение местного самоуправления, а следовательно, и высокую степень контроля над ним. Передавая полномочия и средства на их реализацию с областного и районного уровня на уровень общин, Киев не только снимает с себя ответственность за целый ряд значимых направлений социальной политики, но и получает действенные рычаги воздействия на общины. Показательно, что А. Умланд, давая оценку бюджетной децентрализации на Украине, указывает, что она «способствует политическому сплочению страны» [*Романова, Умланд, 2019, с. 160*].

Очевидно, что реализуемая на Украине децентрализация противопоставляется духу и букве Минских соглашений. В связи с этим представляется не случайным, что после 2014 г. административно-территориальная реформа получила существенную помощь со стороны западных партнеров Украины. Так, был создан Совет доноров по реформе децентрализации на Украине, Министерством регионального развития при участии международных партнеров в каждой области были образованы центры развития местного самоуправления, США предложили два спонсорских проекта *PULSE* и *DOBRE*, призванных способствовать успешности административной реформы, в качестве консультанта был привлечен бывший премьер-министр Саксонии Г. Милбрандт [*Романова, Умланд, 2019, с. 153*].

Среди других важных факторов, способствовавших относительному прогрессу, которого смогла добиться Украина в реализации реформы децентрализации, стали особенности сложившейся в стране внутривнутриполитической ситуации. Напомним, по итогам президентских и парламентских выборов произошла существенная перезагрузка власти и ее беспрецедентная консолидация. В частности, в 2019 г. впервые в истории Украины было сформировано однопартийное парламентское большинство. Это, безусловно, создало «окно возможностей» для продвижения децентрализации, обеспечив ситуацию, при которой реформа фактически не встречала сопротивления на общегосударственной политической арене. Региональные элиты отчасти поддержали реформу, увидев в ней дополнительные политические и экономические возможности, а отчасти, объективно оказавшись противниками реформы, будучи разобщены, не смогли оказать ей заметного сопротивления.

## Заключение

Характеризуя современный этап децентрализации на Украине, следует отметить, что наряду с продвижением в решении политических задач реформы ее реализация связана и со значительными рисками. Кризисные явления в социально-экономическом развитии страны подрывают возможности Киева по проведению системной региональной политики и способны существенным образом обесценить и исказить итоги децентрализации.

Так, в 2019 г. местные бюджеты получили лишь 74% от запланированных доходов. В проекте бюджета на 2020 г. было предусмотрено почти двукратное сокращение объема субвенций мест-

ным бюджетам. На фоне во многом «механической» передачи общинам значительной части обязательств это не только становится причиной того, что декларируемая задача повышения качества госуслуг не может быть успешно решена, но и грозит деградацией социальной сферы, снижением доступности образования и медицинской помощи.

Параллельно с децентрализацией осуществлялась и так называемая секторальная децентрализация, прежде всего в сфере образования и здравоохранения. При этом ее результаты оцениваются украинским обществом крайне негативно. Так, среди всех опрошенных только 12,8% поддержали образовательную реформу, 8,8% – медицинскую<sup>4</sup>.

Кризисное состояние украинской экономики также высвечивает и неспособность децентрализации преодолеть застарелую проблему – диспропорции в развитии регионов. По оценке украинских экспертов, до начала административно-территориальной реформы разрыв между регионами по объему ВРП составлял 28,2 раза, а по объему капитальных инвестиций достиг 33 раз [Ярошенко, Семигуліна, 2016]. Практика дотаций на финансирование объектов социальной сферы на фоне стартовой экономики консервирует региональные экономические диспропорции. Сохранение и углубление разрывов в уровнях социально-экономического развития областей будет иметь следствием дальнейшую дивергенцию региональных стратегий социально-экономического развития, что в свою очередь может стать базисом и для активизации процессов политической регионализации, дезинтеграции и роста социального напряжения в обществе.

Ситуация, сложившаяся вокруг административно-территориальной реформы на Украине, служит наглядным свидетельством того, что обращение к зарубежному, пусть и успешному опыту, требует учета национальной специфики. В Польше, пример которой преимущественно был использован авторами децентрализации на Украине, успех аналогичной реформы не в последнюю очередь был обеспечен позитивной динамикой социально-экономического развития страны: за период с 1989 по 2014 г. абсолютные показатели ВВП на душу населения выросли в 8,5 раза, что с очевидностью контрастирует с ситуацией на Украине, которая не может похвастаться устойчивым ростом макроэкономических показателей. Кроме того, проводя параллели с Польшей, также надо отметить, что факторами, которые в существенной степени снижают эффективность усилий Киева в сфере децентрализации, по мнению украинских наблюдателей, выступают корпоративный эгоизм, высокий уровень коррупции, широкое распространение патрон-клиентских отношений и традиционное для Украины сращивание политики и бизнес-интересов [Проблемы и перспективы децентрализации власти в Украине, 2015]. Наконец, нельзя забывать о финансовых вливаниях в Польшу со стороны ЕС и готовности польских партий идти на компромиссы, учитывающие интересы противников [Кузнецов, 2009].

Сохранение текущего положения дел, не говоря уже о развитии негативных тенденций в экономическом развитии страны, способно не только обесценить хрупкие достижения реформы, но и привести к результатам, противоположным от ожидаемых. Тревожный

4 Более 50% украинцев не верят, что реформы принесут положительные изменения, исследование (2018) // FromUA.news. 19 апреля 2018 // <http://fromua.news/article/877755/bolee-50-ukraintsev-ne-veryat-chno-reformi-prinesut-polojiteljne-izmenenja>, дата обращения 02.07.2019.

звонок для Киева прозвенел в октябре 2020 г., когда итогом местных выборов оказалось укрепление региональных политических сил, что наряду с нарастающей усталостью украинского общества от внутривластного противостояния на юго-востоке страны может стать фактором укрепления центробежной тенденции и придать импульс для очередной попытки регионализации на Украине.

## Список литературы

- Андреев С. (2006). Федерализация Украины: единство нации или распад государства? М.: Европа.
- Батанов А. (1999). Концептуальные основы соотношения функций территориальных громад с функциями местных органов государственной исполнительной власти // *Право Украины*. № 5. С. 25–30.
- Битяк Ю.П. (2002). Повноваження та діяльність місцевих державних адміністрацій, їх відносини з органами місцевого самоврядування // *Державне будівництво та місцеве самоврядування: зб. наук. праць*. Вип. 4. Харків: Право. С. 8–9.
- Гейко Л., Луценко Ю., Ковальова Р. (2017). Ціль та сутність реформування системи місцевого самоврядування та територіальної організації влади // *Науковий вісник Одеського національного економічного університету*. № 7–8. С. 64–78 // [http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nv\\_2017\\_7-8\\_7](http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nv_2017_7-8_7), дата звернення 10.08.2021.
- Закон України «Про добровільне об'єднання територіальних громад» (2015) // Верховна Рада України // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/157-19#Text>, дата звернення 20.02.2020.
- Закон України «Про місцеві Ради народних депутатів та місцеве і регіональне самоврядування», 7 грудня, № 533-ХІІ (1990) // *Главный правовой портал Украины* // [http://search.ligazakon.ua/l\\_doc2.nsf/link1/T053300.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T053300.html), дата звернення 11.09.2020.
- Козюра І. (2013). Приоритетные направления институционального развития местного самоуправления на Украине // *Мир перемен*. № 4. С. 28–37 // [https://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jrn2013\\_713.pdf](https://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jrn2013_713.pdf), дата звернення 10.08.2021.
- Комплекс мер по выполнению Минских соглашений (2015) // Президент России. 12 февраля 2015 // <http://www.kremlin.ru/supplement/4804>, дата звернення 10.02.2020.
- Кравцов В., Жук П. (2011). Вопросы реформирования административно-территориального устройства в Украине и местное самоуправление // *Экономическое возрождение России*. № 4(30). С. 169–174 // <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-reformirovaniya-administrativno-territorialnogo-ustroystva-v-ukraine-i-mestnoe-samoupravlenie/viewer>, дата звернення 10.04.2021.
- Кузнецов А. (2009). Региональная экономическая политика Польши // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11, с. 68–77.
- Лымарь А., Старушенко Е. (2012). Управленческие отношения в сфере осуществления публичной власти на местном уровне в условиях административной реформы на Украине // *Вестник государственного и муниципального управления*. № 4. С. 144–149 // <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-otnosheniya-v-sfere-osuschestvleniya-publichnoy-vlasti-na-mestnom-urovne-v-usloviyah-administrativnoy-reformy-v-ukraine/viewer>, дата звернення 10.08.2021.
- Про внутрішнє і зовнішнє становище України в 2012 році: Щорічне Послання Президента України Верховній Раді України (2012). Київ: НІСД.
- Про забезпечення керівництва структурами державної виконавчої вла-

ди на місцях. Указ Президента України від 6 серпня, № 430/94 (1994) // Верховна Рада України // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/430/94#Text>, дата обращения 14.07.2020.

Про затвердження Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2015 року. Постанова КМУ від 21 липня 2006, № 1001 (2006) // Главный правовой портал Украины // [http://search.ligazakon.ua/l\\_doc2.nsf/link1/КР061001.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/КР061001.html), дата обращения 13.08.2020.

Про затвердження Державної стратегії регіонального розвитку на період до 2020 року. Постанова Кабінету Міністрів України від 6 серпня 2014 р. № 385 (2014) // Верховна Рада України // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/385-2014-%D0%BF#Text>, дата обращения 15.08.2020.

Про місцеве самоврядування в Україні. Закон України від 21 травня № 280/97-ВР (1997) // Верховна Рада України // <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80#Text>, дата обращения 14.07.2020.

Проблемы и перспективы децентрализации власти в Украине (2015) // «Нова Україна». Інститут стратегічних досліджень // <http://newukraineinstitute.org/new/560>, дата обращения 12.03.2021.

Програма економічних реформ на 2010–2014 роки «Заможне суспільство, конкурентоспроможна економіка, ефективна держава» від 2 червня (2010) // Комітет з економічних реформ при Президентові України // [https://ips.ligazakon.net/document/view/mus14838?an=1468&ed=2010\\_06\\_02](https://ips.ligazakon.net/document/view/mus14838?an=1468&ed=2010_06_02), дата обращения 10.02.2020.

Протокол по итогам консультаций Трехсторонней контактной группы относительно совместных шагов, направленных на имплементацию мирного плана президента Украины Петра Порошенко и инициатив президента России Владимира Путина (2014) // OSCE // <https://www.osce.org/ru/home/>

123258?download=true, дата обращения 10.02.2020.

Резнікова О.О., Місюра А.О., Дрьомов С.В., Войтовський К.Є. (2016). Міжнародний досвід боротьби із сепаратизмом: висновки для України. Аналітична доповідь. Київ: НІСД.

Романова В., Умланд А. (2019). Реформа децентрализации в Украине в 2014–2019 гг.: первые достижения и будущие вызовы // Идеология і політика. № 3(14). С. 148–169 // <http://ekmair.ukma.edu.ua/handle/123456789/19323>, дата обращения 10.08.2021.

Слинько Е., Капустин В. (2020). Реформа местного самоуправления на Украине: промежуточные итоги децентрализации // Регион: системы, экономика, управление. № 2(49). С. 150–156 // <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-mestnogo-samoupravleniya-na-ukraine-promezhutochnye-itogi-detsentralizatsii/viewer>, дата обращения 10.08.2021.

Толпыго А. (1997). Украинский путь // Д.Е. Фурман (ред.) Украина и Россия: общества и государства. М.: Права человека. С. 149–180.

Украина после Евромайдана. Пять лет кризиса и надежд: рабочая тетрадь № 54/2019 (2019). М.: НП РСМД.

Шевчук И. (2019). Реформирование органов местного самоуправления в Украине на основе децентрализации // Актуальные научные исследования в современном мире. № 11-2(55). С. 88–95 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_41861107\\_48012368.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_41861107_48012368.pdf), дата обращения 10.08.2021.

Якушик В.М. (ред.) (2019). Цена реформ. Днепр: Середняк Т.К.

Ярошенко І., Семигуліна І. (2015). Проблемні питання реалізації реформи децентралізації влади в Україні // Проблеми економіки. № 4. С. 177–187 // <https://cyberleninka.ru/article/n/problemni-pitannya-realizatsiyi-reformi-detsentralizatsiyi-vladi-v-ukrayini/viewer>, дата обращения 10.08.2021.

Brancanti D. (2006). Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? // *International Organization*, vol. 60, no 3, pp. 651–685. DOI: 10.1017/S002081830606019X

Dreher W., Fischer J. (2009). Government Decentralization as a Disincentive for Transnational Terror? An Empirical Analysis // IZA Institute of Labour Economics Discussion Paper Series. no 4259 // <http://ftp.iza.org/dp4259.pdf>, дата обращения 10.08.2021.

Ehrke J. (2012). Zur Stabilisierung Fragmentierter Sttaaten: Dezentralisierung, Entwicklungszusammenarbeit und das Gespenst des Separatismus, Universitätsverlag Potsdam.

Panizza U. (1998). Decentralization as a Mechanism to Prevent Secession // *Economic Notes*, vol. 27, no 2, pp. 263–267.

## The Post-Soviet Space

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-7

# On the Political Aspects of Development of the System of State and Municipal Management in Ukraine

**Andrey N. VAVILOV**

PhD in Politics, researcher

Belgorod National Research University 308015, Pobedi str., 85, Belgorod, Russian Federation

E-mail: [anvavilov12@yandex.ru](mailto:anvavilov12@yandex.ru)

**CITATION:** Vavilov A.N. (2021). On the Political Aspects of Development of the System of State and Municipal Management in Ukraine. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 143–161 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-7

Received: 29.01.2021.

**ABSTRACT.** *The article examines the history of the formation and reform of the system of state and municipal administration in Ukraine. In the conditions when the socio-political space of Ukraine is characterized by pronounced regionalism, and the issue of transition to a federal state system is excluded from the real political agenda, the nature of the development of the system of state and municipal administration can serve as a reflection of the ratio of centrifugal and centripetal trends in the internal political development of Ukraine.*

*The article presents an analysis of the factors of internal political development of Ukraine that most influenced the formation of a centralized system of territorial administration in the country in the post-Soviet period and predetermined the weakness of local self-government, as well as the reasons for the failure of several attempts at reforms.*

*Special attention is paid to the implementation of the decentralization policy after 2014. The article reveals the connection of the concept of modern administra-*

tive-territorial reform in Ukraine with the settlement process in the Donbas, as well as with the approaches in Western political science, according to which decentralization is considered as a tool for neutralizing the political potential of regionalism and countering regional separatism.

The results and political orientation of decentralization in the context of the acute socio-economic crisis in Ukraine are evaluated.

**KEYWORDS:** Ukraine, state structure, system of state and municipal administration, local self-government, municipalities, decentralization.

## References

- A Set of Measures to Implement the Minsk Agreements (2015). *President of Russia*, February 12, 2015. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/4804>, accessed 10.02.2020 (in Russian).
- About Local Self-government in Ukraine. Law of Ukraine no 280/97-BP of May 21 (1997). *The Verkhovna Rada of Ukraine*. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80#Text>, accessed 14.07.2020 (in Ukrainian).
- Andreev S. (2006). *Federalization of Ukraine: Unity of the Nation or Disintegration of the State?* Moscow: Evropa (in Russian).
- Batanov A. (1999). Conceptual Foundations of the Correlation of the Functions of Territorial Communities with the Functions of Local State Executive Authorities. *The Law of Ukraine*, no 5, pp. 25–30 (in Russian).
- Bityak Y.P. (2002). Powers and Organization of Local State Administrations, Their Relations with Local Self-government Bodies. *State Construction and Local Self-government: A Collection of Scientific Papers*. Issue 4, Kharkiv: Pravo, pp. 8–9 (in Ukrainian).
- Brancanti D. (2006). Decentralization: Fueling the Fire or Dampening the Flames of Ethnic Conflict and Secessionism? *International Organization*, vol. 60, no 3, pp. 651–685. DOI: 10.1017/S002081830606019X
- Dreher W., Fischer J. (2009). Government Decentralization as a Disincentive for Transnational Terror? An Empirical Analysis. *IZA Institute of Labour Economics Discussion Paper Series*. no 4259. Available at: <http://ftp.iza.org/dp4259.pdf>, accessed 10.08.2021.
- Economic Reform Program for 2010–2014 “Rich Society, Competitive Economy, Efficient State” dated June 2 (2010). *Committee on Economic Reforms under the President of Ukraine*. Available at: [https://ips.ligazakon.net/document/view/mus14838?an=1468&ed=2010\\_06\\_02](https://ips.ligazakon.net/document/view/mus14838?an=1468&ed=2010_06_02), accessed 10.02.2020 (in Ukrainian).
- Ehrke J. (2012). *Zur Stabilisierung Fragmentierter Staaten: Dezentralisierung, Entwicklungszusammenarbeit und das Gespenst des Separatismus*, Universitätsverlag Potsdam.
- Gejko L., Lucenko Yu., Koval’ova R. (2017). The Purpose and Essence of Reforming the System of Local Self-management and Territorial Organization of Power. *Scientific Bulletin of the Odessa National Economic University*, no 7–8, pp. 64–78. Available at: [http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nv\\_2017\\_7-8\\_7](http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nv_2017_7-8_7), accessed 10.08.2021 (in Ukrainian).
- Kozyura I. (2013). Priority Directions of Institutional Development of Local Self-government in Ukraine. *A World of Change*, no 4, pp. 28–37. Available at: [https://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jrn2013\\_713.pdf](https://www.elibrary.az/docs/JURNAL/jrn2013_713.pdf), accessed 10.08.2021 (in Russian).
- Kravcov V., Zhuk P. (2011). Issues of Reforming the Administrative-territorial Structure in Ukraine and Local Self-government. *Economic Revival of Russia*, no 4(30), pp. 169–174. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-reformirovaniya-administrativno-territorialnogo-us>

troystva-v-ukraine-i-mestnoe-samoupravlenie/viewer, accessed 10.04.2021 (in Russian).

Kuznetsov A. (2009). Regional Economic Policy of Poland. *World Economy and International Relations*, no 11, pp. 68–77 (in Russian).

Law of Ukraine “On Local Councils of People’s Deputies and Local and Regional Self-government”, December 7, no 533-XII (1990). *The Main Legal Portal of Ukraine* Available at: [http://search.ligazakon.ua/l\\_doc2.nsf/link1/T053300.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T053300.html), accessed 11.09.2020 (in Ukrainian).

Law of Ukraine “On Voluntary Association of Territorial Communities” (2015). *The Verkhovna Rada of Ukraine*. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/157-19#Text>, accessed 20.02.2020 (in Ukrainian).

Lymar’ A., Starushenko E. (2012). Administrative Relations in the Sphere of Public Power at the Local Level in the Context of Administrative Reform in Ukraine. *Journal of Public and Municipal Administration*, no 4, pp. 144–149. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskie-otnosheniya-v-sfere-osuschestvleniya-publichnoy-vlasti-na-mestnom-urovne-v-usloviyah-administrativnoy-reformy-v-ukraine/viewer>, accessed 10.08.2021 (in Russian).

On Approval of the State Strategy for Regional Development for the Period up to 2015. Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine no 1001 of July 21, 2006 (2006). *The Main Legal Portal of Ukraine*. Available at: [http://search.ligazakon.ua/l\\_doc2.nsf/link1/KP061001.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/KP061001.html), accessed 18.03.2021 (in Ukrainian).

On Approval of the State Strategy for Regional Development for the Period up to 2020. Resolution of the Cabinet of Ministers of Ukraine no 385 of August 6, 2014 (2014). *The Verkhovna Rada of Ukraine*. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/385-2014-%D0%BF#Text>, accessed 15.08.2020 (in Ukrainian).

On Ensuring the Management of Local State Executive Power Structures. Decree of the President of Ukraine, no 430/94 of August 6 (1994). *The Verkhovna Rada of Ukraine*. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/430/94#Text>, accessed 14.07.2020 (in Ukrainian).

*On the Internal and External Situation of Ukraine in 2012: Annual Message of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine* (2012), Kiev: NISD (in Ukrainian).

Panizza U. (1998). Decentralization as a Mechanism to Prevent Secession. *Economic Notes*, vol. 27, no 2, pp. 263–267.

Problems and Prospects of Decentralization of Power in Ukraine (2015). “Nova Ukraina”. *Institute of Strategic Studies*. Available at: <http://newukraineinstitute.org/new/560>, accessed 12.03.2021 (in Russian).

Protocol on the Results of Consultations of the Trilateral Contact Group on Joint Steps Aimed at Implementing the Peace Plan of Ukrainian President Petro Poroshenko and the Initiatives of Russian President Vladimir Putin (2014). OSCE. Available at: <https://www.osce.org/ru/home/123258?download=true>, accessed 10.02.2020 (in Russian).

Reznikova O.A., Misyura A.A., Dremov S.V., Voitovsky K.E. (2016). *International Experience in the Fight against Separatism: Conclusions for Ukraine*, Kiev (in Ukrainian).

Romanova V., Umland A. (2019). Reform of Decentralization in Ukraine in 2014–2019: First Achievements and Future Challenges. *Ideology and Politics*, no 3(14), pp. 148–169. Available at: <http://ekmair.ukma.edu.ua/handle/123456789/19323>, accessed 10.08.2021 (in Russian).

Shevchuk I. (2019). Reformation of Local Self-government Bodies in Ukraine on the Basis of Decentralization. *Actual Scientific Research in the Modern World*, no 11–2(55), pp. 88–95. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_41861107\\_48012368.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_41861107_48012368.pdf), accessed 10.08.2021 (in Russian).

Slin'ko E., Kapustin V. (2020). Reform of Local Self-government in Ukraine: Interim Results of Decentralization. *Region: Systems, Economics, Management*, no 2(49), pp. 150–156. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reforma-mestno-go-samoupravleniya-na-ukraine-promezhutochnye-itogi-detsentralizatsii/viewer>, accessed 10.08.2021 (in Russian).

Tolpygo A. (1997). The Ukrainian Way. *Ukraine and Russia: Societies and States* (ed. Furman D.E.), Moscow: Prava cheloveka, pp. 149–180 (in Russian).

*Ukraine after Euromaidan. Five Years of Crisis and Hope: Workbook no 54/2019* (2019), Moscow: NP RSMD (in Russian).

Yakushik V.M. (ed.) (2019). *The Price of Reforms*, Dnipro: Serednyak T.K. (in Russian).

Yaroshenko I., Semigulina I. (2015). Problematic Issues of Implementing the Decentralization of Power Reform in Ukraine. *Problems of the Economy*, no 4, pp. 177–187. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemni-pitannya-realizatsiyi-reformi-detsentralizatsiyi-vladi-v-ukrayini/viewer>, accessed 10.08.2021 (in Ukrainian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8

# Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет

**Владимир Алексеевич АВАТКОВ**

кандидат политических наук, старший научный сотрудник,

Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики

и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН,

117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

доцент, кафедра международных отношений,

Дипломатическая академия МИД РФ, Остоженка ул., д. 53-2/1, Москва,

Российская Федерация

E-mail: v.avatkov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6345-3782

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Аватков В.А. (2021). Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 162–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8

Статья поступила в редакцию 01.08.2021.

**АННОТАЦИЯ.** В статье рассматриваются основные итоги 30-летнего независимого существования бывших советских республик в условиях современных политических реалий и складывания полицентричной системы международных отношений, в рамках которой все большее влияние на происходящие процессы начинают оказывать такие региональные государства, как Турция. По результатам проведенного анализа автор приходит к выводу, что с момента распада Советского Союза на постсоветском пространстве сложились две тенденции: интеграция и дезинтеграция. Главной задачей Турецкой Республики в рассматриваемом регионе является протурецкая интеграция ключевых тюркских государств и создание так называемого тюркского мира – новой подсистемы международных отношений под своей эгидой. Анкара преследует на постсоветском пространстве три основные цели: во-пер-

вых, подменить тюркское турецким; во-вторых, привести к власти в странах-партнерах лояльные к себе элиты; в-третьих, сконцентрировать на себе движение ресурсов в рамках идеологии «хаба». При этом во взаимодействии со странами бывшего СССР Турция прошла или проходит несколько этапов: «эпоху надежд», «эпоху поэтапности» и «эпоху туркоцентричной интеграции», которая продолжается вплоть до настоящего времени и выражается в оказании существенного влияния на интегрирующих ее акторов.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Россия, Турция, Турецкая Республика, СССР, СНГ, постсоветское пространство, Центральная Азия, «тюркский мир», «мягкая сила», интеграция.

Возникшие после развала СССР новые независимые государства прошли сложный путь определения собствен-

ной идентичности во внешней и внутренней политике. Трансформация мировой политической среды, специфика власти и геополитическое положение стран предопределили векторы их развития не только на прошедшие 30 лет, но и создали тенденции развития всего «пространства». При этом особую роль в самоопределении новых государств играют и внерегиональные (относительно пространства) акторы, которые стремятся к распространению своего влияния, в частности – Турция [Park, 2020, p. 255].

### Тенденции на постсоветском пространстве

С момента распада СССР и до сегодняшнего дня на постсоветском пространстве сложились две соседствующие тенденции – интеграция [Аватков, Иванова, 2012, с. 165] и дезинтеграция. Это позволило ряду экспертов характеризовать происходившее одновременно как «мирный развод» и как создание новых основ объединения.

При этом сам термин «пространство» продолжает вызывать серьезные дискуссии. До конца не ясно, остается ли это просто пространством или имеет тенденцию реализации в качестве «региональной подсистемы». Набор акторов, связей между ними и определенной среды имеется, однако многие связи носят конфликтный характер, напоминающий ссору поколений в одной семье. Популярная фраза «куда они денутся» длительное время была (и частично остается) доминантой в политическом дискурсе ядра интеграции – России.

Очевидно, что постсоветское – это не только пространство (или подсистема), но и определенный тип политического мышления, в рамках которого основными элементами можно на-

звать в том числе стремление к суверенитету и укреплению вертикали власти и государственности, борьбу за идентичность, формирование новых линий «свой – чужой», встраивание в сопредельные подсистемы международных отношений.

По мере отдаления от момента развала СССР государства постсоветского пространства приобретают черты, свойственные макрорегионам, в которых они находятся. Так, в странах Центральной Азии все больше проявляются признаки Востока – лидероцентризм, вождистская партийная система, клановость, неформальные политические отношения и пр.

В наиболее сложной ситуации при этом оказываются государства, расположенные на стыке сильных подсистемных ядер. Так, например, Украина «разрывается» между Россией и ЕС. На подобное положение дел постоянно оказывают влияние другие субъекты мировой политики. На Южном Кавказе такое влияние оказывает возродившийся неформальный треугольник «Россия – Турция – Иран». При этом турецкое звено имеет два измерения – сугубо туркоцентричное и проамериканское.

Для государств постсоветского пространства наиболее опасным является кризис государственности, с которым так или иначе сталкиваются все они. Система управления советского этапа еще не ушла в прошлое, а новая еще не до конца сложилась. В большинстве государств социальные лифты работают плохо, и на основе неформальных и непрозрачных связей. Системы управления на постсоветском пространстве все время сталкиваются с испытаниями протестами, переворотами и революциями, причем это может касаться даже наиболее жестких режимов. Причина кроется в том, что большая часть государств постсоветского простран-

ства не имеет опыта независимости или имеет, но в других формах, с другим составом населения, с другой территорией. Данный вопрос затрагивает даже наиболее жестко отрицающую все советское Прибалтику: так, столица Литвы Вильнюс – исторически белорусский и польский город.

Самым сложным вызовом на этом фоне для постсоветских государств является необходимость формирования собственной идентичности в новом мире [Притчин, 2021, с. 89]. Ряд из них пошел по простому пути отрицания и создания стены с прошлым, ускоренной интеграции в чужую подсистему, в частности – Прибалтика. Другие оказались на распутье, что привело к смешению героев и антигероев, путанице в сознании граждан. Наиболее ярким примером может служить Украина. Лидероцентричные режимы Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и, конечно, Туркменистана пытаются создавать собственные нарративы, зачастую претендуя на воздействие на соседей. Вопрос исторической правды для них оказывается вторичен, несмотря на попытки России защищать ее и продвигать на всем пространстве.

Постсоветская пространственная идентичность сложилась. Все – даже прибалты – чувствуют себя «пост». Однако на самом деле сегодняшний этап можно назвать уже «прощанием с постсоветским», переходом от него в новую реальность, где 1) Прибалтика находится в составе Запада; 2) Белоруссия, Казахстан и Россия формируют интеграционное пространство; 3) Азербайджан движется в сторону Турции, Грузия – в сторону НАТО. Иными словами, происходит расслоение, а зачастую и «растаскивание» постсоветского пространства.

На первых этапах развития пространства относительная стабильность при относительном подъеме была воз-

можна там, где после анархии советского развала возникали сильные лидеры с советской партийной закалкой, либо там, где происходил полный отказ от прошлого и переход в новую подсистему. Сегодня же и то и другое все больше трансформируется в стадию архаизации, однако пока что – чаще всего – не имеет исторических альтернатив.

Если же рассматривать постсоветское как политический феномен, то и он уходит в прошлое. Так, постсоветская элита уже сменилась на Украине, в Прибалтике, Грузии и Армении. В наиболее сложной ситуации окажутся те государства, которые замедляют смену власти по разным причинам, не понимая или не желая понимать, что механизмы сменяемости нуждаются в постоянной работе, в противном случае в момент реальных изменений они могут не сработать и быть сломанными, особенно при наличии «доброй» воли внешних игроков.

Интересно и самоощущение малых и средних государств постсоветского пространства, которые нередко отрицают свое прошлое, но действуют так, будто являются частью великой державы. Иными словами, великодержавность для них остается частью политического мышления, что иногда приводит к излишней агрессивности или жесткости, но не поддерживается ресурсами. При этом ощущение принадлежности к великому уходит по мере смены поколений и заменяется собственными малым государствам сконцентрированностью на себе и регионе, чувством осажденной крепости. Наиболее чреватыми кризисами можно считать ситуации совмещения двух типов политического мышления в одной управляющей среде того или иного государства.

При смене поколений и выходе из постсоветского транзита будет возникать естественная тяга к тому, чего не

вернуть. Агрессия к советскому постепенно может смениться ностальгией, что уже проявляется в появлении большого количества «советских» ресторанов в Прибалтике. Невозможность многих государств развиваться без кооперации будет толкать их к сильному соседу, что приведет к росту популярности всего русского и должно быть конвертировано в прибыль с точки зрения российских интересов.

Есть перспектива и у развития архайзации, особенно в государствах, граничащих с зонами и дугами нестабильности. Так, для Средней Азии риском является переброска дестабилизации из Афганистана и Пакистана, что особенно опасно на фоне значительного социального расслоения и роста религиозного сознания.

К слову, именно религиозное сознание и различные формы этнического национализма оказываются доминирующими социально-политическими «скрепами» в государствах постсоветского пространства. Во многом это связано с вакуумом идей [Цибенко, 2014, с. 104], во многом – с эгоцентризмом новой политической истории и правящих классов.

Очевидно, что такого рода «скрепы» имеют тенденцию к столкновению с соседними идеологемами и к конфронтации с региональной подсистемой международных отношений. Но они же и могут служить объединительным элементом, чем активно пользуются другие игроки – например, Турция.

Ощущение уязвимости, которое нарастает по мере отдаления от времен развала СССР, приводит к росту агрессивности продвижения себя – и нацелено это на самом деле не на выход вовне, а на поиск путей самосохранения. Рано или поздно, несмотря на все попытки поиска собственной идентичности в сложившейся мировой политической среде, происходящее приведет го-

сударства постсоветского пространства к естественному включению во что-то «великое». Это могут быть сложившиеся подсистемы международных отношений (например, ЕС) или искусственно формируемые («тюркский мир»); могут быть и слияния с сильными ядровыми государствами (Россия, Турция, Польша и пр.).

Маловероятно, что для своего сохранения и приумножения элитам постсоветского пространства поможет разрыв с традицией и вычеркивание советского периода истории. Создание собственной истории и мифологизация чреватые не только конфликтностью «историй», но и разочарованиями и ростом пассионарности, что на фоне исторического надлома может приводить к катастрофическим последствиям.

Усиливающийся разрыв между находящимися по разные стороны от России государствами постсоветского пространства снижает возможности интеграции между ними даже на теоретическом уровне. Единственным же объединяющим фактором может становиться Российская Федерация, причем это может быть как в позитивном, так и в негативном смысле слова. По первому сценарию идут процессы в рамках ЕАЭС, по второму – когда-то создавался ГУАМ. В любом случае Россия остается государством-предопределением [Аватков, 2019, с. 103] для постсоветского пространства.

Постсоветские элиты скопировали западные институты, но наполнили их собственным смысловым содержанием, а в контакте с внешним миром используют разные рычаги – Западу говорят о транзите от «советской империи», Китаю – об экономике, Турции – о «тюркском братстве», а России – о Великой Отечественной войне. Все это делается с одной целью – расширить количество собственных возможностей и ресурсов.

Будущее постсоветского пространства находится в руках тех, кто предлагает модели развития и понимает, что нужно работать не только с правящими элитами, но и с различными группировками, кланами и социально-классовыми субъектами. При этом будущее ядро притяжения не обязательно будет относиться с уважением к народам бывшего СССР, и советский период истории в случае реализации такого сценария развития может показаться «золотым веком», когда на местах развивалось производство и местные элиты включались в элиту всего Союза. Ядро не обязательно будет брать на себя ответственность, оно может довольствоваться извлечением ресурсов в свою пользу.

### Турция на постсоветском пространстве: главное

Распад Советского Союза в Турции был воспринят большей частью правящей элиты с энтузиазмом. Фактически это событие означало для Анкары новый внешнеполитический этап, который характеризовался активизацией ее усилий в Центральной Азии и Закавказье [Үәрісі, 2015, р. 427], которые ранее были в определенном смысле недоступны турецкой правящей элите ввиду сильных идеологических советских установок, впоследствии во многом утраченных в период так называемого парада суверенитетов.

После обретения рядом стран независимости в Турецкой Республике наступила эйфория, сопровождавшаяся стремлением к ускоренному объединению, прежде всего, с тюркскими государствами постсоветского пространства [Дружиловский, 2005, с. 58], которых из общего числа союзных республик насчитывалось целых пять. Все они на раннем этапе своего суверенного

существования нуждались в ориентире, роль которого на протяжении многих лет играла РСФСР, а после 1991 г. – преимущественно зарубежные государства, заинтересованные в формировании новых сфер влияния, и в первую очередь Турция. Более того, американцы, наряду с турецкими коллегами проявившие тогда интерес к странам бывшего СССР, но не имевшие собственных специализированных по новым государствам с преимущественно восточным типом мышления, исходили из того, что их союзнику в лице Турции будет проще разобраться в хитросплетениях местных элит. Однако на том этапе в США с наименьшей долей вероятности могли предположить, что со временем Турецкая Республика откажется от роли проводника интересов Вашингтона и постепенно станет более самостоятельным игроком, претендующим не только на региональное, но и на мировое лидерство.

Основой политики Турции в регионе бывшего Советского Союза стала интеграционная модель сотрудничества со свойственной ей турецкой спецификой, которая претерпевала процесс трансформации в разные периоды своего существования, напрямую зависящего от внешнеполитических реалий, а также внутривнутриполитического климата, господствовавшего на территориях постсоветских государств-партнеров. В связи с этим представляется целесообразным выделить три ключевых этапа взаимодействия Турции с постсоветским пространством:

- 1) 1991–2002 – «эпоха надежд»: активная работа по созданию интеграционных платформ для объединения усилий во всех сферах;
- 2) 2002–2014 – «эпоха поэтапности»: планомерная интеграция и воздействие на местную политическую элиту;

- 3) 2014 – н.в. – «эпоха туркоцентричной интеграции»: время, когда Анкара становится «хабом» (центром притяжения) и пытается заменить тюркское турецким, использовать ресурсы накопленного влияния.

При этом подходы к взаимодействию и механизмы сотрудничества Турции в постсоветском регионе различаются в зависимости от конкретной страны. Так, представляется целесообразным также классифицировать государства постсоветского пространства по степени активности влияния Анкары:

- 1) тюркские государства постсоветского пространства (Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Туркменистан, Азербайджан);
- 2) наиболее антироссийски настроенные страны – члены бывшей организации ГУАМ (Грузия и Украина);
- 3) тюркские народы, проживающие в многонациональных государствах (Россия и Молдавия);
- 4) все остальные государства постсоветского пространства.

В отношении России Турция пытается действовать наиболее аккуратно, зачастую свое влияние маскируя под работу тюркских народов бывшего СССР – например, азербайджанцев или казахов, а также представителей национальных диаспор. Вместе с тем в начале 2000-х годов тактика Турецкой Республики относительно России была несколько иной: объектом воздействия преимущественно являлись тюркоязычные субъекты государства, а основным средством оказания влияния – инструменты «мягкой силы», в частности, небезызвестная сеть «образовательных» школ «Хизмет» [Надеин-Раевский, 2016, с. 25], аффилированная с ту-

рецким имамом Ф. Гюленом и ликвидированная в ряде российских регионов в 2008 г. в результате постановления Верховного суда по обвинению в реализации экстремистской деятельности. На территории Молдавии в свою очередь турецкая политика экстраполируется на тюркское население расположенного на юге страны автономного территориального образования – Гагаузии.

Ключевым элементом взаимодействия Турции с Украиной и Грузией является интеграция, однако в отличие от тюркских регионов и ввиду отсутствия оснований для сотрудничества на базе этнического фактора, – в первую очередь экономическая. Так, например, еще в 1990-х годах грузинская Аджария, часть населения которой исповедует ислам суннитского толка, стала центром турецкого бизнеса и остается им вплоть до настоящего времени, что весьма неоднозначно воспринимается в Грузии. Отдельным направлением турецко-грузинского взаимодействия в последнее время также является реализация совместных энергетических и инфраструктурных проектов, но данный формат сотрудничества предполагает задействование в нем третьей стороны, в роли которой в большинстве случаев выступает Азербайджанская Республика. Среди наиболее важных совместных инициатив в этой сфере: железная дорога Баку – Тбилиси – Карс, Трансанатолийский трубопровод (TANAP), газопровод Баку – Тбилиси – Эрзурум, а также нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан.

История двусторонних отношений Анкары и Киева в значительной степени отличается от турецко-грузинской модели, однако при этом все же имеет схожие черты. Существенное усиление турецкого влияния на Украине наблюдается в основном с 2013 г. – времени, когда официальный Киев сменил относительно лояльный России вектор свое-

го внешнеполитического развития на – хорошо знакомый Турции – прозападный, подразумевающий в том числе курс на евроинтеграцию. В 2014 г. не менее важным фактором, придавшим двум странам дополнительный импульс к сотрудничеству, стало присоединение Крымского полуострова к России, что единогласно было названо как в Киеве, так и в Анкаре «незаконной аннексией», а тематика «нарушения прав крымско-татарского народа» стала систематически использоваться для провокационных заявлений в адрес Москвы и впоследствии приобрела статус неотъемлемой части двусторонней турецко-украинской повестки.

Кроме того, крымский кейс заложил фундамент для «взаимоукрепления» Турции и Украины в стратегически важном для обеих стран Черноморском регионе. Несмотря на то что, как и в случае с Грузией, основной акцент в такого рода сотрудничестве был сделан на экономику, турецко-украинская модель кооперации отличалась тем, что со временем приобрела оттенок военного сотрудничества [Ирхин, Москаленко, 2021, с. 103], который по мере развития двустороннего диалога становится все более отчетливым.

Так, помимо значимых инвестиций Анкара и Киев установили контакты в сфере купли-продажи военной техники, где Украина при этом получила – беспрецедентную по своей сути – второстепенную роль рынка сбыта товаров турецкого производства. Современная Украина является одним из основных покупателей турецких беспилотных летательных аппаратов *Bayraktar TB-2*, кроме того, в конце 2020 г. стало известно о том, что стороны подписали соглашение о производстве корветов и ударных беспилотников для украинской ар-

мии<sup>1</sup>, в том числе призванное усилить потенциал ВМС Украины.

Примечательно при этом, что оба государства – и Грузия, и Украина – в постсоветский период своего развития являлись членами недружественной России структуры ГУАМ, а теперь оказались вовлечены в не менее деструктивные с точки зрения интересов Москвы процессы под эгидой Турции.

Тем не менее основным направлением политической линии Турецкой Республики на постсоветском пространстве является реализация общетюркской интеграционной модели, которая осуществляется за счет создания сетевых протурецких структур, вовлечения в них заинтересованных сторон и формирования лояльных Анкаре лоббистских групп непосредственно на территориях стран-партнеров. Продвигая подобную туркоцентричную тюркскую интеграцию, Анкара предпринимает попытки реализовать ряд идей:

- во-первых, подменить тюркское турецким: именно Турция, по мнению ее руководства, является центром «тюркского мира», а следовательно, все акторы международных отношений, особенно принадлежащие к тюркскому этносу, должны следовать ее логикам, в частности, признать главенство турецкого над тюркским. Важно, что при этом властной элитой не учитывается тот факт, что в действительности турки исторически являются ассимилированными тюрками, и чем дальше от Республики, тем больше сохранилось тюркских традиций и обычаев, в том числе и благодаря совместному пути России и тюркских народов;
- во-вторых, привести к власти лояльные себе элиты через работу с

1 Турция будет производить для армии Украины корветы и ударные беспилотники (2020) // ТАСС. 14 декабря 2020 // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10254791>, дата обращения 20.07.2021.

молодежь в сферах образования, науки и бизнеса. Наиболее наглядным примером успеха такой работы является деятельность Турции в «братском» Азербайджане;

- в-третьих, повлияв на власть, вынудить ее финансировать свои проекты и концентрировать движение ресурсов на себе в рамках идеологии «хаба».

В целом современная Турция выстраивает свою внешнюю политику в рамках идеологии «мир больше пяти» членов Совета Безопасности ООН, где Анкара представляет себя в качестве мировой державы, которая ведет борьбу за права всех угнетенных народов и мир во всем мире. Турецкая Республика продвигает себя на международной арене как «хаб» или своеобразный центр притяжения, способный объединить потоки по векторам Север – Юг, Запад – Восток. При этом ключевыми идеологемами внешнеполитического курса Анкары можно назвать неосманизм, то есть доминирование на постосманском пространстве, исламизм по-турецки, предполагающий, что Турция – лидер в исламском мире, и неопантюркизм, подразумевающий объединение тюркских народов мира под эгидой Турецкой Республики, в процессе чего происходит размывание культурных кодов отдельных государств, являющихся объектами такой политики.

Сложность современного положения Турецкой Республики в системе международных отношений заключается в следующем. Во-первых, Анкара позиционирует себя мировой державой, но не обладает достаточным количеством ресурсов, по причине чего и нуждается именно в идеологии «хаба», основное положение которой заключается в том числе в активном использовании ресурсов других. Во-вторых, Тур-

ция вынуждена маневрировать между различными антагонистическими системными «дугами», а именно – между Россией и США, пытаясь продемонстрировать Западу, что подрывает влияние Москвы на постсоветском пространстве, а Москве – что приобретает больше независимых черт и стремится к полной самостоятельности на внешнеполитической арене.

На фоне такого маневрирования Анкара пытается реализовать стратегию расширения собственного влияния, что наиболее успешно удается в отношениях с Азербайджаном, выстроенных по принципу «одна нация – два государства». Ярче всего это было видно на примере обострения конфликта вокруг Нагорного Карабаха в 2020–2021 гг., по итогам которого стороны подписали Шушинскую декларацию о союзе Турции и Азербайджана, а турецкой стороной также было заявлено о возможном создании военной базы на азербайджанской территории.

Принимая во внимание тот факт, что Анкара и Баку уже в достаточной степени тесным образом взаимодействуют в военной области (проводят совместные военные учения, заключают контракты о поставках в Азербайджан турецкой наступательной и оборонительной техники), нельзя исключить, что в среднесрочной перспективе такого рода сотрудничество перерастет в полноформатный военный альянс, который сформирует на пространстве бывшего СССР угрожающий в первую очередь национальной безопасности России тюркский филиал НАТО, де-юре подконтрольный Турции, но де-факто управляемый западными модераторами.

В том числе по этой причине идеологема неопантюркизма по-прежнему остается ключевой на постсоветском направлении внешней политики Турции. Особое внимание в рамках

ее реализации Турция уделяет и формированию подконтрольного будущего, инвестируя в «гуманитарную плоскость», а именно в культуру, образование и религию – причем как через государственные, так и частные структуры. Так, на пространстве центральноазиатских тюркских республик действует целый ряд программ, организаций, институтов и других инициатив Турции – фонды им. Ю. Эмре<sup>2</sup>, стипендии и обменные программы им. Мевляны, международные организации, такие, как *TÜRKSOY* и *TİKA*, Тюркская академия наук и другие. В жизни мусульман постсоветского пространства все большую роль начинает играть Управление по делам религий Турции («Диянет»), которое проводит обучение духовенства, развивает мусульманские проекты и занимается восстановлением культовых сооружений [Соловьев, Чуфрин, 2020, с. 187]. Так, например после победы азербайджанской армии в ходе военных действий в Нагорном Карабахе осенью 2020 г., которую Турция считает и своей собственной, глава «Диянета» в одном из заявлений выразил желание оказать Баку содействие в воссоздании и ремонте мечетей, «жестоко разрушенных армянами»<sup>3</sup>.

Следует отметить, что Турция проводит активную политику по формированию тюркоцентричных интеграционных платформ, которые, как уже отмечалось, охватывают частные, государственные и межгосударственные структуры и по сфере своей деятельности подразделяются на:

– *культурно-образовательные*: Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (*TİKA*), Международная

организация тюркской культуры (*TÜRKSOY*), фонды им. Юнуса Эмре, школы Ф. Гюлена и пр.;

– *политико-экономические*: Союз муниципалитетов тюркского мира (*Türk Dünyası Belediyeler Birliği, TDBB*), Парламентская ассамблея тюркоязычных стран (*Türk Dili Konuşan Ülkeler Parlamenter Asamblesi, TÜRKPA*), Совет сотрудничества тюркских государств (*Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konsiyi*), Фонд сотрудничества, братства и дружбы тюркских государств и сообществ (*Türk Devlet ve Toplulukları Dostluk, Kardeşlik ve İşbirliği Vakfı, TÜDEV*).

Многие из вышеперечисленных структур появились практически сразу после распада Советского Союза с целью заполнить собой образовавшийся на его обломках вакуум, в том числе и в идейном смысле. Тем не менее некоторые из организаций появились гораздо позже, что, однако, не повлияло на качество и результат прodelьваемой ими работы. Так, например, Тюркский совет – в настоящее время один из ключевых тюркоцентричных проектов Турецкой Республики на постсоветском пространстве – был создан в 2009 г. и представляет международную организацию для поддержания мира и безопасности в регионе.

Азербайджан, Казахстан, Киргизия и «системообразующая» Турция являются государствами – участниками Совета, а в октябре 2019 г. к числу полноправных членов организации присоединился и Узбекистан. При этом одним из успехов турецкой модели интеграции является тот факт, что Турции

2 Институт им. Юнуса Эмре // <https://moskova.yee.org.tr/ru/content/institut-im-yunusa-emre>, дата обращения 21.07.2021.

3 Türkiye Diyanet Vakfının gönderdiği 6 tır insani yardım Azerbaycan'a ulaştı (2020) // Türkiye Diyanet Vakfı, December 11, 2020 // <https://tdv.org.tr-TR/turkiye-diyamet-vakfının-gonderdiği-6-tir-insani-yardim-azerbaycana-ulaştı/>, дата обращения 04.07.2021 (на турецком).

удается вовлекать в возглавляемые ею проекты даже наиболее обособленные от внешнего мира государства. К примеру, последнее время активно обсуждается включение в организацию Туркменистана – в достаточной степени отстраненной от любых форм интеграции и внешнеполитических контактов страны.

За год до создания Тюркского совета в 2008 г. в Стамбуле между Азербайджаном, Турцией, Казахстаном и Киргизией было подписано соглашение о создании не менее важной структуры – Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (*TÜRKPA*). Ее целью является формирование механизма межпарламентских отношений между тюркскими странами, пропаганда «тюркской культуры», а также расширение экономических связей и реализация совместных проектов.

Значимым элементом влияния Турции также является Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию. Это государственная структура, которая осуществляет свою деятельность с 1992 г. и реализует проекты в сфере образования, здравоохранения, туризма, а также отвечает за организацию Турцией помощи развивающимся странам с акцентом на тюркские страны и сообщества.

В сфере культуры турецкие проекты продвигает ТЮРКСОЙ – Организация по культуре и искусству тюркоязычных стран. ТЮРКСОЙ была создана в 1993 г. по инициативе Турции. В нее входят Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Туркменистан, Узбекистан и Турция. Важным является тот факт, что на протяжении долгого времени в качестве наблюдателей сотрудничали с организацией и субъекты Российской Федерации – Алтай, Башкортостан,

Хакасия, Саха (Якутия), Тыва, а также Татарстан. Однако после кризиса 2015 г. в отношениях между Москвой и Анкарой контакты были существенно сокращены, а с некоторыми субъектами, в частности с Республикой Татарстан, перешли преимущественно в плоскость двустороннего взаимодействия без опоры на вспомогательные интеграционные механизмы.

В 2010 г. в Казахстане во Дворце Мира и Согласия открылась Тюркская академия наук. В открытии академии участвовали президент Республики Казахстан Н. Назарбаев и президент Турции А. Гюль, а также ученые Казахстана, Турции, США, Узбекистана, Киргизии и Украины. В 2014 г. Тюркская академия наук получила международный статус, и, как следствие, был создан одноименный международный научный центр Международная тюркская академия наук, цель которого – «координирование и содействие научным исследованиям об истории тюрков, начиная с древних веков и до современности, исследование общего “тюркского мира” на основе открытия источников и выявления роли и места тюркских государств в мире»<sup>4</sup>. В ее состав входят Центр тюркской истории и культуры, Центр изучения тюркского языка, Тюркская библиотека и Тюркский музей.

Центры и фонды им. Ю. Эмре начали формироваться в 2007 г. по инициативе президента Турецкой Республики А. Гюля. Сегодня эти структуры тесно сотрудничают с Министерством культуры и туризма Турции, а также с Турецким агентством сотрудничества и развития (*TİKA*) и Международной организацией тюркской культуры *TÜRKSOY*. В культурных центрах проводятся различные мероприятия, которые формируют позитивный имидж

4 Об Академии // TWESCO // <http://twesco.org/ru/академия-туралы/>, дата обращения 21.07.2021.

Турции за рубежом<sup>5</sup>. Подобные центры действуют по всему постсоветскому пространству, включая Российскую Федерацию, – в Москве.

Отдельного внимания заслуживает экономическая политика Турции, в случае с государствами постсоветского пространства в большей степени основанная на продвижении турецких товаров и услуг. Следует отметить традиционно активное участие Турции в лице ее подрядных компаний в строительном секторе, а также поставки в регион продовольствия. Кроме того, особого внимания заслуживает и расширение поставок продукции турецкого оборонно-промышленного комплекса, совершившего ряд прорывов, в том числе в области беспилотных летательных аппаратов, которые пользуются особой популярностью в Азербайджане и с недавнего времени – на Украине.

Среди тюркских стран СНГ наибольший объем экспорта продукции из Турции приходится на Азербайджан (36,05%), второе место среди тюркских стран постсоветского пространства закрепил за собой Туркменистан (25,58%), третье и четвертое места с примерно равным совокупным объемом занимают Казахстан (15,84%) и Узбекистан (15,15%) [Turkey Exports by Country and Region].

Что касается основных статей турецкого экспорта, то Турция экспортирует в Азербайджан железо, сталь, строительные материалы, электротовары, автомобили и военную технику. В Казахстане турецкие предприниматели работают в таких областях, как пищевая, лекарственно-химическая промышленность, строительство, гостиничный менеджмент и производство [Relations between Turkey and Kazakh-

stan]. В Киргизии турецкие компании в основном задействованы в сфере строительства, телекоммуникаций, а также текстильной промышленности [Вартазарова, Кобринская, Уткин, 2019, с. 39]. Турецкие компании в Туркменистане в свою очередь наиболее активно работают в области строительства, текстильной промышленности и туристическом секторе [Relations between Turkey and Turkmenistan].

Отдельного внимания заслуживает и факт продвижения Турции в языковой политике. В конце XX в. не удалось создать единый турецкий язык для тюркских народов во многом потому, что последние использовали кириллицу. На сегодняшний день ситуация изменилась с переходом Азербайджана, Туркменистана и Узбекистана, а теперь и Казахстана на латиницу. Все это с наибольшей долей вероятности позволит в скором времени возобновить дискуссии о едином языковом пространстве, особенно с учетом активного создания совместных СМИ, продвигающих идеологию туркоцентричного «тюркского мира». При этом важно, что подобные проекты перестали инициироваться исключительно Турцией, которая при этом остается наиболее заинтересованной в их реализации стороной.

К примеру, в конце мая 2021 г. стало известно о запуске интернет-телевидения «тюркского мира» *MEDIA-TURK TV*, учредителями которого являются депутат Национального собрания Азербайджана и несколько азербайджанских журналистов. По словам создателей проекта, зона его вещания охватит Азербайджан, Турцию, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизию и – что более важно – «всю территорию компактного проживания тюр-

5 Институт им. Юнуса Эмре // <https://moskova.yee.org.tr/ru/content/institut-im-yunusa-emre>, дата обращения 21.07.2021.

рок<sup>6</sup>». О том, что именно подразумевается под такого рода обширным определением, как и о смысловом наполнении новоиспеченного СМИ в целом, разработчики не сообщают, однако, учитывая имеющиеся на постсоветском пространстве тенденции, можно предположить, что *MEDIATURK TV* станет очередным рупором турецких идеологов и интересов за рубежом, а в орбиту его влияния будут вовлекаться и тюркоязычные народы России, рассматриваемые не только Турцией, но и дружественным Азербайджаном как неотъемлемая часть новой подсистемы международных отношений – масштабного интеграционного проекта под емким названием «тюркский мир».

\*\*\*

Таким образом, постсоветское пространство находится на перепутье между исключительно историческим территориальным явлением и региональной подсистемой. С учетом описанных тенденций развития государств бывшего СССР наиболее вероятным сценарием можно считать дальнейшую фрагментацию подсистемных элементов при активном воздействии на них внешних акторов, в частности – Турции, которая добилась существенных успехов за 30 лет и имеет большие перспективы влияния на будущую элиту указанных стран. Для предотвращения подобных процессов Российской Федерации, в том числе и как государству со значимой долей тюркоязычного населения, необходимо в противовес Анкаре формировать контргтенденции и задавать собственные тренды в целях дальнейшего возвращения утерянных в начале 1990-х годов позиций в тюркских государствах постсоветского пространства.

## Список литературы

Аватков В.А. (2019). Государство-предопределение: государство мира или войны? // *Право и политика*. № 5. С. 103–110. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.5.29601

Аватков В.А., Иванова Н.А. (2012). Коммуникативная интеграция в СНГ // *Международные процессы*. Т. 10. № 29. С. 165–168 // [https://www.elibrary.ru/download/elibrary\\_18060818\\_15760629.pdf](https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18060818_15760629.pdf), дата обращения 15.07.2021.

Вартазарова Л.С., Кобринская И.Я., Уткин С.В. (ред.) (2019). *Современная Турция: тренды развития и значение для России*. М.: ИМЭМО РАН.

Дружиловский С.Б. (2005). Турция: привычка управлять // *Россия в глобальной политике*. № 6. С. 48–61 // <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-privychka-upravlyat/>, дата обращения 15.07.2021.

Ирхин А.А., Москаленко О.А. (2021). «Мир больше пяти». Становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. Т. 21. № 1. С. 91–107. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Надеин-Раевский В.А. (2016). Идейная борьба и «новая Турция» // *Вестник МГИМО-Университета*. № 2(47). С. 22–31. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31

Притчин С. А. (2021). Узбекистан и Казахстан: особенности транзита власти // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 2. С. 89–99. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-89-99

Соловьев Э.Г., Чуфрин Г.И. (ред.) (2020). *Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды*

6 Начало работу совместное интернет-телевидение тюркского мира (2021) // Союз журналистов России. 29 мая 2021 // <https://ruj.ru/news/monitoring-media/nachalo-rabotu-sovmestnoe-internet-televidenie-tyurkskogo-mira-15322>, дата обращения 15.07.2021.

и старые проблемы. Коллективная монография. М.: ИМЭМО РАН.

Цибенко В.В. (2014). Основные особенности деятельности последователей Саида Нурси Нурджулар // Сектоведение. № 4. С. 102–111 // <http://unrel.org/files/2019/09/102-111-%D0%A6%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf>, дата обращения 15.07.2021.

Park B. (2020). Turkey's New (De)Security Policy: Axis Shift, Gaullism, or Learning Process? // Providing for National Security (eds. Dorman A.M., Kaufman J.P.), Redwood City: Stanford University Press, pp. 254–270.

Relations between Turkey and Kazakhstan // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-kazakhstan.en.mfa>, дата обращения 15.07.2021.

Relations between Turkey and Turkmenistan // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs // <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa>, дата обращения 15.07.2021.

Turkey Exports by Country and Region // World Integrated Trade Solution // <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/2018/TradeFlow/Export>, дата обращения 21.07.2021.

Yapıcı U. (2015). Türkiye'nin Güney Kafkasya Politikası (1989–1993): Batı'nın Belirleyiciliği // Alternatif Politika, no 3, pp. 425–456 // <https://www.alternatifpolitika.com/makale/turkiye-nin-guney-kafkasya-politikasi-1989-1993-bati-nin-belirleyiciligi>, дата обращения 15.07.2021 (на турецком).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8

# The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years

**Vladimir A. AVATKOV**

PhD in Politics, Senior Researcher, Center for Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations  
of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow,  
Russian Federation

Associate Professor, Department of International Relations

Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Ostojenka St., 53-2-1, Moscow,  
Russian Federation

E-mail: v.avatkov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6345-3782

**CITATION:** Avatkov V.A. (2021). The Post-Soviet Space and Turkey: The Results of 30 Years. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 162–176 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-8

Received: 01.08.2021.

**ABSTRACT.** *The article scrutinizes the main results of the 30-year independent existence of the former Soviet republics under the conditions of modern political realities and the formation of a polycentric system of international relations, where regional states such as Turkey begin to exert an increasing influence on the ongoing processes. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that since the collapse of the Soviet Union, two trends have developed in the post-Soviet space: integration and disintegration. The main task of the Republic of Turkey in the post-Soviet region is to set the pro-Turkish model of integration of key Turkic states and to create the so-called “Turkic world” – a new subsystem of international relations under its auspices. In order to implement these plans, Ankara pursues three main goals in the post-Soviet space: to replace the “Turkic” with the “Turkish”; secondly, to bring loyal elites to power in the partner countries; and to concentrate the movement of resources within the framework of the “hub” ideology.*

*Meanwhile, during its interaction with the former USSR countries Turkey has passed or is still passing through several stages: the “era of hope”, the “step-by-step era” and the “era of Turkish-centric integration”, which continues up to the present time and is expressed in exerting a significant influence on the Turkic actors.*

**KEYWORDS:** *Russia, Turkey, Republic of Turkey, USSR, CIS, post-Soviet space, Central Asia, “Turkic world”, “soft power”, integration.*

## References

Avatkov V.A. (2019). State-predestination: A State of Peace or War? *Law and Politics*, no 5, pp. 103–110 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2019.5.29601

Avatkov V.A., Ivanova N.A. (2012). Communicative Integration in the CIS. *International Trends*, vol. 10, no 29, pp. 165–168. Available at: <https://www.elibrary.ru/>

download/elibrary\_18060818\_15760629.pdf, accessed 15.07.2021 (in Russian).

Cibenko V.V. (2014). The Main Features of the Leaders of the Followers of Said Nursi Nurjular. *Sectology*, no 4, pp. 102–111. Available at: <http://unrel.org/files/2019/09/102-111-%D0%A6%D0%B8%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

Druzhilovskij S.B. (2005). Turkey: The Habit of Managing. *Russia in Global Affairs*, no 6, pp. 48–61. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/turcziya-privyckha-upravlyat/>, accessed 15.07.2021 (in Russian).

Irkhin A.A., Moskalenko O.A. (2021). “The World is More than Five”. The Formation of Turkey as a Global Actor of World Politics: Prospects and Challenges for Russia. *Vestnik RUDN. Series: International Relation*, vol. 21, no 1, pp. 91–107 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-91-107

Nadein-Raevskij V.A. (2016). Ideological Struggle and the “New Turkey”. *MGIMO Review of International Relations*, no 2(47), pp. 22–31 (in Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31

Park B. (2020). Turkey’s New (De)Security Policy: Axis Shift, Gaullism, or Learning Process? *Providing for National Security* (eds. Dorman A.M., Kaufman J.P.), Redwood City: Stanford University Press, pp. 254–270.

Pritchichin S. (2021). Uzbekistan and Kazakhstan: Features of the Transit of

Power. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 65, no 2, pp. 89–99 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-2-89-99

Relations between Turkey and Kazakhstan. *Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs*. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-kazakhstan.en.mfa>, accessed 15.07.2021.

Relations between Turkey and Turkmenistan. *Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs*. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa>, accessed 15.07.2021.

Solov'ev E.G., Chufrin G.I. (eds.) (2020). *Political Processes in the post-Soviet Space: New Trends and Old Problems*, Moscow: IMEMO RAS (in Russian).

Turkey Exports by Country and Region. *World Integrated Trade Solution*. Available at: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/TUR/Year/2018/TradeFlow/Export>, accessed 21.07.2021.

Vartazarova L.S., Kobrinskaya I.Ya., Utkin S.V. (eds.) (2019). *Modern Turkey: Development Trends and Significance for Russia*, Moscow: IMEMO RAS (in Russian).

Yapıcı U. (2015). Türkiye'nin Güney Kafkasya Politikası (1989–1993): Batı'nın Belirleyiciliği. *Alternatif Politika*, no 3, pp. 425–456. Available at: <https://www.alternatifpolitika.com/makale/turkiye-nin-guney-kafkasya-politikasi-1989-1993-bati-nin-belirleyiciligi>, accessed 15.07.2021 (in Turkish).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-9

# Каспийский вектор транспортно-логистической политики ЕАЭС

## Интигам Байрам оглы МАМЕДОВ

кандидат политических наук, доцент, кафедра международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991,

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: mamedov@polit.msu.ru

ORCID: 0000-0003-0962-8948

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Мамедов И.Б. оглы (2021). Каспийский вектор транспортно-логистической политики ЕАЭС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 177–192. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-9

Статья поступила в редакцию 03.03.2021.

**ФИНАНСИРОВАНИЕ:** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта №20-011-32108\20. Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

**АННОТАЦИЯ.** *Одной из целей Евразийского экономического союза является формирование единых рынков товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Ключевой аспект реализации заявленной цели – развитие транспортно-логистического потенциала ЕАЭС. Формирование единого транспортно-пространства, обеспечение беспрепятственного движения грузов и пассажиропотока требуют расширения участия ЕАЭС в ключевых международных логистических проектах, а также достижения согласованной транспортной политики государств-членов. Цель настоящей статьи – определить возможности и ограничения развития взаимодействия ЕАЭС с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном в транспортно-логистической сфере. В статье проводится анализ основ-*

*ных направлений и задач транспортной политики ЕАЭС, оценивается динамика основных показателей транспортной деятельности Союза. Автором рассмотрены ключевые для ЕАЭС международные транспортные проекты. Выделены логистические программы и коридоры, маршруты которых проходят через территории Азербайджана, Ирана и Туркменистана: международный транспортный коридор «Север – Юг», проект сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути, а также программы Центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества и проект по организации коридора «Европа – Кавказ – Азия». Изучен транзитный потенциал Каспийского региона в целом и территорий представленных стран в частности. Проведен анализ ретроспекти-*

*вы отношений ЕАЭС с этими странами. Основным результатом исследования является описание перспективных направлений взаимодействия, отдельных проектов и форматов сотрудничества в транспортно-логистической сфере между ЕАЭС и странами южного Каспия. Автор приходит к выводу о необходимости реабилитации и реактуализации идеи «Большого евразийского партнерства» в свете выявленных ограничений для полноценной интеграции южнокаспийских стран в ЕАЭС.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** *Евразийский экономический союз, Каспийский регион, единое транспортное пространство ЕАЭС, Большое евразийское партнерство, Азербайджан, Иран, Туркменистан.*

В настоящее время проблематика интеграционных объединений активно изучается в рамках междисциплинарного подхода в России и за рубежом. Исследования, посвященные Евразийскому экономическому союзу и, в частности, его транспортно-логистической политике, не являются здесь исключением. Однако ряд аспектов данного вопроса остается недостаточно освещенным. В их числе изучение потенциала, проблем и перспектив взаимодействия ЕАЭС с прикаспийскими странами.

Под прикаспийскими странами в настоящей работе понимаются государства, имеющие выход к Каспийскому морю, – Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия и Туркменистан. Учитывая, что Казахстан и Россия являются членами ЕАЭС, основной фокус исследования охватывает транспортно-логистическое измерение отношений ЕАЭС с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном.

## Основы транспортной политики ЕАЭС

Развитие экономик государств – членов ЕАЭС предполагает создание единого экономического пространства для обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Одним из ключевых факторов, влияющих на достижение этих «четырех свобод», является развитие транспортно-логистических систем ЕАЭС. Расширение участия государств – членов Евразийского союза в международных транспортных проектах способствует интеграции ЕАЭС в мировую транспортную систему.

Формирование единого транспортного пространства и создание рынка транспортных услуг входят в число приоритетов скоординированной транспортной политики ЕАЭС. В Евразийской экономической комиссии единое транспортное пространство видится в устранении барьеров и ограничений для перемещения грузов, пассажиров, а также в совместимости транспортных систем стран – участниц Союза. Это позволит в полной мере реализовать имеющийся у ЕАЭС транзитный потенциал. Ожидается, что развитие сети транспортных коридоров и создание логистических центров повысят конкурентоспособность продукции государств-членов и будут способствовать освоению новых рынков сбыта продукции<sup>1</sup>. В свою очередь, расширение сети экономических контактов, повышение узнаваемости продукции государств – членов ЕАЭС способствует развитию механизмов, повышающих инвестиционную привлекательность самих государств.

Показатели транспортной деятельности ЕАЭС за 2014–2019 гг. имеют

1 См. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 28 от 16 октября 2015 г. «Об Основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза».

стабильную положительную динамику. Так, объем перевозок грузов по ЕАЭС всеми видами транспорта (кроме трубопроводного) увеличился за отчетный период на 5,6%, грузооборот – на 11,5%, объем перевозок пассажиров – на 6,1%, а пассажирооборот – на 16,4% (см. табл.). Представители Евразийской

комиссии отмечают снижение транспортной составляющей в конечной цене перевозимого товара [Асаул, Мохов, 2018].

Согласно ст. 86 Договора о Евразийском экономическом союзе приоритетами «скоординированной (согласованной) транспортной политики»

**Таблица.** Показатели транспортной деятельности ЕАЭС 2014–2019 гг.

**Table.** Indicators of EAEU transport activity in 2014–2019

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
<b>Перевозки грузов</b> (без трубопроводного, млн т)	10 826,9	10 699,7	10 764,3	11 020,8	11 308,5	11 440,8
<b>Грузооборот</b> (без трубопроводного, млрд тонно-километры)	3170,9	3163,6	3183,0	3387,1	3530,9	3536,9
<b>Объем перевозок пассажиров</b> (млн человек)	36 219,5	36 599,7	36 900,0	37 285,8	37 331,9	38 458,0
<b>Пассажирооборот</b> (млрд пассажиро-километров)	780,7	758,9	766,0	815,4	858,0	908,9

**Источник:** Евразийский экономический союз. Цифры и факты. Энергетика и инфраструктура (2020) // Евразийская экономическая комиссия // [http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264\\_ЕЭК\\_ЦИФ%20-%202020\\_энергетикаИинфраструктура.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264_ЕЭК_ЦИФ%20-%202020_энергетикаИинфраструктура.pdf), дата обращения 25.11.2020.

**Source:** Eurasian Economic Union. Figures and Facts. Energy and Infrastructure (2020). *Eurasian Economic Commission*. Available at: [http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264\\_YeEK\\_TsIF%20-%202020\\_energetikalinfrastruktura.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264_YeEK_TsIF%20-%202020_energetikalinfrastruktura.pdf), accessed 25.11.2020.

ЕАЭС являются среди прочего «создание и развитие евразийских транспортных коридоров, реализация и развитие транзитного потенциала»<sup>2</sup>.

Во исполнение данного положения 26 декабря 2016 г. были утверждены «Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов ЕАЭС». Согласно данному документу увеличивающийся объем производства товаров тре-

бует «опережающего развития транспортных услуг»<sup>3</sup>. Согласованная транспортная политика предусматривает «интеграцию транспортных систем государств-членов в мировую транспортную систему», «реализацию географических преимуществ Союза при осуществлении транзитных транспортно-экономических связей между Европой и Азией», «увеличение объемов и расширение географии экспорта транспортных услуг»<sup>4</sup>.

2 Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019) // КонсультантПлюс // [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_163855/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/), дата обращения 25.11.2020.

3 См. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 19 от 26 декабря 2016 г. «Об Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза».

4 Там же.

В 2017 г. был принят план мероприятий («дорожная карта») на 2018–2020 гг. по реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств ЕАЭС<sup>5</sup>. Координацию исполнения «дорожной карты» и реализации плана мероприятий осуществлял созданный в 2018 г. Совет руководителей уполномоченных органов в области транспорта государств – членов ЕАЭС<sup>6</sup>. Основные успехи, достигнутые в процессе формирования единой транспортной политики, относятся к организации перевозок железнодорожным и автомобильным транспортом. Прежде всего, речь о тарифном регулировании внутренних перевозок, экспорта и импорта продукции, установлении пограничного контроля автоперевозок на внешних границах ЕАЭС, создании Объединенной транспортно-логистической компании для управления железнодорожными маршрутами, а также реализации мероприятий программы поэтапной либерализации каботажных автоперевозок в ЕАЭС на 2016–2025 гг. [Рожко, Хоменко, 2018]. В настоящее время идет подготовка «дорожной карты» на 2021–2023 гг.

Стоит признать, что с геополитической точки зрения транспортная политика ЕАЭС должна ориентироваться не только на интеграцию в мировую транспортную систему, но еще и на предотвращение возможной транспортно-логистической изоляции России (как и любого из участников Союза) и/или снижение ее участия в строительстве крупных международных магистралей и трубопроводов. В этом контексте крайне важно создание транспортных коммуникаций и сотрудни-

ческих связей внутри ЕАЭС как задача минимум и дальнейшее присоединение к проектам перспективных партнеров, которыми являются, в том числе, прикаспийские государства.

### Каспийский регион в системе ключевых для ЕАЭС транспортных коридоров

Значимость сотрудничества ЕАЭС с государствами Каспийского региона объясняется совокупностью факторов. Во-первых, Каспийский регион включает в себя после распада Советского Союза пять государств: Иран, Россию, Казахстан, Туркменистан и Азербайджан, два из которых (Россия и Казахстан) являются членами ЕАЭС. В этом контексте стремление усилить сотрудничество ЕАЭС и прикаспийских стран может рассматриваться как попытка укрепления связей между партнерами России с учетом ее национальных интересов. Во-вторых, Каспийский регион с прилегающими странами является крайне значимым для России пространством с точки зрения национальной безопасности. Между его представителями имеются серьезные противоречия не только экономического характера (спорные месторождения, порядок и способы транспортировки углеводородов), но и военно-политического (нагорно-карабахская проблема) и религиозного (суннитско-шиитские противоречия). Вместе с тем соседство Каспийского региона со странами Ближнего и Среднего Востока, непосредственная близость к территориям, охваченным вооруженными кон-

5 См. Решение Евразийского межправительственного совета № 3 от 25 октября 2017 г. «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2018–2020 годы».

6 См. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 13 от 14.05.2018 «О Совете руководителей уполномоченных органов в области транспорта государств – членов Евразийского экономического союза».

фликтами, ставит перед Россией задачу устранения или минимизации противоречий для укрепления внутрикаспийского сотрудничества по различным направлениям. Другими словами, развитие связей между ЕАЭС и государствами – представителями Каспийского региона способно содействовать укреплению связей внутри самого Каспийского региона. В-третьих, непостоянным партнером России, который время от времени становится ее оппонентом в вопросах транспортно-логистического характера, является Турция, предпринимающая попытки по выстраиванию собственных проектов взаимодействия с отдельными странами Каспийского региона (в первую очередь с Азербайджаном) в противовес существующим в рамках каспийского сотрудничества. Как следствие, вовлечение всех государств Каспийского региона в реализацию соглашений и перспективных договоров сотрудничества с ЕАЭС способно создать альтернативу турецкой внешней политике, которая в последние годы все чаще демонстрирует жесткость и стремление к наращиванию влияния на Ближнем и Среднем Востоке и в Центральной Азии.

Важно отметить, что реализация трансконтинентального транзитного потенциала ЕАЭС возможна только при подключении Союза к основным международным транспортным коридорам (МТК) и создании соответствующей транспортной инфраструктуры. Ключевыми транспортно-логистическими проектами, маршруты которых проходят по территории государств – членов ЕАЭС или сопряжены с ними, являются МТК «Восток – Запад», МТК «Север – Юг», Транссибирская магистраль, международный автомобильный коридор «Европа – Западный Китай» (запуск ожидается в 2024 г.), Транскаспийский международный транспортный маршрут, транспортный коридор «Европа –

Кавказ – Азия» (ТРАСЕКА), Северный морской коридор, а также проект сопряжения ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП).

Ряд представленных проектов проходит и по территориям прикаспийских стран. Транзитный потенциал Каспийского региона, а также устоявшиеся межгосударственные отношения и общие транспортно-логистические и нефтегазовые проекты прибрежных стран актуализируют вопрос о поиске устойчивых форматов взаимодействия ЕАЭС с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном. Использование транзитного потенциала территорий стран южной части Каспия обеспечит выход ЕАЭС на рынки других стран – прежде всего, Турции и стран Балканского полуострова, а также Индии и Пакистана. Наиболее перспективными логистическими направлениями в этом случае являются МТК «Север – Юг», проект сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, а также использование инфраструктуры программы ТРАСЕКА и транспортного кластера программы Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС).

Азербайджан и Иран являются участниками программы ТРАСЕКА, реализующей МТК «Европа – Кавказ – Азия». Основная идея этого проекта – соединить «Восточную Европу с Центральной Азией через Черное море, Кавказ и Каспийское море» [Аналитический доклад «Анализ существующих международных транспортных коридоров...», 2019]. Полный запуск коридора ожидается к 2026 г. после исполнения положений Стратегии межправительственной комиссии ТРАСЕКА на 2016–2026 гг. Туркменистан не является партнером данной программы, однако принимает активное участие в развитии ее отдельных логистических кластеров. Ярким примером этого служит участие страны в мероприятиях

регионального проекта *LOGMOS* (Логистические процессы и морские магистрали), основная цель которого видится в обеспечении непрерывности коридора ТРАСЕКА. Сопряжение логистического контура и кластеров ТРАСЕКА с проектами ЕАЭС представляется значимым для России, поскольку проект ТРАСЕКА, участниками которого являются все Каспийские государства, кроме России, рассматривается как способ создать транспортные магистрали в обход России. Однако использование уже созданных коммуникаций ТРАСЕКА для проектов ЕАЭС позволит и самому региональному объединению, и российской стороне извлечь максимальную выгоду. Учитывая износ транспортной инфраструктуры, созданной в советский период, необходимо в среднесрочной перспективе разработать проект меморандума между ЕАЭС и ТРАСЕКА.

В 2018 г. было анонсировано создание МТК «Каспийское море – Черное море» (КМЧМ), который пройдет по маршруту Туркменистан – Азербайджан – Грузия – Румыния. Проект активно продвигается именно туркменской стороной отдельно от программы ТРАСЕКА. Между тем с идеей соединить Черное море и Каспий неоднократно выступал Н. Назарбаев. Так, в 2018 г. на заседании Высшего Евразийского совета, еще будучи президентом Казахстана, Н. Назарбаев предложил построить судоходный канал «Евразия», который соединит два моря. Следует отметить, что в текущей версии проект КМЧМ является еще одной (как, например, ТРАСЕКА) попыткой Европейского союза ослабить влияние России в регионе и выстроить независимую транспортную инфраструктуру. В этом отношении географическое положение Туркменистана и Азербайджана подходит для таких целей. Подобным же образом еще с 1998 г. Агент-

ством по развитию и торговле США и корпорацией *Shell* стимулировалось развитие транскаспийского газопровода из Туркменистана в Азербайджан с возможностью дальнейшей транспортировки газа в Турцию и Европейский союз.

Туркменистан и Азербайджан являются участниками программы ЦАРЭС, созданной в 1997 г. с целью интенсификации взаимодействия государств Закавказья, Центральной и Южной Азии. Из шести транспортных коридоров ЦАРЭС Азербайджан участвует в одном маршруте («Средиземноморье – Восточная Азия»), а Туркменистан помимо данного маршрута еще в двух («Российская Федерация – Ближний Восток и Южная Азия», «Европа – Ближний Восток и Южная Азия»). При этом в долгосрочной стратегии «ЦАРЭС-2030» предусмотрено инвестирование в развитие транскаспийского мультимодального коридора, маршрут которого проходит через Китай, Казахстан, Каспийское море, Азербайджан, Грузию, Турцию и страны Европы [Доклад «ЦАРЭС 2030...», 2017]. В целом логика ЦАРЭС остается той же, что и у вышерассмотренных проектов, однако сфер для потенциального взаимодействия участников программы гораздо больше. Помимо транспортного кластера ЦАРЭС охватывает сотрудничество в энергетической и экологической областях, а также вопросы развития гражданского общества. Примечательно, что включение России в программу ЦАРЭС взаимовыгодно: например, это придаст новый стимул МТК «Север – Юг», Россия получит доступ к инфраструктурным проектам программы. Однако в этом вопросе более важен аспект политический, а именно – финансирование мероприятий ЦАРЭС Азиатским банком развития, в котором Россия не участвует, или последовательное игнорирова-

ние России и ее национальных интересов при реализации проектов у ее границ. В связи с этим включение России в ЦАРЭС или сопряжение транспортной инфраструктуры программы с ЕАЭС целесообразно лишь при закреплении за Россией возможности контроля и реального влияния на инфраструктурную политику.

Перспективы взаимодействия ЕАЭС с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном в транспортно-логистической сфере обусловлены также проходящим по их территориям МТК «Север – Юг». Данный коридор имеет несколько маршрутных линий на юге. Так, его транскаспийская ветвь проходит через территорию Исламской Республики Иран, западная связывает Россию с Азербайджаном и Ираном железнодорожным сообщением, а восточная линия проходит через Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Иран. Ключевыми для развития коридора проектами стали создание транспортного коридора «Узбекистан – Туркменистан – Иран – Оман», а также строительство железнодорожных маршрутов, соединяющих Иран, Казахстан и Туркменистан, с одной стороны, и Иран, и Азербайджан по линии «Астара – Решт – Казвин» [Каратаева, 2016, с. 227] – с другой. Кроме реализации данных проектов на развитие МТК «Север – Юг» и его эффективность влияет ряд факторов: это и разница в ширине колеи между железными дорогами участвующих государств, необходимость увеличивать портовые мощности, строить автомобильные (в перспективе – маршрут Грузия – Армения – Иран) и железнодорожные пути (например, завершение строительства маршрута Астара –

Решт), а также оптимизация транзитных тарифов, ускорение таможенных процедур, либерализация каботажных автомобильных перевозок и цифровизация транспортных систем.

В декабре 2020 г. Высший Евразийский экономический совет утвердил Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. К мерам и механизмам реализации стратегических направлений отнесены создание и развитие транспортной инфраструктуры в направлениях «Восток – Запад» и «Север – Юг», в том числе в рамках сопряжения с китайской инициативой «Один пояс – один путь»<sup>7</sup>.

Одним из главных аспектов вопроса сопряжения является определение маршрутной карты проекта. Так, ветки транзитного маршрута могут проходить как по северному пути через Россию, так и через Центральную Азию и Закавказье по линии Китай – Казахстан – Азербайджан – Грузия. Проект «Один пояс – один путь», представляющий собой объединение инициатив ЭПШП и Морского Шёлкового пути XXI в. (МШП), предусматривает, помимо прочего, создание смешанного континентально-морского маршрута, проходящего через территорию Каспийского моря [Капицын, 2016]. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП обеспечит позиционирование Союза «как одного из центров формирования контура Большого евразийского партнерства»<sup>8</sup>. Кроме того, это повысит целесообразность создания зон свободной торговли с Израилем и Египтом, а также проведение переговоров о создании ЗСТ с Индией<sup>9</sup>. Для России, вне зависимости от того, по какому из возможных маршру-

7 См. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11 декабря 2020 года «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». П. 7.4.1.

8 Там же. П. 11.8.1.

9 Там же. Пп. 11.3.1-11.3.2.

тов пройдет сопряжение, этот проект будет и экономически, и геополитически выгоден. Однако в качестве потенциальной угрозы здесь следует рассматривать возможные попытки перевести формат самого проекта сопряжения ЭПШП с ЕАЭС на двусторонние и многосторонние соглашения со странами региона, то есть возможное исключение из договорной цепи России и/или ЕАЭС как единого актора.

Безусловно, имеющийся транзитный потенциал ЕАЭС необходимо реализовывать в тесном взаимодействии с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном, так как эти страны включены в приведенные выше транспортные коридоры и логистические программы. Особый интерес вызывают альтернативные проекты построения коридора по линии Каспийское море – Черное море и формирования транскаспийского мультимодального коридора. Подобные инициативы говорят о серьезных перспективах и неиспользованном потенциале, который может быть раскрыт посредством углубления сотрудничества ЕАЭС с граничащими странами. В то же время для развития взаимовыгодного сотрудничества между ЕАЭС и «южнокаспийской тройкой» не меньшее значение, чем ресурсы и транзитный потенциал, имеет наличие опыта отношений в рамках нового формата.

### **Анализ отношений ЕАЭС с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном**

Двусторонние и многосторонние отношения государств – членов ЕАЭС с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном охватывают сферы взаимной торговли, транспортной и ресурсной политики, сохранения окружающей среды, взаимодействия в природо-

охранной деятельности, а также вопросы определения политико-правового статуса Каспия и организации борьбы с терроризмом и браконьерством.

Между тем глобальные задачи, такие как создание единого транспортного пространства ЕАЭС или развитие его транзитного потенциала, требуют решения в рамках отношений самого Союза с представленными странами. Для определения перспектив развития транспортно-логистического сотрудничества ЕАЭС с ними целесообразно проанализировать опыт взаимодействия сторон, определить текущее состояние, интересы и сферы такого взаимодействия, а также существующие или находящиеся в стадии предложений инфраструктурные проекты.

В 2019 г. заместитель директора Департамента торговой политики ЕЭК Станислав Георгиевский назвал основные направления работы Комиссии в Каспийском регионе. К таковым им были отнесены: ослабление ограничений и барьеров для развития внутренней торговли в прикаспийских странах, подписание временного соглашения о создании зоны свободной торговли с Ираном, развитие МТК «Север – Юг», а также формирование системы договоров о создании «зеленых коридоров» при прохождении государственных границ. Рассмотрим основные этапы отношений Союза с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном.

Отношения ЕАЭС с Ираном отличаются высоким уровнем заинтересованности. Главными основаниями взаимовыгодного сотрудничества ЕАЭС и Ирана являются, с одной стороны, возможность выхода Союза через Исламскую Республику к экономическим рынкам стран Персидского залива, а с другой – расширение транспортных сетей до Индии посредством развития МТК «Север – Юг». Отношения Ирана с Евразийской экономической комиссией

начали развиваться практически с момента вступления в силу договора о ЕАЭС.

Так, в 2015 г. прошла официальная встреча председателя Коллегии ЕЭК В. Христенко и посла Ирана М. Санаи, в рамках которой стороны обсудили перспективные форматы торгово-экономического сотрудничества. В конце 2016 г. на высоком уровне были обсуждены актуальные вопросы о создании зоны свободной торговли ЕАЭС и Исламской Республики. Уже в 2017 г. в рамках встречи профильных министров стороны выразили готовность упростить процедуру пересечения границы для стимулирования регионального транзита и развития транспортных проектов.

17 мая 2018 г. в рамках Астанинского экономического форума между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран было подписано временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли (ЗСТ)<sup>10</sup>. На ближайшие три года участники соглашения договорились о снижении импортных таможенных пошлин по некоторым видам товаров и создании условий для перехода к полноформатной ЗСТ [Обзор ключевых положений Временного соглашения].

В 2019 г. Деловым советом Евразийского экономического союза и Иранской палатой по торговле, промышленности, горному делу и сельскому хозяйству был учрежден «Бизнес-диалог ЕАЭС – Иран». Не являясь юридическим лицом, эта форма организации была определена как «постоянно действующий координационно-совещательный

орган деловых кругов государств – членов ЕАЭС и ИРИ»<sup>11</sup>. В настоящее время из тройки прикаспийских государств именно Иран представляется наиболее надежным партнером ЕАЭС.

Президент Ирана Х. Роухани особое внимание уделяет развитию отношений Исламской Республики с ЕАЭС. Так, выступая в рамках заседания Высшего Евразийского экономического совета в 2019 г. в Ереване, Х. Роухани обратил внимание на наличие в стране необходимой для транзита транспортной инфраструктуры и предложил создать рабочую группу между Ираном и странами ЕАЭС. Меньше чем через год прошло первое заседание Совместного комитета ЕАЭС и Ирана, в повестке которого стояли вопросы исполнения положений временного соглашения и интенсификации усилий по развитию взаимной торговли. Заинтересованность ИРИ в ЕАЭС заключается и в том, что в настоящее время существует единство военно-политических и социально-экономических угроз для Ирана, России и большей части государств – членов ЕАЭС. Кроме того, Иран является «долгожителем» в числе стран, ставших мишенью американской и европейской санкционной политики, поэтому демонстрирует умение использовать перспективные формы международного сотрудничества с государствами, имеющими альтернативную точку зрения. Наконец, ЕАЭС считает себя потенциальным партнером Китая и Индии, которые являются одними из главных реципиентов угледородного сырья Ирана и значимыми для него государствами.

10 Interim Agreement Leading to Formation of a Free Trade Area between the Eurasian Economic Union and Its Member States, and the Islamic Republic of Iran (2018) // Eurasian Economic Commission // [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl\\_torg/Documents/Interim%20Agreement%20EAEU-Iran\\_final.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Interim%20Agreement%20EAEU-Iran_final.pdf), дата обращения 12.01.2021.

11 Меморандум о сотрудничестве между Деловым советом Евразийского экономического союза и Иранской палатой по торговле, промышленности, горному делу и сельскому хозяйству (подписан в Бишкеке 25.09.2019) (2019) // Евразийская экономическая комиссия // [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl\\_torg/Documents/Иран/Меморандум%20рус.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Иран/Меморандум%20рус.pdf), дата обращения 12.01.2021.

Отношения ЕАЭС и Туркменистана в области реализации перспективных транспортных проектов на евразийском пространстве остаются относительно слабо развитыми. При этом страна поддерживает на высоком уровне торговые отношения с государствами – членами ЕАЭС, прежде всего, с Россией и Казахстаном. Активное участие Туркменистан принимает в диалоге по вопросам «каспийской повестки», а также в сфере транспортировки углеводородов, увеличении портовых мощностей и, как следствие, объемов взаимной торговли.

Президент Туркменистана Г. Бердымухамедов заинтересован также в сопряжении центральноазиатской электроэнергетической системы, что является для ЕАЭС весьма позитивным фактором при формировании общего электроэнергетического рынка Союза. В целом Туркменистан установил двусторонние и многосторонние межгосударственные отношения как приемлемый и комфортный формат взаимодействия. Государство воздерживается от участия в любых интеграционных проектах по причине провозглашенной политики нейтралитета [Шамгунов, 2015; Мирзаханов, Тюльпаков, 2018]. Так, например, Туркменистан не участвовал в подписании Соглашений о создании зоны свободной торговли СНГ в 1994 г., а затем и в 2011 г. Официальные лица страны неоднократно подчеркивали, что Туркменистан не рассматривает вопрос вступления в ЕАЭС.

В отличие от Туркменистана Азербайджан не выступает с категоричной риторикой и не исключает саму возможность присоединения к Евразийскому союзу. Главным ограничением для вступления страны в ЕАЭС был неурегулированный нагорно-карабахский конфликт и отсутствие отношений с Арменией, которая является членом Союза и, что немаловажно, членом

ОДКБ. Между тем сам вопрос вступления Азербайджана в ЕАЭС (и в Евразийское экономическое сообщество до 2014 г.) неоднократно рассматривался в экспертном сообществе [Bayramov, 2013; Godjaev, 2018]. В 2020 г. очередная фаза конфликта в Нагорном Карабахе привела к межгосударственному соглашению и установлению мира. Вероятность гармонизации отношений Азербайджана и Армении невелика, однако это в корне меняет подход к вопросу о политических аспектах отношений Азербайджана с ЕАЭС.

Государство тесно взаимодействует с Россией и Казахстаном. Азербайджано-российский товарооборот сравним с суммарными показателями товарооборота России с Грузией и Арменией. Азербайджан способствует развитию взаимовыгодных с ЕАЭС транспортных маршрутов, выполняет обязательства по развитию МТК «Север – Юг». Азербайджанский бизнес активно участвует в обеспечении автомобильного маршрута Западный Китай – Западный Казахстан, инвестирует в нефтяной сектор Казахстана [Караваяев, Притчин, 2019, с. 177]. Казахстан, Россия и Азербайджан имеют также опыт эффективного взаимодействия в вопросах ведения совместных нефтегазовых проектов, транспортировки углеводородов, природоохранной деятельности. Следует отметить, что до подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. межгосударственное сотрудничество в северной части Каспия было наиболее стабильно, а отношения государств регулировались отдельными соглашениями.

\*\*\*

Разветвленная сеть транспортных маршрутов, развитие транспортной инфраструктуры позволяют снизить стоимость и повысить скорость перевозок, увеличить пропускную способ-

ность и доступность транспортных услуг, улучшить инвестиционный потенциал [Аналитический доклад «Мониторинг реализации...», 2020]. Как было представлено выше, у ЕАЭС имеются существенные транзитные возможности и перспективы выхода на новые рынки. Для этого необходимо осуществить поставленные задачи по формированию единого транспортного пространства ЕАЭС, а также по развитию ключевых для ЕАЭС международных транспортно-логистических программ и коридоров.

Вышеприведенный анализ транспортно-логистических проектов показал, что существенно ослабить транспортно-логистические возможности государств – членов ЕАЭС способны транспортные проекты, проходящие по маршруту Туркменистан – Азербайджан – Турция/ЕС. В этом плане каспийское направление представляется наиболее перспективным не только по причине географического расположения Азербайджана, Ирана или Туркменистана и проходящих по их территориям маршрутов, но и ввиду имеющегося опыта отношений с этими государствами у стран – участников Союза.

Наиболее активным в построении отдельной линии отношений с ЕАЭС представляется Иран [Vakhshiteh, 2020]. Азербайджан и Туркменистан воспринимают Союз не только как механизм экономической интеграции, но как проект геополитический. В этом случае Азербайджан стоит на позициях «геополитической плюрализации», а Туркменистан с авторитарным персоналистским политическим режимом скрывает за политикой нейтралитета истинные причины своего обособления [Нурша, 2017; Valiyev, 2017, p. 136]. Как следствие, страны выбирают двусторонние отношения. Перспективным (и в то же время весьма затруднитель-

ным) для развития отношения Союза с ними видится создание отдельных форумов высокого представительского уровня в рамках организации по примеру «Бизнес-диалога ЕАЭС – Иран».

В целом очевидная необходимость наращивания взаимодействия с Азербайджаном, Ираном и Туркменистаном, вовлечение их в крупные торгово-экономические и транспортно-логистические проекты ЕАЭС и в то же время невозможность и несостоятельность по ряду причин их включения в Союз актуализируют вопрос о создании Большого евразийского партнерства [Караваяев, Притчин, 2019, с. 176]. Действительно, новых заявок на присоединение к ЕАЭС не поступает, а бездумное расширение государств-членов нецелесообразно. Сегодня развивать двусторонние отношения со странами – участницами ЕАЭС означает иметь дело с сопряженными экономиками, а в перспективе и с едиными рынками. Включение и сопряжение евразийских государств в общие с ЕАЭС проекты, а также согласованная стратегия взаимодействия в различных сферах не требуют формата полноценной интеграции. Реализация озвученной В. Путиным концепции «Большого евразийского партнерства» требует формирования единой евразийской транспортной системы и создания зон свободной торговли с государствами, не являющимися членами ЕАЭС [Караваяев, 2017].

## Список литературы

Алексеев Е.С. (2017). ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов // Перспективы развития проекта ЕАЭС к 2025 году. Рабочая тетрадь. Спецвыпуск. М.: РСМД. С. 6–37.

Аналитический доклад «Анализ существующих международных транс-

портных коридоров, проходящих через территории государств-членов» (2019) // Евразийская экономическая комиссия // <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/transport/Documents/Приложение%205%20%20доклад%20по%20коридорам.pdf>, дата обращения 01.12.2020.

Аналитический доклад «Мониторинг реализации в государствах-членах перечня совместных проектов государств-членов в сфере транспорта и инфраструктуры» (2020) // Евразийская экономическая комиссия // <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/transport/SiteAssets/ДТИ%20Инфраструктура/Приложение%203%20-%20Аналитический%20доклад%20итог.pdf>, дата обращения 29.01.2021.

Асаул М.А., Мохов А.Е. (2018). Формирование единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг в ЕАЭС // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. № 2(75). С. 6–9 // <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinogo-transportnogo-prostranstva-i-obschego-rynka-transportnyh-uslug-v-eaes>, дата обращения 24.01.2021.

Доклад «ЦАРЭС 2030. Соединяя регион для совместного и устойчивого развития» (2017) // Азиатский банк развития // <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/388801/cares-2030-ru.pdf>, дата обращения 17.12.2020.

Евразийский экономический союз. Цифры и факты. Энергетика и инфраструктура (2020) // Евразийская экономическая комиссия // [http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264\\_ЕЭК\\_ЦИФ%20-%202020\\_энергетикаИинфраструктура.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264_ЕЭК_ЦИФ%20-%202020_энергетикаИинфраструктура.pdf), дата обращения 25.11.2020.

Капицын В.М. (2016). Безопасность и интеграция: потенциал государств Шелкового пути // NovaInfo.ru.

№ 50–2. С. 380–387 // <http://novainfo.ru/article/7678>, дата обращения 17.12.2020.

Караваев А. (2017). Азербайджан – ЕАЭС: соседи, партнеры или друзья? // Наследие. № 4(88). С. 50–56 // <https://irs-az.com/new/files/2017/203/2590.pdf>, дата обращения 04.02.2021.

Караваев А., Притчин С. (2019). По сути, а не по форме. Азербайджан и Узбекистан как пример нового формата интеграции // Россия в глобальной политике. Т. 17. № 2. С. 175–185 // <https://globalaffairs.ru/articles/po-suti-a-ne-po-forme/>, дата обращения 10.08.2021.

Каратаева К.Е. (2016). Подходы основных участников к развитию евразийской системы транспортных коридоров // Проблемы национальной стратегии. № 4. С. 218–237 // <https://riss.ru/documents/555/ede78bacd7b4467fbec4bdc6460aaa6b.pdf>, дата обращения 10.08.2021.

Мирзаханов В.С., Тюльпаков М.В. (2018). Доктрина позитивного нейтралитета и внешнеполитические приоритеты постсоветской Туркмении // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. № 3. С. 19–28 // <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pozitivnogo-neytraliteta-i-vneshnepoliticheskie-prioritety-postsovetskoj-turkmenii/viewer>, дата обращения 10.08.2021.

Нурша А. (2017). ЕАЭС и его постсоветское окружение: к дискуссии о формате сотрудничества в условиях замедления процесса расширения ЕАЭС // Российский совет по международным делам. 20 октября 2017 // <https://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/eaes-i-ego-postsovetskoe-okruzhenie-k-diskussii-o-formate-sotrudniches/>, дата обращения 29.01.2021.

Обзор ключевых положений Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли меж-

ду Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Исламской Республикой Иран, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия // [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl\\_torg/Documents/Иран/Брошюра\\_Временное%20Соглашение%20С%20Ираном.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Иран/Брошюра_Временное%20Соглашение%20С%20Ираном.pdf), дата обращения 12.01.2021.

Рожко О.Н., Хоменко В.В. (2018). Рейтинговая оценка логистического потенциала территорий в стратегии формирования транспортно-логистической инфраструктуры ЕАЭС // Проблемы современной экономики. № 2(66). С. 160–165 // <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingovaya-otsenka-logisticheskogo-potentsiala-territoriy-v-strategii-formirovaniya-transportno-logisticheskoy-infrastruktury/viewer>, дата обращения 10.08.2021.

Тураева М.О. (2014). Транспортная инфраструктура стран Центральной Азии в условиях современной регионализации. М.: Институт экономики РАН.

Шамгунов Р.Г. (2015). Политика нейтралитета Туркменистана: причины выбора // Клио. № 3. С. 148–154 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_23212667\\_96320626.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_23212667_96320626.pdf), дата обращения 10.08.2021.

Bayramov V. (2013). Considering Accession to the Eurasian Economic Union: For Azerbaijan, Disadvantages Outweigh Advantages // *Caucasus Analytical Digest*, no 51–52, pp. 14–16 // <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CAD-51-52-14-16.pdf>, дата обращения 10.08.2021.

Godjaev G. (2018). Azerbaijan In EAEU: Is It Possible? // *Eurasia Review*, February 18, 2018 // <https://www.eurasiaireview.com/18022018-azerbaijan-in-eaeu-is-it-possible-oped/>, дата обращения 29.01.2021.

Vakhshiteh A. (2020). Eurasian Economic Union and Iran: From Negotiation Process to the Operation of the Free Trade Zone // *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union* (ed. Lagutina M.), pp. 273–288.

Valiyev A. (2017). Azerbaijan's Foreign Policy: What Role for the West in the South Caucasus? // *Eastern Voices: Europe's East Faces an Unsettled West* (eds. Hamilton D.S., Meister S.), pp. 133–149 // <https://archive.transatlanticrelations.org/wp-content/uploads/2017/10/ch08.Valiyev.pdf>, дата обращения 29.01.2021.

Vinokurov E. (2018). *Introduction to the Eurasian Economic Union*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-9

# Caspian Vector of the EAEU Transport and Logistics Policy

**Intigam B. MAMEDOV**

PhD in Politics, Associate Professor, Department of International Relations and Integration Processes, Faculty of Political Science  
Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskij Av., 27-4, Moscow, Russian Federation  
E-mail: mamedov@polit.msu.ru  
ORCID: 0000-0003-0962-8948

**CITATION:** Mamedov I.B. (2021). Caspian Vector of the EAEU Transport and Logistics Policy. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 177–192 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-9

Received: 03.03.2021.

**ACKNOWLEDGEMENT:** The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project №20-011-32108\20. This research was performed according to the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the world Cultural and Historical Heritage”.

**ABSTRACT.** *One of the goals of the Eurasian Economic Union is the formation of single markets for goods, services, capital and labor resources. A key aspect for the realization of the stated goal is the development of the EAEU transport and logistics potential. The formation of a single transport space, ensuring the free movement of goods and passenger traffic require an expansion of the EAEU participation in main international logistics projects, as well as the achievement of an agreed transport policy of member states. The purpose of this article is to determine the possibilities and limitations of interactions between the EAEU and Azerbaijan, Iran and Turkmenistan in the transport and logistics sphere. The article analyses the main directions and objectives of the EAEU transport policy, assesses the dynamics of the main indicators of the Union's transport activities. The author considered key international transport projects*

*for the EAEU. Logistics programs and corridors that pass through the territories of Azerbaijan, Iran and Turkmenistan are highlighted: the North-South international transport corridor, the EAEU and the Silk Road Economic Belt interface project, as well as the Central Asian regional economic cooperation programs and the Europe-Caucasus-Asia corridor project. The transit potential of the Caspian region in general and the territories of the represented countries in particular was studied. Analysis of the retrospective of relations of the EAEU with these countries is presented. The main result of the study is a description of promising areas of cooperation, individual projects and formats of cooperation in the transport and logistics sphere between the EAEU and the countries of the southern Caspian Sea. The author concludes that it is necessary to rehabilitate and reactualize the idea of the “Great Eurasian Partnership” in*

*the light of the identified restrictions for the full integration of South Caspian countries into the EAEU.*

**KEYWORDS:** *Eurasian Economic Union, Caspian region, single transport space of EAEU, Great Eurasian Partnership, Azerbaijan, Iran, Turkmenistan.*

## References

- Alekseenkova E.S. (2017). EAEU by 2025: Priorities and Expectations of Member States. *Prospects for the Development of the EAEU Project by 2025*, Moscow: The Russian International Affairs Council, pp. 6–37 (in Russian).
- Analytical Report “Analysis of Existing International Transport Corridors Passing through the Territories of Member States” (2019). *Eurasian Economic Commission*. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/transport/Documents/Приложение%20%20%20доклад%20по%20коридорам.pdf>, accessed 01.12.2020 (in Russian).
- Analytical Report “Monitoring of Realization in Member States of the List of Joint Projects of Member States in the Sphere of Transport and Infrastructure” (2020). *Eurasian Economic Commission*. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/transport/SiteAssets/ДТИ%20Инфраструктура/Приложение%203%20%20аналитический%20доклад%20итог.pdf>, accessed 29.01.2021 (in Russian).
- Asaul M.A., Mokhov A.E. (2018). Formation of a Single Transport Space and Common Market of Transport Services in the EAEU. *Transport of the Russian Federation*, no 2(75), pp. 6–9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-edinogo-transportnogo-prostranstva-i-obshchego-rynka-transportnyh-uslug-v-eaes>, accessed 24.01.2021 (in Russian).
- Bayramov V. (2013). Considering Accession to the Eurasian Economic Union: For Azerbaijan, Disadvantages Outweigh Advantages. *Caucasus Analytical Digest*, no 51–52, pp. 14–16. Available at: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CAD-51-52-14-16.pdf>, accessed 10.08.2021.
- Eurasian Economic Union. Figures and Facts. Energy and Infrastructure (2020). *Eurasian Economic Commission*. Available at: [http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264\\_ЕЭК\\_ЦИФ%20-%202020\\_энергетикаИинфраструктура.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/3264_ЕЭК_ЦИФ%20-%202020_энергетикаИинфраструктура.pdf), accessed 25.11.2020 (in Russian).
- Godjaev G. (2018). Azerbaijan in EAEU: Is It Possible? *Eurasia Review*, February 18, 2018. Available at: <https://www.eurasiareview.com/18022018-azerbaijan-in-eaeu-is-it-possible-oped/>, accessed 29.01.2021.
- Kapitsyn V.M. (2016). Security and Integration: The Potential of the Silk Road States. *Novainfo.ru*, no 50-2, pp. 380–387. Available at: <http://novainfo.ru/article/7678>, accessed 17.12.2020 (in Russian).
- Karavaev A. (2017). Azerbaijan – EAEU: Neighbors, Partners or Friends? *Heritage*, no 4(88), pp. 50–56. Available at: <https://irs-az.com/new/files/2017/203/2590.pdf>, accessed 04.02.2021 (in Russian).
- Karavaev A., Pritchins S. (2019). In Fact, not in Form. Azerbaijan and Uzbekistan as an Example of a New Integration Format. *Russia in Global Affairs*, vol. 17, no 2, pp. 175–185. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/po-suti-a-ne-po-forme/>, accessed 10.08.2021 (in Russian).
- Karataeva K.E. (2016). Approaches of the Main Participants to the Development of the Eurasian System of Transport Corridors. *Problems of the National Strategy*, no 4, pp. 218–237. Available at: <https://riss.ru/documents/555/ede78bacd7b-4467fbec4bdc6460aaa6b.pdf>, accessed 10.08.2021 (in Russian).
- Mirzekhanov V.S., Tyul'pakov M.V. (2018). Doctrine of Positive Neutrality

and Foreign Policy Priorities of Post-Soviet Turkmenistan. *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature*, no 3, pp. 19–28. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-pozitivnogo-neytraliteta-i-vneshnepoliticheskie-prioritety-postsovetskoy-turkmenii/viewer>, accessed 10.08.2021 (in Russian).

Nursha A. (2017). EAEU and Its Post-Soviet Environment: to the Discussion on the Format of Cooperation in the Conditions of Slowing Down the EAEU Expansion Process. *The Russian International Affairs Council*, October 20, 2017. Available at: <https://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/eaes-i-ego-postsovetskoe-okruzhenie-k-diskussii-o-formate-sotrudnichesko/>, accessed 29.01.2021 (in Russian).

Report “CAREC 2030. Connecting the Region for Shared and Sustainable Development” (2017). *The Asian Development Bank*. Available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/388801/caec-2030-ru.pdf>, accessed 17.12.2020 (in Russian).

Review of Key Provisions of the Interim Agreement Leading to the Establishment of a Free Trade Area between the Eurasian Economic Union and Its Member States on the One Hand and the Islamic Republic of Iran on the Other. *Eurasian Economic Commission*. Available at: [http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl\\_torg/Documents/Иран/Брошюра\\_Временное%20Соглашение%20С%20Ираном.pdf](http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Иран/Брошюра_Временное%20Соглашение%20С%20Ираном.pdf), accessed 12.01.2021 (in Russian).

Rozhko O.N., Khomenko V.V. (2018). Rating Assessment of the Logistics Poten-

tial of the Territories in the Strategy for Formation of EAEU Transport and Logistics Infrastructure. *Problems of the Modern Economy*, no 2(66), pp. 160–165. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rejtingovaya-otsenka-logisticheskogo-potentsiala-territoriy-v-strategii-formirovaniya-transportno-logisticheskoy-infrastruktury/viewer>, accessed 10.08.2021 (in Russian).

Shamgunov R.G. (2015). Turkmenistan’s Neutrality Policy: Reasons for Choice. *Klio*, no 3, pp. 148–154. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_23212667\\_96320626.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_23212667_96320626.pdf), accessed 10.08.2021 (in Russian).

Turaeva M.O. (2014). *Transport Infrastructure of Central Asian Countries in the Context of Modern Regionalization*, Moscow: Institut ekonomiki RAN (in Russian).

Vakhshiteh A. (2020). Eurasian Economic Union and Iran: From Negotiation Process to the Operation of the Free Trade Zone. *Regional Integration and Future Cooperation Initiatives in the Eurasian Economic Union* (ed. Lagutina M.), pp. 273–288.

Valiyev A. (2017). Azerbaijan’s Foreign Policy: What Role for the West in the South Caucasus? *Eastern Voices: Europe’s East Faces an Unsettled West* (eds. Hamilton D.S., Meister S.), pp. 133–149. Available at: [https://archive.transatlanticrelations.org/wp-content/uploads/2017/10/ch08\\_Valiyev.pdf](https://archive.transatlanticrelations.org/wp-content/uploads/2017/10/ch08_Valiyev.pdf), accessed 29.01.2021.

Vinokurov E. (2018). *Introduction to the Eurasian Economic Union*, Basingstoke: Palgrave Macmillan.

## Сфера науки и высшего образования

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

# RAND смотрит на Москву: военно-стратегические возможности России на постсоветском пространстве в оценках американских экспертов

**Алексей Алексеевич КРИВОПАЛОВ**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр постсоветских исследований

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, 117997, Профсоюзная ул., д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Кривопалов А.А. (2021). RAND смотрит на Москву: военно-стратегические возможности России на постсоветском пространстве в оценках американских экспертов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 193–211. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

Статья поступила в редакцию 25.04.2021.

**АННОТАЦИЯ.** В статье рассматриваются аналитические доклады RAND Corporation за 2015–2020 гг., посвященные России, ее Вооруженным силам и политике Москвы на постсоветском пространстве. Автор исходит из предположения, что по сравнению с Российской экспертной сообществом США оказывает на внешнеполитический курс своей страны более значительное влияние. Связь между экспертной проработкой решения и его последующим политическим исполнением исторически является в США более тесной. Публикации RAND позволяют оценить ту роль, которую в общем ряду приоритетов американской национальной безопасности играют Россия и постсовет-

ское пространство. Понимает ли Вашингтон внутренние мотивы российских действий на международной арене? Как США оценивают военные возможности России? Наконец, насколько далеко может простираться их готовность искать компромисс с внешнеполитическими устремлениями Москвы? Аналитические доклады RAND Corporation способны пролить свет на то, как именно политические круги США представляют себе перспективы российско-американского соперничества.

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** Россия, США, постсоветское пространство, стратегия, внешняя политика, Украина, RAND Corporation.

Широкая самостоятельность ключевых властных институтов остается характерной особенностью высшего государственного управления в США. Бюрократическая основа американской государственной машины, тщательно отрегулированная за два столетия посредством «сдержек и противовесов», все еще выглядит вполне дееспособной, хотя четырехлетнее пребывание Дональда Трампа на посту президента Соединенных Штатов, возможно, и станет началом ее популистского перерождения [Кузнецов, 2020]. В результате непрерывного взаимодействия институтов на свет появляются множественные компромиссы, последовательность которых в конечном итоге определяет магистральный политический курс сильнейшей державы планеты.

В американском алгоритме подготовки стратегических решений влиятельные аналитические центры, именующиеся «фабриками мысли» или *think tanks*, воплощают принципы тесной гражданско-военной синергии. Среди прочих можно выделить такие структуры, как Фонд Карнеги, Институт Брукингса, Фонд «Наследие», Гуверовский институт и знаменитую *RAND Corporation*. Основанная в 1948 г. *RAND* за годы «холодной войны» превратилась в одну из ведущих «фабрик мысли» США. Ее специализацией стала тема национальной обороны.

Крупнейшие американские аналитические центры тесно связаны одновременно и с университетами, и с высшими политическими кругами. В то же время они пользуются относительной административной автономией и самостоятельно распоряжаются значительными материальными средствами. Американское научно-экспертное сообщество обнаруживает некоторые черты замкнутой экологической системы. Научная работа в университете, го-

сударственная служба, экспертно-аналитическая деятельность на «фабрике мысли» и судьба профессионального партийного политика не образуют в США изолированных карьерных лестниц, лишенных горизонтального общения. Если военная служба в силу демократических традиций страны действительно во многом остается корпоративно обособленной, иные сферы деятельности циклически перетекают друг в друга. Работа в экспертном центре часто совмещается с преподаванием в университете. Университеты и «фабрики мысли» играют роль кадрового резерва для государственной службы. Руководители правительственных ведомств после выхода в отставку возвращаются в университеты либо берут на себя экспертное сопровождение работы своих преемников. Таким образом, аналитические центры фактически замыкают траекторию той орбиты, по которой вращается американская публичная политика.

Несмотря на очевидное снижение совокупной военно-экономической мощи Российской Федерации, по сравнению с Советским Союзом она воплощает серьезный вызов американским интересам в Центральной Азии и Восточной Европе. В связи с этим часть недавно опубликованных аналитических докладов *RAND* оказалась посвящена всестороннему рассмотрению той группы стратегических проблем, которые Москва, при всем ее, как полагают в США, исторически неизбежном упадке, по-прежнему создает Соединенным Штатам. Их содержание достойно того, чтобы ознакомить с ними российского читателя более подробно. Комплексное рассмотрение аналитической продукции *RAND* во многом объясняет то, как именно США видят российскую политику на постсоветском пространстве, и позволяет сделать достаточно неожиданные выводы в отношении перспек-

тив российско-американского взаимодействия на международной арене.

### Упрощенное видение СССР в оценках экспертов RAND Corporation

В годы «холодной войны» СССР и Советская армия неизменно находились в центре внимания американских экспертов. Основные интеллектуальные усилия научного коллектива RAND были обращены на прогнозирование, анализ и нейтрализацию тех стратегических угроз, что генерировались Москвой<sup>1</sup>.

Сегодня многочисленные аналитические материалы RAND Corporation, подготовленные во времена «холодной войны», находятся в общедоступном электронном архиве на официальном сайте корпорации. Поскольку экспертные оценки в той или иной степени влияли на политику Вашингтона, их ретроспективное изучение позволяет реконструировать особенности стратегического мышления США. Как выглядели в понимании американских ученых основные направления советского военного строительства? До каких пределов народнохозяйственный комплекс СССР был способен выдерживать навязанные ему темпы гонки вооружений? Что подтачивало советскую военную мощь? Где обнаруживались точки ее интенсивного качественного роста? Кроме того, американцев, воспитанных в традиции невмешательства военных в политику, неизменно интересовала советская практика взаимоотношений между высшим командованием вооруженных сил и партийно-поли-

тическим руководством. Наконец, аналитики RAND искали ответ на вопрос о скрытых мотивах советской внешней политики и о соотношении в ней идеологической догматики и прагматизма. Не установив этого, нельзя было сформулировать и адекватную стратегию сдерживания СССР в пределах его восточноевропейской сферы влияния.

Специфика взаимоотношений RAND с правительственными структурами и высшими военными кругами обусловила достаточно необычную форму презентации достигнутых результатов. Основным отчетным продуктом корпорации стал так называемый аналитический доклад. В зависимости от строгости изложения материала он мог именоваться *Research Report*, *Report*, *Paper* либо *Working Paper*. Общепринятые в университетах жанры научной книги и академической статьи не получили в RAND широкого распространения. Полноценные монографические работы корпорация издавала сравнительно редко<sup>2</sup>.

Аналитические доклады, как правило, готовились на основании контракта с военным ведомством. Заказчиком могли быть министерство обороны, командования видов вооруженных сил, а также их высшие штабы. Часть докладов корпорация публиковала в инициативном порядке и финансировала их из собственных фондов. В отдельную группу можно выделить работы, которые готовились совместно с университетами. Обычно они именовались *Occasional Papers*<sup>3</sup>.

Материал, который в итоге ожидали получить военные и гражданские руководители Пентагона, должен был соответствовать определенным критериям.

1 См.: [Wolfe, 1972; Marshall, 1972; Lambeth, 1975; Lambeth, 1976; Gelman, 1982; Gustafson, 1983; Sadykiewicz, 1987; Alexiev, 1988].

2 См., например, работу, впоследствии опубликованную отдельным изданием: [Goldhamer, 1975].

3 См., например, исследование, подготовленное RAND Corporation совместно с Калифорнийским университетом в Лос-Анджелесе: [Adomeit, 1986].

Во-первых, служить введением в тему для неспециалиста, что предполагало широкое освещение рассматриваемого сюжета. Во-вторых, доклад следовало выполнять по возможности сжатым и, в-третьих, он должен был содержать практические рекомендации. Фронтальный охват заданной темы отличал аналитический доклад от академической статьи. В то же время глубина ее проработки не соответствовала требованиям диссертации или научной монографии. Правительственный заказчик, естественно, не мог годами финансировать изыскания кабинетных ученых. Чаще всего ему требовался быстрый результат, пригодный к практическому применению. В итоге конвейерный метод создания аналитических материалов оказывался несовместим с вдумчивым изучением социально-политического антипода Америки.

Погрязнув в рутине многолетней и во многом механической экспертной работы, аналитики *RAND* наряду с подавляющим большинством так называемых советологов до последнего как будто бы просто не замечали признаков надвигавшегося падения советской империи<sup>4</sup>. Еще в феврале 1986 г. один из докладов *RAND* изображал раздел Европы на сферы влияния как незыблемую константу международных отношений. Высказанный его автором прогноз гласил, что в обозримом будущем Германии предстоит остаться разделенной, а Восточная Европа по-прежнему будет входить в советскую сферу влияния. Более того, американский эксперт считал, что даже если Советский Союз не распространит свое господство за пределы «железного занавеса», Москва в состоянии оказать на западно-

европейские державы такое давление, которое на практике исключит их военно-экономический потенциал из того силового баланса, что сложился в советско-американском противостоянии [Van Oudenaren, 1986].

В докладе, опубликованном в ноябре 1988 г., высказывалось предположение, что объявленное М.С. Горбачёвым сокращение вооружений едва ли зайдет слишком далеко и не подорвет глобальные возможности СССР [Gelman, 1988]. Аналитический материал от января 1989 г. также не содержал катастрофических для СССР прогнозов [Becker, Horelick, 1989]. Доклад, опубликованный в августе 1989 г., признавал факт тяжелого экономического кризиса в Советском Союзе и вызванное им некоторое снижение международного авторитета Москвы. Несмотря на растущие финансовые затруднения, Советская армия по-прежнему сохраняла огромные боевые возможности. Автор не увидел симптомов скорой гибели СССР и сосредоточил основное внимание на проблеме снижения «аппаратного веса» генералитета в советском высшем руководстве [Warner, 1989].

Френсис Фукуяма, знаменитый автор «Конца истории», с 1979 г. также работал экспертом *RAND Corporation*. В докладе, который он подготовил в июне 1989 г., частичное свертывание советской помощи дружественным режимам в Анголе, Вьетнаме и на Кубе, вывод войск из Афганистана и сдержанное отношение к Ирано-иракской войне в Персидском заливе интерпретировалось как тактические маневры, не вносящие принципиальных изменений в долгосрочные цели советской внешней политики. Сжатие со-

4 В отличие от советологов историки-русисты проявили в этом отношении куда большую проницательность. В частности, Джеймс Биллингтон, будущий директор библиотеки Конгресса США, в книге «Икона и топор» еще в 1966 г. предсказывал, что современный ему советский строй подвержен стремительному перерождению и, по сути, не имеет шансов на историческое воспроизводство [Биллингтон, 2001, с. 683–684].

ветской сферы влияния Фукуяма принял за временную перегруппировку с целью ее последующей консолидации. Он пришел к выводу, что изменения в стратегии СССР имеют скорее стилистический, нежели фундаментальный характер. Таким образом, всего за полгода до падения Берлинской стены будущий автор торжественного манифеста о победе Запада в «холодной войне» не предрекал «империи зла» близкого исторического крушения. Умозаключения Фукуямы оказались по меньшей мере банальны, а прогнозы издевательски ошибочны [Fukuyama, 1989].

Лишь начиная с 1990 г. в докладах экспертов RAND между строк начало читаться победное ликование<sup>5</sup>. По иронии судьбы стратегическая аналитика, равно как и разведка, иногда способна не только не увидеть надвигающуюся на страну опасность [Джервис, 2020], но и не распознать близкого успеха. Долгожданная победа в «холодной войне» случилась для США неожиданно.

### Современная Россия в оценках экспертов RAND Corporation

После 1991 г. внимание экспертно-аналитических кругов США постепенно переключилось на Китай. Его экономические успехи вызывали растущую обеспокоенность, хотя и не создавали для Вашингтона прямых угроз. Россия надолго ушла в тень и вплоть до середины 2010-х годов не привлекала к себе повышенного исследовательского внимания. Несмотря на это, в общей иерархии угроз официальные доктринальные документы США все же отводили Москве второе место после Китая,

помещая ее впереди Северной Кореи, Ирана и террористических организаций радикальных исламистов<sup>6</sup>.

С точки зрения американских экспертов, Россия воплощает краткосрочный вызов, Китай же – среднесрочный и долгосрочный. В представлении американцев относительная неэффективность российской экономики оправдывает взгляд на Москву лишь как на временную и ситуационную проблему. Агрессивность России якобы имеет под собой субъективные причины и проистекает главным образом из иррациональных личных мотивов В.В. Путина. Иначе говоря, Россия – это уходящая натура. Сегодня она слабее, чем был Советский Союз 50 годами ранее, а еще через 50 лет она будет слабее, чем сегодня. Затяжной демографический кризис и относительно низкие темпы прогнозируемого экономического роста окончательно вытеснят ее на периферию мировой политики. Иное дело Китай, могущество которого покоится на прочном экономическом фундаменте [Dobbins, Shatz, Wyne, 2018].

Итак, эксперты RAND полагают, что внешнеполитические амбиции Москвы не соответствуют ее объективным возможностям, поскольку буксующая экономика просто не генерирует необходимого объема ресурсов. В отличие от России экономика Китая будет расти значительно более высокими среднегодовыми темпами. Скорее всего они превзойдут американские, хотя США продолжат лидировать в качественном наполнении этого роста и сохраняют над Китаем общее технологическое превосходство. В октябре 2018 г., на момент публикации доклада, посвященного соотношению российской и китайской

5 См.: [Alexander, 1990; Gelman, 1990; Horelick, 1990; Van Oudenaren, 1990; Wolf, 1990].

6 The National Military Strategy of the United States of America 2015. The United States Military's Contribution to National Security. June 2015, Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington D.C. (2018) // <https://fas.org/man/eprint/nms-2015.pdf>, дата обращения 10.08.2021.

угрозы, номинальный российский ВВП был меньше, чем у Бразилии, Италии и Канады, и немногим превосходил южнокорейский. Однако сильной стороной России и основным ее козырем в международном соперничестве остается военное могущество. Оно выводит страну из той весовой категории, в которую ее формально можно было бы поместить, принимая во внимание сравнение только лишь экономических показателей [Dobbins, Shatz, Wyne, 2018, p. 16].

### Российская сфера влияния в оценках американских экспертов

Как можно предположить, постсоветское пространство не относится к числу приоритетных направлений американской внешней политики. По степени стратегической важности оно уступает Латинской Америке, Азиатско-Тихоокеанскому региону, Ближнему Востоку и Западной Европе, опережая разве что Африку, Южную и Юго-Восточную Азию. Военное присутствие США в непосредственной близости от российских границ остается в целом незначительным. В острых кризисных ситуациях 2008 и 2014 гг. это развязывало России руки и до известной степени позволяло отстаивать собственные интересы без оглядки на Вашингтон. Многомиллиардные капиталовложения в реконструкцию армии и оборонной промышленности в течение последних 15 лет обеспечили России подавляющее военно-техническое превосходство над любым постсоветским государством [Барабанов, 2010].

По всей видимости, Вашингтон и Москва придерживаются принципиально несходных взглядов на доктринальные основы международных отношений. США отталкиваются от

презумпции равного статуса всех субъектов этих отношений и лишь за собой признают право на особую регулируемую роль. С другой стороны, Россия, очевидно, мыслит некую географическую область, в пределах которой она обладает исторически обусловленным правом на особые интересы.

Вместе с тем общим местом недавних докладов *RAND Corporation*, посвященных постсоветскому пространству, остается признание ограниченного характера российских внешнеполитических устремлений. Их круг достаточно строго очерчен так называемым ближним зарубежьем. Причем даже внутри этих границ, с точки зрения России, сохраняется градация приоритетов, поскольку значение Украины и Белоруссии, безусловно, превосходит важность закавказского и туркестанского направлений. По мнению американских экспертов, политическая элита путинской России внутренне не приемлет сложившийся после 1991 г. Беловежский статус-кво. Он подчеркивает историческое унижение России и видится угрозой национальной безопасности. Важной особенностью российских амбиций является отсутствие в отличие от эпохи «холодной войны» сколько-нибудь жестких идеологических рамок, обрамляющих желаемую конфигурацию мирового порядка.

Характерно, что, по мнению американских аналитиков, притязания Москвы не распространяются на Прибалтику. Здесь *RAND* фактически солидарна с российской публичной риторикой, давно не относящей Балтийский регион к «ближнему зарубежью». Маловероятно, что в стратегическом смысле Восточная Европа имеет для США большее значение, чем постсоветское пространство. Вместе с тем официально закрепленные обязательства перед членами Североатлантического альянса связаны для Вашингтона с повышенной от-

ответственностью. Поскольку прибалтийские республики входят в НАТО, их защита от потенциальной российской агрессии, даже если в российской экспертной среде подобные опасения считаются свидетельством паранойи<sup>7</sup>, вызывает у США более серьезную обеспокоенность, нежели сохранение территориальной целостности Украины или желаемый транзит власти в сопредельной Белоруссии. Психологическая граница между НАТО и условно нейтральными странами, по всей видимости, выражена у американского истеблишмента предельно четко.

Хотя в *RAND* согласны с тем, что Россия не посягает на независимость прибалтийских республик, американские аналитики по-прежнему рассматривают Балтийский регион как арену возможного конфликта<sup>8</sup>. Американские сухопутные войска в Восточной Европе не в полной мере отвечают задаче сдерживания России. С декабря 2020 г. на ротационной основе там была размещена 1-я бригадная боевая группа 1-й кавалерийской (танковой) дивизии. Она насчитывала около 3500 человек, 90 танков и 150 БТР и БМП. Ротация бригадных боевых групп осуществляется через каждые 9 месяцев. В связи с этим некоторые авторы считают целесообразным размещение в Польше дополнительной тяжелой бригадной боевой группы на постоянной основе. Европейское командование Вооруженных сил США имеет в непосредственном подчинении более 15 военно-административных структур. В то же время внутри этого регионального командования после вывода из Германии в 2008 г. боевого управления 1-й танко-

вой дивизии отсутствует дивизионное звено, что сильно запутывает командную структуру [*Boldt*, 2018, pp. 51–53].

В 2020 г. на Европейском театре американцы располагали силами численностью примерно 29–30 тыс. человек, из которых 24 тыс. несли службу на постоянной, а 4 тыс. – на ротационной основе. При этом основная масса людей относилась к вспомогательным частям и войскам обеспечения. На постоянной основе в Европе базировались лишь две армейские бригады. Это так называемый 2-й кавалерийский полк (фактически – бригадная боевая группа, укомплектованная различными типами боевой техники, созданными на базе универсальной авиатранспортабельной 8-колесной платформы «Страйкер») в районе германского города Фильзек, а также 173-я воздушно-десантная бригада, расквартированная близ итальянской Виченцы. В совокупности силы обеих бригад насчитывали 7500 человек, объединенных в семь батальонных тактических групп [*Hicks, Conley*, 2016, pp. 18–19].

Чтение разнообразных сценариев российского блицкрига в Прибалтике, конечно, увлекательно<sup>9</sup>, но все же наиболее острым моментом разногласий России и США в отношении основ международного порядка является вопрос о статусе Белоруссии, Грузии, Молдавии и Украины. Наша страна рассматривает эти страны как область своих особых интересов. США, напротив, видят в них свободные, суверенные государства, имеющие право покинуть гравитационное поле Москвы и присоединиться к западным интеграционным объединениям [*Radin, Reach*, 2017, pp. 87–89].

7 См., например: Пухов Р.Н. (2016). Наша карта Африки // Ведомости. 15 июля 2016 // <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/07/15/649326-nasha-karta-afriki>, дата обращения 10.08.2021.

8 См.: [*Boston et al.*, 2018; *Radin*, 2017; *Cohen, Radin*, 2019; *Radin et al.*, 2019].

9 К примеру, по расчетам, проведенным в 2016 г., делался вывод, что при существовавших на тот момент военных возможностях США на восточноевропейском фланге НАТО Российская армия в случае прямого вооруженного столкновения подойдет к Риге и Таллину через 36–60 часов [*Shlapak, Johnson*, 2016, pp. 4–5].

На официальном уровне США признают неотъемлемое право Украины добиваться вступления в НАТО и Евросоюз, однако неофициально, чтобы лишний раз не раздражать Москву, фактически откладывают решение данного вопроса на неопределенное время. С теми или иными нюансами Вашингтон придерживается этого подхода в отношении всех стран, относимых Россией к «ближнему зарубежью». После 2014 г. США предложили Украине военную и экономическую помощь, но в то же время они тщательно ограничили и регламентировали ее характер и объем. От передачи Вооруженным силам Украины боевых средств поражения Вашингтон вплоть до весны 2018 г. воздерживался [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Стремление оказать Украине помощь сдерживалось нежеланием брать на себя прямые обязательства в части гарантий ее территориальной целостности. Все более туманные перспективы присоединения Киева к Североатлантическому альянсу и Евросоюзу, а также скромные масштабы военных поставок, как полагают аналитики RAND, рискуют подорвать веру украинского общества в целесообразность интеграции с Западом [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Как предположили специалисты корпорации, сложившаяся дилемма имеет два варианта решения. Во-первых, США могут пойти на компромисс с существующими концепциями либерального миропорядка, ограничив дальнейшее расширение НАТО и Евросоюза. Иными словами, неформальные барьеры, возведенные на пути приема бывших советских республик в евроатлантические структуры, следует формализовать и узаконить. Естественно, подобный подход вступит в противоречие с прежними декларациями. Блокирование дальнейшего расши-

рения НАТО и Евросоюза, признание российских интересов на постсоветском пространстве, а также выработка для буферных государств неких альтернативных механизмов взаимодействия с Западом, повлечет за собой дискредитацию многих прежних идеологических установок. Как предположили авторы аналитического обзора, столь смелый и принципиальный внешнеполитический акт способен радикально разрядить международную обстановку и снять многие опасения, накопившиеся у Москвы в отношении Соединенных Штатов. В этом случае линия внешнеполитического поведения России может смягчиться, и США будут вправе рассчитывать на взаимопонимание в таких чувствительных вопросах, как борьба с терроризмом, давление на Иран и ограничение ядерного потенциала КНДР. Вместе с тем, полагают эксперты, подобный компромисс может скрывать значительные риски. Твердой уверенности в том, что Россия ответит на американскую инициативу взаимностью, у США нет. Рука, протянутая для примирения, может быть понята и как проявление слабости. Сегодня умеренность внешнеполитических целей Москвы не подлежит сомнению, и воображаемая Кремлем сфера влияния, очевидно, не включает страны НАТО. Однако кто поручится за то, что завтра взоры России вновь не устремятся на Прибалтику и Восточную Европу. Демонстративное оставление Украины за порогом НАТО и ЕС вызовет у других восточноевропейских партнеров США закономерный вопрос относительно искренности деклараций Вашингтона о коллективной безопасности. Наконец, прагматичное соглашение с Россией и компромисс с либеральным мессианизмом будет сложно объяснить американскому общественному мнению. В Европе же эта сделка отразится гулким ялтинским эхом 1945 г., когда судь-

бы целых народов вершились победителями по своему произволу [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Во-вторых, можно принять зеркальное решение и пойти на ускоренную интеграцию в НАТО и ЕС тех республик бывшего СССР, кто изъявит такое желание. Одновременно следует инициировать широкий спектр военно-политических мер для нейтрализации российского противодействия. Преимущества такой политики заключались бы в ее общем соответствии американским интересам и провозглашаемым ценностям. Однако тот европейский порядок, воплощением которого данная политика могла бы служить, будет встречен Россией с заведомым и яростным неприятием. Рассматривая возводимый против нее «санитарный кордон» в качестве источника прямой и непосредственной угрозы, Москва сохранит сильнейшую мотивацию к тому, чтобы добиваться его разрушения. Россия, полагают авторы доклада, будет противодействовать американской политике со всей возможной энергией. Рост ее враждебности в отношении США уничтожит последние точки конструктивного взаимодействия, сохраняющиеся между двумя странами. Все это резко увеличит конфликтный потенциал и общую взрывоопасность международной обстановки [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Завершив разбор двух крайних альтернатив, авторы доклада все же предположили, что ни один из вышеописанных сценариев не будет претворен в жизнь в чистом виде. Следовательно, в вопросе стратегического сдерживания России американская политика будет оставаться пластичной и в целом невыятой [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Тема сдерживания легла в основу еще одного доклада, получившего название «Перенапряжение России». Его авторы сначала старательно обозначи-

ли уязвимые точки в российской экономике, политической системе и Вооруженных силах, а затем предложили рецепты, как им казалось, наиболее эффективных и наименее затратных способов воздействия на них. Например, в разделе возможных экономических мер фигурировали: препятствие экспорту нефти и природного газа, ужесточение санкций и помощь дальнейшей «утечке мозгов». В части политико-стратегических мер предлагалось размещение в Восточной Европе дополнительных контингентов сухопутных войск, предоставление Украине помощи вооружением и боевой техникой, увеличение объемов помощи сирийским повстанцам, содействие смене режима в Белоруссии, использование напряженности в Закавказье, ограничение российского влияния в Центральной Азии и Молдавии. Не остались без внимания и меры информационно-идеологического влияния на общественное мнение внутри самой России [Radin, Reach, 2017, pp. 87–89].

Итак, бухгалтерская логика экономического детерминизма не предусматривает наделение особыми правами и прерогативами страны, чей номинальный ВВП находится где-то между итальянским и южнокорейским. Еще менее вероятен сценарий пусть даже частичной ревизии Вашингтоном господствующей либерально-эгалитарной догматики в угоду прагматичной сделке с недемократической Россией.

## Проекция силы по-русски

В 2020 г. RAND выпустила доклад, посвященный возможному последствию неконтролируемой военной эскалации на востоке Украины [Connable et al., 2020]. Любопытно, что избранная американцами тема перекликалась с моей собственной статьей, напечатан-

ной журналом «Контурсы глобальных трансформаций» четырьмя годами ранее [Кривопапов, 2016]. Наряду с Донбасским направлением, которому было уделено наибольшее внимание, авторы моделировали различные варианты усиления российского присутствия на территории Казахстана, Таджикистана, Сирии, Венесуэлы и Курильских островов.

Заказчиком исследования выступила канцелярия заместителя начальника штаба сухопутных войск США генерал-майора У. Хикса. Авторский коллектив сформулировал два основных исследовательских вопроса: 1) на каком удалении и насколько быстро Россия способна развертывать контингенты сухопутных войск; 2) какое влияние на потенциальное российское военное развертывание оказывают такие факторы, как расстояния, рельеф местности, политическая обстановка и возможности тылового обеспечения. Доклад состоит из двух частей. Вторая часть по названию идентична первой, однако содержит подзаголовок «Сценарии». На ее страницах моделируются различные варианты участия российских сухопутных войск в региональных конфликтах [Connable et al. *Scenarios*, 2020].

Авторы исходят из предположения, что к 2014 г. России удалось в значительной степени восстановить ту военную мощь, что была утрачена в результате распада советского государства. Основное внимание, и в этом, по всей видимости, проявилось влияние заказчика, было обращено на российские сухопутные войска. Эксперты RAND обосновывали это тем, что развертывание сухопутных сил обеспечивает наилучший эффект в плане «проекции силы» по сравнению с развертыванием одной

лишь авиации или флота. Очевидно, этой же точки зрения придерживается командование Армии США<sup>10</sup>. Действия флота и ВВС, конечно, связаны целым рядом ограничений, но в их пользу работают международные соглашения, гарантирующие относительную свободу сообщений по морю и воздуху. Развертывание же на суше отражает региональное и глобальное влияние соответствующей державы. Если морские и воздушные силы могут быть использованы независимо от прочих компонентов, сухопутное развертывание требует совместных комбинированных операций.

Отсутствие глобальной морской мощи затрудняет России «проекцию силы» вдали от периметра границ [Connable et al., 2020], однако по сравнению с 1990-ми годами в области военного строительства страна добилась внушительных успехов. Вместе с тем рост возможностей Российской армии в плане «проекции силы» впечатляет лишь в том случае, если принимать за точку отсчета упадок в 1990-е годы. За последние 30 лет единственным примером развертывания крупных сил за пределами государственных границ России стала операция в поддержку правительства Б. Асада в Сирии, в то время как СССР осуществлял подобные «проекции силы» неоднократно и со значительно большим размахом. Развертывание на Кубе в 1962 г. и в Египте в 1970 г., наведение «воздушного моста» в Сирию и Египет во время Октябрьской войны 1973 г. (войны Судного дня), переброска кубинского экспедиционного корпуса в Огаден в 1978 г., а также ввод войск в Афганистан в 1979 г. по своим масштабам до сих пор остаются для России непревзойденными [Clark, 1980].

10 Фактически в американских вооруженных силах *U.S. Army* является аналогом командования сухопутных войск.

К концу 1980-х годов численность сухопутных войск в 4-миллионной Советской армии достигала 2,1 млн человек. Сегодня в сухопутных силах России имеется не более 350 тыс. человек, то есть 20% от прежнего количества. Также на 1 января 1992 г. Россия получила в свое распоряжение более 500 самолетов военно-транспортной авиации грузоподъемностью 29 630 т. К 2017 г. в строю насчитывалось примерно 100 машин грузоподъемностью 6240 т, или пятая часть того, что досталось Москве в результате раздела советских arsenалов. Советский военно-морской флот насчитывал более 80 транспортных и десантных кораблей, способных одновременно поднять 603 танка. К 2017 г. осталось менее 20 кораблей, вмещающих 203 танка, что составляло треть от былых возможностей [Connable et al., 2020, p. 56].

Предельная численность того контингента, что способна развернуть Россия на значительном удалении от своих берегов, может колебаться в зависимости от конкретных условий между батальонной тактической группой и бригадной боевой группой. Основными сдерживающими факторами остаются слабость транспортной компоненты и относительно малое количество тяжелых соединений с ускоренными сроками развертывания. Сохранение в России смешанной системы комплектования войск личным составом вынуждает командование во всех крупных операциях полагаться на военнослужащих срочной службы. По внутривойсковым соображениям рисковать их жизнями вдали от дома, как правило, всегда нежелательно.

Возможности развертывания внутри страны для России ничем не ограничены. Возможности в 13 сопредельных странах оцениваются как значительные. Еще в 12 странах они средние благоприятны. Развертывание в

17 странах затруднительно, во всех остальных – практически невозможно. Чем дальше от российских границ, делают американцы тривиальный вывод, тем сложнее будет России «проецировать силу».

Сценарий потенциального развертывания на украинской границе и 425-километровой линии условного прекращения огня на Донбассе в силу его зависимости от многих конкретных условий рассматривался в докладе более подробно. Украинское направление для российской тыловой инфраструктуры относится к наиболее благоприятным с точки зрения географической доступности.

Оценочная численность российской группировки, способной принять участие в операции на Левобережной Украине, достигает 130 тыс. человек [Connable et al. Scenarios, 2020, pp. 31–37]. Из них примерно 83 тыс. человек относятся к сухопутным войскам. В эшелоне прикрытия на украинской границе готовы к немедленным действиям стоят 3-я, 144-я и 150-я мотострелковые дивизии. Они находятся под управлением штабов 8-й и 20-й армий, соответственно Южного и Западного военных округов.

Поскольку Россия, скорее всего, сможет выбирать время и место решительных действий, маловероятно, полагают сотрудники RAND, что подобная операция может начаться «с колес». Опять же вследствие особенностей системы комплектования американцы считают, что большинство соединений не может быть развернуто одномоментно. Вероятно, их выдвижение будет осуществляться «волнами», включающими один-два полка от каждой дивизии. Это, однако, не распространяется на соединения воздушно-десантных войск, отличающихся повышенной боеготовностью. В течение 10 дней на линию границы может быть направ-

лено до половины всех сил, предназначенных для усиления эшелона прикрытия. В течение еще 20 дней должна прибыть вторая половина. Численность войск, способных влиться в первоначальный эшелон прикрытия на последующих этапах конфликта, оценивается в 45 тыс. человек.

Сразу же бросаются в глаза искусственность и схематизм американских расчетов. Например, 3-я, 144-я и 150-я мотострелковые дивизии показаны типовыми и якобы состоящими из трех мотострелковых и одного танкового полка каждая. Эксперты *RAND* совершенно не учитывают, что крупные общевойсковые соединения Российской армии заметно различаются как по своему составу, так и по техническому оснащению. Вследствие застарелой, еще советской, проблемы разнотипности и слабой унификации материальной части в России нет двух полностью одинаковых бригад, не говоря уже о дивизиях.

Авторы не воспользовались последними версиями такого известного справочника, как сборник *The Military Balance*, который обновляется ежегодно. Хотя доклад *RAND* вышел в 2020 г., авторы почему-то опирались на сборник 2017 г. В этом издании сведения о составе 3-й, 144-й и 150-й дивизий не приводились. Соединения именовались находящимися в процессе формирования [*The Military Balance*, 2017, p. 212].

Как правило, аналитические доклады *RAND* отличаются высококачественной цветной инфографикой для визуализации основных выводов. В докладе 2020 г. красивая инфографика присутствует в изобилии, однако ее содержание оставляет вопросы. Приводимые в докладе схемы организационно-штатной структуры Российской армии изобилуют множеством крупных и мелких неточностей. Ошибки встречаются даже в боевом расписании, кото-

рое при минимальном знании русского языка с примерной детализацией до полка можно было подготовить по Википедии.

Совершая экскурсы в историю, подавление антисоветского восстания в Венгрии и уличные бои в Будапеште авторы относят не к 1956, но к 1954 г. Была допущена ошибка и в названии страны, ставшей в декабре 1979 г. объектом ввода советских войск. Вместо Афганистана в таблице указан Таджикистан [*Connable et al.*, 2020, p. 67]. Складывается ощущение, что авторы ужасно торопились и, понадеявшись на силу фирменного бренда *RAND Corporation*, решили, что никто не станет с пристрастием проверять их работу.

Расчеты пропускной способности железных дорог, а значит, и прогнозы сроков развертывания стратегического фронта, даны лишь в самом общем приближении. По мнению американских специалистов, конкретный состав ударной группировки на украинском направлении может варьироваться. Если позволит время, русские стянут на границу большинство соединений, дислоцированных в европейской части страны.

Как полагают американские аналитики, в течение 10 дней на украинскую границу могут быть направлены восемь мотострелковых полков, четыре танковых полка, танковая бригада, воздушно-десантная и десантно-штурмовая дивизии Западного военного округа. В качестве средств усиления авторы указали бригаду спецназначения, две артиллерийские бригады, бригаду и два полка ПВО, а также ракетную бригаду. Затем в течение 20 дней к этим силам могут присоединиться: два мотострелковых полка, мотострелковая бригада, два танковых полка, танковая бригада, разведывательная бригада, два противотанковых дивизиона, две артиллерийские бригады, два полка самоход-

ной артиллерии, полк и бригада ПВО, ракетная бригада и воздушно-десантная дивизия.

Из состава сил Южного военного округа в течение 10 дней на украинскую границу могут быть направлены две мотострелковые бригады, десантно-штурмовая дивизия, две бригады морской пехоты, ракетная бригада береговой обороны. В течение 10 дней к ним могут присоединиться еще три мотострелковых полка, два танковых полка, горно-стрелковая бригада, два противотанковых артиллерийских полка, полк сил специальных операций, полк самоходной артиллерии, три артиллерийские бригады и артиллерийский полк, бригада и полк ПВО.

Из Центрального военного округа в течение 10 дней может прибыть танковая дивизия. В течение 30 дней к ним присоединятся батальонные тактические группы, образованные на базе одного мотострелкового и четырех танковых батальонов. Вторая волна резервов вольется в первую в лучшем случае через 28–30 дней.

Таким образом, в качестве ближних и дальних резервов российской ударной группировки авторы размашисто перечисляют соединения 49-й армии Южного военного округа, 1-й танковой армии Западного военного округа, 90-ю танковую дивизию Центрального военного округа, а также отдельные батальонные тактические группы из Сибири и Дальнего Востока. Откровенно говоря, все это выглядит наукообразным набором случайных цифр. Необходимые войскам материальные запасы вообще не были приняты во внимание. Авторы ограничиваются многозначительной оговоркой, что для подобных грузоперевозок требуется как минимум то же число железнодорожных со-

ставов, что и для перемещения войск. Также эксперты *RAND* честно признаются в невозможности хотя бы приблизительно указать, какое количество людей и техники может двинуться на границу своим ходом по шоссе. В этом случае тем более странно рассматривать в качестве резервов для украинского направления те российские соединения, что в мирное время дислоцируются восточнее меридиана Волги. При резком обострении военной обстановки на Донбассе их перемещение на запад по железной дороге в сколько-нибудь разумные сроки просто исключено.

Как предположили авторы, в течение 10 дней на российско-украинскую границу могут быть направлены 4155 единиц гусеничной и 1600 единиц колесной техники. В течение 20 дней к ним присоединятся 2393 единицы гусеничной и 983 единицы колесной техники. В течение 30 дней, соответственно, еще 506 и 243 машины. В течение 10 дней на потенциальный театр боевых действий могут прибыть 66 железнодорожных эшелонов и 3624 вагона. В течение 10–20 дней к ним добавится 41 эшелон и 2298 вагонов, а в течение 30 дней еще 10 эшелонов и 497 вагонов. Из американских вычислений следует, что в эшелоны должна грузиться только техника без людей и запасов.

В годы Второй мировой войны, естественно с поправкой на технический уровень того времени, примерно 70 железнодорожных эшелонов выделялось для перемещения одной только пехотной дивизии. Для переброски танковой дивизии их требовалось минимум 100. Именно таких нормативов, к примеру, придерживался германский вермахт в ходе стратегического сосредоточения накануне операции «Барбаросса»<sup>11</sup>. Сложно вообразить, что силы,

11 Иванов С.П. (ред.) (1974). Начальный период войны. М.: Воениздат. С. 188–191.

эквивалентные нескольким расчетным дивизиям, разместятся в 66 железнодорожных составах. Сами авторы неоднократно напоминают о том, что в случае перевозки чего-либо кроме штатного комплекта боевой техники потребность в подвижном составе автоматически возрастет в несколько раз. Все это делает придуманный американцами график сосредоточения полностью бессмысленным.

Рискну предположить, что вопиющее неправдоподобие расчетов мобилизационных перевозок отчасти проистекает из весьма поверхностного знакомства американских экспертных кругов с принципами стратегического сосредоточения на суше. В геополитическом смысле Америка была и остается островом. Широкомасштабные железнодорожные перевозки, сопровождавшие сжатое во времени одноактное мобилизационное развертывание, которое в XIX–XX вв. предвещало военное столкновение крупных континентальных государств, лежали вне пределов эмпирического опыта американской военной машины. Подобно тому, как ни один российский или советский адмирал никогда не командовал в бою авианосным оперативным соединением, США за свою 250-летнюю историю ни разу не развертывали стратегический фронт в ходе одноактного от мобилизации армии мирного времени.

\*\*\*

Итак, пришло время подвести итоги. Первое наблюдение, которое можно сделать, ознакомившись с трудами *RAND Corporation* по современной России, это общее снижение качества аналитических материалов. Современные *Research Papers*, посвященные боевым возможностям российских Вооруженных сил, даже с поправкой на тесные рамки жанра, выглядят скороспелы-

ми и сырыми по сравнению с аналогичными материалами 1970–1980-х годов. В смысле проницательности и глубины анализа современным обзорам далеко до «длинной телеграммы» Джорджа Кеннана. Иногда в американской экспертной среде это признается открыто. Правда, не в *RAND Corporation*, но в трудах командно-штабного колледжа форта Ливенворт – основной кузницы кадров для высших штабов армии США [*Nash*, 2013].

Сильной стороной докладов *RAND* можно назвать абсолютную раскованность их авторов в моделировании различных сценариев взаимодействия США и России. Приходится признать тот факт, что отечественная международная аналитика стиснута рамками самоцензуры гораздо плотнее американской. Российская экспертиза излишне сдержанна в оценках, зависима от посторонних мнений и недостаточно публична, что во многом девальвирует ее значение. Сложно представить, чтобы официальный научно-экспертный центр в нашей стране открыто опубликовал доклад под рабочим названием «Как выдать США с постсоветского пространства», тогда как в материалах *RAND* желаемое «перенапряжение России» обсуждается с простодушным цинизмом.

Второе важное наблюдение состоит в том, что военная мощь Москвы превосходит тот уровень стратегической поддержки, который без значительных дополнительных ассигнований США могут гарантировать восточноевропейским членам НАТО и тем постсоветским государствам, что избрали прозападную ориентацию. Строго говоря, американская армия просто не имеет свободных резервов для надежного сдерживания России. Между строк *Research Papers* это можно прочесть отчетливо. Если такой вывод верен, в будущем США придется ли-

бо договариваться с Кремлем на неких взаимоприемлемых условиях, либо согласиться на значительные дополнительные затраты. Однако до тех пор, пока не завершится кризис на Ближнем Востоке и не утратит своей актуальности сдерживание Китая, убедить общественность в необходимости новых и немалых капиталовложений будет непросто.

Обзорные работы RAND объединяет стремление отыскать в текущей российской стратегии некую систему. Те ситуативные, хаотичные и во многом реактивные действия на дальних и ближних подступах к нашим границам, что выражают будничную сущность российской внешней политики, в США склонны изображать в качестве некой долгосрочной программы. Отчасти экспертное сообщество может искренне переоценивать возможности объекта своего многолетнего изучения, отчасти им может двигать желание продать свой товар по завышенной цене.

Симптоматична сама готовность обсуждать *pro et contra* возможного признания за Россией сферы влияния. До 2014 г. ревизия итогов распада СССР предметом для дискуссии в США вообще не являлась. Следовательно, умеренно жесткая линия, взятая Москвой в отношении Киева, несмотря на всю ее непоследовательность и внутреннюю противоречивость, отчасти себя оправдала. Наиболее тяжкие последствия «беловежской капитуляции», болезненные для национальной гордости и неприемлемые с точки зрения безопасности, вряд ли могут быть немедленно пересмотрены. Однако именно в силу того, что проистекающие из них проблемы лежат на периферии интересов американской сверхдержавы, корректировку сложившегося статус-кво в будущем можно будет сделать предметом торга и диалога.

## Список литературы

Барабанов М.С. (ред.) (2010). Новая армия России. М.: Центр анализа стратегий и технологий.

Биллингтон Д.Х. (2001). Икона и топор. Опыт истолкования истории Русской культуры. М.: Рудомино.

Джервис Р. (2020). Почему разведка терпит неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке. М.: Центр анализа стратегий и технологий.

Кривопалов А.А. (2016). Военные возможности России на фоне украинского кризиса // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 9. № 5. С. 41–58. DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-41-58

Кузнецов А.В. (ред.) (2020). Феномен Трампа. М.: ИНИОН.

Adomeit H. (1986). Soviet Crisis Prevention and Management: Why and When Do the Soviet Leaders Take Risks? Santa Monica: RAND Corporation.

Alexander A.J. (1990). Perestroika and Change in Soviet Weapons Acquisition, Santa Monica: RAND Corporation.

Alexiev A. (1988). Inside the Soviet Army in Afghanistan, Santa Monica: RAND Corporation.

Becker A.S., Horelick A.L. (1989). Managing U.S. - Soviet Relations in the 1990-s, Santa Monica: RAND Corporation.

Boldt K.W. (2018). Filling the Gap of U.S. Deterrence Policy: Poland and the Future of U.S. Military Posture in Europe, Fort Leavenworth.

Boston S., Johnson M., Beauchamp-Mustafaga N., Crane Y.K. (2018). Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe Implication for Countering Russian Local Superiority, Santa Monica: RAND Corporation.

Clark S. (1980). Soviet Strategic Airlift and Power Projection, Fort Leavenworth.

Cohen R.S., Radin A. (2019). Russia's Hostile Measures in Europe. Understan-

ding the Threat, Santa Monica: RAND Corporation.

Connable B., Doll A., Demus A., Massicot D., Reach C., Atler A., Mackenzie W., Povlock M., Skrabala L. (2020). Russia's Limit of Advance. Analysis of Russian Ground Force Deployment Capabilities and Limitations, Santa Monica: RAND Corporation.

Connable B., Doll A., Demus A., Massicot D., Reach C., Atler A., Mackenzie W., Povlock M., Skrabala L. (2020). Russia's Limit of Advance. Analysis of Russian Ground Force Deployment Capabilities and Limitations. Scenarios, Santa Monica: RAND Corporation.

Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B. (2019). Extending Russia. Competing from Advantageous Ground, Santa Monica: RAND Corporation.

Dobbins J., Shatz H.J., Wyne A. (2018). Russia Is a Rogue, not a Peer; China is a Peer, not a Rogue, Santa Monica: RAND Corporation.

Fukuyama F. (1989). Gorbachev and the New Soviet Agenda in the Third World, Santa Monica: RAND Corporation.

Gelman H. (1982). The Soviet Far East Buildup and Soviet Risk-Taking against China, Santa Monica: RAND Corporation.

Gelman H. (1988). The Soviet Military Leadership and the Question of Soviet Deployment Retreats, Santa Monica: RAND Corporation.

Gelman H. (1990). Gorbachev's First Five Years in the Soviet Leadership. The Clash of Personalities and the Remaking of Institutions, Santa Monica: RAND Corporation.

Goldhamer H. (1975). The Soviet Soldier. Soviet Military Management at the Troop Level, New York: Crane, Russak and Company, Inc.; London: LeoCoopeLtd.

Gustafson T. (1983). The Soviet Gas Campaign. Politics and Policy in Soviet

Decisionmaking, Santa Monica: RAND Corporation.

Hicks K.H., Conley H.A. (2016). Evaluating Future U.S. Army Force Posture in Europe. Phase II Report. June 2016, Washington: CSIS.

Horelick A.L. (1990). U.S. – Soviet Relations: Threshold of a New Era, Santa Monica: RAND Corporation.

Lambeth B.S. (1975). Selective Nuclear Operations and Soviet Strategy, Santa Monica: RAND Corporation

Lambeth B.S. (1976). Selective Nuclear Options in American and Soviet Strategic Policy, Santa Monica: RAND Corporation.

Marshall A.W. (1972). Long-Term Competition with the Soviets: A Framework for Strategic Analysis, Santa Monica: RAND Corporation.

Nash L. (2016). A Contemporary "Long Telegram": Explaining Russian Behaviour, Fort Leavenworth.

Radin A. (2017). Hybrid Warfare in the Baltics: Threats and Potential Responses, Santa Monica: RAND Corporation.

Radin A., Davis L.E., Geist E., Han E., Massicot D., Povlock M., Reach C., Boston S., Charap S., Mackenzie W., Migacheva K., Johnston T., Long A. (2019). Future of the Russian Military, Santa Monica: RAND Corporation.

Radin A., Reach C. (2017). Russian Views of the International Order, Santa Monica: RAND Corporation.

Sadykiewicz M. (1987). Soviet-Warsaw Pact Western Theatre of Military Operations: Organization and Missions, Santa Monica: RAND Corporation.

Shlapak D.A., Johnson M. (2016). Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank: Wargaming the Defense of the Baltics, Santa Monica: RAND Corporation.

The Military Balance (2017), Washington, D.C.: The International Institute for Strategic Studies.

Van Oudenaren J. (1986). Soviet Policy toward Western Europe. Objectives, Instru-

ments, Results, Santa Monica: RAND Corporation.

Van Oudenaren J. (1990). *The Role of Shevardnadze and the Ministry of Foreign Affairs in the Making of Soviet Defense and Arms Control Policy*, Santa Monica: RAND Corporation.

Warner E.L. (1989). *The Defense Policy of the Soviet Union*, Santa Monica: RAND Corporation.

Wolf Jr. C.F. (1990). *Defense and the Macroeconomy in the Soviet Union*, Santa Monica: RAND Corporation.

Wolfe T.W. (1972). *Soviet Naval Interaction with the United States and Its Influence on Soviet Naval Development*, Santa Monica: RAND Corporation.

## Science and Higher Education

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

# RAND Looks at Moscow: Russia's Strategic Capabilities and the Post-Soviet Space in the Assessments of American Experts

**Alexey A. KRIVOPALOV**

PhD in History, Senior Researcher, Center of Post-Soviet Studies

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, 117997, Profsoyuznaya St., 23, Moscow, Russian Federation

E-mail: krivopalov@centero.ru

ORCID: 0000-0002-7916-036X

**CITATION:** Krivopalov A.A. (2021). *RAND Looks at Moscow: Russia's Strategic Capabilities and the Post-Soviet Space in the Assessments of American Experts*. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 193–211 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-10

Received: 25.04.2021.

**ABSTRACT.** *This paper looks at a series of analytical reports published in 2015–2020 by the RAND Corporation focused on Russia, its armed forces and the policies pursued by Moscow on the territory of the former Soviet Union. The assumption by the author is that the expert community in the United States can exert greater influence on US foreign policy than is generally accepted in Russia. Historically, in the United States, there has been a strong link between expert*

*consideration of any given policy and its subsequent implementation. Reports published by RAND help assess the role that Russia and the former Soviet Union play on the list of US national security priorities. Does Washington understand the domestic-policy motives of Russia's actions on the international stage? What is America's overall assessment of Russia's military capabilities? Finally, what is the extent of Washington's willingness to seek compromise with*

*Moscow and its foreign policy aspirations? The source analyzed in the paper can shed some light on how the political community in the United States views the future of the rivalry between Russia and America.*

**KEYWORDS:** *Russia, USA, post-Soviet space, strategy, foreign policy, Ukraine, RAND Corporation.*

## References

- Adomeit H. (1986). *Soviet Crisis Prevention and Management: Why and When Do the Soviet Leaders Take Risks?* Santa Monica: RAND Corporation.
- Alexander A.J. (1990). *Perestroika and Change in Soviet Weapons Acquisition*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Alexiev A. (1988). *Inside the Soviet Army in Afghanistan*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Balabanov M.S. (ed.) (2010). *Russia's New Army*, Moscow, Centre for Analysis of Strategies and Technologies (in Russian).
- Becker A.S., Horelick A.L. (1989). *Managing U.S. - Soviet Relations in the 1990-s*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Billington J.H. (2001). *The Icon and the Axe: An Interpretative History of Russian Culture*, Moscow: Rudomino (in Russian).
- Boldt K.W. (2018). *Filling the Gap of U.S. Deterrence Policy: Poland and the Future of U.S. Military Posture in Europe*, Fort Leavenworth.
- Boston S., Johnson M., Beauchamp-Mustafaga N., Crane Y.K. (2018). *Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe Implication for Countering Russian Local Superiority*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Clark S. (1980). *Soviet Strategic Airlift and Power Projection*, Fort Leavenworth.
- Cohen R.S., Radin A. (2019). *Russia's Hostile Measures in Europe. Understanding the Threat*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Connable B., Doll A., Demus A., Masicot D., Reach C., Adler A., Mackenzie W., Povlock M., Skrabala L. (2020). *Russia's Limit of Advance. Analysis of Russian Ground Force Deployment Capabilities and Limitations*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Connable B., Doll A., Demus A., Masicot D., Reach C., Adler A., Mackenzie W., Povlock M., Skrabala L. (2020). *Russia's Limit of Advance. Analysis of Russian Ground Force Deployment Capabilities and Limitations. Scenarios*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist E., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B. (2019). *Extending Russia. Competing from Advantageous Ground*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Dobbins J., Shatz H.J., Wyne A. (2018). *Russia Is a Rogue, not a Peer; China is a Peer, not a Rogue*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Fukuyama F. (1989). *Gorbachev and the New Soviet Agenda in the Third World*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Gelman H. (1982). *The Soviet Far East Buildup and Soviet Risk-Taking against China*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Gelman H. (1988). *The Soviet Military Leadership and the Question of Soviet Deployment Retreats*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Gelman H. (1990). *Gorbachev's First Five Years in the Soviet Leadership. The Clash of Personalities and the Remaking of Institutions*, Santa Monica: RAND Corporation.
- Goldhamer H. (1975). *The Soviet Soldier. Soviet Military Management at the Troop Level*, New York: Crane, Russak and Company, Inc.; London: LeoCoopeLtd.
- Gustafson T. (1983). *The Soviet Gas Campaign. Politics and Policy in Soviet Decisionmaking*, Santa Monica: RAND Corporation.

Hicks K.H., Conley H.A. (2016). *Evaluating Future U.S. Army Force Posture in Europe. Phase II Report.* June 2016, Washington: CSIS.

Horelick A.L. (1990). *U.S. – Soviet Relations: Threshold of a New Era*, Santa Monica: RAND Corporation.

Jervis R. (2020). *Why Intelligence Fails: Lessons from the Iranian Revolution and the Iraq War*, Moscow, Centre for Analysis of Strategies and Technologies (in Russian).

Krivopalov A.A. (2016). Russian Military Opportunities in the Context of Ukrainian Crisis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 9, no 5, pp. 41–58 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2016-9-5-41-58

Kuznetsov A.V. (ed.) (2020). *The Trump Phenomenon*, Moscow: INION (in Russian).

Lambeth B.S. (1975). *Selective Nuclear Operations and Soviet Strategy*, Santa Monica: RAND Corporation

Lambeth B.S. (1976). *Selective Nuclear Options in American and Soviet Strategic Policy*, Santa Monica: RAND Corporation.

Marshall A.W. (1972). *Long-Term Competition with the Soviets: A Framework for Strategic Analysis*, Santa Monica: RAND Corporation.

Nash L. (2016). *A Contemporary “Long Telegram”: Explaining Russian Behaviour*, Fort Leavenworth.

Radin A. (2017). *Hybrid Warfare in the Baltics: Threats and Potential Responses*, Santa Monica: RAND Corporation.

Radin A., Davis L.E., Geist E., Han E., Massicot D., Povlock M., Reach C., Bos-

ton S., Charap S., Mackenzie W., Migacheva K., Johnston T., Long A. (2019). *Future of the Russian Military*, Santa Monica: RAND Corporation.

Radin A., Reach C. (2017). *Russian Views of the International Order*, Santa Monica: RAND Corporation.

Sadykiewicz M. (1987). *Soviet-Warsaw Pact Western Theatre of Military Operations: Organization and Missions*, Santa Monica: RAND Corporation.

Shlapak D.A., Johnson M. (2016). *Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank: Wargaming the Defense of the Baltics*, Santa Monica: RAND Corporation.

*The Military Balance* (2017), Washington, D.C.: The International Institute for Strategic Studies.

Van Oudenaren J. (1986). *Soviet Policy toward Western Europe. Objectives, Instruments, Results*, Santa Monica: RAND Corporation.

Van Oudenaren J. (1990). *The Role of Shevardnadze and the Ministry of Foreign Affairs in the Making of Soviet Defense and Arms Control Policy*, Santa Monica: RAND Corporation.

Warner E.L. (1989). *The Defense Policy of the Soviet Union*, Santa Monica: RAND Corporation.

Wolf Jr. C.F. (1990). *Defense and the Macroeconomy in the Soviet Union*, Santa Monica: RAND Corporation.

Wolfe T.W. (1972). *Soviet Naval Interaction with the United States and Its Influence on Soviet Naval Development*, Santa Monica: RAND Corporation.

**В рамках дискуссии**

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-11

# Образ России в сознании молодежи постсоветских стран: опыт социологической оценки

**Максим Владимирович ВИЛИСОВ**

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник,  
Центр междисциплинарных исследований  
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),  
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация  
E-mail: mvilisov@mail.ru  
ORCID: 0000-0002-6634-3829

**Екатерина Викторовна БАТОВРИНА**

кандидат социологических наук, доцент, кафедра управления персоналом,  
факультет государственного управления  
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119191,  
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация  
E-mail: BatovrinaEV@spa.msu.ru  
ORCID: 0000-0001-8415-9104

**Ольга Владимировна МИХАЙЛОВА**

доктор политических наук, доцент, профессор, кафедра политического анализа,  
факультет государственного управления  
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119191,  
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация  
E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru  
ORCID: 0000-0002-7394-8332

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Вилисов М.В., Батоврина Е.В., Михайлова О.В. (2021). Образ России в сознании молодежи постсоветских стран: опыт социологической оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 212–230. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-11

Статья поступила в редакцию 02.08.2021.

**АННОТАЦИЯ.** Десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, обозначили серьезные вызовы для России, от ответа на которые зависит перспектива сохранения ею лидерских позиций в интеграционных процессах на

современном постсоветском пространстве не только за счет объективных преимуществ в обладании ресурсами, но и за счет ее привлекательности для молодого поколения постсоветских стран. В статье предпринята попытка

*ка социологической оценки восприятия молодежью постсоветских стран современных российских гуманитарных проектов, ее готовности включаться в предлагаемые Россией международные образовательные проекты и строить траекторию профессионального развития с учетом возможностей, имеющихся в России. Авторы обращают внимание на необходимость проведения регулярного мониторинга восприятия России молодежью постсоветских стран с целью адаптации предлагаемых программ международного сотрудничества под потребности целевой аудитории, а также предлагают методику его построения.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** *восприятие России, постсоветское пространство, международное гуманитарное сотрудничество, молодежная политика, «мягкая сила».*

## Введение

В 2020–2021 гг. активизировались конфликтные политические процессы на территории бывшего СССР: протесты в Белоруссии, очередная революция в Киргизии, военное обострение в рамках нагорно-карабахского конфликта, эскалация ситуации на Востоке Украины. Многие из них потребовали прямого или косвенного вовлечения России, в том числе в попытках сделать Россию стороной конфликта или ответственной за происходящее. Подобные политические события не могут не влиять на общественные настроения в странах бывшего СССР, создавать долгосрочные политические последствия, например, в части формирования образа нашей страны и потенциала «мягкой

силы». В статье представлены результаты социологического исследования отношения к России молодежи постсоветских стран, проведенного в конце 2020 г. Выводы этого исследования, рассмотренные в контексте инструментов «мягкой силы», используемых в российской политике, как представляется, имеют важное значение для внесения дополнений и уточнений как в отдельные программы сотрудничества, так и в адаптацию стратегии к современным вызовам и потребностям целевой аудитории.

Статья состоит из нескольких частей. В первой части дается обзор актуальных для России внешнеполитических вызовов, влияющих на ее позиционирование в постсоветском пространстве. Во второй части представлены результаты социологического исследования отношения молодежи постсоветских государств к России. В заключении сформулированы выводы и рекомендации по организации регулярного социологического мониторинга динамики настроений молодежи постсоветских стран.

## Современные вызовы для России на постсоветском пространстве

В обновленной Стратегии национальной безопасности<sup>1</sup> (утверждена Указом Президента Российской Федерации 02.07.2021 года) при характеристике России в современном мире указывается на то, что «действия некоторых стран направлены на инспирирование в Содружестве Независимых Государств (СНГ) дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзника-

1 Утверждена Указом Президента Российской Федерации 02.07.2021 года № 400 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>, дата обращения 15.09.2021.

ми»<sup>2</sup>. Кроме того, отмечается, что проводятся «информационные кампании, направленные на формирование враждебного образа России... ограничивается использование русского языка, запрещается деятельность российских средств массовой информации и использование российских информационных ресурсов... российские граждане и соотечественники, проживающие за рубежом, подвергаются дискриминации и открытому преследованию»<sup>3</sup>.

Описанные процессы характерны для постсоветских стран, не являвшихся на момент распада СССР «настоящими государствами» (*genuine states*), а, скорее, «национализирующимися государствами», получившими «организационную оболочку» для наполнения ее собственным национальным контентом, который должен был собрать воедино население, территорию, культуру и политику [Brubaker, 2011, p. 1786]. Как отмечает Р. Брубейкер, признаки «национализирующихся государств» характерны для всех постсоветских стран, отличаются только стратегии: там, где основная нация имеет четкие этнические, языковые и прочие границы, стратегия заключается в ее укреплении, в том числе в политическом плане (автор приводит Казахстан в качестве примера). Там, где границы не столь отчетливы, основная задача заключается в изменении культурных практик, идентичности, переутверждении и расширении основной нации (примером для автора здесь служит Украина) [Brubaker, 2011].

Практически во всех случаях «основная» нация вступала в политические взаимодействия с русскими, которые становились объектами соответствующей политики национал-строительства и испытывали те самые ограничения, которые описаны в Стратегии национальной безопасности.

Эти процессы не завершены и в настоящее время. На Украине и сейчас продолжают весьма радикальные действия по ограничению использования русского языка<sup>4</sup> и отказу в статусе русскому народу как коренному<sup>5</sup>. Такое развитие событий даже привело к публичной полемике между президентами России и Украины: высказывание российского Президента о том, что «русские и украинцы – один народ», и публикация статьи на эту тему [Путин, 2021] вызвали реакции президента Украины<sup>6</sup>, что окончательно перевело спор в сферу исторической политики. Налицо попытки «установления границ» между двумя народами, формирование новой идентичности, в том числе с позиции исторической политики.

Аналогичные процессы, только в меньших масштабах, отмечаются и в Белоруссии, где на протяжении последних лет активно проводится официальная политика по «белорусизации», которая выражается в вытеснении русского языка из официального оборота (дорожные указатели, вывески на государственных учреждениях, объявления в транспорте)<sup>7</sup> и актуализации

2 Пункт 17 Стратегии национальной безопасности.

3 Пункт 19 Стратегии национальной безопасности.

4 Украина запретила использовать русский язык в сфере обслуживания (2021) // РИА Новости. 16 января 2021 // <https://ria.ru/20210116/ukraina-1593313629.html>, дата обращения 15.09.2021.

5 Васильев А. (2021). Зеленский подписал закон о коренных народах Украины // Российская газета. 21 июля 2021 // <https://rg.ru/2021/07/21/zelen-skij-podpisal-zakon-o-korennyh-narodah-ukrainy.html>, дата обращения 15.09.2021.

6 Зеленский опубликовал обещанный ответ Путину о единстве русских и украинцев (2021) // Lenta.ru. 28 июля 2021 // [https://lenta.ru/news/2021/07/28/ze\\_revenge/](https://lenta.ru/news/2021/07/28/ze_revenge/), дата обращения 15.09.2021.

7 Шимов В. (2021). Что такое «мягкая белорусизация» и почему русский язык побеждает // Фонд стратегической культуры.

7 июля 2021 // <https://www.fondsk.ru/news/2021/07/07/cto-takoe-mjagkaja-beloruzizacija-i-pochemu-russkij-jazyk-pobezhdaet-53950.html>, дата обращения 15.09.2021.

национального дискурса в школьных учебниках истории [Гронский, 2020].

В Казахстане, который, согласно Р. Брубейкеру, изначально придерживался другой стратегии – укрепления (прежде всего – политического) основной («титულიной») нации<sup>8</sup>, в том числе через активную историческую и символическую политику, официальные СМИ и кинематограф [Isaacs, 2015], в последние годы также активизировалась политика по «дерусификации», сопровождающаяся изменениями топонимики в северной (населенной преимущественно этническими русскими) части населения<sup>9</sup>.

Таким образом, ограничения использования русского языка отмечают даже в странах – традиционных союзниках России, что, однако, не влияет напрямую на официальные союзнические отношения с Белоруссией и Казахстаном и не вызывает значимых политических протестов среди населения этих стран.

Влияет ли это на отношение граждан этих стран к России или к стране своего пребывания/гражданства? Может ли повлиять на будущие отношения между нашими странами? Ответы не столь просты.

Как показывают исследования, использование языка далеко не всегда является маркером национальной идентичности. Например, на Украине люди, чей родной язык был и остается русским, трансформировались в украинцев, а не в русских, несмотря на сохранение своей языковой принадлежности, и поддерживают высокий уровень лояльности украинскому государству даже в условиях конфликтного политического противостояния с Россией [Kulyk, 2017]. Эти люди уже в большин-

стве своем не ощущают себя российскими соотечественниками. В Казахстане повсеместное использование русского языка этническими казахами также не приводит к изменению ими своей национальной принадлежности.

В то же время проведенный недавно социологический опрос среди граждан Украины показал достаточно высокий процент людей, которые согласны с утверждением Президента России о единстве русского и украинского народов: 41% в целом по стране, 65% – на Востоке Украины, 22% – на Западе, при этом по возрастным группам в целом по стране самую большую поддержку это утверждение нашло среди молодежи от 18 до 24 лет – 44% [Социально-политический настрой населения, 2021, с. 20–21].

Такие процессы самоидентификации, включая политическую, не связаны с историей, они происходят сейчас и являются реакцией на актуальные социоэкономические и политические процессы, в том числе процессы, связанные с формированием идентичности. Если дело обстоит именно так, то апелляции к исторической судьбе и тесным родственным связям явно недостаточны для того, чтобы говорить о «единстве народов»: несмотря на общую историю и даже язык, вполне возможна ситуация, когда, например, носители русского языка будут считать себя украинцами как с точки зрения этнической, так и политической идентификации. Тем более что сама Россия посылает русскоязычным гражданам постсоветских государств очень невнятные сигналы.

Еще в 1990-е годы процессы национализма в самой России отличались неровностью и «метаниями» меж-

8 Можно сказать, что эта задача была успешно решена.

9 Салов Д. (2021). Казахстан усиливает дерусификацию северных регионов // Anna-news.info. 20 июля 2021 // <https://anna-news.info/kazakhstan-usilivaet-derusifikatsiyu-severnyh-regionov/>, дата обращения 15.09.2021.

ду необходимостью построения чисто «гражданской нации» (в ее самом утопичном варианте), русским национализмом и «славянским единством» [Tolz, 1998]. Разрываемая внутренними противоречиями, вынужденная реагировать на актуальные вызовы социально-экономического контекста и пользующаяся низким доверием со стороны населения молодая политическая элита использовала дискурс нациестроительства весьма ситуативно, апеллируя то к внутренним, то к внешним целевым аудиториям для решения сиюминутных задач и не сформировав ни единого понимания, ни философии, ни стратегии нациестроительства, стараясь при этом тщательно обходить наиболее острые и дискуссионные моменты [Tolz, 1998]. Незавершенность этого процесса отражают прошлогодние дебаты относительно использования термина «русский народ» при разработке поправок к Конституции Российской Федерации<sup>10</sup>. Наличие такой внутренней неопределенности относительно «русских» и «русского народа» внутри самой России вряд ли способствует формированию национальной идентичности русских в других странах бывшего СССР, в том числе эффективной реализации концепции «русского мира», которая достаточно долго сохранялась в качестве основы российской политики «мягкой силы» [Mkhoyan, 2016].

В начале 2000-х годов был сформирован достаточно успешный подход к наращиванию российской «мягкой силы» [Tsygankov, 2006], который в 2010-х годах получил свое развитие и политическое закрепление в российских стратегических документах (см. подробный анализ документов [Агеева, 2016, с. 98–115]), существенно обогатился по используемому инструментарию – с ак-

центами на экономическое сотрудничество, активную работу российских СМИ за рубежом, системную деятельность Россотрудничества, реализацию проектов гуманитарного сотрудничества, в том числе в области культуры и образования [Агеева, 2016]. Получили свое развитие практики общественной дипломатии на региональном и межрегиональном уровнях [Сапрыка, Вавилов, Пастюк, 2017]. Однако, по мнению многих западных и российских экспертов, нынешний потенциал российской «мягкой силы» стремительно сокращается [Петрович-Белкин, Еремин, Бокерия, 2019; Rotaru, 2017; Rutland, Kazantsev, 2016; Агеева, 2016, с. 217–219]. Он уступает место традиционному (прежде всего – для Запада) восприятию России как носителя «жесткой» силы. Происходит это, по мнению экспертов, в том числе из-за попыток конвертации «мягкой силы» в «гибридные войны» для защиты собственных национальных интересов, что наносит ущерб международному престижу страны [Rutland, Kazantsev, 2016, pp. 408–409], подрывает доверие к проводимым гуманитарным программам, а также служит предлогом для ограничения действия российских СМИ за рубежом. Это в свою очередь ведет к сокращению интереса к России и формированию негативного образа страны, в том числе в постсоветских странах, население которых начинает воспринимать Россию через призму актуальных политических реалий, а не исторической и культурной близости. В случае с постсоветскими странами формирование такого образа априори играет на руку национальным политическим элитам, стремящимся завершить процесс «национализации» государств, который связан среди прочего с отмежеванием

10 Дюрягина К., Антонов А. (2020). Русские и другие // Коммерсантъ. 21 февраля 2020 // <https://www.kommersant.ru/doc/4261608>, дата обращения 15.09.2021.

от России, и является логическим продолжением советской практики «коренизации» и процесса распада Советского Союза – то есть может быть признан тем самым «дезинтеграционным процессом», о котором упоминается в Стратегии национальной безопасности.

Таким образом, возникает целый комплекс проблем и вопросов, требующих теоретического и практического осмысления, чтобы сформировать ответы на вызовы, обозначенные в стратегических документах. В связи с этим изучение социологическими методами актуального «состояния умов» и отношения к России, в том числе среди молодежи стран СНГ, представляет собой важную теоретическую и практическую задачу.

### Социологическая оценка отношения молодежи постсоветских государств к России

Современное постсоветское пространство продолжает находиться в фокусе внешнеполитического внимания России, функционируют институты межгосударственного сотрудничества, совместно решаются отдельные вопросы социально-экономического развития, политические лидеры демонстрируют открытость к совместной реализации глобальных проектов. Российские власти, стремясь сохранить лидирующие позиции в регионе, делают ставку на поддержание добрососедских отношений не только по экономической линии, но и развивая программы международного гуманитарного сотрудничества, ориентированные на молодое поколение. Вместе с тем молодежь на постсоветском пространстве живет в принципиально другой политической и экономической реаль-

ности, ей незнакомы институциональные, идеологические, культурные и образовательные особенности бывшего СССР, она вписана в глобальное пространство, где по многим актуальным для нее вопросам доминирующие позиции занимают страны вне этого региона, что ставит вопрос о готовности принятия ею российских гуманитарных проектов. Для ответа на него представляется важным исследовать образ России, сформировавшийся в сознании молодого поколения постсоветских стран, выявить его приоритеты в построении траектории своего профессионального будущего вне национального пространства.

В академической среде тема отношения молодежи постсоветских стран к России, перспективам дальнейшей интеграции стран, развития международного сотрудничества в различных сферах необоснованно редко становится объектом эмпирического изучения, что связано с рядом объективных сложностей по проведению комплексного сравнения. Авторы последних по времени проведения немногочисленных социологических исследований ставят вопросы о приоритетах и направлениях молодежной политики в постсоветских странах на фоне изменения структуры ценностных ориентаций у молодого поколения [Цюник, 2017]; о вовлеченности молодежи отдельных стран в потоки трудовой и образовательной миграции [Карабчук, Поплавская, 2019]; о восприятии России молодежью различных постсоветских стран и регионов [Космарская, 2020; Ярмак, Канах, Архипенко, 2018].

Двигаясь в том же исследовательском направлении, но расширяя его географические границы, авторы данной статьи в целях уточнения образа России, сложившегося в сознании молодежи постсоветских стран, определения факторов и каналов его формирования,

провели в ноябре-декабре 2020 г. социологическое исследование с использованием методов глубинного интервью и формализованного электронного анкетирования.

Глубинное интервью выполняло вспомогательную функцию и решало задачу подготовки к разработке анкеты и проведению формализованного электронного анкетирования. Основное внимание было уделено определению общей эмоциональной направленности восприятия молодежью постсоветских стран России (позитивное/негативное) и составлению списка индикаторов, отражающих особенности отношения к России в молодежной среде на постсоветском пространстве, которые в дальнейшем были использованы при разработке анкеты. Глубинное интервью проводилось индивидуально в формате видеоконференции в *Zoom*. В нем приняли участие пять студентов российских вузов – выходцы из стран ближнего зарубежья (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан), возраст респондентов – 19–22 года. Продолжительность интервью с каждым респондентом в среднем составила 60 минут.

Анализ ответов респондентов показал, что у них преобладает позитивное отношение к России. Во многом оно связано с многолетним изучением русского языка и обучением в русскоязычной школе («Я училась в русской школе на русском языке и проходила школьную российскую программу»). Еще один значимый фактор – смешанные семьи, выходцами из которых являются некоторые респонденты (мама или папа – русские). Третий фактор – личный позитивный опыт респондентов, связанный с Россией (обучение в школе с детьми из русских семей, дружба с ними, сотрудничество России со странами респондентов, позволяющее им, в частности, получать бесплатное российское образование по квоте для иностранных

студентов). Участники интервью продемонстрировали заинтересованность в дальнейшем участии в иницируемых Россией программах гуманитарного сотрудничества, прежде всего в сфере образования и молодежного обмена, с перспективой дальнейшего трудоустройства в России.

Кроме того, участники интервью полагают, что Россия, как страна, может гордиться своей территорией, «поставленной внешней политикой», «традициями, сплоченностью», «историей, богатой культурой и многонациональностью». Например, один из респондентов выразил уверенность, что «Россия – это калейдоскоп разных народностей, мирно живущих и сосуществующих». Они полагают, что в России «больше возможностей для саморазвития, для обучения и работы», чем в странах респондентов.

По итогам проведенных глубинных интервью был составлен список индикаторов, отражающих особенности отношения к России в молодежной среде на постсоветском пространстве. Среди них: интерес к приобретению конкретного опыта, связанного с Россией, интерес к культуре России, интерес к традициям России, готовность к участию в совместных культурных программах, связанных с Россией (фестивали, творческие конкурсы, туризм по культурным центрам России и др.), интерес к участию в совместных образовательных проектах, связанных с Россией, интерес к получению высшего образования в России, интерес к участию в совместных спортивных мероприятиях в России (соревнования, марафоны, конкурсы и др.), оценка респондентами возможностей и направлений развития сотрудничества между их странами и Россией. На основе этих индикаторов были подготовлены вопросы открытого, закрытого и полужакрытого типа для электронной анкеты.

Если глубинное интервью проводилось в основном для получения первичного среза данных о восприятии России молодежью постсоветских стран и формирования первичного представления о доминирующем в молодежной среде отношении к России, то целью формализованного электронного анкетирования стало воссоздание развнутого образа России, сложившегося у молодежи на постсоветском пространстве. В состав выборки вошли 414 респондентов – молодые люди из стран ближнего зарубежья, выходцы из Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдовы, Монголии, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана. Средний возраст участников анкетирования составил 22,5 года. По критерию «пол» выборка является достаточно сбалансированной: количество респондентов мужского пола на 15% превышает количество респондентов женского пола (57,04 и 42,96%, соответственно). Привлечение респондентов осуществлялось путем адресной рассылки информации об исследовании его потенциальным участникам, ее размещения в социальных сетях, а также методом снежного кома. Анкетирование проводилось на базе специализированной платформы для сбора социологических данных *SurveyMonkey*<sup>11</sup>. Типичное затраченное время на заполнение анкеты составило 13 минут. Полученные данные прошли предобработку в системе *SurveyMonkey*, что способствовало исчислению частот по процентам, выявлению основных направленностей в ответах респондентов на поставленные вопросы.

Как показало проведенное анкетирование, *восприятие респондентами России неоднозначно*: 39,46% участников анкетирования упомянули «хоро-

шее» и «скорее хорошее» отношение к России, в ответах 56,12% респондентов фигурируют ссылки на «плохое» и «скорее плохое» отношение. Перевес в пользу участников анкетирования, отметивших негативное отношение к России, связано с преобладанием в выборке респондентов из Белоруссии (47,6%). Дополнительный анализ их мнений показал, что данной позиции придерживаются 73,39% респондентов-белорусов. Среди участников анкетирования из других стран доминирует позитивное отношение к России. Наиболее высокий процент респондентов, заявивших о хорошем отношении молодежи их страны к России, пришелся на Азербайджан, Таджикистан и Узбекистан (в среднем около 80%).

О неоднозначности восприятия России участниками анкетирования свидетельствуют ассоциативные ряды, вызываемые у них ее упоминанием. С одной стороны, образ России формируют положительные ассоциации («красивая природа», «богатая культура» и др.). С другой стороны, в ответах респондентов присутствует немало отрицательных ассоциаций: «коррупция», «диктатура», «имперские замашки», «агрессия» и др. Наиболее ярко они представлены в анкетах респондентов из Белоруссии.

*Образ России у многих респондентов формируется под влиянием личного опыта.* Подавляющее большинство участников (86,49%) анкетирования были в России, следовательно, могут судить о ней исходя из собственных впечатлений. Респондентам, побывавшим в России, больше всего понравились архитектура (38 упоминаний), люди (31 упоминание), природа (27 упоминаний) и Москва (25 упоминаний). Из неприятных впечатлений – грязь

11 [www.surveymonkey.com](http://www.surveymonkey.com)

(31 упоминание), бедность (15 упоминаний), люди (15 упоминаний), коррупция и разруха (по 14 упоминаний), нищета (13 упоминаний). В целом, по мнению 90,2% респондентов, России, как стране, есть чем гордиться. Поводов для гордости много – это история (34 упоминания), культура (33 упоминания), люди (27 упоминаний), природа (17 упоминаний), ресурсы (12 упоминаний), территория (12 упоминаний), наука (8 упоминаний) и образование (7 упоминаний). Вместе с тем некоторые респонденты отмечают, что современная Россия может гордиться только прошлым и «достижениями предков», сейчас «идет одно разрушение», «все, что удалось сделать, было во времена СССР».

*Существенное значение для формирования образа России в молодежной среде на постсоветском пространстве имеет знание молодыми людьми русского языка, позволяющее им получать информацию о России, знакомиться с русской литературой, публикациями, новостями самостоятельно, без языковых посредников.*

Почти все участники анкетирования (99,66%) знают русский язык. Знакомство с русским языком многих респондентов произошло в семье (63,05% участников анкетирования отметили, что их родители знают русский язык), большинство респондентов (76,95%) учили русский язык в школе. Популярность русского языка в молодежной среде постсоветских стран объясняется его статусом государственного языка (например, в Белоруссии), большим количеством русскоязычного населения в стране, а также многонациональных (смешанных) семей. Вместе с тем, рассматривая гипотетическую ситуацию изучения русского языка «с нуля», только 42,52% респондентов отметили свою готовность учить его как иностранный. Большинство участников анкетирова-

ния (53,4%) заявили о противоположной позиции. Полученный результат – следствие преобладания в выборке белорусов. Так, только 24,51% участников анкетирования из Белоруссии подтвердили свою готовность учить русский язык (при условии, что в данный момент они его не знают), у 70,1% – противоположное мнение. Ссылки на нежелание учить русский язык как иностранный присутствуют в ответах респондентов из Азербайджана, Армении, Казахстана и Киргизии. Участники анкетирования из остальных стран выразили готовность учить русский язык как иностранный «с нуля».

*Одним из показателей восприятия респондентами России является их готовность получить в ней высшее образование.* В целом большинство респондентов (69,7%) хотело бы получить образование за рубежом. При этом только 27,41% участников анкетирования готовы с высокой долей вероятности выбрать программу обучения в России. Сравнительный анализ ответов респондентов по странам показал, что наибольший интерес к возможностям обучения в России проявили респонденты из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Монголии, наименьший – участники анкетирования из Армении, Казахстана и Белоруссии. Так, 56,06% респондентов из Белоруссии указали на крайне низкий уровень вероятности (1 балл из 5) выбора ими программы обучения в России.

Для респондентов, заинтересованных в получении образования в России, наиболее привлекательными являются образовательные программы следующих профилей: информационные технологии, технические науки, гуманитарные науки. Наименьшим интересом пользуются программы по медицине, естественным наукам и социальным наукам. Отдельных участников анкетирования интересует получение об-

разования в России по таким направлениям, как авиация, конструирование и моделирование одежды, живопись, скульптура и кинематография.

*Еще один значимый показатель восприятия респондентами России – их желание приобрести опыт работы в нашей стране.* Большинство респондентов (61,17%) не заинтересовано в приобретении опыта работы в России. Сравнительный анализ ответов участников анкетирования на этот вопрос по странам показал, что отсутствие интереса к приобретению опыта работы в России характерно, прежде всего, для белорусов (упомянули 79,31% респондентов). Однако некоторые респонденты из Казахстана (33,33%), Армении (33,33%) и Киргизии (20,0%) также не стремятся к получению опыта работы в России.

*Формирование образа России в молодежной среде постсоветских стран происходит в контексте развития ее отношений с государствами постсоветского пространства.* Мнения респондентов об отношениях их стран с Россией разделились: 44,02% участников анкетирования считают их скорее позитивными, дружескими, 47,1% респондентов склонны оценивать их как негативные, враждебные. Негативные оценки присутствуют в ответах респондентов из пяти стран – Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии и Молдовы. Несмотря на расхождения в оценках, многие участники анкетирования полагают, что существует немалый резерв для развития сотрудничества с Россией. Приоритетными направлениями сотрудничества, по их мнению, являются торговля, туризм и культура. Многие респонденты с удовольствием приняли бы участие в совместных культурных мероприятиях и туристических программах, организованных их странами и Россией. Исключение составляют 13,73% участников

анкетирования (преимущественно из Белоруссии), подчеркнувших, что у них «нет желания принимать участие в каких-либо программах, организованных при участии России», «с недружелюбной Россией нет намерения дружить».

Интересно, что подавляющее большинство респондентов (73,81%) не имеет информации о программах «молодежных обменов» между их странами и Россией, хотя явный интерес к такого рода программам присутствует. Наиболее востребованными направлениями программ «молодежных обменов», по мнению участников анкетирования, могли бы стать образование (30 упоминаний) и культура (22 упоминания). Многие респонденты затруднились с ответом на данный вопрос из-за отсутствия информации («ничего не слышно о таких программах»), а также восприятия и оценки ситуации в стране. Так, некоторые респонденты из Белоруссии заявили, что «при текущей ситуации молодежь Беларуси не захочет учиться в России, а будет всеми силами стремиться в Европу, так как Россия ассоциируется с оккупацией», программы обмена не будут востребованы – «особенно сейчас, когда РФ закрывает глаза на происходящее в Белоруссии», «молодежь скорее поедет в Польшу, Литву или Чехию, чем в Россию».

*На формирование образа России в глазах молодежи постсоветских стран «работает» наличие у них кумиров-россиян.* В их числе действующий Президент РФ В.В. Путин (19 упоминаний), российские оппозиционные политические и общественные деятели – А. Навальный (62 упоминания), М. Кац (22 упоминания), независимые журналисты, блогеры – Ю. Дудь (36 упоминаний), музыканты – Моргенштерн (восемь упоминаний), успешные предприниматели – П. Дуров (шесть упоминаний). Интересно, что в ответах только четырех респондентов присут-

ствуют упоминания русских писателей – А.С. Пушкина, А.П. Чехова и А.И. Солженицына, двух респондентов – космонавта Ю.А. Гагарина, одного респондента – ученого Ж.И. Алфёрова.

*В сознании многих респондентов сложились устойчивые представления о символах России.* Многие из них стереотипны, но тем не менее ярко воссоздают особенности образа России, сложившегося у молодежи постсоветских стран. Самыми упоминаемыми символами стали В.В. Путин (27 упоминаний), водка (22 упоминания), Кремль (22 упоминания), медведь (18 упоминаний), коррупция (14 упоминаний), матрешка (14 упоминаний), Красная площадь (10 упоминаний) и Москва (10 упоминаний). К самым неожиданным символам России, названным респондентами, можно отнести КВН, танк, Яндекс, «хрущевку», Сколково, «новичок», Николая Дроздова, Сити, соки «Сады Придонья». В ответах участников анкетирования упоминаются также природа (тайга, Волга, Байкал, Белокуриха), писатели и художники, российские шахматисты и космонавты. У России есть и негативные символы. Помимо упомянутой выше коррупции это «беспредел власти», «разруха», «НКВД», «алкоголизм», «диктатура» и «воровство».

*Немалое значение для формирования образа России в молодежной среде на территории постсоветского пространства имеют каналы получения молодыми людьми информации о ситуации в России.* Как показало проведенное исследование, подавляющее большинство респондентов (81,69%) следит за событиями в России. Основными каналами получения информации являются интернет-издания (74,06%), социальные сети (69,28%) и блогеры (61,77%) – именно они во многом влияют на формирование восприятия России, определяют отношение респон-

дентов к происходящим в ней событиям. Популярность телевидения как канала получения информации о событиях в России невысокая – его используют только 22,87% респондентов. При этом российские телевизионные каналы также не пользуются особой популярностью – ее констатируют только 33,44% участников анкетирования.

Группировка выборочной совокупности по полу, возрасту, образованию и направлениям подготовки респондентов позволила выделить дополнительные направленности в полученных результатах анкетирования.

Выраженной тенденцией оказалось преобладание позитивных отзывов о России в ответах респондентов женского пола. Они готовы учить русский язык как иностранный, имеют большую склонность к приобретению опыта работы в России, чем респонденты-мужчины, заинтересованы в участии в культурных мероприятиях, организованных их странами и Россией.

Возраст респондентов также сказывается на отношении к России: участниками анкетирования старшего возраста (23–24 года) чаще приводятся негативные оценки. Они менее склонны к выбору образовательных программ в России, чем участники анкетирования младшего возраста. Чем младше респонденты, тем более привлекательна для них перспектива приобретения опыта работы в России. Респонденты старшего возраста (23–24 года) не отличаются ярко выраженным интересом к его получению.

Интересно, что и образование влияет на восприятие респондентами России и отношения к ней. Участники анкетирования, завершившие обучение в вузе, склонны характеризовать отношение к России в молодежной среде на постсоветском пространстве как негативное. Респонденты, обучающиеся в вузе по программам бакалавриата и ма-

гистратуры, придерживаются противоположной позиции. Почти половину участников анкетирования, завершивших обучение в вузе, не интересуют российские образовательные программы. При этом интерес к получению еще одного образования за рубежом среди них крайне высок: его упомянули 68,8% респондентов из этой группы.

Любопытно, что направления подготовки респондентов в вузе также оказывают влияние на их отношение к России. Ее восприятие участниками анкетирования с техническим образованием чаще является негативным. Противоположная тенденция наблюдается в ответах респондентов, чьи направления подготовки в вузе относятся к гуманитарным и социальным. Их интересуют российские образовательные программы. Перспектива приобретения опыта работы в России им кажется более привлекательной, чем участникам анкетирования с техническим направлением подготовки.

Для уточнения причин возникновения упомянутых выше тенденций требуется проведение дополнительных исследований (в разработанной нами анкете соответствующие вопросы отсутствовали). Вместе с тем можно предположить, что преобладание позитивного отношения к России среди респондентов женского пола объясняется более частым просмотром ими российских телевизионных каналов в сравнении с респондентами-мужчинами. Еще одно возможное объяснение – интерес девушек к получению гуманитарного образования в России по направлениям подготовки, слабо представленным на их отечественных рынках образовательных услуг. Так, например, девушки упоминали следующие специальности, которые они хотели бы получить в России: «кинематография», «конструирование и моделирование одежды», «живопись», «скульптура».

Снижение уровня привлекательности России как потенциального места получения образования с увеличением возраста и повышением образовательного уровня респондентов может быть объяснено невысокой оценкой российских магистерских программ молодежью постсоветских стран. Судя по результатам анкетирования, получив степень бакалавра и решив продолжить обучение в магистратуре, респонденты склонны рассматривать более престижные и хорошо зарекомендовавшие себя магистерские программы в вузах дальнего зарубежья, чем предложения, поступающие от российских университетов, что естественным образом снижает их общий интерес к нашей стране. В ходе проведения углубленных интервью с двумя респондентами (женского пола из Казахстана и Узбекистана) было отмечено падение привлекательности России именно в процессе обучения в университете, в том числе под влиянием соответствующего отношения, доминирующего в молодежной и образовательной среде соответствующих российских вузов. Возможно, речь идет о частных случаях, хотя такая тенденция отмечалась и ранее среди граждан Украины, обучавшихся в России до кризиса во взаимных отношениях. В любом случае, имеющихся данных пока недостаточно для того, чтобы делать какие-то выводы, обе гипотезы требуют дополнительной проверки.

В целом, подводя итог анализа результатов глубинного интервью и формализованного электронного анкетирования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, отношение к России в молодежной среде на постсоветском пространстве, ее восприятие как возможного места получения образования и приобретения профессионального опыта во многом определяется страновой принадлежностью респондентов. Позитивный образ России сформиро-

вался у выходцев из Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Монголии. Противоположное восприятие сформировалось в молодежной среде Белоруссии, а также частично – Армении, Молдовы и Казахстана. Данная тенденция может быть объяснена социально-политической ситуацией, сложившейся в этих странах.

Во-вторых, несмотря на существующие различия в образе России, сформировавшемся у молодых представителей разных стран постсоветского пространства, большинство из них сходится во мнении о богатом культурном и историческом наследии России, высоком уровне развития российской науки, медицины, отдельных отраслей промышленности. У молодежи стран постсоветского пространства много кумиров-россиян: от общественных и политических деятелей до представителей культуры и искусства. Знание русского языка, постоянное обращение к русскоязычному контенту Интернета, просмотр российских телевизионных каналов, общение с выходцами из смешанных и русских семей сближает молодежь из стран постсоветского пространства с Россией, прямо или косвенно способствует формированию интереса к посещению России, туризму, получению российского образования.

В-третьих, молодежь стран постсоветского пространства (за исключением Белоруссии) в целом заинтересована в получении образования в России по разным направлениям, в участии в программах обмена, а также в культурных мероприятиях, туристических программах и других совместных инициативах их стран и России. Интерес к различным направлениям сотрудничества с Россией в некоторой степени определяется полом, возрастом, образованием и направлениями подготовки молодежи стран постсоветского

пространства. Вместе с тем приоритетными направлениями развития гуманитарного сотрудничества между Россией и странами постсоветского пространства могли бы стать образование и культура – именно они чаще других упоминались участниками проведенного исследования.

## Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов, которые условно можно объединить в две группы: выводы относительно российской политики «мягкой силы» на пространстве СНГ и выводы относительно дальнейших направлений социологических исследований по этой теме.

Содержание полученных результатов исследования отчасти подтверждает негативные оценки российской «мягкой силы». Несмотря на значительные успехи, достигнутые Россией в этом направлении по сравнению с периодом 1990-х годов в связи с переходом на «более прагматичную» и двустороннюю политику в отношении стран бывшего СССР и отказом от реинтеграции через институты СНГ [Tsygan-ko, 2006], современная российская политика в этом направлении достигла определенных пределов и требует пересмотра, может быть, даже весьма радикального.

Наиболее тревожные симптомы – выявленный в ходе исследования достаточно высокий процент негативного отношения к России молодежи стран – членов ЕАЭС, особенно в Белоруссии. Конечно, здесь нужно делать поправку на актуальный контекст, однако сам факт того, что в наиболее тесно интегрированных с Россией в экономическом плане странах молодежь относится к нашей стране скорее негативно, должен настораживать.

Второй тревожный звонок – ухудшение отношения к России по мере роста образованности и получения высшего образования, снижение интереса к российским образовательным программам при наличии интереса учиться за рубежом. Это серьезный признак «голосования ногами», с причинами которого необходимо разбираться. Аналогичная ситуация наблюдалась в прошлом с Украиной, когда огромное число обучавшихся в России до 2014 года граждан Украины никак не конвертировалось в потенциал «мягкой силы» и пророссийской поддержки внутри соседней страны. Вытеснение русского языка как иностранного с постсоветского пространства даже среди его носителей также является серьезной проблемой. Следует обратить внимание и на преобладание среди молодежи каналов коммуникации, связанных с использованием сети Интернет.

Причины негативного отношения к России требуют отдельного исследования, в том числе в части эффективности российской политики «мягкой силы» и ее институтов, формирования «идейного» или «ценностного» посыла российской «мягкой силы» [Агеева, 2016, с. 226–229]. Возможно, необходимо подумать в целом о «реновации» российской внешней политики в отношении стран бывшего СССР. Целесообразно выделить ее в самостоятельное направление российской внешней политики («ближняя внешняя политика», по аналогии с «ближним зарубежьем»), разграничив с традиционной для российской дипломатии «дальней внешней политикой». Разграничение в данном случае относится не к географической близости, а к определению круга стран, в которых исторически сильно российское влияние и которые считаются зоной «эксклюзивных» российских интересов. На данный момент очевиден ресурсный дисбаланс обеспечения рос-

сийской политики по этим двум направлениям: недостаток научных школ, изучающих страны бывшего СССР (в надежде на то, что «их не нужно особо изучать, мы ведь и так их хорошо знаем»), недостаток языковой подготовки (в надежде на то, что «они все говорят по-русски»), недостаток образовательных программ, готовящих специалистов для работы по этим направлениям, недостаток политического внимания к этому региону на фоне приоритета «большой политической игры» со странами «дальнего зарубежья».

С точки зрения социологических исследований как инструмента изучения настроений молодежи постсоветского пространства есть также много задач для решения. Как показало проведенное исследование, ответы многих респондентов на поставленные вопросы ситуативны, конъюнктурны, зачастую определяются социально-политической ситуацией, сложившейся в их странах, их отношениями с Россией, в целом внешнеполитической обстановкой. Данные обстоятельства указывают на необходимость изучения образа России в молодежной среде на постсоветском пространстве в динамике, на регулярной основе, т.е. в рамках системы социологического мониторинга, а не разового социологического исследования.

Мониторинг представляет собой периодическую процедуру сбора, обработки и анализа информации об объекте исследования. Построение системы социологического мониторинга образа России в глазах молодежи постсоветских стран должно осуществляться поэтапно [Бондаренко, 2008, с. 24–27].

В рамках первого, *теоретико-методологического*, этапа необходимо уточнить методику сбора данных. Используемая в настоящем исследовании анкета зарекомендовала себя положительно и может быть применена и в

рамках социологического мониторинга. Однако сокращение количества открытых вопросов могло бы существенно упростить процедуру обработки данных, что особенно актуально в случае проведения мониторинга с выборкой большего объема. Кроме того, сокращение количества открытых вопросов в анкете могло бы способствовать минимизации высказываний, ссылок, комментариев респондентов, не имеющих прямого отношения к рассматриваемой теме (в том числе некорректных, эмоциональных комментариев оскорбительного, радикального характера).

Основной задачей второго, *организационно-процедурного*, этапа построения системы социологического мониторинга является определение требований к формированию выборки, а также периодичности проведения мониторинга. Для получения достоверных данных формирование выборки должно осуществляться с учетом объема генеральной совокупности – численности граждан каждого рассматриваемого постсоветского государства, относящихся к целевой возрастной группе, при доверительной вероятности – 95%. При этом выборка должна быть стратифицированная (по государствам постсоветского пространства, уровню образования и профессиональному опыту молодежи), случайная на этапе отбора респондентов. При определении периодичности проведения мониторинга необходимо учитывать, что полученные в его рамках данные должны помочь зафиксировать существенные изменения, произошедшие с объектом исследования. Учитывая существенную динамику социально-политических процессов в странах постсоветского пространства и, как следствие, изменения в восприятии России молодежью, можно предположить, что оптимальным интервалом проведения измерений явля-

ется один год. Принятие за основу данного интервала является также оправданным с точки зрения соотношения затрачиваемых на мониторинг ресурсов и своевременности получаемой информации. Более частое проведение мониторинговых исследований не сможет добавить что-либо существенное к полученной картине образа России, однако увеличит стоимость исследований в целом.

Построение и внедрение системы социологического мониторинга образа России в сознании молодежи постсоветских стран позволит адаптировать действующие программы международного гуманитарного сотрудничества, инициированные Россией, к потребностям представителей целевой группы, популяризировать образ России в молодежной среде на постсоветском пространстве, учитывая актуальные факторы и каналы формирования ее восприятия молодежью.

## Список литературы

- Агеева В.Д. (2016). Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике России в контексте глобализации. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. СПб.
- Бондаренко В.Ф. (2008). Социологическое исследование: назначение, программа, организация. М.: Московский гуманитарный университет.
- Гронский А.Д. (2020). Проблема этничности и языка в белорусском школьном учебнике (на примере учебника по истории Белоруссии, изданного в 2017 году) // Мищенко В.В., Мищенко Т.А., Куркина С.П. (ред.). Россия и славянские народы в XIX–XXI веках. Сборник статей. Брянск. С. 44–50.
- Карабчук Т.С., Поплавская А.А. (2019). Анализ динамики отношений

молодежи стран постсоветского блока к интеграционным процессам между странами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные проблемы. № 1. С. 153–178. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.07

Космарская Н.П. (2020). Какой видит Россию молодежь постсоветских стран? Мнения студентов Казахстана // Россия и современный мир. № 1. С. 186–203. DOI: 10.31249/rsm/2020.01.10

Петрович-Белкин О.К., Еремин А.А., Бокерия С.А. (2019). Проблема снижения влияния России на постсоветском пространстве: чем вызван дрейф государств СНГ в сторону многовекторности? // Вестник международных организаций. Т. 14. № 1. С. 94–112 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_39141939\\_44776894.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_39141939_44776894.pdf), дата обращения 15.09.2021.

Путин В.В. (2021). Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России. 12 июля 2021 // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>, дата обращения 15.09.2021.

Сапрыка В.А., Вавилов А.Н., Пастюк А.В. (2017). Общественная дипломатия приграничных регионов России в оценках жителей Белгородской, Воронежской и Курской областей // Международные процессы. Т. 15. № 2. С. 119–132. DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.8

Социально-политический настрой населения (2021) // Социологическая группа «Рейтинг». 23–25 июля 2021 // [http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg\\_files/rg\\_ukraine\\_2500\\_072021\\_2\\_press.pdf](http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_ukraine_2500_072021_2_press.pdf), дата обращения 15.09.2021 (на украинском).

Цюник Д.А. (2017). Молодежь и молодежная политика в постсоветских государствах // Проблемы постсоветского пространства. Т. 4. № 1. С. 57–64. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-1-57-64

Ярмак О.В., Канах А.М., Архипенко В.Е. (2018). Образ России в сознании студенческой молодежи Крыма и

Севастополя: результаты социологического исследования // Дискурс. № 6. С. 71–79 // <https://discourse.etu.ru/assets/files/yarmak-o.v.-kanah-a.m.-arhipenko-v.e.pdf>, дата обращения 15.09.2021.

Brubaker R. (2011). Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in post-Soviet States // Ethnic and Racial Studies, vol. 34, no 11, pp. 1785–1814. DOI: 10.1080/01419870.2011.579137

Isaacs R. (2015). Nomads, Warriors and Bureaucrats: Nation-building and Film in post-Soviet Kazakhstan // Nationalities Papers, vol. 43, no 3, pp. 399–416. DOI: 10.1080/00905992.2013.870986

Kulyk V. (2017). Identity in Transformation: Russian-speakers in Post-Soviet Ukraine // Europe-Asia Studies, vol. 71, no 1, pp. 156–178. DOI: 10.1080/09668136.2017.1379054

Mkhoyan A. (2016). Soft Power, Russia and the Former Soviet States: A Case Study of Russian Language and Education in Armenia // International Journal of Cultural Policy, vol. 23, no 6, pp. 690–704. DOI: 10.1080/10286632.2016.1251426

Rotaru V. (2017). Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the “Near Abroad” // Problems of Post-Communism, vol. 65, no 1, pp. 37–48. DOI: 10.1080/10758216.2016.1276400

Rutland P., Kazantsev A. (2016). The Limits of Russia’s “Soft Power” // Journal of Political Power, vol. 9, no 3, pp. 395–413. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232287

Tolz V. (1998). Forging the Nation: National Identity and Nation Building in post-Communist Russia // Europe-Asia Studies, vol. 50, no 6, pp. 993–1022. DOI: 10.1080/09668139808412578

Tsygankov (2006). If not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin’s Foreign Policy // Europe-Asia Studies, vol. 58, no 7, pp. 1079–1099. DOI: 10.1080/09668130600926355

**Under Discussion**

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-11

# The Perception of Russia by Young People in Post-Soviet Countries: the Experience of Sociological Assessment

**Maksim V. VILISOV**

PhD in Politics, Leading Researcher, Center for Interdisciplinary Research  
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy  
of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation  
E-mail: mvilisov@mail.ru  
ORCID: 0000-0002-6634-3829

**Ekaterina V. BATOVRINA**

PhD in Sociology, Associate Professor, Human Resource Management Department,  
School of Public Administration  
Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,  
Russian Federation  
E-mail: BatovrinaEV@spa.msu.ru  
ORCID: 0000-0001-8415-9104

**Olga V. MIKHAYLOVA**

DSc in Politics, Associate Professor, Professor, Policy Analysis Department, School  
of Public Administration  
Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovsky Av., 27/4, Moscow,  
Russian Federation  
E-mail: Mikhaylova@spa.msu.ru  
ORCID: 0000-0002-7394-8332

**CITATION:** Vilisov M.V., Batovrina E.V., Mikhaylova O.V. (2021). The Perception of Russia by Young People in Post-Soviet Countries: the Experience of Sociological Assessment. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 212–230 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-11

Received: 02.08.2021.

**ABSTRACT.** *The decades that have passed since the collapse of the USSR have identified serious challenges for Russia, the answer to which depends on the prospect of maintaining its leadership position in the integration processes in the modern post-Soviet space, not only due to objective advan-*

*tages in the possession of resources, but also due to its attractiveness for the younger generation of the post-Soviet countries. The article makes an attempt of a sociological assessment of the perception of modern Russian humanitarian projects by young people in post-Soviet countries, their willingness to*

join the international educational projects proposed by Russia and build a trajectory of professional development, taking into account the opportunities available in Russia. The authors draw attention to the need for regular monitoring of the perception of Russia by the youth of the post-Soviet countries in order to adapt the proposed programs of international cooperation to the needs of the target audience, and also offer a methodology for its construction.

**KEYWORDS:** perception of Russia, post-Soviet space, international humanitarian cooperation, youth policy, soft power.

## References

- Ageeva V.D. (2016). *The Role of the "Soft Power" Instruments in Russia's Foreign Policy in the Context of Globalization*. Dissertation, Saint-Petersburg. Available at: <https://disser.spbu.ru/files/disser2/disser/872f45x1B0.pdf>, accessed 15.09.2021 (in Russian).
- Bondarenko V.F. (2008). *Sociological Research: Purpose, Program, Organization*, Moscow (in Russian).
- Brubaker R. (2011). Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in post-Soviet States. *Ethnic and Racial Studies*, vol. 34, no 11, pp. 1785–1814. DOI: 10.1080/01419870.2011.579137
- Gronskiy A.D. (2020). The Problem of Ethnicity and Language in the Belarusian School History Textbook, Published in 2017. *Russia and Slavic Folks in the 19<sup>th</sup> – 21<sup>st</sup> Centuries*. Digest of Articles (eds. Mishchenko V.V., Mishchenko T.A., Kurkina S.P.), Bryansk, pp. 44–50 (in Russian).
- Isaacs R. (2015). Nomads, Warriors and Bureaucrats: Nation-building and Film in post-Soviet Kazakhstan. *Nationalities Papers*, vol. 43, no 3, pp. 399–416. DOI: 10.1080/00905992.2013.870986
- Karabchuk T.S., Poplavskaya A.A. (2019). Analyzing the Dynamics in the Attitudes of Youth in the post-Soviet Countries towards CIS Intergration Processes. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 153–178 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.07
- Kosmarskaya N.P. (2020). How Russia Is Perceived by the Youth of Post-Soviet Countries? The Attitudes of Kazakhstani Students. *Russia and the Contemporary World*, no 1, pp. 186–203 (in Russian). DOI: 10.31249/rsm/2020.01.10
- Kulyk V. (2017). Identity in Transformation: Russian-speakers in Post-Soviet Ukraine. *Europe-Asia Studies*, vol. 71, no 1, pp. 156–178. DOI: 10.1080/09668136.2017.1379054
- Mkhoyan A. (2016). Soft Power, Russia and the Former Soviet States: A Case Study of Russian Language and Education in Armenia. *International Journal of Cultural Policy*, vol. 23, no 6, pp. 690–704. DOI: 10.1080/10286632.2016.1251426
- Petrovich-Belkin O., Yeryomin A., Bokeriya S. (2019). The Problem of Russia's Declining Influence in the Former Soviet Union: Why Are the CIS Countries Drifting toward Multilateralism? *International Organisations Research Journal*, vol. 14, no 1, pp. 94–112. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_39141939\\_44776894.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_39141939_44776894.pdf), accessed 15.09.2021 (in Russian).
- Putin V.V. (2021). On the Historical Unity of Russians and Ukrainians. *President of Russia*, July 12, 2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>, accessed 15.09.2021 (in Russian).
- Rotaru V. (2017). Forced Attraction? How Russia is Instrumentalizing Its Soft Power Sources in the "Near Abroad". *Problems of Post-Communism*, vol. 65, no 1, pp. 37–48. DOI: 10.1080/10758216.2016.1276400
- Rutland P., Kazantsev A. (2016). The Limits of Russia's "Soft Power". *Journal of*

*Political Power*, vol. 9, no 3, pp. 395–413. DOI: 10.1080/2158379X.2016.1232287

Sapryka V.A., Vavilov A.N., Pastyuk A.V. (2017). Public Diplomacy in Russian Border Regions: Local Assessments in Three Regions. *International Trends*, vol. 15, no 2, pp. 119–132 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2017.15.2.49.8

Socio-Political Mood of the Population (2021). *Sociological Group "Rating"*, July 23–25, 2021. Available at: [http://rating-group.ua/files/ratinggroup/reg\\_files/rg\\_ukraine\\_2500\\_072021\\_2\\_press.pdf](http://rating-group.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_ukraine_2500_072021_2_press.pdf), accessed 15.09.2021 (in Ukrainian).

Tolz V. (1998). Forging the Nation: National Identity and Nation Building in post-Communist Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 50, no 6, pp. 993–1022. DOI: 10.1080/09668139808412578

Tsygankov (2006). If not by Tanks, Then by Banks? The Role of Soft Power in Putin's Foreign Policy. *Europe-Asia Studies*, vol. 58, no 7, pp. 1079–1099. DOI: 10.1080/09668130600926355

Tsyunik D.A. (2017). Youth and Youth Policy in the Post-Soviet States. *Post-Soviet Issues*, vol. 4, no 1, pp. 57–64 (in Russian). DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-1-57-64

Yarmak O.V., Kanakh A.M., Arkhipenko V.E. (2018). The Image of Russia in the Minds of the Student Youth of the Crimea and Sevastopol: the Results of a Sociological Survey. *Discourse*, no 6, pp. 71–79. Available at: <https://discourse.etu.ru/assets/files/yarmak-o.v.-kanah-a.m.-arkhipenko-v.e.pdf>, accessed 15.09.2021 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12

# «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР

**Майя Андреевна ЯДОВА**

кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),  
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: m.yadova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2988-1513

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Ядова М.А. (2021). «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 14. № 5. С. 231–246.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12

Статья поступила в редакцию 16.07.2021.

**АННОТАЦИЯ.** *Статья посвящена представлениям поколения постсоветской молодежи о распаде СССР. Делается попытка проанализировать причины благосклонного и «ностальгического» отношения к СССР со стороны тех, кто в силу возраста не имеет опыта советской жизни. Показано, что, согласно данным массовых опросов, отношение к распаду СССР зависит от возраста респондентов: старшие поколения преимущественно воспринимают распад Советского Союза негативно, в то время как среди молодежи (особенно в самой юной когорте 18–24-летних) число тех, кто не огорчен распадом СССР, превосходит число сожалеющих об этом. Динамика массового мнения о данном событии в последние годы неустойчива, значительно сказывается «крымский эффект»: в период Крымского кризиса – 2014 число сожалеющих о распаде СССР резко выросло, но спустя годы снова вернулось к прежнему уровню. Приводятся данные авторского*

*исследования, посвященного проблеме восприятия постсоветских трансформаций и 1990-х годов в целом молодыми россиянами. Проведенное исследование продемонстрировало, что отношение молодежи к постсоветскому периоду развития российского общества основано по большей части на растиражированных в отечественных СМИ штампах о «лихих» девяностых. В своих оценках молодые люди нередко опираются на мнения родителей (или других старших родственников) и учителей. Отмечается мифологизированность восприятия событий декабря 1991 г. молодежью и ее внутренняя дистанцированность от последнего десятилетия XX в., плохое знание советских и постсоветских реалий жизни. Делается вывод о том, что интерес к советскому прошлому для части молодежи вызван мечтами о благополучном и справедливом обществе равных возможностей, от образа которого так далека сегодняшняя Россия.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** *постсоветская молодежь, распад СССР, российское общество, постсоветские трансформации.*

## Введение в проблему

Слово «ностальгия» имеет греческое происхождение и в обыденном смысле означает тоску по родине или прошлому. Этот термин был введен в научный оборот в конце XVII в. швейцарским врачом И. Хофером. Так он назвал необычную болезнь швейцарских наемных солдат и студентов, которые страдали от тоски вдали от родины. Для излечения этой болезни предлагались различные средства типа пиявок, опиума или отдыха в Альпах [Boym, 2001, p. 3]. В современном мире представления о ностальгии, разумеется, существенно расширились. Сегодня это явление принято рассматривать как феномен мировой культуры и глобальный тренд в контексте изучения коллективной памяти и постпамяти.

Под коллективной памятью обычно понимают сложившиеся в какой-либо социальной общности представления о прошлом. Американский антрополог и филолог С. Бойм считает ностальгию мостиком между коллективной памятью и индивидуальной [Boym, 2001], с чем сложно не согласиться. Что касается постпамяти, то она представляет опыт и практики «принятия прошлого» от старших младшими поколениями, которые в силу возраста это прошлое не застали. Автор концепции постпамяти американская исследовательница М. Хирш впервые использовала этот термин при изучении «поколения постпамяти», потомков жертв Холокоста [Hirsch, 2012], впрочем, это не мешает говорить о постпамяти в более широком контексте и применительно к другим историческим сюжетам. Так,

М.М. Степанова в романе-эссе «Памяти памяти» предлагает собственную реконструкцию феномена постпамяти: для нее это и слишком сильно воспринятый детьми травмирующий опыт родителей, и проецирование прошлого на сегодняшнюю жизнь, и даже замещение прошлым настоящего [Степанова, 2017]. В нашей статье речь пойдет об особенностях «воспоминаний» о советской жизни представителей постсоветских поколений молодежи, не имеющих опыта советской жизни. Однако в данном случае субъективные оценки независимо от их фактологической точности говорят об информантах и их социальном окружении достаточно красноречиво.

Отметим, что «ностальгические» тренды – примета, характерная для постмодернистского социума. Например, британский социолог З. Бауман считает возможным говорить о ретроtopии – общемировой эпидемии ностальгии по прошлому, которая вызвана массой негативных социальных причин, прежде всего связанных с нестабильностью, сложностью, рискогенностью общества XXI в. и поставивших человечество перед почти неразрешимым выбором между свободой и безопасностью [Bauman, 2017]. Посткоммунистическая (постсоциалистическая) ностальгия – коллективное социальное чувство (в понимании Э. Дюркгейма [Durkheim, 1995]), связанное с идеализацией прежнего политического режима и характерное для бывших стран социалистического лагеря – вполне вписывается в эту тенденцию. О такого рода ностальгии пишут множество исследователей, выделяя среди ее видов остальгию (ностальгию по временам ГДР; иногда этим термином обозначают постсоциалистическую ностальгию в целом), югоностальгию (ностальгию по социалистической Югославии), ностальгию по СССР и пр. (см., напри-

мер: [Bartmanski, 2011; Berdahl, 1999; Boyer, 2006]).

Важно подчеркнуть, что социальная ностальгия имеет «особые отношения» не только с прошлым, но и с настоящим, являясь, по меткому замечанию отечественных социологов Г.Е. Зборовского и И.Е. Широковой, признаком «глубочайшей растерянности общества перед настоящим» [Зборовский, Широкова, 2001, с. 34]. Изучая ностальгические реакции тех или иных социальных групп относительно исторического прошлого своей страны, мы узнаем что-то новое об обществе, в котором живем сегодня (такое понимание, думается, позволяет иначе взглянуть на вынесенные в заглавие настоящей работы строки А. Вознесенского, превращая их в глубокую метафору).

Если говорить о нашей стране, то исследования коллективной памяти разных поколений россиян о Советском Союзе не теряют своей значимости и актуальности даже по прошествии трех десятилетий с момента распада СССР. Многие специалисты отмечают, что это связано в основном с тем, что окончательный переход от советской к российской идентичности в нашем обществе так и не состоялся [Ковалин, Фофанова, 2003; Левада, 2010]. Отношение к СССР до сих пор во многом определяет взгляды россиян по ключевым вопросам общественной жизни, что делает эту тему вопросом не о прошлом, а о будущем нашей страны и пути ее развития.

Представляется интересным выяснить, как оценивают СССР и все, что с ним связано, поколения молодежи, почти или совсем не имеющие опы-

та советской жизни<sup>1</sup>. Для них распад СССР – геополитическая катастрофа, благо или что-то другое? Результаты социогуманитарных исследований на эту тему показывают, что современная молодежь неоднозначно относится к советскому периоду, ее представления о Советском Союзе зачастую носят мифологизированный, фрагментарный характер и черпаются из учебников, книг, материалов СМИ, рассказов учителей и старших родственников.

### Образы советского прошлого и постсоветского настоящего в представлениях молодежи

На протяжении последних десятилетий горечь по поводу распада Советского Союза выражают примерно две трети жителей стран постсоциалистического лагеря: так, в 2006 г., по данным опроса ВЦИОМ, 68% россиян сожалели о распаде СССР, 24% – не сожалели, на Украине таковых, соответственно, было 59% и 30%, в Белоруссии – 52% и 36% [Попов, 2007]. По результатам исследования компании «Башкирова и партнеры», в 2006 г. в Киргизии сожалели о распаде Союза 78%, в Таджикистане – 62%, Казахстане – 54% опрошенных [Попов, 2007].

Спустя годы «ностальгический» тренд по Советскому Союзу в нашей стране сохраняется и, видимо, сохранится в ближайшем будущем. Так, в 2020 г., по данным общероссийского опроса Левада-центра, доля россиян, сожалеющих о распаде СССР, составила 65%, тогда как только четверть (26%) признались, что распад их не огорчил

<sup>1</sup> В настоящей работе речь идет преимущественно о российском поколении миллениалов (тех, кто родился примерно в период между сломом социалистической системы и началом 2000-х годов и чье взросление пришлось на новое тысячелетие) и немного о самых старших когортах центениалов (поколения Z), родившихся после 2000 г. и пока демонстрирующих не столько собственные специфические особенности, сколько усиленные черты миллениалов; последних, вероятно, было бы даже удобнее называть постмиллениалами.

[Пипия, 2020, с. 13]. Любопытно, кстати, что общественное мнение на Украине после известных событий изменилось кардинально. Как следует из недавнего отчета Киевского международного института социологии, теперь число сожалеющих о распаде СССР украинцев меньше тех, кто считает иначе (34% и 50%) [Грушецкий, Паниотто, 2020].

Единственная возрастная группа россиян, преимущественно не испытывающая горечи в связи с распадом Советского Союза, – это постсоветская когорта 18–24-летних: здесь доля «сожалеющих» составила меньшую часть (33% и 49% соответственно). Во всех остальных возрастных группах чаще фиксируются сожаления о распаде СССР: например, в когорте «молодых взрослых» (25–39 лет) соотно-

шение «сожалеющих» / «не сожалеющих» составляет 49% к 37%, среди поколения старше 55 лет это соотношение уже 82% к 13% [Пипия, 2020, с. 13] (см. табл. 1). Примечательно, что большинство представителей всех поколений россиян – как советских, так и постсоветских – полагают, что распада СССР можно было бы избежать, т.е. считают Советский Союз вполне жизнеспособным государственным образованием. Также молодежь наравне со старшими поколениями (таковых примерно 2/3 и более во всех возрастных группах) называет советскую эпоху лучшим временем в истории нашей страны, высоко оценивая уровень благосостояния и качество жизни советских граждан [Пипия, 2020] (см. табл. 1).

Данные массовых опросов согласуются с результатами ряда научных со-

**Таблица 1.** Распределение ответов представителей разных поколений россиян на вопросы о СССР, N=1614, февраль 2020 г., %

**Table 1.** Distribution of responses of Russian different generations representatives to questions about the USSR, N=1614, February 2020, %

<b>Сожалеете ли вы о распаде СССР?</b>					
<b>Варианты ответов</b>	<b>18–24 лет</b>	<b>25–39 лет</b>	<b>40–54 лет</b>	<b>55+ лет</b>	<b>Вся выборка</b>
Да	33	49	71	82	65
Нет	49	37	23	13	26
Затрудняюсь ответить	18	14	6	5	9
<b>Распад СССР был неизбежен или его можно было избежать?</b>					
Был неизбежен	36	34	28	16	26
Можно было избежать	46	54	65	74	65
Затрудняюсь ответить	18	13	8	10	9
<b>Советская эпоха была лучшим временем в истории нашей страны с высоким уровнем благосостояния и возможностями для обычных граждан?</b>					
Определенно согласны / скорее согласны	63	71	75	82	75
Скорее не согласны / определенно не согласны	24	21	20	15	18
Затрудняюсь ответить	13	8	6	4	6

**Источник:** [Пипия, 2020, с. 13].

циологических, политологических и социопсихологических исследований по этой теме. Например, как свидетельствует проект В.А. Касамары и А.А. Сорокиной, большинство московских студентов демонстрируют позитивное отношение к советскому прошлому, парадоксальным образом противопоставляя СССР современной России [Касамара, Сорокина, 2014].

Так, присущие, по мнению молодежи, советскому обществу дружелюбная атмосфера, взаимопомощь, социальные гарантии, консолидирующие ценности, культурные достижения и величие сравниваются с тем, что происходит в современной России – атомизированном, враждебном, социально слабым, коррумпированном государстве, не имеющем национальной идеи, актуальной великой культуры и не умеющем защитить своих граждан (см. табл. 2).

Поражают «сказочные» представления о счастливой советской жизни некоторых информантов. «Советский Союз – страна счастливых, улыбающихся, работающих людей... И еще обязательно должен быть праздник. Все люди весело толпятся, поют какую-то задумчивую песню. Люди трудятся, но при этом никто из них не жалуется на судьбу, не говорит, как непросто им живется. Всех все устраивает», – таково мнение од-

ного из интервьюируемых, 24-летнего студента [Касамара, Сорокина, 2014, с. 112]. А вот другой отзыв, уже о современных нам реалиях: «Мне кажется, что национальной идеей этой страны является ненависть. Ненависть народа к властям предрежающим и олигархам. Нет терпимости. И абстрактные элиты отвечают на это взаимной ненавистью» [Касамара, Сорокина, 2014, с. 113].

Заметна в словах молодых респондентов и горечь по поводу потери бывшего величия. Причем, по мнению некоторых участников исследования, без авторитарной фигуры, подобной Сталину, Советский Союз вряд ли бы смог стать великой державой; именно таких лидеров не хватает нынешней России, считает часть опрошенных [Касамара, Сорокина, 2014, с. 115].

Обратимся также к результатам лонгитюдного исследования постсоветского поколения молодежи, осуществленного автором настоящей статьи, но прежде остановимся на описании его цели, задач и методологии. На первом этапе, в конце 2008 – начале 2009 г., было проведено социологическое исследование, посвященное проблеме соотношения «современного» и «традиционного» в ценностях постсоветской молодежи. Модернистскими считались характеристики так называемой современной личности, сфор-

**Таблица 2.** Основные дихотомии при сравнении СССР и современной России  
**Table 2.** The main dichotomies when comparing the USSR and modern Russia

СССР	Современная Россия
Дружелюбная атмосфера, взаимопомощь	Недоверие друг к другу, чувство ненависти, враждебность
Идеология, объединяющая людей	Отсутствие национальной идеи
Советские культурные достижения	Прозападная массовая культура
Социальные гарантии	Социальная незащищенность
Великая держава	Слабое коррупционное государство

Источник: [Касамара, Сорокина, 2014, с. 112].

мулированные американским социологом А. Инкелесом: открытость новому опыту, социальная ответственность и активность, законопослушность, толерантность, самостоятельность и пр.; под традиционалистскими понимались противоположные современным качества [Inkeles, Smith, 1974]. Мы предположили, что слаборесурсная часть молодежи, скорее всего, аккумулирует традиционалистские взгляды, сильно-ресурсная – модернистские.

Эмпирическим объектом исследования стали представители контрастных групп молодежи (15–18 лет, т.е. речь идет о когорте рожденных уже в «новой России»), обладающие разными социальными ресурсами, прежде всего, образовательными и социостатусными. При формировании выборки мы исходили из предположения, что важнейшим фактором, влияющим на меру и глубину «модерности» человека, является уровень его образования, с чем связан характер профессии и, следовательно, социальный статус. Всего на основании специально разработанной методики было опрошено 1600 учащихся 10–11-х классов общеобразовательных школ и колледжей г. Москвы (по 800 человек в каждой подвыборке; первые условно были отнесены к сильноресурсной страте, вторые – к слаборесурсной). Результаты опроса позволили выделить из общего числа респондентов «модернистов» и «традиционалистов». Среди старшеклассников соотношение «модернистов» и «традиционалистов» составило 23% и 7%, в подвыборке студентов колледжей, наоборот, «модернистов» совсем немного – 5%, а «традиционалистов» уже 15% (различия статистически значимы на уровне  $\leq 0,001$ ). Большинство же респондентов в обеих группах выбирает смешанный тип поведенческих намерений. Таким образом, гипотеза о существовании связи между модернизмом

индивида и его «ресурсоемкостью» получила подтверждение.

На следующем этапе, в 2010–2011 гг., с некоторыми «модернистами» и «традиционалистами» проводились индивидуальные полужформализованные глубинные интервью биографического характера (N = 24 + 24; группы были выравнены по объему социального капитала и полу респондентов; возраст опрошенных – 17–19 лет). Гайд интервью составляли вопросы, посвященные детским и школьным годам респондентов, их взаимоотношениям с родными и друзьями, восприятию ими тех или иных политических событий, происшедших в нашей стране, и т.д.

Наконец, на третьем этапе, в феврале – апреле 2014 г., были проведены дополнительные полужформализованные биографические интервью, в основном нацеленные на выяснение изменений, произошедших в жизни информантов за прошедшие годы. В последней «волне» участие приняли 22 «модерниста» и 21 «традиционалист». На тот момент возраст опрошенных уже составил от 20 до 23 лет. Участников исследования спрашивали о наиболее важных событиях, случившихся с ними за последние годы, их дальнейших жизненных планах, а также оценках текущей политической обстановки в России и событий, связанных с Крымским кризисом – 2014.

Как уже говорилось выше, на одном из этапов исследования (в 2010–2011 гг.) была проведена серия индивидуальных полужформализованных глубинных интервью с юношами и девушками (на тот момент им было 17–19 лет, часть из них поступила в вузы), выбравшими модернистскую или традиционалистскую жизненную стратегию. Нам хотелось выявить детерминанты, повлиявшие на выбор молодыми людьми той или иной системы ценностей. В числе прочего информантов спрашивали о политических событиях не-

давнего прошлого или современника-ми которых они оказались в детские и юношеские годы (подробнее см.: [Ядова, 2012]).

Как выяснилось, участники исследования довольно сильно дистанцированы от последнего десятилетия XX в.: одни с трудом описывали ключевые политические события того времени, другие вовсе не знали предмет беседы. Для большей части постсоветской молодежи распад СССР, октябрьский путч 1993 г., чеченская война, дефолт 1998 г. воспринимаются как «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Связного и логичного рассказа об этих событиях не удалось услышать почти ни от одного информанта. Нередко молодые люди путались в бытовых явлениях совсем недавнего прошлого: кто-то называл рэкетиров фраерами или впервые услышал об октябрятах (например, одна девушка была уверена, что так в детском саду именуют детей, родившихся в октябре), другие ничего не знали о паспортной системе СССР и что значит быть лимитчиком. Вместе с тем большинство участников исследования достаточно позитивно отзывались о советском прошлом и негативно – о реалиях 1990-х годов, считая их следствием «развала СССР». Впрочем, большинство респондентов подчеркивали, что их оценки основаны на рассказах старших родственников: родителей, дедушек и бабушек и т.п. Если те рассказывали о счастливой советской жизни, которая впоследствии «рухнула», эти взгляды транслировались молодежи в интервью.

*Родители поженились в начале 1980-х, тогда еще был крепкий Советский Союз и жить было хорошо.*

Студентка вуза, 18 лет (М)<sup>2</sup>

*[После распада СССР] в стране был бардак, и родители часто рассказывают, что в тот момент, когда у некоторых не было еды, кто-то барыжил на чужом горе.*

Студент вуза, 18 лет (М)

Негативные оценки постсоветского периода развития России со стороны молодежи в основном обусловлены экономическими причинами. Что касается демократических завоеваний, то к ним отношение участников исследования довольно сложное: даже «модернисты», следуя логике элитизма, убеждены, что большинство россиян не умеют пользоваться дарованными им свободами, а значит, их не заслуживают.

*Но умеют ли люди пользоваться этой свободой? Мне кажется, что тогда не умели, да и сейчас не очень хорошо получается.*

Студент вуза, 17 лет (М)

*Свобода у нас переходит в разгул. И зачем она тогда нужна?*

Студентка колледжа, 18 лет (Т)

Лишь единицы оценили «девяностые» положительно (по 3 человека в группах «модернистов» и «традиционалистов»), прежде всего из-за демократических достижений и низких цен.

*Они тяжелые были для нашей страны, но они были нужны. Без них не было бы того, что сейчас. При СССР люди не могли отдохнуть за границей, не могли создать свой бизнес... не могли себе купить квартиру или дачу...*

Студентка колледжа, 17 лет (М)

*Тогда вообще нам с мамой хватало 100 рублей, чтобы купить целый па-*

2 Здесь и далее буквами М и Т, соответственно, обозначены «модернисты» и «традиционалисты».

*кет продуктов, когда мы с ней ходили в магазин.*

Студентка вуза, 18 лет (Т)

В то же время молодые «модернисты» и «традиционалисты» достаточно позитивно оценивают 2000-е годы и совершенно не мечтают о «советской сказке», как студенты в исследовании В.А. Касамавы и А.А. Сорокиной. Стоит отметить, что если 1990-е годы юноши и девушки воспринимают сквозь призму чужих рассказов, то 2000-е годы – это время их взросления и собственных впечатлений. Большинство информантов убеждены, что эти годы подарили россиянам спокойную, стабильную жизнь, материальное благополучие, возможность выезжать за границу, пользоваться гаджетами и др. техническими новинками. Впрочем, были и те, кто выражал недовольство современными российскими реалиями: прежде всего, молодежи не нравится растущий уровень агрессии, насилия, безнравственности и равнодушия в обществе, а также чиновничий произвол. Примечательно, что для участников интервью, вопреки расхожему мнению, современный российский социум в большей степени, чем СССР, – общество насилия.

*Мне не нравится, что сейчас люди стали более злые, молодежь злая, как бы каждый живет для себя только.*

Студентка колледжа, 17 лет (М)

Кстати, многие «модернисты» и «традиционалисты» в период Крымского кризиса в 2014 г. расценили новость о включении Крыма в состав РФ как попытку вернуть нашей стране утраченное величие, что говорит о неизжитом имперском комплексе и у постсоветских поколений россиян [Ядова, 2016, с. 56].

*Нельзя проморгать такой шанс: Россия играет сейчас по-крупному. Мне*

*нравится, что мы стали сильными, как во времена СССР.*

Студент вуза, 21 год (Т)

### **Загадочное постсоветское поколение: без советского бэкграунда, но с советскими взглядами**

Как свидетельствуют массовые опросы, ностальгия по былому величю страны, ее военной и социально-экономической силе на протяжении многих лет остается одной из ключевых причин, вызывающих у россиян чувство сожаления о советском времени: причем эти настроения присущи как советским, так и постсоветским поколениям [Попов, 2007]. Опираясь на данные массовых опросов, проводимых Левада-центром, социолог Н. Зоркая замечает, что по мере взросления российская молодежь вписывается в структуру массовых базовых ценностных представлений, присущих советским поколениям [Зоркая, 2007, с. 35]. Ощущение утраты принадлежности к великой державе переживали в 1999 г. 29% наших юных соотечественников, в 2006 г. – уже 55%, в то время как, согласно опросу 2005 г., 78% молодых россиян считали распад Советского Союза величайшей геополитической катастрофой XX в. [Зоркая, 2007, с. 43].

О том, что даже постсоветские поколения россиян по своим мировоззренческим особенностям не слишком отличаются от советских генераций, социальные исследователи говорят давно. Так, одной из наиболее значимых и известных инициатив перестроечного ВЦИОМ (после 2003 г. – Левада-центра) стал многолетний проект *Ното Soveticus*, который осуществлялся с 1989 по 2008 г. Вдохновитель и руководитель данного исследования Ю.А. Левада объяснял свое нежелание менять

устаревшее название тем, что современные россияне, несмотря на перемены, произошедшие в обществе, по сути остались теми же, кем были. Если говорить о выделенной отечественными социологами модели «советского простого человека», то она не сильно изменилась под воздействием посткоммунистических трансформаций («общество приоткрылось, да люди закрыты» [Левада, 2010, с. 14]). По словам Ю.А. Левады, юноши и девушки «эпохи нулевых» вслед за старшими поколениями россиян «любят власть и великодержавную патриотику» [Левада, 2010, с. 14], демонстрируют черты репрессивного сознания и не очень высоко ценят гражданские свободы. Недавнее масштабное исследование В.В. Радаева, посвященное поколению миллениалов, выявило схожие тенденции [Радаев, 2019]. Рассуждая о кардинальных отличиях миллениалов от советских поколений, В.В. Радаев намеренно не стал рассматривать политическую сферу, поскольку политические взгляды миллениалов и homo soveticus не столь различны.

Закономерно возникает вопрос, что значит быть великой державой, по мнению молодежи? В связи с этим кажутся любопытными результаты исследования, проведенного в 2019 г. в Пермском крае [Шилов, 2020]. Представителям двух, казалось бы, контрастных по своему жизненному опыту поколений – молодежи 14–30 лет и пенсионерам Пермского края – предложили подумать над содержательным наполнением концепта «великая держава». Обратим внимание на тот факт, что данное исследование охватывает провинциальную, а не столичную молодежь (последнюю специалисты обычно относят к наиболее прозападной части нашего общества).

Итак, пермская молодежь полагает, что великая держава должна прежде всего, обеспечивать высокий уро-

вень благосостояния граждан (54,8%), соблюдать нормы демократии и права человека, принятые в цивилизованном мире (36,3%), иметь развитую экономику (30,3%), развивать науку и внедрять высокие технологии (20,4%) [Шилов, 2020, с. 183]. Структура ответов пожилых респондентов немного иная, так как в числе ключевых элементов великой державы они видят не новые технологии и демократические свободы, а военную мощь и особый национальный дух: высокий уровень благосостояния народа (35,8%), развитая экономика (24,1%), мощные Вооруженные силы, высокий уровень русской культуры и национального духа (обе позиции – 8,7%) [Шилов, 2020, с. 183]. Впрочем, в некоторых вопросах старшее и младшее поколения оказались единодушны. Например, они считают распад СССР и сталинские репрессии наиболее вызывающими стыд событиями отечественной истории [Шилов, 2020, с. 186].

Однако романтизация советского общества не усиливает стремление реставрировать советский режим. Доля респондентов, считающих, что сегодняшняя Россия должна вернуться на путь, которым двигался СССР, выросла с 18% в 2000 г. до 28% в 2019 г., но никогда не набирала поддержки даже трети населения в сравнении с другими возможными вариантами развития страны (европейский или особый путь). Согласно результатам общероссийского опроса Левада-центра, проведенного в 2019 г., 58% россиян выбирают особый путь развития страны, соответственно, 28% и 10% поддерживают советский и европейский тренды развития [Пиния, 2020, с. 17]. Молодежь чаще старших поколений выбирает идеологему европейского пути развития (таковых 21% в когорте 18–24-летних, 15% – среди тех, кому 25–39 лет), однако симпатии ее отданы варианту особого пути (52%), за возвращение в СССР высту-

пают лишь 18% опрошенных [Пипия, 2020, с. 18]. Любопытен «крымский эффект»: начиная с 2014 г. россияне стали чаще выбирать в качестве оптимальной модели развития страны советскую модель и реже европейскую, хотя для молодежи этот эффект характерен в меньшей степени [Пипия, 2020, с. 17].

Вышеизложенное позволяет предположить, что, несмотря на некоторые различия во взглядах советских и несоветских поколений на советское прошлое и сегодняшнее настоящее нашей страны, межпоколенческий ценностный конфликт по этому поводу маловероятен. Некоторые отечественные исследователи, фиксируя данный факт, делают пессимистические выводы о том, что демократические преобразования в России силами постсоветской молодежи вряд ли возможны. На наш взгляд, такие выводы не совсем оправданны. Например, согласно результатам исследований, осуществленных в 2011–2015 гг. под руководством психолога Е.Б. Шестопаля, демократические ценности прочно утвердились в российском социуме, они интериоризованы большинством жителей страны (и в первую очередь – молодежью), являясь частью ее политической и духовной культуры, а не просто примитивным заимствованием западных образцов [Шестопаля, 2016]. Кроме того, анализ основных линеек современных учебников по истории России, рекомендованных Министерством просвещения РФ к использованию в учебном процессе, выявил единый тренд в освещении темы распада СССР. Авторы учебников независимо от своего отношения к отдельным позитивным сторонам советской жизни убеждены в невозможности кардинального реформирования нашей страны в рамках существовавшей в СССР общественно-политической системы; также положительные оценки даются эпохе перестройки, а за-

слугу М.С. Горбачёва авторы учебников видят в его решительности и способности пойти на масштабные преобразования страны [Корочаров, 2021].

Кроме того, одной из возможных причин романтизации образа СССР в молодежной среде можно считать недовольство тем, что происходит в сегодняшней России. Скорее всего, в случае сглаживания существующих в стране социально-экономических и политических противоречий (включая противостояние со странами Запада) ностальгическая устремленность в советское прошлое постепенно сойдет на нет, причем во всех возрастных группах. Отечественные социологи М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги убедительно показывают, что доверие российской молодежи институтам власти сильно зависит от общей социально-политической и экономической обстановки в стране: в стабильные времена уровень доверия высок, тогда как в кризисные периоды он снижается. Но особенно велико доверие современной молодежи нынешнему Президенту РФ: если в 1995 г. только 6% молодых россиян доверяли действующему президенту, то в 2009–2019 гг. доля таковых колеблется между 71% и 56% [Горшков, Шереги, 2020, с. 230]. Будет ли этот тренд продолжен в последующие годы, покажет время. Вместе с тем результаты социологических исследований последних лет свидетельствуют, что, начиная с лета 2019 г., избыточное силовое давление на протестующих против недопуска оппозиционных кандидатов к выборам в Мосгордуму привело к усилению политизации настроений части россиян, прежде всего, молодежи [Глухова и др., 2020]. Социолог Е.Л. Омельченко полагает, что, участвуя в мирных коллективных практиках протеста, российская молодежь учится отстаивать свои права и действовать сплоченно, для многих наших молодых соотечественников этот опыт

может стать решающим в биографии<sup>3</sup>. Вместе с накопившимся в современном российском обществе запросом на перемены это дает возможность рассматривать постсоветскую молодежь как ключевого актора будущих социальных трансформаций в России, способного двигаться вперед, не оглядываясь на прошлое.

Пожалуй, стоит отметить, что интерес к недавнему прошлому со стороны миллениалов (в том числе постсоветских) также можно объяснить спецификой их взросления. Некоторые исследователи говорят о миллениалах как о «поколении ностальгии»<sup>4</sup>, видя причину ностальгических ориентаций представителей этого поколения в том, что их детство пришлось на период интенсивного развития цифровых технологий и глобальных изменений повседневной жизни. Это подтолкнуло миллениалов к более бережному отношению к прошлому, заставив «почувствовать себя намного старше, чем они есть, и захотеть быть намного моложе, чем они себя ощущают»<sup>5</sup>. Политические трансформации, охватившие страны постсоциалистического лагеря три десятка лет назад, по-видимому, придают этим ощущениям еще большую остроту.

## Выводы

Подводя итоги, отметим, что постсоветское поколение молодежи отличается достаточно мифологизированный и романтизированный взгляд на

советское прошлое: знания молодых россиян об этом историческом периоде фрагментарны и базируются в основном на рассказах родителей, учителей и тиражируемых в СМИ штампах. Имеющиеся различия во взглядах старших и младших поколений россиян на жизнь в СССР и современной России вряд ли могут спровоцировать межпоколенческий конфликт. Практически во всех поколениях россиян преобладают позитивные оценки советского периода, сожаление по поводу распада Советского Союза (отсюда негативное отношение к 1990-м годам как к непосредственному советскому «послесловию») и убежденность в том, что СССР было бы возможно сохранить. Небольшое исключение составляет самая юная когорта наших соотечественников (до 25 лет): в этой возрастной группе число сожалеющих о распаде СССР меньше тех, кого это не огорчает, а доля сторонников советского варианта развития нашей страны минимальна. Вызывает беспокойство, что существенная часть молодежи, критично оценивая жизнь в современной России, противопоставляет сильный и благополучный Советский Союз сегодняшнему слабому, расколотому и коррумпированному российскому обществу. Интерес к советскому прошлому для этой части молодежи, вероятно, вызван мечтами о справедливом обществе равных возможностей, от образа которого далека сегодняшняя Россия. Этот феномен еще предстоит осмыслить, но очевидно, что он свидетельствует о запросе

3 Омельченко Е.Л. (2019). Протест миллениалов, но не только // Полит.ру. 2 августа 2019 // <https://polit.ru/article/2019/08/02/omelchenko/>, дата обращения 15.05.2021.

Примечательно, что некоторые отечественные исследователи считают целесообразным называть российских постмиллениалов «поколением Путина» или «поколением Навального» [Голов, 2019, с. 130]. Если рассматривать эти метафоры буквально, то можно предположить в будущем наличие внутри одного поколения молодых россиян тех, кто представляет диаметрально противоположные политические взгляды. Вызов ли это внутрипоколенческий конфликт и как отразится на состоянии нашего общества, пока предугадать сложно.

4 Martz P. (2018). The Nostalgia Generation // The Observer, March 23, 2018 // <https://observer.case.edu/martz-the-nostalgia-generation/>, дата обращения 20.05.2021.

5 Ibid.

се российской молодежи на перемены в социуме, в котором она живет. Если учесть выводы американского политолога и социолога Р. Инглхарта о том, что в трансформирующихся обществах взгляды новых поколений начинают доминировать спустя десятилетия [Inglehart, 1990], внимание к оценкам, симпатиям и антипатиям сегодняшней молодежи становится важным не только в исследовательских целях.

## Список литературы

- Глухова А.В., Сиденко О.А., Сосунов Д.В., Щеглова Д.В. (2020). В поисках желаемого будущего – российская внутриполитическая повестка дня // Социологические исследования. № 2. С. 43–52. DOI: 10.31857/S013216250008493-5
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. (2020). Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН.
- Грушецкий А., Паниотто В. (2020). Оценка советского прошлого: май 2020 года // КМИС. 26 июня 2020 // <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=950&page=1>, дата обращения 20.05.2021.
- Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. (2001). Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. № 8. С. 31–34 // <https://ecsocman.hse.ru/data/734/894/1217/005Z-borovskij.pdf>, дата обращения 20.05.2021.
- Зоркая Н. (2007). «Ностальгия по прошлому», или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь? // Вестник общественного мнения. № 3. С. 35–46 // <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgija-po-proshlomu-ili-kakie-uroki-mogla-usvoit-i-usvoila-molodezh/viewer>, дата обращения 20.05.2021.
- Касамара В.А., Сорокина А.А. (2014). Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. № 1. С. 107–118 // [https://ecsocman.hse.ru/data/2015/11/28/1250991359/107-118\(Kasamara\).pdf](https://ecsocman.hse.ru/data/2015/11/28/1250991359/107-118(Kasamara).pdf), дата обращения 20.05.2021.
- Ковадин М.А., Фофанова К.В. (2003). Советский Союз как часть коллективной памяти молодежи: социологический анализ // Российский хороший журнал. № 1. С. 63–73 // <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-soyuz-kak-chast-kollektivnoy-pamyatimolodezhi-sotsiologicheskij-analiz/viewer>, дата обращения 20.05.2021.
- Корочаров А.В. (2021). Распад СССР в современных школьных учебниках // Свободная мысль. № 1. С. 25–42 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_45590693\\_33436257.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_45590693_33436257.pdf), дата обращения 20.05.2021.
- Левада Ю.А. (2010). Интервью Саше Канноне // Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. М.: Издатель Карпов Е.В. С. 13–21.
- Пипия К. (2020). Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. М.: Левада-центр.
- Попов Н.П. (2007). Ностальгия по величю: Россия в постсоветском пространстве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 44–53 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_16224847\\_17227303.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_16224847_17227303.pdf), дата обращения 20.05.2021.
- Попов Н.П. (2019). Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 126–152. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.06
- Радаев В.В. (2019). Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ВШЭ.
- Степанова М.М. (2017). Памяти памяти: Романс. М.: Новое издательство.
- Шестопап Е.Б. (2016). Элиты и общество как политические акторы постсо-

ветской России // Социологические исследования. № 5. С. 35–43 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_26125601\\_82105691.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_26125601_82105691.pdf), дата обращения 20.05.2021.

Шилов В.В. (2020). Историко-социологический аспект понятия «великая держава» // Власть. № 3. С. 181–189 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_43117430\\_93634469.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_43117430_93634469.pdf), дата обращения 20.05.2021.

Ядова М.А. (2012). Девяностые и нулевые в представлениях «модернистов» и «традиционалистов» постсоветского поколения // Политическая наука. № 2. С. 177–195 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_17787605\\_78182198.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_17787605_78182198.pdf), дата обращения 20.05.2021.

Ядова М.А. (2016). Крымский кризис – 2014 глазами молодежи постсоветского поколения // Социологические исследования. № 9. С. 50–58 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_26687692\\_26064431.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_26687692_26064431.pdf), дата обращения 20.05.2021.

Bartmanski D. (2011). Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia // *Acta Sociologica*, vol. 54, no 3, pp. 213–231. DOI: 10.1177/0001699311412625

Bauman Z. (2017). *Retrotopia*, Cambridge: Polity Press.

Berdahl D. (1999). '(N)Ostalgia' for the Present: Memory, Longing, and East German Things // *Ethno*, vol. 64, no 2, pp. 192–211. DOI: 10.1080/00141844.1999.9981598

Boyer D. (2006). Ostalgia and the Politics of the Future in Eastern Germany // *Public Culture*, vol. 18, no 2, pp. 361–381 // <https://profiles.rice.edu/sites/g/files/bxs3341/files/inline-files/Ostalgie.pdf>, дата обращения 20.05.2021.

Boym S. (2001). *The Future of Nostalgia*, New York: Basic Books.

Durkheim E. (1995). *The Elementary Forms of Religious Life*, New York: Free Press.

Hirsch M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*, New York: Columbia University Press.

Inglehart R. (1990). *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Inkeles A., Smith D.H. (1974). *Becoming Modern*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12

# “Nostalgia Not for the Past but Nostalgia for the Present”: Post-Soviet Youth on USSR’s Collapse

**Maiya A. YADOVA**

PhD in Sociology, Head of the Department of Sociology and Social Psychology  
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy  
of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation  
E-mail: m.yadova@mail.ru  
ORCID: 0000-0002-2988-1513

**CITATION:** Yadova M.A. (2021). “Nostalgia Not for the Past but Nostalgia for the Present”: Post-Soviet Youth on USSR’s Collapse. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 231–246 (in Russian).  
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12

Received: 16.07.2021.

**ABSTRACT.** *The article focuses on the perceptions of the generation of post-Soviet youth about the collapse of the USSR. An attempt to analyse the reasons for the favourable and “nostalgic” attitude to the USSR on the part of those who, due to their age, have no experience of Soviet life is made. It is shown that, according to mass surveys, attitudes towards the collapse of the USSR depend on the age of respondents: older generations predominantly perceive the collapse of the Soviet Union negatively, while among young people (especially in the youngest cohort of 18-24-year-olds) the number of those who are not upset about the collapse of the USSR exceeds the number who regret it. The dynamics of public opinion on this event have been erratic in recent years, strongly influenced by the “Crimean effect”: during the Crimean crisis – 2014, the number of those regretting the collapse of the USSR rose sharply, but, years later, it has returned to its previous level. The data of the author’s study devoted to the problem of perception of*

*post-Soviet transformations and the 90s in general by young Russians are given. The study conducted has shown that young people’s attitudes towards the post-Soviet period in Russian society are mainly based on clichés about the “wild” nineties that have been replicated in the Russian media. In their assessments, young people often rely on the views of parents (or other older relatives) and teachers. The mythology of young people’s perception of the events of December 1991 and their internal distance from the last decade of the XX century, as well as their poor knowledge of Soviet and post-Soviet realities of life are noted. The conclusion is drawn that some young people’s interest in the Soviet past stems from dreams of a prosperous and just society of equal opportunities, from which today’s Russia is so far removed.*

**KEYWORDS:** *post-Soviet youth, USSR’s collapse, Russian society, post-Soviet transformations.*

## References

- Bartmanski D. (2011). Successful Icons of Failed Time: Rethinking Post-Communist Nostalgia. *Acta Sociologica*, vol. 54, no 3, pp. 213–231. DOI: 10.1177/0001699311412625
- Bauman Z. (2017). *Retrotopia*, Cambridge: Polity Press.
- Berdahl D. (1999). "(N)Ostalgia" for the Present: Memory, Longing, and East German Things. *Ethno*, vol. 64, no 2, pp. 192–211. DOI: 10.1080/00141844.1999.9981598
- Boyer D. (2006). Ostalgic and the Politics of the Future in Eastern Germany. *Public Culture*, vol. 18, no 2, pp. 361–381. Available at: <https://profiles.rice.edu/sites/g/files/bxs3341/files/inline-files/Ostalgie.pdf>, accessed 20.05.2021.
- Boym S. (2001). *The Future of Nostalgia*, New York: Basic Books.
- Durkheim E. (1995). *The Elementary Forms of Religious Life*, New York: Free Press.
- Glukhova A.V., Sidenko O.A., Sosunov D.V., Shcheglova D.V. (2020). Searching for the Desirable Future: Internal Political Agenda for Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2, pp. 43–52 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250008493-5
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2020). *The Youth of Russia in the Mirror of Sociology: On the Results of Years of Research*, Moscow: Federal center of theoretical and applied sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Grushechij A., Paniotto V. (2020). The Assessment of the Soviet Past: May 2020. *KIIS*, June 26, 2020. Available at: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=950&page=1>, accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Hirsch M. (2012). *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust*, New York: Columbia University Press.
- Inglehart R. (1990). *Culture Shift in Advanced Industrial Society*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Inkeles A., Smith D.H. (1974). *Becoming Modern*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kasamara V.A., Sorokina A.A. (2014). The Image of the USSR and Modern Russia in the Representations of Students. *Social Sciences and Contemporary World*, no 1, pp. 107–118. Available at: [https://ecsocman.hse.ru/data/2015/11/28/1250991359/107-118\(Kasamara\).pdf](https://ecsocman.hse.ru/data/2015/11/28/1250991359/107-118(Kasamara).pdf), accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Korocharov A.V. (2021). Disintegration of the USSR in Modern School Textbooks. *Free Thought*, no 1, pp. 25–42. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_45590693\\_33436257.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_45590693_33436257.pdf), accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Kovadin M.A., Fofanova K.V. (2003). The Soviet Union as Part of the Collective Memory of Youth: A Sociological Analysis. *Russian Good Magazine*, no 1, pp. 63–73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskiy-soyuz-kak-chast-kollektivnoy-pamyati-molodezhi-sotsiologicheskij-analiz/viewer>, accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Levada Yu.A. (2010). Interview by Sasha Kannone. *Memoirs and Discussions of Yu.A. Levada*, Moscow: Karpov E.V., pp. 13–21 (in Russian).
- Pipiya K. (2020). *Memory Structure and Reconstruction of the Soviet Union in Russian Public Opinion*, Moscow: Levada-center (in Russian).
- Popov N.P. (2007). Nostalgia for the Greatness. Russia in the Post-Soviet Space. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 44–53. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_16224847\\_17227303.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_16224847_17227303.pdf), accessed 20.05.2021 (in Russian).
- Popov N.P. (2019). Comparative Analysis of Social and Political Views of Russian and American Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 1, pp. 126–152 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.06

Radaev V.V. (2019). *Millennials: How the Russian Society Changes*, Moscow: HSE (in Russian).

Shestopal E.B. (2016). Elites and Society as Political Actors in Post-Soviet Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 5, pp. 35–43. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_26125601\\_82105691.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_26125601_82105691.pdf), accessed 20.05.2021 (in Russian).

Shilov V.V. (2020). Historical and Sociological Aspect of the Concept of Great Power. *Vlast'*, no 3, pp. 181–189. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_43117430\\_93634469.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_43117430_93634469.pdf), accessed 20.05.2021 (in Russian).

Stepanova M.M. (2017). *In Memory of Memory: Romance*, Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).

Yadova M.A. (2012). Perception of 1990-s and 2000-s years by the “Modernists” and “Traditionalists” of Post-Soviet Generation. *Political Science*, no 2, pp. 177–195. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_17787605\\_78182198.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_17787605_78182198.pdf), accessed 20.05.2021 (in Russian).

download/elibrary\_17787605\_78182198.pdf, accessed 20.05.2021 (in Russian).

Yadova M.A. (2016). Crimean Crisis – 2014 as Seen by the Post-Soviet Youth Generation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 9, pp. 50–58. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_26687692\\_26064431.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_26687692_26064431.pdf), accessed 20.05.2021 (in Russian).

Zborovskij G.E., Shirokova E.A. (2001). Social Nostalgia: To Study the Phenomenon. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 8, pp. 31–34. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/data/734/894/1217/005Zborovskij.pdf>, accessed 20.05.2021 (in Russian).

Zorkaya N. (2007). “Nostalgia for the Past” or What Lessons Could Learn and Have Learnt the Young? *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 3, pp. 35–46. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nostalgija-po-proshlomu-ili-kakie-uroki-mogla-usvoit-i-usvoila-molodezh/viewer>, accessed 20.05.2021 (in Russian).

## Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-13

# Thirty Years from the End of the USSR

**Côme Carpentier de GOURDON**

Convener

International Editorial Board, World Affairs – The Journal of International Issues  
D-322, Defence Colony, New Delhi 110 024, India;

Adviser

The India Foundation

J-1 and H-1, Ground floor, Upasana building, 1 Hailey road, New Delhi 110 001, India

E-mail: [comecarpentier@gmail.com](mailto:comecarpentier@gmail.com)

ORCID: 0000-0002-5379-7522

**CITATION:** de Gourdon C.C. (2021). Thirty Years from the End of the USSR. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 5, pp. 247–257.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-13

Received: 04.09.2021.

**ABSTRACT.** *The article contains a brief retrospective assessment of the reasons given by various scholars and observers for the breakdown of the Soviet Union under Mikhail Gorbachev's leadership and it situates that crisis in the larger context of history and the imperial legacy of the Russian state. It particularly looks at the issue of nationality as an ethnic, cultural and linguistic concept vis-a-vis the universalistic notion of empire as a community of destiny among diverse people. The author compares the Soviet Union's structure as a 'non-classical' empire to those of other European states and especially to Germany's which has also evolved from being a loose Central and East European 'Reich' inspired by the Roman and Carolingian heritage – to becoming a federal nation surrounded by smaller countries that share with it ancient civilisational and political legacy. Whereas Germany is gradually asserting leadership among many of its former dependencies and in the post-Brexit European Union as a whole, Russia is led by geographical and strategic compulsions to rebuild a Eurasian*

*confederal association with erstwhile Soviet Republics and possessions of the Tsarist Empire, in conformity with its location between the 'West', the Islamosphere and the Chinese world. Will Russia be able to create a synthesis between the Slav Orthodox Oikoumene envisioned by Nikolay Danilevsky and the Eurasian syncretistic model promoted by Lev Gumilyov?*

**KEYWORDS:** *Russia, Soviet Union, Holy Roman Empire, German Reich, European Union, Pan-Slavism, civilisation, China, Brexit, NATO, Warsaw Pact, COMECON, Five Eyes alliance, United States, Belt and Road Initiative (BRI), Nord Stream, Eurasian Economic Union, Shanghai Cooperation Organisation*

## A Glance at the Soviet Union's Twilight Years

My first visit to Russia took place in 1991. I was invited there to meet officials who were considering options to make

commercial use of certain space facilities and platforms in then dire economic circumstances. I remember crossing Lubyanka Square while the statue of the Cheka's founder Felix Dzerzhinsky (Cheka is the historical predecessor of the KGB "secret police") was deliberated to be replaced by a large orthodox wooden cross. I caught glimpses of the dignified but anguishing poverty in which many people had fallen, especially those in the older generations such as the war veterans who seemingly only had their frayed, medal studded uniform jackets to wear.

I came to Moscow from Switzerland where I lived at the time, after having recently returned from years of life in the USA. My views of the Soviet Union were intensely influenced by the non-academic, journalistic literature one got accustomed to read everywhere as well as by the disapproval of the Marxist approach to handling society that was part of western upbringing, especially after the 1970's. The USSR was described through a filter of suspicion, fear and commiseration as a land of wasted opportunity and unnecessary scarcity; in other words, a naturally rich country inhabited by people made poor by their social and economic system. Visiting Moscow and its surroundings at one of the most tormented periods in its history (although the country, of course had seen much worse times earlier in the century) could not but confirm my perception that many things had gone disastrously wrong in that huge and great nation a long time ago. However, I also got glimpses at the embers of a sophisticated and proud culture flickering beneath the ashes of downfall like cheery blossoms breaking through muddy snow. While the main idea of this article is to throw light on the developments in the late Soviet Union that ultimately paved the way for the downfall of the superpower – it also concentrates on the dynamics of the post-bipolar evolution, with the purpose of comprehending

the reasons standing behind Russia's most recent revival.

I was often reminded of a long series of articles published in *Paris-Match* magazine (unfortunately, not available online) written in the 1960's and the 1970's by Raymond Cartier, the famous reporter, about the Soviet Union [Cartier, 1961]. His overall intent was to explain that the West would win the contest with its socialist rival because of the former's economic wealth and dynamism, socio-political freedom and ability to evolve. Raymond Cartier was treating the USSR under Leonid Brezhnev's command as "sclerotic entity". Its government was addressed as "gerontocracy" and "alien" to any kind of development despite the continuing push for military expansion and space exploration. Since the time Cartier wrote his travelogue, many theories and explanations [Strayer, 1998; River, 2019; Sheets, 2012] have been given for the gradual decline and final collapse of the Soviet Federation built by the Bolsheviks. Among the causes of decline and fall described were: paralysis of the political hierarchy under the "iron law of oligarchy", lethargy and corruption of the state-run monopolistic public sector, lack of spiritual ideals and religious fervor which help sustain even "ideologically" materialistic societies, failure to catch the wave of the new electronic and information technologies, inefficiency in the production and distribution of goods and services, lack of incentives for talented individuals and isolation from the booming global financial networks, not forgetting internal ethnic divisions within the unwieldy 'empire' and the bitter fruits of the Afghan war. All these factors played a role as they all contributed to the growth of disenchantment and dissent in the population, and not only in the Jewish, Turkic, Baltic and Caucasian minorities. Helene Carrere d'Encausse, the renowned French academic of Georgian ancestry (née Zourabishvili) misdiagnosed the state of the

federation when she predicted, following earlier analysts, both Soviet and foreign, that the revolt of Central Asian Soviet Republics would bring it down [*Carrere d'Encausse*, Schram, 1966; *Carrere d'Encausse*, 1978]. Her Georgian native heritage seems to have influenced her perspective on the Russian equation in the Caucasian and Turkic “underbelly”.

In fact the aforesaid Central Eurasian states/socialist republics remained mostly quiet throughout the turmoil of the early 1990's, which engulfed Russia and the westernmost “sister” Soviet republics. It took place, as we know, mainly, in the places geographically and culturally closer to the Central European “satellites” and “allied” states, where the earthquake struck after several lesser “tremors”, beginning with the Polish uprisings of the late 1970's – early 1980's and “velvet” revolutions of the late 1980's ultimately culminating in the fall of the Berlin Wall in 1989. (As is known, among the Soviet socialist republics, only two, that is Russia and Azerbaijan, were the donors whilst the rest enjoyed the status of recipients, the most significant and needlessly lavish investments (called “subventions”) being directed to Ukraine and the now-independent Baltic states).

### Forensics of The Collapse

In a “non-classical” empire, it was logical that the Russian “centre”/“core” would choose to break free from a cumbersome and often restless periphery which saddled it with costly obligations. The age-old concern of successive Russian governments has been to expand buffer zones around the “core of the land” (now called the “Near Abroad”) in order to protect it from external threats: Mongol, Polish, Turkish, Persian, Swedish, German or French. This had thrust upon them a semi-colonial (in a way, “tributary”) burden that post-Communist Russia was initially happy to shed.

However, geopolitical realities which are stronger than ideologies and economic ambitions soon made a comeback. Releasing the Soviet peripheral lands from their bond with the “mother country” inevitably brought predatory neighbours closer and opened the door to unpredictable trouble in the newly independent nations. From Ukraine to Tajikistan and from Lithuania to Azerbaijan where large ethnic Russian populations remained or had to be repatriated, threats arose while conflicts boiled over, even within the autonomous republics within Russia itself in the Caucasus and elsewhere. The traditional task of the Tsars as “gatherers of the Russian lands” had to be resumed in order to keep at bay the NATO-driven pressure on the western border and the latent threat posed by overpopulated China, revivalist Turkey and Islamic militant forces around the Caspian Sea.

In a newly-emerged and temporarily unipolar world dominated by America, now the “lonely” superpower, the United States and its Anglo-Saxon confederates grew confident of having won the Cold War and eager to extend their socio-political and economic hegemony to the rest of the world, especially to the broken up, former Soviet territories (at present, post-Soviet space). After two hundred and fifty years of uninterrupted contest and competition in many areas since the days of Empress Catherine II, the erstwhile Russian empire was the greatest prize, to be brought into the Atlantic fold, like Germany had been after 1945.

### What do Germany and Russia have in Common?

Historians of various academic “streams” have been engaged in serious studies of the complex relationships and the parallels between Germany and Russia: both states were initially linguistic-cum-cultural areas which achieved

strategic autonomy and political unity rather recently in comparison with many of their neighbours. From the early seventeenth centuries and even earlier until 1945, the “German World” and the Greater Slavic-Russian Area overlapped and went through alternative phases of conflict and symbiosis in their borderlands, in the field stretching from the Baltic States and Prussia in the north – to Ukraine, Romania and the Slav lands in the south. Both Russia and the dominant German states (Austria, Prussia and Saxony) expanded and annexed areas that formerly lay outside their respective ethno-political confines. The once central and now peripheral position of Austria in the German cultural and geopolitical area can be compared with that of Ukraine, “the borderland” (literally) of the Russian neo-byzantine sphere. Both the German and Russian “imperial projects” were derived from the concept of the Imperium Romanum in its respective western and eastern “avatars”. Later the Russian Tsars sought to imitate the neo-Roman “imperial model” and compete with the German Kaisers in several territorial domains. Large and ancient German settlements dotted western Russia and adjoining Slavic and Baltic majority lands. Reciprocally, the Tsars, who through many marriages became increasingly Germanic genetically, played a meaningful role in the “Teutonic Concert”. They became *de facto* protectors and balancers between the German powers (Prussia, the bigger member-states of the Frankfurt League and Austria) at the Congress of Vienna, following Napoleon’s defeat and the dismemberment of the French Empire. Saint Petersburg’s influence on the German states increased from 1833 as a result of its enduring alliance with Austria which was only shattered by the Crimean war some twenty years later [Fenenko, 2021].

Indeed, as a result of successive partitions of Poland and the Seven Year War

(1756–1763) Russia had acted as a major stakeholder in eastern German lands as much as France was for the western part of the “Holy Roman Empire” until the Austro-Prussian war of 1866.

The gradual rise of Prussia as the new hegemonic power in Central Europe, culminating in the proclamation of the “Second” Reich by Bismarck in 1871 heralded the reunification of the former Holy German Empire and led Russia to ally with France and the United Kingdom in order to contain Berlin’s resurgent expansionism. In my humble opinion, the historical memories of these times may be of contemporary geopolitical relevance.

The 1914–1918 war put an end to the German, Austro-Hungarian and Russian Empires and resulted in an extensive re-drawing of borders within Europe. Hitler’s interwar annexations and the consequent Second world war brought about further turmoil, and, after the 1945 Allied victory, allowed the Russian/ Soviet geopolitical “recovery” in the form of Eastern Prussia (whose centre was the city of Königsberg) and the extension of the USSR’s domain/ “protectorate” over oriental German lands (since 1949 referred to as the German Democratic Republic), embracing some of the territories formerly existing under German and Austrian suzerainty (Western Prussia, Silesia, Bohemia and Slovakia, Hungary, Western Ukraine and Galicia, Transylvania) while Yugoslavia and Austria remained more or less neutral (“maverick”) between the Eastern and Western political-cum-military blocs.

After the end of the Second world war, the “bipolar system” materialised and the Soviet Union obtained enough power to play a role similar to that of the Tsarist Russia that was acting as an efficient buffer to the tentative Teutonic expansion and a viable counterweight to the “ubiquitous” North Atlantic Anglo-Saxon “axis” dominant in continental Europe, the Levant, Persia/Iran and East Asia.

## A Few Consequences of the USSR's Demise

It became evident that this new balance of power, the by-product of the Second world war functioning around and beyond the “iron curtain”, ceased to exist with the breakup of the Warsaw Pact, the dissolution of the COMECON and the subsequent dismemberment of the USSR. Reunified Germany, henceforth, resumed its traditional geopolitical *Drang nach Osten* in terms of economic strategy and expanded its financial and industrial dominance over Central, South East (former Yugoslavia) and Eastern Europe by meticulously absorbing this area into the European Union and NATO [Hoffbauer, 2014]. These twin organisations rapidly expanded up to the boundaries of Russia in the Baltic North and around the Black Sea, sowing the seeds of the Ukrainian internal conflict (“conceptual schism” as argued by the eminent Russian scholar Tatyana V. Yudina) [Kozhokin, 2014, p. 4] and of the sharp tensions and “regime change” operations recently supported by Poland and the Baltic States in Belarus. However, the age-old contestations between Poland and Germany have also been revived to the extent that the current government in Warsaw regards Germany and Russia as almost equally inimical state entities. One may therefore wonder, along with many perceptive observers like George Friedman<sup>1</sup>, if the termination of the bipolar European order has not increased the risk of war by rekindling ancient national rivalries and suspicions.

Other indirect consequences of the USSR's self-dissolution include the loss of ideological moorings in the “free” world where the need to fight communist influence (“counter centre”) more or less disappeared. Turkey for one has moved

from being a pillar of the “secular liberal” western alliance to its current position as a Neo-Ottoman Islamic power playing a complex diplomatic game between the USA, the EU states, Russia, Iran, the Arab nations and China. The old territorial disputes between Greece and Turkey have come back to the fore in the Aegean Sea, and Ankara has grabbed the opportunity to revive the pan-Turanian vision of the late 19<sup>th</sup> century by staking leadership claims in the former Soviet Caucasian and Central Asian Republics and Russia. Even in ethnically Turkic parts of the Central Asia the success of the Turkish outreach in these linguistically kindred nations has been mixed but the policy has accelerated the drift of President Erdogan's state away from the West in general and the EU in particular. Turkey is once again, after an interregnum of more than a hundred years, a challenger and a potential foe to both the European states and Russia.

On the other side of Asia paradoxically, post-communist Russia has forged a strong agreement with post-Maoist China, its socialist rival and foe during the second half of the 20<sup>th</sup> century. India which had formally declared itself socialist in 1975 and was informally a Soviet ally or at least a special strategic partner gradually opened up to liberalisation in the wake of the USSR's eclipse and has come close to the USA and the latter's allies in the Asia-Pacific.

For its part, India is actively participating in forging international cooperation in the Indo-Pacific region, as broadly as possible and at different levels. This concept of world politics is usually addressed as a “loose geometry of international relations” with traditional ideological differences gradually substituted by commonality of “situational” interests.

1 George Friedman on the Future of the EU (2016). *The Sounding Line*, December 21, 2016. Available at: <https://thesoundingline.com/george-friedman-on-the-future-of-the-eu/>, accessed 18.09.2021.

As a whole the geostrategic bipolarity of the last century (American-Soviet “condominium”, according to Henry Kissinger) has been replaced by pragmatic and opportunistic multipolarity. The coming international order addressed by some intellectuals as “After Empire” does not revolve around America. “Nor is it dialectical – the United States versus China, the West against Asia, or democracies versus autocracies. The developments ... have cumulatively led to an international order with multiple poles, cooperating and competing with one another, with no single pole being allowed to act as the hegemonic power. Quite simply, the age-old balance of power is back at work” [Hiro, 2010, pp. 5–6].

The “after empire” situation is in no way and form unprecedented for global history as certain nations such as “neutral” Austria and Yugoslavia and even post-NATO Gaullist France managed in post World War II years to stay astride the “ideological” divide. The point is that the “after empire” scenario seems to be far more kinetic and confusing nowadays. The revitalised American-English “League” (manifest in the Five Eyes Pact concluded by the US, Britain, Canada, New Zealand and Australia during the Second world war, in December 1941) is attempting to return to a “new” cold war of sorts. It is stirring up divisions between the EU and Russia and spearheading an alliance to “contain” and curb China’s rise. Still, despite BREXIT, the Ukrainian imbroglio and the ardent pro-American stance taken by the Baltic states, Poland and some Central European entities – the convergence of interests between Germany and Russia and to a somewhat lesser extent between Italy, France and Russia has not allowed bilateral relations to fully break down. Berlin, in its own strategic interests (not only economic but geopolitical also), has held steady on to the Nord Stream pipeline projects and continues to regard trade with Russia as a critical factor for its economic prosperity.

Rifts between the Atlantic partners became more visible under Donald Trump’s presidency and it is unlikely that Joseph Biden’s claims about the USA’s return on the European scene will change the newly emerged geopolitical reality.

It has often been pointed out that the fall of Soviet Socialism, apart from evincing its failure, at least in the eyes of those who opposed its principles, freed “liberal” or hitherto mixed economies from the need to build and maintain generous social welfare polities and limit inequality by heftily taxing the more financially privileged section of society. The deregulating reforms launched from the late 1970’s by Margaret Thatcher in the United Kingdom and Ronald Reagan in the United States were followed by most other countries in one way or another and resulted in the disappearance of the industrial working class, further attrition of the agricultural population and gradual impoverishment of the middle classes in general, as a flip side of the enormous growth in the wealth of the now legendary “one per cent”. We have reached such an excess in this new kind of financial and high-tech “feudalism” that a few hundred billionaires in the world now own and control more resources than the rest of the population which are increasingly looking like “serfs” of the global oligopolies that manipulate and influence governments, industries, the media and NGOs. That is surely *at least in part* an effect of the removal of the USSR as the champion of an alternative system which had, until decline set in, a major influence on the West’s political economies and its dependents from the international “chessboard”. Put differently, it was “cold war sobriety” (Allan Bloom) that “disciplined Western states to raise their game and confront rival ideas in a way that would never have ensued if geopolitical rivalry had not prevailed” [Daulet Singh, 2020, p. 129]. The demise of the Soviet Union enabled the neo-liberal econo-

mists, like Milton Friedman their prophet, to proclaim the notoriously famed logo “TINA”: There is no alternative (to the theoretically understood free market which however turns out to concentrate power in fewer and fewer hands).

### The Turning Tide and the Revolving Wheel of History

F. Fukuyama’s End of History “paradigm” [Fukuyama, 1992] and S. Huntington’s Clash of Civilisations “prediction” [Huntington, 1996] came in the wake of that sudden consecration of America’s supremacy by default. The tide has turned since then and the United States increasingly finds itself, with its major western allies, in a situation comparable in some ways to the failing and “ailing” Soviet Union of the late eighties because of America’s inability to repair the disastrous aberrations of its political and financial operating system. The world system is being continuously diversified and the geopolitical clout being proactively dispersed. Nowadays, it is a statement of fact that a brief era of unipolar American hegemony is now waning fast partly as a consequence of inner processes of decay and disintegration in the USA and partly because of the rapid rise of the Asian giant states of China, Indonesia and India – from which many countries such as Australia and even the USA are becoming economically very dependent. Also, serious attention deserves the revival of Russia, along with the increasing autonomy of Latin America under the aegis of Brazil and the undefeated defiance of a few “resistant” states such as Iran, North Korea, Cuba and Syria, backed to a certain extent by the new great powers of the East and South. This process is complemented by the internal developments in the United States. As aptly argued by the Indian analyst and strategist Z. Daulet Singh: “An overwhelming majority of Americans

have been alienated in the otherwise dynamic age of globalisation, and a distorted political system has utterly failed to salvage this structural decline of the middle class in the US. The neoliberals have struggled to advance their global governance and trade ideas because they are, in many instances, the source of the problem. As a result, even more latent divides in the US – questions of race, identity and culture – have surfaced and increased the prospect of civil strife” [Daulet Singh, 2020, p. 128].

Russia’s gradual reconstruction and return to a position of transcontinental and, in certain areas and aspects, global power gives birth to a new version of the ancestral division of Europe into rival spheres of influence, broadly the Protestant Germanic North, the Catholic Latin South and the Slavic East. The increasingly resented preponderance of an often heavy handed Germany in the European Union is pushing many countries to support a new balance of power. Some are relying on the long-standing American Big Brother and others welcome Russia’s and China’s influence in order to retain some reasonable freedom of action. The fissiparous trend in the European Union is likely to intensify in view of the oppressive imposition of the so-called “European values” on member-states, used to browbeat and control smaller countries by appointed unelected EU authorities commandeered by the two largest remaining member-states.

Widespread dissatisfaction is perceptible with the undemocratic management of the European Union whose leaders make no secret of their desire to eliminate the ability of the less powerful countries to make sovereign decisions for themselves. The insistent calls from Germany (a society politically fragmented as the most recent parliamentary election has demonstrated convincingly) to abrogate the unanimity rule in the EU Council and replace it by simple majority procedure is another nail in the coffin of the cumbersome or-

ganisation which is not expected to last in its present form for many years to come [PostScript Insights, 2021]. As the Russian scholar Alexei Fenenko writes in the earlier cited article: “[this] situation is based on the stability of the EU institutions that keep Germany within the Atlantic system”. The author tries to answer a central question: will the imperial idea be revived in Germany? His survey of the “German idea” which shaped its evolution through history either as a loose cultural confederacy, an inheritor of the Euro-Roman Empire or as a nation-state co-existing with other Germanic nations – is rather penetrating. It is surely applicable to other nations including Russia and the “Slav orthodox world” in relation to the Pan-Slavic doctrine crafted in the late 18<sup>th</sup> – early 19<sup>th</sup> century and elaborated by a Russian economist, ethnologist and historian Nikolay Ya. Danilevsky (1822–1885), an ardent proponent of the “circular” paradigm of global history.

A weakened and internally conflicted United States may not be able to retain a decisive influence in Eurasia for long and a splintered EU will provide opportunities for Russia to form mutually beneficial agreements with some European states which need to secure and develop the vital land road and rail routes to and from China and the rest of Asia. The recent Franco-German proposal to engage Russia through a bilateral summit between Brussels and Moscow was scuttled as a result of the opposition of smaller pro-American members, primarily Poland and the Baltic states which are part of the anti-Russian “*cordon sanitaire*” created by NATO. Nonetheless, that failure does not foreclose the possibility for Berlin and Paris to conduct separate talks with the Kremlin and pursue a foreign policy line of their own.

Instead of the largely segregated and closed Soviet space which for decades was surrounded by hostile neighbours to its west (NATO), south (Turkey, Iran and Pa-

kistan) and east (China, South Korea, Japan and the US bases in Alaska and the Pacific – Russia, buttressed by stable and improving economic and political relations with Iran, Syria, Turkey, the Gulf States, China, the two Koreas, Japan, ASEAN countries and India is beginning to fulfill its geopolitical and geoeconomic calling as the heartland and crossroads of Eurasia, linking the major civilisations and economies of two continents, with the further potential to tie in overland with the Americas through a future Bering road and rail connection. The Asia of 2030, notes Z. Daulet Singh, “will look very different from the Asia of today and will most likely be an amplified version of the interdependence that has already been established over decades... Greater Eurasia has the energy resources and strategic commodities of Russia including its strong scientific base of human capital, as well as the commercial technologies of Japan, China and Korea. It also has the human capital and the demography to maintain a self-sustaining political economy” [Daulet Singh, 2020, p. 291]. “Greater Eurasia”, the cradle of several civilisations, could be synonymous to a new project centred around Lev Gumilyov’s (1912–1992) “Eurasian idea” in which Russia is destined to play a pivotal role. Connecting history and modernity, the so-called “Third Rome” can emulate its Byzantine ancestor which for more than a thousand years linked the Mediterranean *oikoumene* with the lands of Rus’ and western Asia.

## References

- Carrere d’Encausse H. (1978). *L’Empire Éclaté: La Révolte des Nations en URSS*, Paris: Flammarion.
- Carrere d’Encausse H., Schram S.R. (eds.) (1966). *Le Marxisme et l’Asie: 1853–1964*, Paris: Armand Colin.
- Cartier R. (1961). *Die Sowjets: wie sie sind – wie sie uns sehen*, München: Piper.

Daulet Singh Z. (2020). *Powershift. India – China Relations in a Multipolar World*, New Delhi: Macmillan.

Daulet Singh Z. (2021). Changing Geopolitics and Negotiating Postures in the India – China Border Dispute. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 66–81. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-4

Fenenko A. (2021). Geopolitics of the “German Question”. *The Russian International Affairs Council*, May 14, 2021. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voprosa/>, accessed 18.09.2021 (in Russian).

Fukuyama F. (1992). *The End of History and the Last Man*, New York: Free Press.

Hiro D. (2010). *After Empire. The Birth of a Multipolar World*, New York: Nation Books.

Hoffbauer H. (2014). “Ethnization” of Social Conflicts in Europe: How the West Uses the Concept of Self-Determination of Nations to Expand Its Influence in the East. *Russia and the World. Herald of the Diplo-*

*matic Academy of the MFA of Russia*, no 2, pp. 44–54. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_23395835\\_87957284.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_23395835_87957284.pdf), accessed 18.09.2021 (in Russian).

Huntington S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon & Schuster.

Kozhokin E.M. (2014). *Preliminary Results*, Moscow: ATiCO (in Russian).

PostScript Insights – How a Global Civil War May Be on the Horizon (2021). *Arlington Institute*. Available at: <https://arlingtoninstitute.org/postscript-insights-how-a-global-civil-war-may-be-on-the-horizon/>, accessed 15.10.2021.

River Ch. (2019). *The Collapse of the Soviet Union: The History of the USSR under Mikhail Gorbachev*, Charles River Editors.

Sheets L.S. (2012). *Eight Pieces of Empire: A 20-Year Journey through the Soviet Collapse*, Boston: Crown Publishing Group.

Strayer R. (1998). *Why Did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change*, Armonk, New York: M.E. Sharpe Inc.

**Точка зрения**

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-13

# Тридцать лет без СССР

**Ком Карпентье де ГУРДОН**

ученый секретарь

Международная редакционная коллегия, журнал *World Affairs – The Journal of International Issues*

D-322, Defence Colony, Нью-Дели 110 024, Индия;

советник

Фонд "Индия"

J-1 and H-1, Ground floor, Upasana building, 1 Hailey road, Нью-Дели 110 001, Индия

E-mail: comecarpentier@gmail.com

ORCID: 0000-0002-5379-7522

**ЦИТИРОВАНИЕ:** де ГУРДОН К.К. (2021). Тридцать лет без СССР. // *Контур*ы глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 5. С. 247–257.  
DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-5-13

Статья поступила в редакцию 04.09.2021.

**АННОТАЦИЯ.** *Историографическое введение статьи содержит ретроспекцию работ зарубежных и российских ученых и экспертов, освещающих причины распада Советского Союза. Автор, анализируя особенности политического лидерства М.С. Горбачёва, помещает позднесоветский кризис в контекст русской истории и имперского наследия России. Особое внимание обращено на проблему нации как единства этнических, культурных и лингвистических составляющих ее элементов в противовес универсалистскому пониманию империи как сообщества народов, объединенных общей исторической судьбой. Автор сопоставляет Советский Союз как империю неклассического типа с европейскими имперскими образованиями, в частности с германской, сформировавшейся из «конфедеративного» объединения государств Центральной и Восточной Европы. Германский «рейх» опирался на исторические традиции Древнего Рима и ди-*

*настии Каролингов и впоследствии трансформировался в своеобразное федеративное государство, окруженное небольшими территориальными единицами, которые приняли цивилизационное и политическое наследие «рейха». В настоящее время Германия постепенно утверждает свое лидерство как среди в прошлом зависимых от нее территорий, так и на пространстве Евросоюза, лишившегося Великобритании. Россия же, побуждаемая географическими и стратегическими императивами, пытается воссоздать евразийскую «конфедеративную» ассоциацию с бывшими советскими республиками в соответствии со стратегической задачей возвращения себе значения силы, связующей Запад, исламский мир и Китай. В заключительной части статьи автор задается вопросом: удастся ли России создать синтетическую модель государственного пространства на основе симбиоза идей «славянской православной ойкумены» Н.Я. Данилевского*

*(1822–1885) и синкретической евразийской модели Л.Н. Гумилёва (1912–1992)?*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** *Россия, Советский Союз, Священная Римская империя, германский рейх, Европейский союз, панславизм, цивилизация, Китай, Брекзит, НАТО, Варшавский договор, Совет экономической взаимопомощи, «Пять глаз» (разведывательный альянс), Соединенные Штаты Америки, инициатива «Один пояс – один путь», трубопровод «Северный поток», Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества.*

### Список литературы

- Кожокин Е.М. (2014). Предварительные итоги. М.: АТиСО.
- Фененко А. (2021). Геополитика «немецкого вопроса» // Российский совет по международным делам. 14 мая 2021 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voprosa/>, дата обращения 18.09.2021.
- Хофбауэр Х. (2014). «Этнизация» социальных конфликтов в Европе: как Запад использует концепт самоопределения наций для расширения своего влияния на Востоке // Россия и мир. Вестник Дипломатической академии МИД России. № 2. С. 44–54 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_23395835\\_87957284.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_23395835_87957284.pdf), дата обращения 18.09.2021.
- Carrere d'Encausse H. (1978). *L'Empire Éclaté: La Révolte des Nations en URSS*, Paris: Flammarion.
- Carrere d'Encausse H., Schram S.R. (eds.) (1966). *Le Marxisme et l'Asie: 1853–1964*, Paris: Armand Colin.
- Cartier R. (1961). *Die Sowjets: wie sie sind – wie sie uns sehen*, München: Piper.
- Daulet Singh Z. (2020). *Powershift. India – China Relations in a Multipolar World*, New Delhi: Macmillan.
- Daulet Singh Z. (2021). Changing Geopolitics and Negotiating Postures in the India – China Border Dispute // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 2, pp. 66–81. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-4
- Fukuyama F. (1992). *The End of History and the Last Man*, New York: Free Press.
- Hiro D. (2010). *After Empire. The Birth of a Multipolar World*, New York: Nation Books.
- Huntington S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*, New York: Simon & Schuster.
- PostScript Insights – How a Global Civil War May Be on the Horizon (2021) // Arlington Institute // <https://arlingtoninstitute.org/postscript-insights-how-a-global-civil-war-may-be-on-the-horizon/>, дата обращения 15.10.2021.
- River Ch. (2019). *The Collapse of the Soviet Union: The History of the USSR under Mikhail Gorbachev*, Charles River Editors.
- Sheets L.S. (2012). *Eight Pieces of Empire: A 20-Year Journey through the Soviet Collapse*, Boston: Crown Publishing Group.
- Strayer R. (1998). *Why Did the Soviet Union Collapse? Understanding Historical Change*, Armonk, New York: M.E. Sharpe Inc.

Рукописи принимаются  
в электронном и печатном виде, объемом до 1,3 п.л.

Отдел маркетинга и распространения  
информационных изданий  
Тел.: +7 (925) 517-36-91, +7 (499) 134-03-96  
e-mail: shop@inion.ru

**Контуры глобальных трансформаций:  
политика, экономика, право  
Том 14 № 5 – 2021**

Дата регистрации 05.10.2016 г.

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС77-67382

Верстка И.К. Летунова

Корректоры  
М.П. Крыжановская  
С.Е. Шелимова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99  
от 23.08.1999 г.

Подписано к печати 02.11.2021 г.

Формат 70x100/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Усл. печ. л. 20,8 Уч.-изд. л. 18,2

Тираж 1 000 экз. (1–200 экз. – 1-й завод)

Заказ № 63

Институт научной информации по общественным наукам  
Российской академии наук (ИНИОН РАН)  
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, 117418  
<http://inion.ru>, [https://instagram.com/books\\_inion](https://instagram.com/books_inion)

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН  
ООО «Амирит»  
410004, Саратовская обл., г. Саратов,  
ул. Чернышевского, д. 88, литера У

ISSN 2542-0240



21005 >



9 772542 024004 >